

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

В. К. Сморгчов

**ПЕРВЫЙ КОСТРОМСКОЙ ВУЗ:
ВРЕМЯ, ЛЮДИ, СУДЬБЫ**

Кострома
КГУ им. Н. А. Некрасова
2013

ББК 74.484.7
С517

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Рецензенты:

Е. А. Флейман, доктор исторических наук, профессор;
И. С. Наградов, кандидат исторических наук,
заведующий научно-информационным отделом
Костромского музея-заповедника

Сморчков В. К.

С517 Первый костромской вуз: время, люди, судьбы / В. К. Сморчков. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. – 500 с.

ISBN 978-5-7591-1396-6

Впервые обстоятельно прослеживается история создания и деятельность в 1918–1923 гг. Костромского государственного рабоче-крестьянского университета, реорганизованного в конце 1921 г. в педагогический институт. Широко используя архивные материалы, опираясь на большое количество печатных источников, автор рассказывает о судьбах профессоров и преподавателей, а также некоторых сотрудников и студентов первого костромского вуза.

Книга адресована историкам, краеведам и всем, кому небезразлична история науки и образования в России.

ББК 74.484.7

ISBN 978-5-7591-1396-6

© В. К. Сморчков, 2013
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013

*Памяти людей,
самоотверженно трудившихся 95 лет назад
ради создания в Костроме первого университета
и землякам-современникам, которые хранят эту память,
несмотря на все трудности, возникающие
на новом витке нашей истории*

Так сложилось, что до сих пор мало освещалось в литературе интереснейшее явление в жизни Костромы – государственный рабоче-крестьянский университет. Нынешний Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова точкой отсчёта истории и своей, и вообще университетского образования в Костроме справедливо считает 1918 г. – год создания КГРКУ.

Когда я стал заниматься созданием музея истории КГУ им. Н. А. Некрасова и смотреть уцелевшие в Государственном архиве Костромской области документы, был поражён обилием работавших в те годы в Костромском рабоче-крестьянском университете людей, составивших впоследствии цвет отечественной науки и культуры. И это несмотря на то что судьбы многих либо оборвались трагически, либо условия выпавшего на их долю времени не дали им, сформировавшимся под влиянием старой русской профессуры, полностью реализоваться в советское время. И когда был создан первоначальный эскиз музейной экспозиции, захватило стремление окунуться глубже в атмосферу тех первых послереволюционных лет, попытаться проследить судьбы работавших и учившихся в КГРКУ людей.

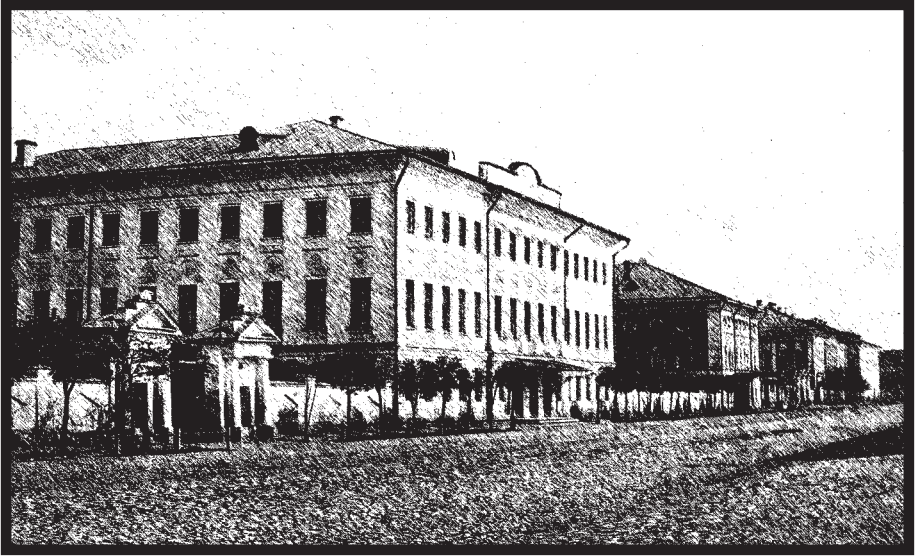
Началось более серьёзное штудирование документов в ГАКО и печатных источников. Много дали ночные бдения в Интернете в поисках хоть каких-то зацепок для дальнейших поисков, а так как информация в Интернете

постоянно обновляется, то к одним и тем же фамилиям приходилось обращаться периодически, чтобы что-то не пропустить. Интернет познакомил меня за эти годы со многими людьми в разных концах страны и за рубежом: историками и филологами, юристами и экономистами, биологами и искусствоведами, архивистами, музейными и библиотечными работниками, с потомками преподавателей и сотрудников КГРКУ и тех, кто был его студентами. Например, совсем недавно, когда уже писалась эта книга, удалось разыскать родственников бывших преподавателей Костромского университета: сына антрополога Б. Н. Вишневого, дочь С. М. Бонди. Надо сказать, что у меня долго теплилась надежда, что где-нибудь в РГАЛИ или в семейном архиве Н. С. Бонди хранится второй экземпляр воспоминаний о Костромском университете. Известно, что знаменитый пушкинист написал их по просьбе В. Н. Бочкова в июле 1962 г. и они хранились в ГАКО до пожара 1982 г. Но Н. С. Бонди разочаровала: эта рукопись была написана от руки и другого экземпляра не существовало...

Много раз меня выручали краеведы – чудесные люди, по первому зову приходившие на помощь. Имена тех, кто помогал открывать судьбы людей, работавших и учившихся в первом костромском вузе, я с глубокой благодарностью назову в этой книге. Очень признателен работникам Государственного архива Костромской области и лично начальнику отдела по делам архивов администрации Костромской области В. Д. Морозову за создание режима наибольшего благоприятствования при работе над книгой.

Рассказы о людях, связанных судьбой с первым костромским университетом, безусловно, не претендуют на полноту, потому что немало свидетельств об университете и его людях находится ещё и в различных архивах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Публикуя документы, сохранившиеся в ГАКО, давая к каждому очерку библиографию, снабжая тексты ссылками на источники, надеюсь, что заинтересованные читатели, в первую очередь молодые исследователи костромского вуза, его сегодняшние студенты, отталкиваясь от этого материала, смогут дальше провести свой поиск. И буду очень рад, если эти надежды, которые и заставили меня взяться за книгу, оправдаются.

**РОЖДЁННЫЙ
НА ВОЛНЕ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ЭНТУЗИАЗМА**

С 300-летия дома Романовых до годовщины Октябрьской революции

Открытие в Костроме университета в 1918 г. имело свою предысторию.

Идея создания в г. Костроме вуза зародилась в 1913 г. Государственная дума 1 февраля избрала комиссию «для обсуждения вопроса об участии Государственной думы в ознаменовании 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых». В неё, кстати, вошли и два костромских депутата – Б. Н. Зузин и И. В. Шулепников¹. Думские фракции и отдельные депутаты вносили в комиссию свои предложения. Среди них и законодательное предположение 35 членов Государственной думы от фракции октябристов: учредить в честь юбилея целый ряд учительских семинарий и педагогический институт². И депутаты-костромичи, и костромская общественность на это предложение горячо откликнулись. Были приложены все усилия, чтобы местом для открытия вуза была избрана именно Кострома.

Председатель комиссии С. Т. Варун-Секрет, депутат от Херсонской губернии, один из лидеров октябристов, выступил на заседании Думы с докладом, в котором отмечал: «Одной из важных реформ последнего времени было введение всеобщего обучения. Но введение этой крупной реформы нуждается в дополнении в виде создания кадра учителей, без которых невозможно успешно двинуть дело народного просвещения. В этих целях комиссия, озабочиваясь созданием кадра учителей, полагала, что необходимо создать учительские семинарии

и приурочить их открытие к тому моменту, который мы в настоящее время собираемся чествовать»³.

А дальше обосновывалась необходимость педагогического института: «Помимо учительских семинарий, для того чтобы подготовить достаточный педагогический персонал для этих семинарий и средних учебных заведений, комиссия полагает необходимым открыть и высший педагогический институт, размером на 500 учащихся. Необходимость в этом институте достаточно ясна из размера открываемых ежегодно средних учебных заведений, а также и новых учительских семинарий. Недостаток в опытных педагогах настолько ясно чувствуется, что такое высшее учебное заведение является настоятельно необходимым»⁴.

В докладе довольно отчётливо рисовалась программа строительства целого учебного комплекса: «...для того чтобы обставить этот педагогический институт возможно лучше, необходимо создать при нём среднюю школу с реальным и классическим отделениями, а также образцовую школу высшего типа, начальную школу и детский сад. Эти вспомогательные учебные заведения дадут возможность в полном объёме развить дело подготовки учительского персонала»⁵. Предполагалось, что в этом учебном заведении смогут обучаться лица обоего пола, что будут в нём два отделения: словесно-историческое и физико-математическое. Первые три года должны отводиться теоретической подготовке, а два последние отдаются практической.

В предложенном проекте отмечалось: «Комиссия, считаясь с событием 300-летия, полагала бы обучение сделать бесплатным, между прочим, обучение в средних школах платным, не отступая от существующих правил. Что касается низшей школы, то там обучение, как и ныне для всех низших учебных заведений, бесплатное. Финансовая сторона этого вопроса выражается в следующем виде: на устройство высшего педагогического института понадобилась бы затрата в 2 500 000 р., устройство его можно было бы провести в течение двух лет, ассигнуя на первый год 2 000 000 р. и для окончания постройки остальные 500 000 р.»⁶

Депутат Думы от Костромской губернии П. В. Герасимов позднее рассказывал, что предложение костромских депутатов избрать

местом для постройки педагогического института Кострому вызвало «возражения некоторых членов комиссии, настаивающих на желательности устройства института в столице, вблизи умственного центра, в условиях, облегчающих возможность иметь в институте лучшие преподавательские силы»⁷. Тем не менее, в докладе комиссии 15 февраля уже прозвучало: «Считаясь с тем событием, какое мы собираемся чествовать, комиссия полагала бы, что наиболее удобным местом для постройки такого педагогического института была бы Кострома, как колыбель царствующего дома»⁸. Б. Н. Зузин в ходе обсуждения попросил слова, чтобы это предположительная рекомендация была официально закреплена постановлением Думы.

Насчёт места создания института особых дебатов на заседании не возникало, но вот сама идея сделать главным в юбилейных мероприятиях меры, направленные на поддержку реформы народного образования, вызвала возражения преимущественно со стороны духовенства. Один из депутатов, поддерживая священников, со всей категоричностью заявлял: «Я полагаю, что Государственная дума, буде она действительно Государственная дума, а не нечто совсем противоположное, нравственно обязана ассигновать на построение православного храма в Петербурге, в Москве – это дело другое, во всяком случае в одной из столиц величественного, наиболее величественного из всех существующих храмов, если не только в России, а быть может и в Европе. Таким образом, Государственная дума покажет, что она достойна своего великого русского православного народа...»⁹

Но большинство голосов было всё же за создание института в Костроме. Была упомянута на заседании и телеграмма, присланная из Костромы в адрес М. В. Родзянко:

«Его Превосходительству председателю Государственной думы. Ваше Превосходительство! Костромская городская дума, узнав из газет, что в ознаменование юбилея дома Романовых предполагается построить педагогический институт в одном из поволжских городов, почтительнейше ходатайствует пред Вашим Превосходительством, чтобы Вы своим авторитетом поддержали мысль о постройке института в г. Костроме – колыбели

ныне благополучно царствующего дома. Со своей стороны Дума предлагает бесплатно землю под здание института в потребном количестве»¹⁰.

18 февраля решение Государственной думы было внесено на рассмотрение Государственного совета и в тот же день без прений единогласно одобрено.

А на заседании Государственной думы 8 мая, как отмечается в стенографическом отчёте, возгласы «браво» справа вызвало выступление товарища министра народного просвещения Шевякова, который сообщил, что «...правительство, вполне сочувствуя идее ознаменования 300-летия царствования дома Романовых путём учреждения учительских семинарий и педагогического института, берёт на себя разработку соответствующих законопроектов»¹¹.

Уповая на скорое открытие института, в Костроме было даже приостановлено открытие земских постоянных педагогических курсов, намечавшееся на 1913 г., так как губернская земская управа сочла целесообразным открыть свои педагогические курсы при проектируемом институте: «До сего времени земские педагогические курсы проектировались губернским земством, как учреждение самодовлеющее. Теперь, предвидя возможную и весьма тесную связь их с институтом, следует предвидеть и то, что указанная связь вызовет необходимость некоторых изменений в самой постановке курсов и в их учебном плане. Кроме того, связь эту необходимо провести и в смысле согласованности местонахождения обоих названных учреждений»¹².

Однако время шло, но со стороны Министерства народного образования никаких шагов не предпринималось. В ответ на неоднократные напоминания городского головы и даже ходатайство его к министру народного образования об ускорении дела последовала попытка Министерства переложить взятые на себя в мае 1913 г. заботы на самих костромичей. Об этом свидетельствует такая запись в журнале городской думы за 1915 г.: «Г-н министр отнёсся внимательно к ходатайству и заявил, что к 1917 г. желательно не только выработать программу преподавания и проект сооружения, но и построить хотя бы часть будущих зданий. Для ускорения дела г-н министр предполагает

к вопросу о выработке программы привлечь лиц, заинтересованных в скорейшем разрешении вопроса, т. е. общественных деятелей Костромы. По мнению министра, общественные деятели должны не только обсудить вопрос о месте, необходимом для постройки института, но и поработать в смысле создания программы преподавания»¹³.

И городская дума 12 марта 1915 г. избирает комитет по сооружению в Костроме педагогического института¹⁴. О том, как развивались события, представление даёт доклад № 34 губернской земской управы 1916 г. Комитет проводит четыре заседания, два организационных и два деловых. На одном из них 9 февраля 1916 г. были заслушаны два доклада члена комитета Л. П. Скворцова: «Историческая записка о педагогических институтах в России» и «О совместном обучении». Земская управа отмечала: что «в исторической записке Л. П. Скворцова не содержится, в сущности, никакого материала для обсуждения проекта института, ибо там приводятся лишь чрезмерно краткие и неопределённые сведения об учебных заведениях педагогического характера, бывших в России до 1863 г., и ни слова не говорится о последующих начинаниях в этой области. Что же касается программ и учебных планов будущего педагогического института, то комитет ни единым словом не обмолвился о них ни в одном из своих заседаний»¹⁵.

Губернская земская управа констатировала: «Совершенно очевидно, что одним местным силам не справиться с этой громадной, сложной и, конечно, не свойственной им задачей» и предлагала пригласить в состав комитета «особых докладчиков-специалистов из числа наиболее опытных и зарекомендовавших себя в научной литературе профессоров столичных университетов, которым и поручить разработку программ и учебных планов»¹⁶.

Можно согласиться с выводами, которые сделали Н. Сорокин и А. Ратьков, тогда ещё студенты истпеда, впервые рассказавшие историю неудавшейся попытки открытия института в Костроме в многотиражной газете КПИ: «...серьёзным препятствием для создания института стало отсутствие в Костроме квалифицированных специалистов и опыта создания подобных учебных заведений. Кроме того, вероятно, на события повлияла и начавшаяся

Первая мировая война. Наконец, свою отрицательную роль сыграла и чиновничья волокита. Казалось, что бумажной круговерти не будет конца»¹⁷.

К этому надо добавить, что и Министерство народного образования, в котором за 1913–1917 гг. сменилось шесть руководителей, не имело чёткой перспективы, да и сам переход к обязательному обучению проходил в стране весьма непросто.

Кстати, один из документов в ГАКО свидетельствует, что к идее института губернский земский комитет по народному образованию возвращался и после февраля 1917 г. Это «Доклад № 8. О Костромском педагогическом институте». Под ним приписка: «Настоящий доклад одобрен губернным земским комитетом по народному образованию очередной сессии 1918 г.»¹⁸. В докладе после обстоятельного рассказа всей этой истории начиная с 1913 г. отмечается: «Было бы большой несправедливостью, если бы Кострома лишилась рассадника высшего учебного заведения, с мыслью о создании какового она уже свыклася, только потому, что ненавистный царизм пал»¹⁹. А дальше предлагаются «практические шаги, которые необходимо принять для скорейшего открытия института.

1. Необходимо возбудить перед Министерством народного просвещения ходатайство о присвоении институту вместо прежнего названия новое: «Костромской высший педагогический институт в память Великой русской революции 1917 г.» и просить Министерство, чтобы разработка программы и учебных планов была по-прежнему оставлена в руках местных общественных самоуправлений. На возбуждение изложенных ходатайств уполномочить губернскую земскую управу.

2. Войти в сношение с Костромской городской думой нового состава в целях: а) получения от неё 2 000 р. на частичное вознаграждение составителей проектов учебных планов и программ и б) передачи предварительных работ из городской думы в Костромской губернский земский комитет по народ[ному] образованию, как высшему в губернии органу народного просвещения, в ведение коего институт должен будет поступить по со[зданию].

3. Возобновить прерванные революцией начатые губернской управой прежнего состава переговоры с группой петроградских профессоров о [поручении им разработки учебных планов и программ института.

4. Уполномочить губернскую земскую управу по завершении предварительных шагов возбуждать пред Министерством народного образования все необходимые ходатайства по заключениям губернского [комитета] в связи с открытием института.

5. Подтвердить ассигнование, сделанное собранием прежнего состава по оплате труда профессорам-экспертам в расходную <обгор.> 2 000 р. на этот предмет»²⁰.

Возвращался к этому вопросу и только что созданный культурно-просветительный отдел нового органа власти – губернского Совета депутатов. Об этом свидетельствует сообщение местной газеты в апреле 1918 г.²¹

Продолжением всей этой пятилетней предыстории стало лишь то, что в названии открытого в ноябре 1918 г. в Костроме университета появилось такое, уже в третий раз трансформированное, посвящение: «в память Октябрьской революции 1917 г.». Но это неуклюжее название как-то само собой исчезло из обихода: и в официальных документах, и в газетных материалах оно почти не встречается, оставаясь лишь на печати и штампе университета.

*Штамп и печать
Костромского государственного
рабоче-крестьянского
университета*

От народного университета – к государственному

Если задаться вопросом, что же способствовало возникновению в Костроме в 1918 г. первого вуза, нельзя не вспомнить, во-первых, то настроение в русском обществе начала XX в., которое Н. А. Бердяев определил как «культурный ренессанс». И одно из его проявлений – стремление к университетскому знанию, которое захватывало всё более широкие слои общества, перестав быть привилегией «высшего класса». Это можно заметить хотя бы по тому, как менялся социальный состав студентов²². Вместе с тем, необходимость расширения сети университетов, вполне осознанная даже правительством, сдерживалась монархией. Достаточно вспомнить резолюцию, «начертанную» Николаем II в 1912 г. на заключении после обсуждения вопроса о необходимых мерах по развитию высшего образования особым совещанием и Советом министров: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а ещё больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, но что с неё вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее моё указание»²³.

И поэтому начавшееся «освобождение» у немалой части интеллигенции, не просто мечтавшей об этой свободе, но и упорно в течение десятилетий готовившей общество к ней, вызвало прилив энтузиазма и творческой энергии. (Это в чём-то сродни тем большим ожиданиям, через которые пришлось пройти нашему поколению, в вполне

сознательном возрасте пережившему время надежд на демократические перемены в стране в 1980-е гг.).

Почва для рождения университета в Костроме во многом была подготовлена Костромским научным обществом по изучению местного края (КНО). Созданное в 1912 г., КНО наряду с активным привлечением широких масс к работе по изучению края, к собирательской и исследовательской работе с самых первых шагов стремилось к контактам с широкой научной общественностью обеих столиц, а также со всевозможными научными организациями периферии. Если посмотреть списки членов КНО самых первых лет, то в них можно встретить фамилии приват-доцента Санкт-Петербургского университета В. Ф. Шишмарёва, который с 1912 г. вошёл в этнографическую секцию общества; приват-доцента Московского университета и одного из организаторов Московской диалектологической комиссии Д. Н. Ушакова. Впоследствии в списках членов КНО появляются этнограф Д. К. Зеленин, ботаник А. Э. Жадовский...

«Связь с научными центрами для о-ва совершенно необходима, так как о-ву нужны от них и указания, и поддержка в работе, и разного рода справки в литературе изучаемых вопросов», – признавали организаторы КНО²⁴. И уже в 1913 г. библиотека Научного общества получает издания Академии наук и её Ботанического сада, сотрудничает с Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, с Обществами естествоиспытателей при Казанском и Санкт-Петербургском университетах.

Первый председатель КНО И. В. Шулепников 5 декабря 1913 г. (за четыре дня до своей смерти) писал из Петербурга: «...недели две тому назад состоялось здесь заседание Имп. Географического общества, членом которого состоит В. Ф. Шишмарёв. Шишмарёв сообщил собранию о возникновении, существовании и развитии нашего общества; сообщение было приветствовано, и Географ. о-во готово оказать посильное содействие, в частности секция по собиранию сказок, преданий, песен и т. д. изъявила готовность немедленно же печатать все подобные вещи от имени нашего общества, но за свой счёт. Имеются ли у нас в настоящее время подобные

материалы, я не знаю и обещал списаться с Вами, чтобы поставить правление о вышеизложенном в известность. Далее В. Ф. предлагает организовать летом 2–3 экскурсии в те уезды, в которых среди учителей и др. лиц окажутся желающие научиться собиранию указанных выше материалов. Затем, кажется, он советовал, обратиться о присылке книг для библиотеки общества в университет – обещал своё содействие в этом деле. Бумагу, адресованную в университет, следовало бы переслать через Шишмарёва»²⁵.

С годами, как только КНО заявляет о себе в научном мире своими печатными трудами, эти связи с учёными Петербурга и Москвы становятся всё более широкими и тесными.

Большой вклад в создание университета в Костроме внёс выдающийся учёный, педагог, собиратель и организатор культурных сил Костромского края В. И. Смирнов. С 1912 г. он являлся секретарем КНО, а с 1921 г. стал его председателем.

Неслучайно позднее, 17 апреля 1927 г., профессор Ленинградского университета член-корреспондент АН СССР Д. К. Зеленин писал В. И. Смирнову в связи с приближавшимся 15-летием КНО: «Вас лично, как создателя и душу Костромской “Академии наук” разрешите приветствовать заранее в этом моём письме»²⁶.

В. И. Смирнов
Фото 1914–1915 гг.
(ГАКО. А-8818)

Сначала В. И. Смирнов и его единомышленники обращаются к идее создания народного университета. Эти просветительские организации, призванные популяризировать научное общеобразовательное знание среди взрослого трудового населения страны, получили широкое развитие в России в начале XX в., особенно после первой русской революции²⁷.

Первые попытки создания Общества народных университетов в Костроме, как можно заключить из документа, к сожалению сохранившегося в полуобгоревшем

виде, предпринимались ещё летом 1914 г., тогда же на собрании в присутствии представителей из центра (вероятно, Московского общества народных университетов) было решено в основу Костромского университета принять принципы народного университета Шаняевского: «при помощи А. А. Петрова был составлен учебный план на первые 3 года»²⁸. К этому вопросу через два года возвратилось Центральное сельскохозяйственное общество, которое созывало совещания по выработке устава общества и плана его учебной деятельности. В журнале «Костромской кооператор» (1916. № 18) был даже напечатан устав общества, но учредительное собрание так и не состоялось.

И наконец 31 марта 1918 г. на общем собрании КНО был заслушан доклад Н. Н. Богданова «Об организации в г. Костроме Народного университета»²⁹. Была создана комиссия, которая в заседании 19 апреля наметила план работ по организации университета. Это заседание было единственным, потому что губернский культпросветотдел нашёл, что «университет является учреждением общегосударственного значения и, как таковой, должен находиться в ведении губернского Совдепа, который в своей работе в этой области в первую очередь должен опираться на Научное о-во по изучению местного края как научную организацию общегосударственного значения»³⁰.

Вся дальнейшая работа происходила уже в тесной связи с другими культурно-просветительными организациями Костромы.

В апреле в помещении бывшего Дворянского собрания по инициативе председателя губисполкома П. А. Бляхина, секретаря правления профсоюзов М. О. Боришанского был устроен вечер Народного университета, сбор с которого поступил на дело его организации.

Нужно отметить, что П. А. Бляхин (1886–1961) изначально был одним из главных приверженцев идеи Народного университета. Сам он, вышедший из батраков, рано ставший на стезю профессионального революционера, постоянно занимавшийся самообразованием, хорошо понимал необходимость широкого распространения знаний среди народа. (Недаром же впоследствии он стал литератором, членом Союза писателей.) В Кострому Бляхин был

направлен Московским комитетом РСДРП в 1915 г. и «здесь он под именем Григория Матвеевича Сафонова работал инструктором по культуре в Центральном сельскохозяйственном обществе»³¹. В статье, помещённой накануне этого вечера, он напомнил:

«Идея создания в Костроме Народного университета принадлежит Культурно-просветительной комиссии Центр[ального] с.-х. о-ва, которая подняла этот вопрос ещё во времена царского самодержавия, но благодаря многим “независящим обстоятельствам” эта прекрасная мысль до сих пор не смогла осуществиться.

В то время я был инструктором Центр[ального] о-ва и помню, с каким одушевлением крестьяне кооператоры выносили постановления о необходимости организации Народного университета и ассигновывали средства (сейчас в Центр. сельск.-хоз. о-ве на эту цель имеется, кажется, около 50 тыс. р.). Помню удивительно хорошие слова старого крестьянина, который на собрании потреб. о-ва в с. Кузнецово говорил: “Это дело святое, и надо отдать на него всё, что можно, потому дети наши скажут спасибо... я тёмный человек и нет мне ходу – темнота заела. Надо хоть внукам нашим дать свету!..”»³²

П. А. Бляхин (в центре) в своём кабинете. Фото 1919 г.

Возражая своим оппонентам, которых, вероятно, было немало, председатель губисполкома в этой статье писал:

«Быть может нам скажут, что в наше время не время заниматься наукой, не время заниматься мирным делом народного просвещения.

Теперь, дескать, революция, надо создавать армию, бороться за власть, решать вопросы продовольствия и т. д. и т. д.

Но я думаю, что именно теперь, в чёрные дни политического ненастья, в дни, когда человеческая жизнь дешевле пули, когда совесть и стыд расцениваются в ломаный грош, когда о социализме и об “идеях” говорят с иронической усмешкой, именно теперь, когда слово “товарищ” постыдно опошлено, именно теперь надо всю энергию, все интеллигентные силы страны направить на культурно-просветительную работу в массах и в первую очередь надо *стремиться к созданию рабочей и крестьянской интеллигенции при помощи курсов, систематических лекций, школ для взрослых, при помощи Народного университета*»³³.

Вечер 21 апреля, действительно, дал толчок к практическим шагам. Буквально через три дня в совете профессиональных союзов на совещании представителей губисполкома (его представлял сам Бляхин), губернского совнархоза, губполитпросветотдела, Губернского совета центрального сельскохозяйственного общества, социалистического клуба, Научного общества (заметим, что в нём участвовали и представители различных партий: большевиков, левых эсеров-интернационалистов и меньшевиков, что позднее осложнит деятельность общества) был почти без изменений принят Устав Костромского губернского общества народных университетов (КГОНУ), разработанный комиссией КНО. Здесь же было избрано правление общества, председателем которого стал В. И. Смирнов.

На первом же заседании правления 31 мая И. М. Богданов, горячо взявшийся за это дело и ставший надёжным помощником в нём В. И. Смирнову, высказал свои соображения о лекционной работе Общества народных университетов. Он предполагал устройство лекций, курсов, эпизодических и систематических, объединяемых «в четырёх основных отделах, которые являются как бы основами будущих факультетов: 1) народное хозяйство

и культура, 2) природа и человек (природоведение), 3) история литературы и народного творчества, 4) промышленность, техника, труд (политехнический)»³⁴. Совещание, согласившись с докладчиком, «признало необходимым для детальной разработки передать эти положения в особые комиссии-секции по числу факультетов, в которые должны быть привлечены имеющиеся в Костроме специалисты». Организовать такие комиссии поручалось Н. И. Воробьёву, А. А. Языкову, П. Н. Груздеву и В. Е. Печкурову³⁵.

Но бурные события лета 1918 г. отнюдь не благоприятствовали успешному началу работы КГОНУ. Об этом свидетельствует, во-первых, такой документ:

«В Исполнительный комитет Костромского губ[ернского] совета.

Считая одной из важнейших задач, стоящих перед страной, расширение и углубление общего и профессионального образования, Губернское о-во народных университетов мобилизовало все местные культурные силы для организации Народного университета в Костроме. Между тем в момент интенсивной работы по сводке матерьялов различных секций, разработки программ всевозможных отделов, спешной и важной работы по созыву общего съезда, в результате которого можно было бы начать осуществление плана намеченных работ, О-во [народных универ]ситетов, при крайнем не[достатке куль]турных работников вообще <обгор.> в самый ответственный момент трёх видных активных работников в лице товарища председателя М. О. Боришанского, руково[дителя ра]ботами секции народного хозяйства Н. И. Воробьёва и представителя литературной секции А. Н. Дьяконова.

Арест упомянутых выше лиц [ставит] О-во народных универс[итетов] в крайне тяжёлое положение. <...>

Ввиду изложенного правление [Костром]ского о-ва народных университетов обращается в исполнительный комитет с просьбой принять все имеющиеся в его распоряжении и за <обгор.> меры к освобождению М. О. Боришанского, Н. И. Воробьёва и А. Н. Дьяконова.

Председатель Вас. Смирнов
Секретарь Ник. Захаров»³⁶.

Так как не удавалось организовать работу местными силами, правление решило прибегнуть к помощи Московского общества народных университетов. Его лекторы наметили прочесть в Костроме цикл «Русская культура в прошлом и настоящем». Предполагались выступления профессоров Б. И. Сыромятникова и П. Н. Сакулина, приват-доцентов В. Н. Бочкарёва, В. М. Экземплярского, М. М. Шульгина, В. И. Пичеты и В. И. Анисимова. Но «вследствие внутренних событий (восстание в Ярославле и волнения в Москве) цикл этот не был закончен. Прочли лекции лишь проф. Сыромятников, Сакулин и Бочкарёв»³⁷.

Приветствуя открытие Народного университета в Костроме, один из организаторов Московского общества народных университетов, а с 1914 г. его председатель, юрист Б. И. Сыромятников говорил: «Разрушаются памятники старины, уничтожаются ценности, позабыты ценные люди и царит анархия в стране. Народ сделал огромную ошибку, оттолкнув интеллигенцию, тогда как с её помощью устроить жизнь можно было бы легче, и не штыками и пулемётами устраивается жизнь, а умелой, дружной, смелой и упорной работой всех свободных граждан, и когда народ поймёт пользу науки, он будет жалеть, что по внушению ему прежним режимом и своему слабому сознанию, не мог сразу оценить её значение, как самое полезное в жизни»³⁸.

Однако, как отмечалось в прессе, а позднее в отчёте КГОНУ, посещаемость лекций (60–100 человек) была ниже той, на которую рассчитывали устроители, и преобладали среди слушателей представители костромской интеллигенции, а не та публика, в расчёте на которую создавался Народный университет. Отчасти это можно объяснить неудачно выбранным летним временем.

Разрушение в соседнем Ярославле здания Демидовского лицея с его ценнейшей библиотекой в результате бомбёжек и артобстрелов восставшего города даёт организаторам Народного университета толчок для действий в ином направлении: «Было сделано также сообщение о предпринимаемых правлением шагах к переводу из Ярославля юридического лицея, лишённого возможности функционировать вследствие разрушения дома при бывших беспорядках»³⁹.

*Н. Г. Городенский (справа)
с братом В. И. Смирнова,
Сергеем Ивановичем,
и его семьёй. Сергиев Посад
Около 1914 г. (ГАКО. П-3056)*

К тому времени В. И. Смирнов, чувствуя, что без местных солидных научных сил работа Народного университета не может быть полноценной, получил надёжную поддержку в лице учёного секретаря КГОНУ профессора Н. Г. Городенского, которого летом, навещая семью умершего брата, он встретил в Сергиевом Посаде и уговорил поехать в Кострому.

Да и в команде руководителей города и губернии оказалось немало людей, которых захватила идея открытия в Костроме уже не народного университета, а университета государственного. Среди них первым был работавший в то время председателем Костромского горисполкома А. А. Языков – представитель старинного дворянского рода, рано вставший на путь революционной борьбы и за это исключённый из Петербургского технологического института. Побывавший в ссылках и тюрьмах, он несколько лет вынужден был жить в эмиграции, где помогало ему найти работу знание иностранных языков. Вернувшись в Кострому, работая в статистическом бюро, он с 1912 г. становится одним из активнейших членов Научного общества⁴⁰.

Когда решение об открытии в Костроме университета было принято и созданием условий для обеспечения его жизнедеятельности

занялась временная хозяйственно-административная комиссия, в неё вошел и председатель Костромского горисполкома А. А. Языков и его подпись – на всех протоколах заседаний этой комиссии.

Очень мало известно о другой партийной деятельнице того времени, входившей в эту комиссию, – члене губисполкома Басе Товиевне Бидерман. Удалось узнать, что до переезда в Кострому она служила санитарным врачом по Кологривскому уезду⁴¹.

Именно Б. Т. Бидерман выступила на VI губернском съезде Советов «с внеочередным заявлением»: «...Теперь же, когда пролетариат приступил к творческой деятельности, понял, каким сильным орудием в борьбе является культура, приобщение его к науке необходимо. С этой целью губ[ернский] исп[олнительный] комитет решил организовать в Костроме университет и открыть его в годовщину Октябрьской революции. Разница между этим университетом и университетами прошлого та, что первый будет истинно пролетарским. Для поступления в этот университет не нужны будут аттестаты – преграды к науке, благодаря которым учиться могли лишь избранники, его двери будут широко открыты для жаждущих науки»⁴². Газета отмечала, что все, выступившие по поводу этого заявления Б. Т. Бидерман, «подчеркивали крайнюю необходимость открытия университета».

И 20 сентября 1918 г. VI губернский съезд Советов принимает резолюцию, в которой было одобрено принятое ещё 3 сентября губисполкомом постановление об учреждении университета с двумя факультетами – гуманитарным и естественно-историческим, о предоставлении для его размещения зданий Дворянского собрания и дворянского пансиона-приюта, а также одного из зданий технического училища и выделении необходимых денежных средств⁴³.

А. А. Языков

Полтора месяца напряжённой подготовки

А дальше события развиваются, можно сказать, даже стремительно. До намеченного срока – первой годовщины Октябрьской революции – времени остаётся немного. Большую часть сентября и октября Н. Г. Городенский проводит в столице, где он занят подготовкой необходимых документов и переговорами с Наркомпросом. Наконец 16 октября на заседании коллегии Народного комиссариата по просвещению было принято постановление об утверждении Костромского государственного университета и об ассигновании на организационные расходы по его устройству 500 000 р. При этом коллегией комиссариата было высказано пожелание об открытии при университете технического или сельскохозяйственного факультета⁴⁴.

Городенский остаётся в Москве. Он озабочен кадровым вопросом: подыскивает профессоров и преподавателей для будущего университета. Своих кадровых обретениях для университета Городенский регулярно письмами и телеграммами информирует В. И. Смирнова, а тот в свою очередь докладывает об этом на заседаниях временной хозяйственно-административной коллегии.

Коллегия приступила к работе, как только до Костромы дошла весть об утверждении университета, с 17 октября она собиралась почти ежедневно до 8 ноября. Сохранившиеся протоколы её заседаний позволяют проследить день за днём, как шла подготовка к открытию университета,

вплоть до последней записи об указании места для мраморной доски с названием университета на фасаде его главного здания: «Постановили: прибить с правой стороны при выходе из дома бывшего Дворянского собрания»⁴⁵.

В самом начале своей деятельности трудностей с помещениями университет не испытывал. В здании бывшего Дворянского собрания (оно в документах часто именуется «белым») на нижнем этаже помещалась канцелярия университета, а на третьем – библиотека. Здесь же «в свободные от университетских лекций дневные часы происходят занятия других просветительных учреждений, например педагогических курсов Губернского отдела народного образования»⁴⁶. Освобождается для университета неподалёку и другое – «красное» – здание бывшего дворянского пансиона, в котором размещался Совет народного хозяйства, по решению губисполкома от 30 сентября выехавший в помещение, занимаемое бывшей духовной семинарией⁴⁷. Это здание (нынешний адрес: ул. Ленина, д. 10а) более приспособлено для учебных занятий, оно первоначально было отведено под аудитории и учебно-вспомогательные учреждения (кабинеты и лаборатории). Речь заходила даже о том, чтобы «принять меры к занятию для нужд университета бывшего помещения 2-й мужской гимназии на Еленинской улице по освобождении его»⁴⁸. «Сверх того для устройства анатомического театра университету предоставлен губисполкомом принадлежащий губернскому отделу здравоохранения барак № 6, который необходимо было также отремонтировать и приспособить для этой цели», – читаем в отчёте⁴⁹. Позднее, когда будет создан рабочий факультет, для него будут предоставлены средний и верхний этажи бывшего дома Солодовниковой (ныне – пр. Мира, д. 13), где располагалась к тому времени водолечебница.

Трудности были другого рода: «приспособление помещений под аудитории и учебно-вспомогательные учреждения встречало нередко значительные затруднения в виду недостатка рабочих рук, отсутствия строительных и других материалов, необходимых для оборудования и ремонта зданий, предоставленных в распоряжение университета»⁵⁰.

*Здание бывшего Дворянского пансиона. Современный снимок
Фото Ю. Харламенкова*

Первоначально под протоколами заседаний временной хозяйственно-административной коллегии стоят три подписи: В. И. Смирнова, Б. Т. Бидерман и А. А. Языкова. На первом же заседании временно исполняющим обязанности делопроизводителя канцелярии университета утверждается А. С. Ахманов. 20 октября он кооптируется в состав коллегии вместе с ещё одним членом губисполкома – губернским комиссаром продовольствия П. К. Когановичем⁵¹.

17 октября утверждаются и кадры нового университета: Н. Г. Городенский – деканом гуманитарного факультета, Е. М. Чепурковский – деканом естественного; первоначально для организации канцелярии в качестве консультанта утверждён профессор В. Ф. Шишмарёв, согласившийся занять должность профессора кафедры западноевропейской литературы.

Коллегия решает вопросы, связанные с созданием необходимой материальной базы: архитектору Н. Н. Горлицыну поручается составить смету и возглавить ремонтные работы в освободившихся помещениях бывшего Дворянского собрания. Из закрытого

духовного училища в университет перевозится мебель и начинается её ремонт. Для приобретения необходимых канцелярских принадлежностей командировается в Москву и Петроград А. С. Ахманов.

Много внимания, судя по протоколам коллегии, уделяется созданию университетской библиотеки. Понимание того, что в хаосе происходящих перемен гибнут бесценные сокровища и промедление смерти подобно, заставляет организаторов пренебречь узковедомственными интересами. Примечательно, что буквально на первом заседании коллегии В. И. Смирнов докладывает, «что для покрытия неотложных расходов по организации университета представилась настоятельная нужда взять с текущего счета из костромского губ[ернского] казначейства за № 91863 два аванса: 5 октября в количестве 6 000 р. и 9 октября – 5 000 р., а всего 11 000 р.», и из этих средств выделено: «5 октября Ф. А. Рязановскому на поездку в Солигаличский уезд для осмотра и изъятия бывших помещичьих библиотек и архивов – 1 000 р.»; «8 октября председателю правления Центральной научной библиотеки... 2 000 р.»; «16 октября В. К. Магнитскому на расходы по изъятию, упаковке и перевозке библиотек частновладельческих имений Галичского уезда – 1 000 р.»⁵². Эта помощь оказывается организуемой центральной библиотеке, потому что её смета ещё не утверждена⁵³.

А 26 октября коллегия наряду с такими жизненно важными для организации работы университета вопросами, как обеспечение жильём приезжающих в Кострому профессоров и преподавателей, предоставление им права на беспрепятственный въезд и выезд из Москвы и Петрограда в Кострому и обратно, ремонт электрического освещения в зданиях университета, вновь возвращается к нуждам центральной библиотеки и постановляет: «... просить губернский исполнительный комитет и управляющего отделом финансов освободить дом, находящийся близ дома бывшего Дворянского собрания и занимаемый ныне акцизным управлением, как весьма удобный для устройства в нём центральной библиотеки»⁵⁴. И это здание (ныне – пр. Мира, д. 11) позднее будет предоставлено в распоряжение Костромской научной библиотеки, и она будет в нём размещаться вплоть до 1965 г., до переезда в здание на ул. Советской.

24 октября можно считать днём рождения университетского книжного собрания. В журнале заседаний коллегии за 26 октября читаем:

«Слушали: заявление гражданина города Костромы Николая Фёдоровича Жохова от 24 октября 1918 г. о желании пожертвовать Костромскому университету свою библиотеку, содержащую около четырёх тысяч (4 000) томов книг на русском и иностранном языках⁵⁵.

Постановили: I) принять в качестве дара Костромскому государственному рабоче-крестьянскому университету библиотеку Н. Ф. Жохова с тем, что дальнейшая её судьба будет определена коллегией профессоров университета, жертвователю Николаю Фёдоровичу Жохову выразить глубокую признательность за его добрый почин и весьма ценное для университета пожертвование, II)

сообщить в местных газетах о даре Н. Ф. Жохова и вместе с тем обратиться к гражданам, имеющим собрания книг, с просьбой путём пожертвований помочь составлению университетских библиотек, III) сообщить Отделу народного образования городского исполнительного комитета, что библиотека Н. Ф. Жохова перешла во владение университета и находится под его охраной»⁵⁶.

Аналогичное заявление поступает и ещё от одного обладателя ценного книжного собрания Петра Тихоновича Виноградова⁵⁷.

Вероятно, следует рассматривать эти дары как «добровольно принудительные», ибо в ходе неизбежных реквизиций судьба этих книжных собраний могла быть печальной, и их владельцы на закате дней (оба они умерли в 1919 г.)

*П. Т. Виноградов
и штамп его библиотеки*

таким образом решили позаботиться о судьбе библиотек, в которые ими было вложено столько любви, трудов и средств.

Из протокола заседания временной хозяйственно-административной коллегии мы узнаём и о некоторых других приобретениях университетской библиотеки, в частности рукописной книги Карамзина «О древней и новой России», найденной бывшим секретарем земства Владимировым в бумагах земства, а также о предложении А. А. Языкова просить горисполком «для наиболее правильного использования поступающих в его распоряжение книг при их распределении сноситься с библиотечной комиссией университета»⁵⁸.

В это время и в Ярославле принимается решение об организации университета с двумя факультетами: естественно-агронимическим и общественно-историческим; 24 октября коллегия слушает сообщение представителей Ярославского Демидовского лицея, на базе которого этот университет создаётся. Помощник ректора профессор Мышцын и профессор Полянский сообщают, что «представителям Ярославского университета в Народном комиссариате просвещения было указано на необходимость озаботиться определением взаимоотношений Костромского и Ярославского университетов, ибо существование двух географически близких друг к другу университетов с одними и теми же факультетами, ввиду больших расходов на их содержание, представляется нежелательным. <...> Профессор Мышцын предлагает, как возможных, два выхода: или оставить существующими в Костроме и Ярославле два самостоятельных университета, но с разными факультетами, или же создать один университет, разделив его факультеты по двум городам, предоставив в обоих случаях возможность взаимного обмена профессорами и преподавателями». Резолюция костромичей такова: «Ввиду отсутствия достаточных материалов и неподготовленности вопроса для решения отложить обсуждение сделанных сообщений»⁵⁹.

Между тем в костромских газетах уже опубликовано извещение «От временной коллегии Костромского государственного рабоче-крестьянского университета в память Октябр. револ. 1917 г.»:

«Согласно Постановлению Наркомата народного просвещения от 16 октября 1918 г. в г. Костроме открывается Государственный рабоче-крестьянский университет первоначально в составе двух отделений: гуманитарного и естественно-исторического.

По декрету Совета народных комиссаров от 1 августа 1918 г. правом поступления в число слушателей университета пользуются все лица обоюго пола независимо от образовательного ценза и гражданства, достигшие 16-летнего возраста, причём за обучение в университете никакой платы не взимается.

Ради предоставления трудящимся и прежде всего фабрично-заводским рабочим возможности обучаться в открывающемся университете лекции и практические занятия будут проводиться в вечернее время.

Открытие университета состоится 7 ноября 1918 г. в день годовщины Октябрьской революции. <...>

Приём заявлений производится в канцелярии университета (Павловская ул., дом бывшего Дворянского собрания) от 10 до 3 час. дня»⁶⁰.

Входной билет на лекции Высшей народной школы
(ТАКО. Ф. Р-3033. Оп. 1. Д. 81. Л. 1)

Известие об открытии университета было встречено костромичами с большим энтузиазмом. Наплыв поступающих был настолько велик, что в Наркомпрос посылается телеграмма с просьбой «о продлении срока подачи прошений в Костромской университет до 15 ноября ввиду позднего утверждения Костромского университета»⁶¹. Известно, что, по предложению Наркомпроса, запись была продолжена до 1 января 1919 г. В число студентов записались 2 494 человека, из них на гуманитарный факультет – 814, на естественный – 1 145 и на лесной – 175 человек.

Радует организаторов и то, как охотно власти идут навстречу их просьбам. Приятным событием стала и инициатива профсоюза текстильщиков, передавшего на нужды университета 10 000 р. Коллегия выражает союзу «глубокую признательность за <обгор.> ценный дар, являющийся первым камнем, заложенным самими рабочими в основание создаваемого Костромского рабоче-крестьянского университета»⁶².

В повестке заседаний появляются вопросы, связанные с проведением торжеств по поводу открытия университета.

На последнем заседании временной коллегии 8 ноября Н. Г. Городенский ставит вопрос о «необходимости создания Организационного комитета для временного управления делами университета, применительно к проекту положения о российских университетах»⁶³. Временная хозяйственно-административная коллегия передаёт управление этому комитету.

Пассажиры «профессорского» вагона

Понимая, насколько важно для существования создаваемого университета регулярное сообщение со столицей, временная административно-хозяйственная коллегия ещё 26 октября 1918 г. решает «обратиться в губернский исполнительный комитет с просьбой предоставить профессорам и преподавателям университета права на беспрепятственный въезд и выезд из Москвы и Петрограда в Кострому и обратно»⁶⁴, ибо в условиях военного времени на въезд и выезд из города требовалось специальное разрешение. В том же протоколе записано: «... просить губернский исполнительный комитет ввиду необходимости постоянных сношений с Москвой и периодических приездов профессоров из Москвы в Кострому для чтения лекций в университете возбудить перед комиссариатом путей сообщения ходатайство об установлении прямого беспересадочного сообщения между Москвой и Костромой»⁶⁵. Беспересадочного сообщения добиться не удалось, но вот два купе в так называемом «делегатском» вагоне были выделены, и в университетской среде для краткости это стало именоваться «профессорским» вагоном. В воспоминаниях Н. М. Дружинина читаем: «В то время переезды по железной дороге были крайне затруднены вследствие недостатка подвижных составов и наплыва пассажиров, особенно “мешочников”. Однако Костромскому университету удалось выхлопотать право перевозить до Костромы с пересадкой в Ярославле московских и петербургских

учёных в особом “профессорском” вагоне, т. е. в максимально удобных условиях того времени»⁶⁶.

В фонде Костромского рабоче-крестьянского университета в ГАКО сохранился документ, касающийся правил перевоза в «профессорском» вагоне:

«Порядок проезда в “профессорском” вагоне.

1. Необходимо получить удостоверение из университета и предъявить на вокзале в Костроме начальнику станции, который отрывает купон с обозначением “в Москву”. Только после этого можно идти в вагон, в профессорское отделение, по указанию проводника Евдокимова. <...>

2. В Москве удостоверение университета вместе с деньгами за проезд предъявляется в городской кассе (Метрополь № 3) в день отъезда поезда до 3 часов дня, причем билет будет выдан, хотя бы общее количество билетов на поезд уже было продано»⁶⁷.

Безусловно, в провинции в эти трудные годы было легче выжить – спастись от голода и холода – и это, пожалуй, главное, что толкало представителей научного мира работать на периферии. Полнее почувствовать атмосферу научной жизни тех лет, понять, в каких условиях происходило укомплектование кадрами новых провинциальных университетов (а в то время на волне революционного энтузиазма университеты открывались не в одной Костроме), помогает изданная переписка братьев фольклористов Соколовых⁶⁸. Один из братьев, Юрий Матвеевич, остаётся в Москве, в гуще столичной научной жизни, работает в отделе академических библиотек Наркомпроса. Второй, поработав в 1918 – начале 1919 г. в Костроме, уезжает профессором в недавно открытый Саратовский университет, и, впервые надолго разлучённые, братья-близнецы в подробных письмах рассказывают друг другу не только о своих занятиях и обстоятельствах жизни, но и о том, что происходит в научном мире столицы и провинциального Саратова. Кропотливая работа публикатора В. А. Бахтиной и её обстоятельные комментарии (так получилось, что эта книга стала её лебединой песней), наряду с содержанием самой переписки, дают очень рельефную картину жизни учёного мира этих трудных лет.

Из этой книги становится очевидным, что, с одной стороны, учёных удерживает в столицах множество научных кружков, инициатив и начинаний, особенно на первых порах, в 1918 – 1919 гг.; с другой стороны, всё ухудшающиеся условия жизни (голод, холод и темнота: подача электричества прекращается, а керосин становится недоступной роскошью), почти полностью парализованная учебная жизнь университетов и других вузов, а затем и закрытие многих дореволюционных, имевших высокую репутацию институтов, их слияния и бесконечные преобразования делают жизнь учёного мира столиц крайне неустойчивой...

Кого-то из молодых в провинции привлекает и стимул карьерного роста: если ты ещё магистрант, то в Москве или Петербурге можешь рассчитывать на звание приват-доцента, а в провинциальном вузе можно стать уже и профессором.

Но если учёный и обосновался на какое-то время на постоянное жительство на периферии, сколько-нибудь успешно работать в отрыве от столиц невозможно: требуются поездки, контакты, добывание необходимых пособий, оборудования. А эти поездки сопряжены с трудностями переездов, а главное, особенно со второй половины 1919 г., – с риском заразиться сыпным тифом и другими заболеваниями – естественными спутниками голода и разрухи. Тем более что и в провинции жизнь ухудшалась: чтобы прокормиться, единственного заработка было недостаточно, а возможностей для приработка здесь было значительно меньше, чем в центре...

Неслучайно многие ученые, первоначально давшие согласие работать в Костроме, затем от этих намерений отказывались. Например, 27 октября 1918 г. временная хозяйственно-административная коллегия слушала телеграмму Е. М. Чепурковского: «Прошу утвердить естественный факультет Костромского университета в следующем предварительном составе: профессора Карузин – анатомии, Наумов – химии, Ковалевский – математики, Чепурковский – географии; преподаватели Грезе – зоологии, Чечулин – анатомии. Выедем в Кострому понедельник 28, прошу приготовить помещение...»⁶⁹ Однако профессору Московского университета П. И. Карузину условия в Костроме не приглянулись, вероятно, в сравнении с Астраханью, где он ещё в сентябре начал работать по созданию

кафедры в университете, и со Смоленском, где в апреле 1920 г. он занимался организацией медфака в Смоленском университете. По каким-то причинам передумал и С. И. Чечулин, впоследствии выдающийся русский учёный-физиолог, в 1929 г. разработавший вместе с С. С. Брюхоненко метод искусственного кровообращения, положив тем самым начало совершенно новым направлениям практической медицины, в частности реаниматологии и трансплантологии. Отказался почему-то от работы в Костроме и преподаватель Московского высшего технического училища химик-органик С. Н. Наумов, позднее уехавший в Ташкент, в Среднеазиатский университет.

И, тем не менее, на естественном факультете довольно скоро подобрался весьма стабильный коллектив. В него вошли оказавшиеся в это время в Костроме химики А. И. Горский и А. В. Знаменский; ботаник А. Э. Жадовский, тяготевший в своих исследованиях к костромской флоре и ранее состоявший членом КНО; математик и замечательный методист К. П. Аржеников, осевший в Костроме с 1899 г.; местные врачи Б. М. Славочинский и А. С. Дурново.

Гораздо сложнее обстояло дело с укомплектованием гуманитарного факультета. Здесь костяк составили перебравшиеся на несколько лет в Кострому из Петроградского университета профессор В. Ф. Шишмарёв (впоследствии академик, крупнейший специалист по романским языкам и литературам), приват-доцент А. Л. Саккетти (преподававший логику, социологию, психологию и философию права), приват-доцент историк В. Н. Кун (правда, впоследствии он отправился в Ташкент, в создававшийся там Среднеазиатский университет), С. М. Бонди (впоследствии всемирно известный пушкинист), а также москвичи: искусствовед А. И. Некрасов и филолог-классик Ф. А. Петровский. Большие трудности возникли с кадрами кафедры всеобщей истории, а после отъезда В. Н. Куна – и русской истории; не сразу решился вопрос с экономистами, пока наконец в Костроме не появились Ф. А. Меньков и Г. И. Болдырев. Немало за небольшой срок существования университета здесь сменилось филологов и историков, поэтому каких только фамилий мы не встречаем в числе утверждаемых на профессорские должности в Костромском университете,

но в Костроме они так и не появляются. Вот, например, 10 декабря в протоколе оргкомитета запись об утверждении профессорами по кафедре общей истории А. А. Фортунатова, по кафедре психологии А. П. Болтунова, преподавателем по кафедре русской истории С. А. Голубцова⁷⁰ – ни один из них так и не приступил к преподаванию в Костроме. И на том же заседании представитель от губернского отдела народного образования П. Н. Груздев справедливо отмечает, что «в то время как на естественном факультете уже идут правильные занятия, гуманитарный факультет остаётся менее организованным». Он предлагает приглашать преподавателей, которые были бы согласны жить в Костроме. На это декан факультета ректор Городенский вынужден заявить, что «тут есть причины неизбежного характера – трудно найти, почти нет профессоров, желающих жить здесь – в свободные от лекций дни и часы в Костромском университете они заняты в других учебных заведениях»⁷¹.

Очень мешает решать кадровую проблему и нестабильность самого существования университета. Разговоры о его закрытии идут постоянно.

О закрытии вуза не говорится в опубликованных отчётах университета, но зато указываются трудности иного рода: «Расстройство путей сообщения и транспорта делали затруднительными и порою невозможными переезды и переселение приглашаемых профессоров и преподавателей, а острый жилищный кризис в Костроме создавал сплошь и рядом почти непреодолимые препятствия при обеспечении учащего персонала университета необходимым помещением и даже вынудили некоторых приглашенных лиц отказаться от приезда в Кострому»⁷².

Как уже отмечалось, попытка добиться установления прямого беспересадочного сообщения между Москвой и Костромой оказалась тщетной. Со временем, чтобы облегчить эти поездки, А. И. Некрасов проявляет такую инициативу: подыскивает в Ярославле помещение в железнодорожной школе № 1 «с оплатой лишь прислуге по 20 р. в месяц» «для остановки профессоров и преподавателей Костромского университета при следовании по линии Кострома – Москва и обратно»⁷³. В свою очередь

Е. М. Чепурковский нанимает за счёт университета помещение для временных остановок профессоров, следующих из Петрограда, в Москве, в Ваганьковском переулке⁷⁴.

Таким образом эта «дорога жизни» поддерживает общение между Костромой и двумя крупными научными центрами – Москвой и Петроградом. И новый Костромской университет впитывает в себя опыт двух крупнейших российских университетов, а кроме того, такие профессора, как М. И. Ковалевский, Ф. А. Меньков, позднее Г. К. Вебер, Ю. П. Новицкий, В. С. Сергеев и другие, приносят в его работу и веяния зарубежных университетов, где они заканчивали курс или совершенствовались, слушая лекции в летнее каникулярное время.

«В студенты записалась вся Кострома...»

Несмотря на то что торжественное открытие состоялось в дни годовщины Октябрьской революции, организованные занятия в университете начались лишь 17 ноября. В этот день состоялись первые лекции профессоров Н. Г. Городенского, М. И. Ковалевского и Е. М. Чепурковского. Прошли они, как отмечалось в отчёте, «в переполненных аудиториях при громадном стечении слушателей»⁷⁵. Было постановлено «первое время допускать на лекции и посторонних лиц с тем, чтобы посторонняя публика в случае заполнения зала слушателями, допускалась только на хоры»⁷⁶.

С 14 ноября управление университетом переходит к новому органу – организационному комитету. В него входят: ректор, проректор, президиумы факультетов, президиум культурно-просветительной ассоциации, два представителя от губернского отдела народного образования, представитель горисполкома и три представителя от слушателей университета. 14 ноября, на первом заседании оргкомитета, ректором был избран Н. Г. Городенский, проректором – профессор М. И. Ковалевский. 18 декабря организационный комитет избирает и правление университета.

А с 22 декабря 1918 г. высшим органом университетского управления становится совет, в котором под председательством ректора в обсуждении важнейших вопросов принимают участие все профессора и преподаватели университета, представитель от губернского отдела

народного образования и представители студенчества. (Вначале студенческий орган именовался старостатом, позднее распоряжением власти старосты были упразднены и в состав совета вошли представители от студентов-коммунистов).

10 декабря ректор Городенский выступил с заявлением о том, что «он не в состоянии вмещать в себе все сложные обязанности как по учебной, административной, так и по хозяйственной части, и предложил для высшего заведования хозяйственной частью избрать особое лицо из числа членов организационного комитета», и оргкомитет постановил: «высшее заведование хозяйственной частью поручить В. И. Смирнову»⁷⁷. Безусловно, организаторский опыт В. И. Смирнова, уважение, которым в это время он пользовался среди городских и губернских руководителей, а особенно знание реалий костромской жизни и людей – всё это оказывало университету неоценимую поддержку.

В начале 1919 г., когда ввиду серьёзной болезни В. И. Смирнов попросил сложить с него обязанности члена правления и заведующего хозяйством университета, прилагаются все усилия, чтобы он остался, и 7 февраля 1919 г. правление единогласно поддерживает предложение Городенского: «ввиду безвозмездного несения В. И. Смирновым со дня функционирования университета сложных работ по организации университета, а также деятельного участия в работах факультетов, правления и в университетских комиссиях, признать труд В. И. Смирнова эквивалентным преподавательскому труду и выдавать В. И. Смирнову соответствующий оклад содержания с 1 ноября 1918 г.»⁷⁸

Структура университета первоначально состояла из двух автономных ассоциаций: академической (или, как она именуется в отчёте, научно-учебной) и просветительной. Первая состояла из двух факультетов: гуманитарного и естественного. Предполагалось первоначально в составе естественного факультета иметь лесное отделение, затем решено было даже открыть особый лесной факультет. В число его слушателей записалось 175 человек. Был даже избран исполняющим обязанности декана Е. Ф. Дюбюк, сотрудник Костромского статистического бюро, в то время председатель КНО, получивший в Петербургском лесном институте

диплом учёного лесоведа. Были даже утверждены и заведующие некоторыми специальными кафедрами этого факультета. Однако так и остаётся пока неясным, что же кроется за этой фразой в отчёте: «Но организация лесного факультета с первых же шагов встретила на пути своём непреодолимые препятствия; поэтому, невзирая на все усилия университетской администрации и других учреждений, попытки организации лесного факультета донныне не увенчались успехом...»⁷⁹ Вероятно, разгадку этого можно найти в материалах фонда Е. Ф. Дюбюка в ГАКО, с которыми пока не удалось поработать.

Первоначально и сами организаторы не очень хорошо представляли себе учебный план, специализации внутри факультетов, да и планировались занятия исходя больше из наличного состава профессоров и преподавателей, которых удалось собрать в Костроме, и их научных интересов. К тому же весьма пёстрый во всех отношениях состав слушателей на обоих факультетах – по возрасту, по образовательному уровню, по самим устремлениям, побудившим записываться в университет, – ставил в затруднительное положение лекторов. Ф. А. Меньков позднее эту ситуацию сформулирует так: «...в первый академический год в студенты записалась вся Кострома, все ходили слушать, но никто не занимался»⁸⁰.

Причина отнюдь не только в том, что государственный университет возник из первоначальной идеи общедоступного народного университета и руководствовался его принципами. И в объявлении «От временной коллегии...», извещавшем о создании университета, отмечалось: «По декрету Совета народных комиссаров от 1 августа 1918 г. правом поступления в число слушателей университета пользуются все лица обоего пола независимо от образовательного ценза...»⁸¹ Таким образом, дискредитация высшего образования изначально была заложена законом новой власти, исходившей из тезисов М. Н. Покровского, отвечавшего в Совнарком за сферу науки и высшего образования.

Однако временная коллегия, видимо, предполагала последствия такого приёма, поэтому предусматривала некую фильтрацию поступивших заявлений слушателей: «ввиду предполагаемого распределения слушателей между популярным (Народный университет) и академическим отделениями университета, запись

слушателей не ограничивать ни временем подачи заявлений, ни количественной нормой»⁸², а А. А. Языков предложил «устроить предварительное собеседование со слушателями о выборе ими специальности и распределении их по группам»⁸³. Тем не менее, когда начались занятия, налицо была совершенная неподготовленность многих записавшихся к усвоению сложной академической программы.

Тон на занятиях и гуманитарного, и естественного факультетов, особенно в семинариях и практических занятиях, естественно, задавали слушатели, закончившие гимназии и реальное училище, и те костромичи, которые успели начать занятия в вузах Москвы, Петрограда, Казани и других городов и вынуждены были прервать их по условиям военного времени. Среди слушателей университета было немало красноармейцев расквартированных в Костроме воинских частей. Это, кстати, отмечалось и в отчёте университета: «... в числе своих наиболее деятельных и усердных слушателей университет ныне насчитывает немало красноармейцев»⁸⁴.

*Последний выпуск Костромской Григоровской гимназии. 1918 г.
Многие из этих девушек устремились продолжить образование
в Костромском университете*

В том же отчёте констатировалось: «Государственный университет в Костроме с самого момента возникновения встретил деятельную поддержку и горячее сочувствие в самых широких кругах населения Костромы. Этим успехом объясняется исключительный наплыв желавших записаться в число слушателей университета. Соответственно и посещаемость университетских занятий на первых порах была весьма значительна. Но, разумеется, не все посещавшие первое время университет искали удовлетворения научных запросов. Для многих посетителей университет являлся на первых порах лишь занятной новинкой. С течением времени некоторые условия общего характера и, главным образом, затруднения и ухудшения материальной стороны жизни не замедлили отразиться и на посещаемости лекций и занятий в Костромском университете в особенности к концу учебного года»⁸⁵.

Эта картина наблюдалась, впрочем, не только в Костромском университете. И для того чтобы как-то обуздать студенческую «вольницу», в апреле 1919 г. отдел вузов Наркомпроса рассылает циркулярное письмо за подписью М. Н. Покровского, которым просит руководителей вузов «в срочном порядке сообщить мнение совета данного учебного заведения по вопросу о желательных и возможных формах осуществления учёта действительной посещаемости студентами лекций и выполнения ими установленных учебным планом данного учебного заведения практических работ, а равно высказать соображения о мерах к интенсификации занятий студенчества»⁸⁶. Мы не знаем, к сожалению, какие меры были предложены в ответ на этот циркуляр советом Костромского университета. Но уже 7 мая выходит утверждённое Государственным учёным советом Положение об учебной повинности учащихся в высших учебных заведениях, в котором декларируется, что «социальным обеспечением пользуются только те учащиеся высших учебных заведений, которые отбывают учебную повинность, заменяющую для них трудовую повинность, лежащую на других граждан»⁸⁷.

«Учебная повинность, – отмечалось в положении, – выражается: а) в посещении лекций или прохождении соответствующих курсов иным способом, б) в исполнении тех или других практиче-

ских работ, указанных преподавателями, в) в участии в семинарских занятиях и г) в самостоятельной работе учащегося над тем или иным научным вопросом»⁸⁸. А дальше положение расписывало и формы контроля за работой студентов.

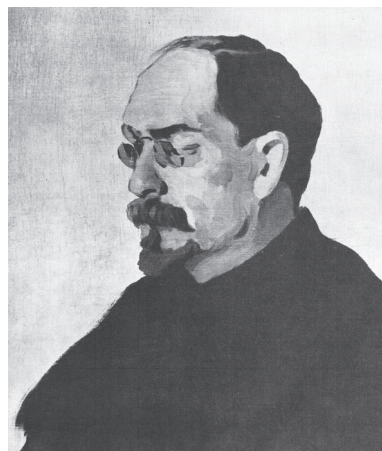
Постепенно и руководителям Наркомпроса стали очевидны просчёты в своих планах подготовки новых кадров из среды неподготовленной рабочей и крестьянской молодёжи непосредственно через академические вузовские занятия. 11 сентября 1919 г. выходит постановление Наркомпроса РСФСР «Об организации рабочих факультетов», в котором рабфак определён как автономное учебно-вспомогательное учреждение – специальные курсы для подготовки в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу. И в Костроме возникает сначала временное бюро рабочего факультета в составе ректора Ф. А. Менькова (он был избран на эту должность 5 ноября 1919 г. вместо сложившего полномочия Н. Г. Городенского), члена коллегии губернского отдела народного просвещения П. Н. Груздева и представителя студенческой коммунистической группы в совете университета А. Д. Павлова, а 12 ноября избирается президиум рабфака в составе заведующего факультетом А. Э. Жадовского и секретаря В. И. Лаврова. Рабфак разместился на втором и третьем этажах бывшего дома Солодовниковой (ныне пр. Мира, д. 13). Подготовительные работы (подбор преподавателей, ремонт помещений и оснащение мебелью и необходимыми пособиями) заняли немало времени, поэтому занятия на новом факультете начались только 20 января 1920 г.

*Здание, в котором
размещался рабочий
факультет
Современный вид
Фото Ю. Харламенкова*

Всего записавшихся на рабфак было 480 человек, на собеседование из них явилось 320 человек. По результатам этого собеседования (в отчёте оно именуется коллоквиумом), где выявлялась подготовка записавшихся и происходило их распределение по семестрам, было принято 179 человек: 118 – на 1-й семестр, 42 – на 2-й и 19 – на 3-й семестр. Остальные, чьи знания и навыки оказались ниже планки, установленной даже для 1-го семестра, были направлены в школы для взрослых городского отдела народного образования. А ещё пришло в ряды рабфаковцев и такое пополнение: «Президиум Костромского горкома партии коммунистов решил выделить из организации 60 человек, которых и обязал в силу партийной дисциплины посещать и слушать лекции на рабочем факультете. Им же решено выделить для занятий на рабочем факультете вполне грамотных, знающих четыре правила арифметики и имеющих общее развитие по 20 человек из женского отдела, клубной секции, коммунистического бюро проф. союзов, заволжской организации и партийной боевой дружины»⁸⁹.

Что касается упомянутого в отчёте за первый год деятельности университета «ухудшения материальной стороны жизни», которое повлияло на ход учебных занятий и сказалось на их посещаемости, наглядная картина положения в Костроме и в губернии – в письмах, отчётах и корреспонденциях А. В. Луначарского, посетившего губернию в мае 1919 г. Даже первое его письмо из Костромы Ленину, в котором даётся высокая оценка деятельности здешних руководителей и тому, как много делают костромичи для выполнения спускаемых центром развёрсток, заканчивается таким криком души: «Костромичи – прелесть. Мы называем их в шутку: Афинами! Хлеба! Хлеба! Хлеба! Как здесь всё расцвело бы! Какие возможности! Пришлите хлеба!»⁹⁰

*А. В. Луначарский.
С портрета художника
Н. П. Шлеина, выполненного
в 1919 г. в Костроме*

Равным образом, доклады, которые я здесь заслушал, крайне обстоятельные и красочные, могли бы дать материал еще для пары таких писем, но я стараюсь конспективно сжимать для Вас то, что узнаю здесь сам.

Я твердо рассчитываю, Владимир Ильич, на то, что Вы не оставите этого дела, как просто неизбежное зло, его избежать можно: пришлите сюда эти триста тысяч пудов или дайте тов. Кагановичу право ехать за ними.

Кончу свое письмо еще двумя юстромскими воплями: здесь нет соли и нет мыла, соль продается по 40 руб. фунт и это грозит заболеванием. Мыла нет даже для того, чтобы могли умываться тифозные больные. Если можно что нибудь сделать в этом направлении - необходимо сделать.

В этом пакете посылаю для Надежды Константиновны чрезвычайно любопытный сборник конспектов и статей, посвященных клубному делу - результат курсов для клубных работников, проведенных под руководством здешних превосходных культурников - т.т. Невского и Раstopчина.

*Получено Ваврушине 18 мая 1919 г.
А. Луначарского 20 12/19
Сл. М.*

*Успехи еще скромней с Владимиром
Кавказом в. тов. 2 восток восточной:
и восток восточной - Владимир Ильич.
Другими словами с югом (2500!) восток
восточной, и югом еще восток
восток югом (мне 2000 югом) восток
восток с югом - Владимир Ильич.
Кавказом - югом. Не восток и
и югом: восток!
Кавказ! восток! восток! восток
восток! восток! восток! восток!
Кавказ! восток!*

*Купон югом югом Юга -
Кав. югом. Югом Югом*

Рукописная приписка А. В. Луначарского на последней странице его доклада В. И. Ленину из Костромы. 11 мая 1919 г.

В своей журнальной статье «Народное образование в Костроме»⁹¹ Луначарский не преминул сказать и о рабоче-крестьянском университете: «Начался он при самых лучших ауспициях⁹². Между профессурой новой и более подвижной, чем профессура старых университетов, и студенчеством, на большую половину пролетарским, установились весьма сердечные отношения, и дело как будто закипело, но в настоящее время оно начинает хиреть, количество рабочих убывает, посещаемость студенчеством падает, и университет как будто переживает очень серьёзный кризис. Виною этому, однако, не какая-нибудь прореха со стороны Костромского отдела, а общие условия: необходимость приработать и попросту острое недоедание крайне вредно отражаются на нормальном ходе занятий в высшем учебном заведении. Пока мы не изживём этого общехозяйственного кризиса, вряд ли можно будет отметить живой пульс в этой области»⁹³.

Нужно сказать, что во второй половине 1919 г. университету пришлось столкнуться и с другими серьёзными испытаниями. Но главный итог первого года работы университета заключался, пожалуй, в том, что громадные усилия всего коллектива позволили создать неплохую базу для учебной работы, для того, чтобы создать условия для научной работы преподавателей и приобщения к исследованиям слушателей университета. Особенно это важно и многотрудно было для естественного факультета, и его декан справедливо отмечал:

«Процесс организации в Костроме естественного факультета с многочисленными учебно-вспомогательными учреждениями потребовал от преподавательского персонала чрезвычайной энергичной работы, т. к. приходилось собирать необходимые пособия в условиях полной разрухи транспорта и рынка и устраивать кабинеты и лаборатории в совершенно непригодных помещениях (в городе никаких высших учебных заведений до сих пор не было). Связанные с добыванием научного инструментария поездки преподавателей в Москву и Петроград требовали затраты значительной части времени, необходимого для научных занятий и, отвлекая тем самым преподавательский персонал от прямых академических задач, имели, кроме того, следствием и значительную затрату физических сил.

К настоящему времени естественному факультету удалось организовать все основные кафедры и оборудовать соответствующими научно-вспомогательными учреждениями, пригодными как для учебных занятий студентов, так и для специальных научных исследований преподавательского персонала и нарождающегося кадра молодых учёных из числа учеников-студентов. Эти исследования, помимо их общенаучного значения, становятся постепенно в тесную академическую связь с интересами и нуждами местного края и встречают сочувствие и поддержку местных авторитетных органов»⁹⁴.

Ещё одно подразделение университета – культурно-просветительная ассоциация, продолжившая дело, начатое Обществом народных университетов, строила работу в двух направлениях, как в общем-то и предполагалось первоначальным уставом КГОНУ. Во-первых, была организована Высшая народная школа, в которой ознакомление широких масс трудящихся с научными знаниями шло путём систематического преподавания. Во-вторых, эпизодические лекции организовывались в самых различных народных аудиториях и рабочих клубах. Причём эти лекции проводились не только в Костроме, но и в примыкающих к губернскому центру волостях.

Высшая народная школа первоначально планировала организовать пять отделений: естественное, историко-словесное, экономическое, политехническое и педагогическое. Удалось же открыть и начать работу только в трёх первых.

Как видно из отчёта, наибольшей популярностью среди костромичей пользовались занятия естественного и экономического отделений. Очевидно, в силу того что их программы были более насыщены сведениями, имевшими практический и даже прикладной характер, и потому востребованы широкими массами населения. С началом второго учебного года отделение естественных наук распалось на два подотдела: биологический и физико-химический, так как слушателям, преимущественно рабочим, оказалось трудным посещать все лекции. Не сразу удалось наладить работу экономического отделения, но надо отдать должное В. И. Лаврову, «специально приглашённому

для этой цели из Петрограда»⁹⁵, который, став заведующим отделением, сумел хорошо организовать дело.

Однако и в Высшей народной школе к концу первого года посещаемость резко упала. Среди причин в отчёте, между прочим, называются и такие: «...у каждого, кроме прямой службы, в настоящее время имеется много всякого рода иных работ и занятий в различных организациях, комиссиях и проч., что также могло отвлекать от занятий. Затем постоянные заботы о пропитании, работы по хозяйству настолько велики, настолько много поглощают времени и энергии, что на занятия по образованию часто совершенно не оставалось времени»⁹⁶.

Университет начинается с библиотеки

Прочитывая протоколы всех руководящих органов университета, убеждаешься в том, что почти на каждом заседании так или иначе затрагиваются вопросы, связанные с приобретением книг для университетской библиотеки и для различных кабинетов, которые создаются при кафедрах. Если временная хозяйственно-административная коллегия, как мы уже убедились, в основном принимала дары, то впоследствии начинается целенаправленная работа по комплектованию книжного фонда.

Практически все преподаватели, как москвичи, так и петроградцы, участвуют в комплектовании библиотеки, причём не только по профилю своего кабинета. Так, в протоколах правления мы встречаем запись о том, что 11 января 1919 г. антрополог Б. Н. Вишневский вносит предложение приобрести у физика, профессора Московского университета А. И. Бачинского книг на сумму 1 700 р., и необходимый аванс на это ему выдаётся⁹⁷. Правда, когда М. И. Ковалевский сообщает на том же заседании правления, что «им получено письмо от профессора Московского университета А. П. Соколова, в котором он изъявляет желание продать Костромскому университету свою библиотеку или часть её по расценке в 10 раз больше номинальной стоимости книг», правление поручает Б. Н. Вишневскому вместе с физиком Е. Е. Сиротинным, который, вероятно, учился в своё время у старого профессора, предварительно осмотреть библиотеку и переговорить с владельцем об условиях продажи⁹⁸.

В это трудное время, когда на кон поставлено само физическое выживание, ещё чаще, чем сами профессора, книги распродают профессорские вдовы. В первый год университет, судя по сохранившимся документам, приобретает в Петрограде книги у вдовы профессора Шиффа; у «г-жи Людеви́г»; у О. А. Корсунской, вдовы профессора Московской академии...

Приобретаются книги и в Костроме, например библиотека И. П. Пауля, вывозятся из усадьбы Ивановское книги братьев С. И и П. И. Бирюковых. Известно, что велись переговоры о приобретении книг из библиотеки известного художника-графика Н. Н. Купреянова. Для того чтобы максимально использовать местные источники пополнения библиотеки, в начале 1919 г. правление намечает такие меры: «1) для выяснения местонахождения в уездах библиотек и приобретения их войти в контакт с Научным обществом, 2) возбудить ходатайство перед местным комиссариатом просвещения о разрешении осмотра находящихся в уездах библиотек представителям университета совместно с представителями Научного общества...<...> 4) обратиться в педагогический совет школ 2-й ступени и просить о передаче книг, потребных для университета»⁹⁹.

Б. Н. Вишневному поручается вести переговоры с библиотечным отделом Наркомпроса. Надо отметить, что активно приобретает книги в Москве и Б. М. Соколов, пользуясь, очевидно, тем, что в этом деле видную роль играет его брат Юрий Матвеевич.

Для общего руководства и контроля за текущими работами по пополнению и приведению в порядок библиотеки организационным комитетом университета была образована библиотечная комиссия. В ней активно работал профессор А. А. Фомин. Ещё в студенческие годы он служил в библиотеке Строгановского училища, и с тех пор во всех учебных заведениях, в которых он работал, А. А. Фомин проявлял особую заботу о комплектовании библиотек: страсть к сохранению архивных и книжных богатств буквально владела им. Велика его роль и в создании библиотеки Костромского университета. Как сообщает сотрудник Российской государственной библиотеки искусств Т. А. Мордкович, изучившая московские архивы Фомина, верным помощником во всех де-

лах была его жена Софья Васильевна, которая помогала мужу отбирать книги и для библиотеки Костромского университета.

14 февраля 1919 г. правление вновь обращается к вопросу о приобретении отдельных книг и целых библиотек для университета и расширяет права профессоров и преподавателей. Отныне «заведомо ценные издания и библиотеки можно приобретать, не сносаясь с правлением университета и в случаях нужды обращаясь лишь к специалистам на месте, хотя и не принадлежащим к составу университетского преподавательского персонала. В остальных же случаях или посылать списки приобретаемых книг в правление, или

*А. А. Фомин с женой
Софьей Владимировной
Львовой-Фоминой
Фото начала XX в.
Из архива РГБИ*

же на месте совещаться с представителями кафедр»¹⁰⁰. Правление просит «А. А. Фомина в качестве члена библиотечной комиссии координировать деятельность всех лиц и учреждений, участвующих в покупке книг, библиотек и других учебных пособий в Москве и Московском районе. В Петрограде: обратиться через А. А. Фомина к инженеру Л. К. Лейхману с просьбой взять на себя хлопоты по приобретению книг и по получении от него согласия выслать инженеру Лейхману аванс в 5 000 р.; причем издания Академии наук, Географического общества, Общества естествоиспытателей, Исторического и Философского обществ приобретать полностью»¹⁰¹.

Согласие Лейхмана было получено, и ему разрешается так же, как и Фомину в Москве, «на время работы по закупке книг пригласить себе в помощь лицо с окладом жалованья помощника библиотекаря»¹⁰².

Что же являл собой этот петроградский агент по снабжению книгами нашего университета? Л. К. Лейхман – инженер-технолог,

редактор-издатель журналов «Технический вестник» и «Мир открытый» Известен был Лейхман и в кругах коллекционеров денежных знаков и бон.

В документах 1920 г. заинтересовало такое удостоверение: «Дано сие сотруднику Костромского государственного рабоче-крестьянского университета Сергею Эдуардовичу Тидену в том, что принадлежащие ему книги и книжный шкаф, находящиеся в его квартире в Петрограде по Языкову пер. № 35, приобретены Костромским рабоче-крестьянским университетом и что ему, Тидену, поручено перевезти их в Кострому в университет»¹⁰³.

Ни в каких документах среди сотрудников университета фамилия Тиден не прослеживается, только в протоколе правления за 2 февраля 1920 г. есть запись об утверждении уплаты «возчику С. Э. Тидену 51 000 р. за перевозку и выкладку 51 саж[ени] дров» и «ему же – 7 700 р. за перевозку на 22 подводах инвентаря учебно-вспомогательных учреждений»¹⁰⁴. Из выпущенной в Мадриде книги¹⁰⁵ удалось узнать, что С. Э. Тиден из 55-го выпуска Училища правоведения, на 1901 г. помощник обер-секретаря департамента герольдии Правительствующего сената, по сведениям родственников, после 1917 г. уехал за границу. А его брат Владимир Эдуардович, из 59-го выпуска этого училища, служил членом Костромского окружного суда по Галичскому уезду и умер в феврале 1942 г. в Ленинграде. Так что же являет собой это удостоверение? Может, просто дружеская услуга одного юриста (добрейшего А. К. Вяжлинского, заведовавшего в ту пору библиотекой университета) своему коллеге, чтобы помочь перевезти в Кострому и спасти библиотеку брата? Но скорее всего следы книг С. Э. Тидена стоит всё-таки поискать в тех книжных собраниях, куда позднее была распределена библиотека Костромского университета, в первую очередь в нынешней областной универсальной научной библиотеке.

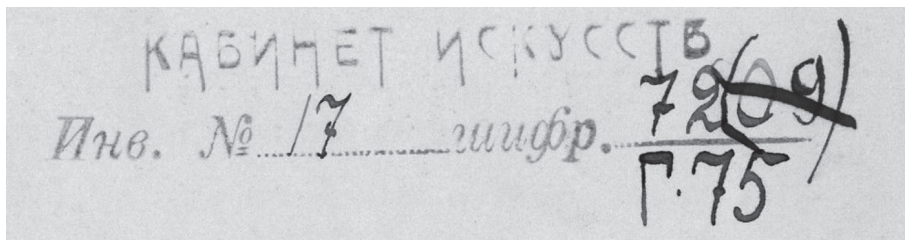
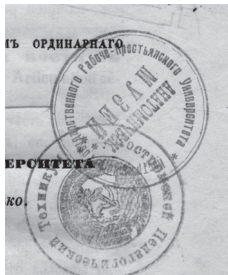
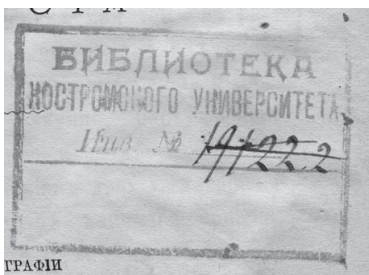
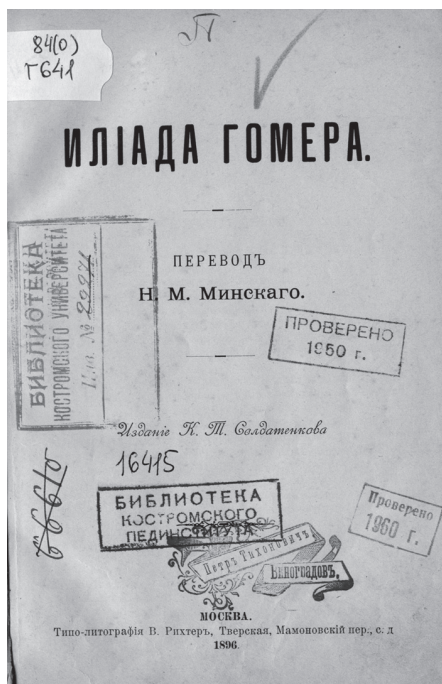
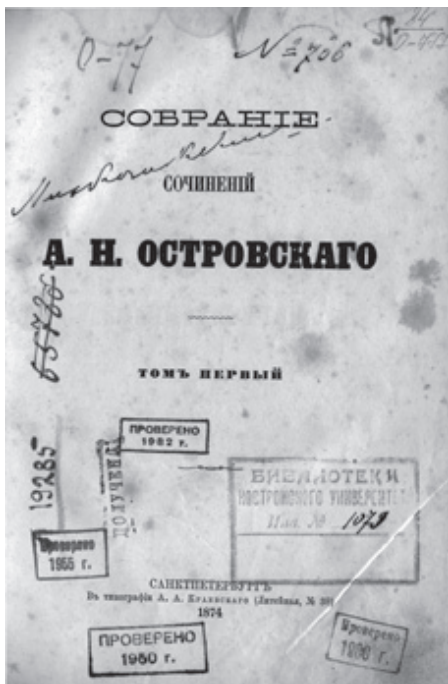
Приобретаемые книги свозились на третий этаж «белого» здания. Первым библиотекарем университета стал Вячеслав Ильич Болотов, которого 2 декабря 1918 г. избирает единогласно на эту должность организационный комитет. До революции

в чине действительного статского советника Болотов служил директором дворянского пансиона-приюта, был одним из организаторов КНО, именно он открывал первое организационное собрание Научного общества 5 мая 1912 г. в помещении городской управы. В том же году он выступил перед членами КНО с докладом об опыте работы обществ родиноведения в Финляндии. Известно также, что В. И. Болотов позднее активно участвовал в работе учительского профсоюза, он заведовал и курсами иностранных языков, созданными Костромским губернским обществом народных университетов.

Помощниками Болотова были короткое время сначала Д. Н. Жохов, затем А. А. Райский и наконец 19 июня 1919 г. старшим помощником библиотекаря становится А. К. Вяжлинский, которому суждено было сменить В. И. Болотова, когда тот попросился в отставку. (Скончался В. И. Болотов в 1925 г.) Вяжлинскому же было уготовано судьбой хранить университетское книжное собрание вплоть до 1929 г., когда оно находилось уже в ведении педтехникума.

Из отчёта мы узнаём, что к концу первого года деятельности университета его библиотека насчитывала «приблизительно до 15 000 томов книг по различным отраслям знания, преимущественно на русском языке»¹⁰⁶. Для того чтобы записывать в инвентарь поступающие книги и оформлять карточки для двух каталогов – алфавитного и систематического, – вскоре была приглашена слушательница университета Е. П. Слободская, а в качестве инструктора по библиотечной технике в порядке частного соглашения оформлен опытный библиограф, заведующий библиотекой губстатбюро Н. И. Умнов. «Обилие работы в целях скорейшего приведения библиотеки в порядок и открытия её для пользования слушателей» потребовало не только привлечения новых штатных и сверхштатных сотрудников, но и «необходимость устроить вечерние занятия в библиотеке»¹⁰⁷.

Примечательно, что выполняется воля уже покойных к этому времени дарителей библиотеки Н. Д. Жохова и П. Т. Виноградова, составивших костяк университетского собрания: их библиотеки не растворяются среди других книг, а образуют особые фонды.

По штампам на книгах, которые и сегодня хранятся в университетской библиотеке, можно проследить историю формирования библиотеки первого костромского вуза

Отчёт за второй год университета указывает, что регистрация, обработка и каталогизация книг продолжалась, но эти работы, «производившиеся при весьма незначительном составе сотрудников библиотеки, не мешали развитию деятельности её по выдаче книг. Книги выдавались профессорам, преподавателям, служащим университета и тем из студентов, которые представляли ручательство за них профессоров и преподавателей, на имя этих профессоров или преподавателей»¹⁰⁸. Предполагавшееся в октябре 1920 г. открытие читального зала не состоялось из-за того, что университет не располагал достаточным количеством даже учебных аудиторий. «Печальное впечатление этого обстоятельства, – говорится в отчёте, – уменьшается тем, что в октябре была открыта Студенческим издательством “тихая читальня”, и студентам была предоставлена возможность получать книги для чтения в ней и из фундаментальной библиотеки за ручательством дежурных членов коллегии издательства»¹⁰⁹. Наибольшим подспорьем студентам, чем фундаментальная библиотека, в это время служат уже солидные к этому времени собрания книг в предметных кабинетах. Они тоже приводятся в порядок (инвентаризируются и каталогизируются) сотрудниками библиотеки, в числе которых появляются в это время бывший костромской губернатор Л. М. Князев, а также С. Н. Эрдели и Л. В. Некрасова, жена профессора-искусствоведа А. И. Некрасова, откомандированная для занятий в библиотеках словесной секции гуманитарного факультета и занимавшаяся инвентированием библиотеки кабинета искусств, в котором к этому времени собрано большое количество диапозитивов.

Новые факультеты и новые трудности

Второй учебный год университет начинал, уже определив для себя основные направления подготовки студентов. На гуманитарном факультете обозначились четыре специализации – четыре цикла наук: социально-экономических, философских, словесных, исторических. Определился в этом отношении и естественный факультет, с образованием педагогического факультета переименованный в естественно-математический.

А главное – в вузе наряду с рабфаком, о котором мы уже говорили, появляются ещё два новых факультета.

28 августа 1919 г., ещё до своего избрания на должность ректора, профессор Ф. А. Меньков внёс на обсуждение совета университета проект об учреждении педагогического факультета. Необходимость его создания была вызвана «крайней нуждой в работниках единой трудовой школы и почти полной приостановкой выпуска этих работников столичными университетами»¹¹⁰. В проекте отмечалось: «Предметы не специально педагогические, а общеобразовательные, как общие (обязательные) для всех студентов педагогического факультета, так и предметы специальные, входящие в избранный студентом цикл наук, изучаются студентами педагогического факультета на гуманитарном и естественно-математическом факультетах Костромского государственного университета смотря по тому, на каком факультете тот или другой предмет преподаётся»¹¹¹. И лишь для

сугубо специальных предметов предлагалось учредить новые профессорские и преподавательские кафедры.

В первоначальный проект Наркомпрос предложил внести некоторые изменения. И комиссия под председательством Ф. А. Менькова в составе деканов Е. М. Чепурковского и В. Ф. Шишмарёва, секретарей факультетов Б. С. Грезе и В. Н. Куна, А. Л. Саккетти (в качестве секретаря комиссии), представителей губнаробраза П. Н. Груздева и Н. Г. Плехановой, а также представителей городского отдела народного образования, института народного образования, костромского пролеткульта несколько раз собирается, вносит требуемые поправки, а главное – выработывает план преподавания на этом факультете. В окончательном варианте Положение о педагогическом факультете было принято советом 18 мая 1920 г., а затем одобрено в Наркомпросе сразу двумя отделами – подготовки учителей и отделом вузов. Предполагалось, что обучение на педфаке займёт три года, а с четвёртого года (а иногда и ранее) студенты будут направляться в школы губернии «для самостоятельных практических работ», а «окончательно студенты покидают факультет после констатирования последним их практической подготовленности»¹¹².

Для студентов этого факультета осенью 1920 г. были определены шесть циклов наук (в зависимости от того, к преподаванию каких предметов в школе готовятся студенты): математический, физико-математический, биологический, географический, общественно-исторический и словесный. На новый факультет было подано 86 заявлений, из них 8 записавшихся перешли на другие факультеты, а трое не были приняты, «так как на коллоквиуме обнаружилась слишком слабая подготовка к занятиям»¹¹³.

Исполнять обязанности декана факультета стал его инициатор Ф. А. Меньков, секретарём был избран ставший преподавателем педагогического факультета П. Н. Груздев, впоследствии действительный член АПН РСФСР. В осеннем семестре 1920 г. для студентов читались общие курсы: политическая экономия (Ф. А. Меньков), советское законодательство (Ю. П. Новицкий), психология (А. Л. Саккетти), анатомо-физиологические особенности детского возраста (А. С. Дурново), теория и практика трудовой школы (П. Н. Груздев) и теория и история социализма (И. П. Беляев).

Дело с организацией опытной показательной трудовой школы рабочих подростков для педпрактики студентов (как это было предусмотрено положением о факультете) затормозилось «из-за отсутствия помещения». Не получилось на первых порах открыть при факультете учебно-показательную сельскохозяйственную ферму в имении Неверово. Но зато факультет организовал поездку студентов в Москву, где они знакомились с постановкой школьного дела в опытных учреждениях Наркомпроса.

В отчёте подчёркивалось: «Большинство студентов факультета является работниками в учреждениях наробраза и, сталкиваясь с вопросами, связанными с практической работой, безусловно нуждается в целом ряде указаний практического свойства. Поэтому факультет решил организовать студенческие конференции по вопросам школьной практики, выделив на обсуждение конференций наиболее удачные темы. Здесь студенты и преподаватели выступают с докладами, делясь своим опытом и мыслями»¹¹⁴.

Говоря о другом новом факультете – медицинском, следует отметить, что острый недостаток врачей ощущался ещё в дореволюционной России. Министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев, обосновывая необходимость создания новых университетов, во Всеподданнейшем докладе 13 июня 1916 г. писал: «...в то время как в Англии, во Франции и других странах Западной Европы один врач приходится примерно на 1 400–2 500 жителей, у нас число это возрастает до 5 450. По собранным мною данным, только для удовлетворения наиболее скромных требований, обеспечивающих население врачебной помощью, при котором один врач приходился бы на 3 900 человек – существующее число врачей должно было бы увеличиться на 12 800 человек...»¹¹⁵

В последующие годы положение с медицинскими кадрами ещё более усугубилось (к естественной убыли добавились потери двух войн, эмиграции, эпидемии, в то время как воспроизводство кадров было приостановлено). Поэтому мысль о создании медицинского факультета у организаторов Костромского университета присутствовала изначально. Неслучайно для преподавания анатомии ещё осенью 1918 г. делалась попытка пригласить в Кострому такого крупного специалиста, как П. И. Карузин; недаром для

изучения этого предмета на естественном факультете в первый же год создалась весьма солидная база и анатомический театр.

«Костромичи имеют возможность получить необходимый для лекаря курс естественного цикла наук в Костромском университете, но, не останавливаясь на этом, Всемедиксантруд предпринимает шаги к открытию в Костроме медицинского факультета», – сообщает газета ещё летом 1919 г.¹¹⁶

5 ноября 1919 г. совет университета постановил открыть младшее отделение медицинского факультета в составе первых трёх курсов. «Временно же, впредь до открытия названного отделения, решено было организовать при естественном факультете преподавание цикла наук означенного отделения и в этих целях учреждён на естественном факультете ряд профессорских и преподавательских кафедр, а именно: 1) физиологии, 2) патологической анатомии, 3) частной гистологии с эмбриологией 4) фармации и фармакологии, 5) энциклопедии медицины, 6) биологической химии. В представленной смете на 1920 г. испрошены кредиты на личный состав поименованных кафедр», – говорится в письме, которое ректор Меньков 9 апреля 1920 г. направляет в Наркомпрос, обосновывая необходимость открытия факультета в Костроме и описывая имеющуюся в наличии на первое время базу для обучения студентов-медиков¹¹⁷.

В борьбу за костромской медфак активно включается медицинская общественность губернии. Подталкивает к тому, чтобы принять в этом отношении срочные меры, в частности, и эпидемия сыпного тифа.

Член правления союза «Всемедиксантруд» М. Покровский пишет:

«При борьбе со всякого рода эпидемиями, принимающими массовый характер, всегда требуется большое количество квалифицированных медицинских работников – врачей, в которых всегда чувствуется недостаток, а во время эпидемий наиболее остро.

Центр в этом отношении не может прийти теперь на помощь, т. к. экономическая разруха не позволяет учащейся молодёжи заниматься в столичных городах и эта тяжесть должна теперь лечь на места, на обязанности которых должно быть использование всего, что возможно в этом отношении. Эта мера – создание

*Б. М. Славочинский – выпускник
медицинского факультета
Московского университета. 1914 г.*

медицинского факультета на местах – должна быть поставлена в первую очередь у всех ведающих этим делом советских организаций, т. к. в борьбе с сыпным тифом, врагом революции, должны быть заинтересованы все, кому дороги её завоевания. В частности, у нас в Костроме для воплощения в жизнь этой мысли есть реальная почва в лице естественного факультета университета, который усилиями д-ра Славочинского, преподавателя анатомии университета, уже создал ряд подсобных кабинетов, как то остеологический кабинет, анатомический театр и т. п., которые могут быть использованы для медицинского факультета. В распоряжении губ. и гор. здравотделов имеется ряд роскошно оборудованных

клинических лечебных заведений. Всё это необходимо использовать на месте для создания медицинского факультета»¹¹⁸.

29 апреля в губернском здравотделе собирается заседание санитарного бюро, на котором Ф. А. Менькову приходится держать ответ, почему так медленно решается вопрос с созданием факультета и почему эта работа идёт в отрыве от медицинской общественности.

Ф. А. Меньков оправдывался: «Университетом велись и ведутся работы по организации медицинского факультета, и в качестве организатора-консультанта приглашён был декан медицинского факультета Лихачёв¹¹⁹, совместно с которым была составлена примерная смета на оборудование четырёх кафедр, которая и внесена в смету кредита на содержание младшего отделения медицинского факультета. В работе Лихачёва встретились непредвиденные препятствия – болезнь сына, смерть дочери и дело несколько затормозилось. <...> Правда, мы шли медленным, но верным путём, так

как об организации медицинского факультета – вопрос сложный, в особенности если принять во внимание настоящее время, весьма тяжёлое вообще для ведения организационной работы. Итак, технические сметы и объяснительная записка составлены и препровождены в центр, но ещё не утверждены и кредитов не отпущено. <...> Наши сметы так обоснованы, что препятствий к их утверждению в центре не встретится»¹²⁰.

Не преминул ректор на этом совещании сказать и о тех трудностях, которые являлись помехой не только новому факультету. В их ряду «невозможность заполнить необходимых работников. Вопрос этот особенно осложняется тем, что в Петрограде и Москве введён профессиональный паёк и люди из центра к нам не <обгор.>, если мы их не поставим в аналогичные условия»¹²¹.

О том, как непросто было добиться поддержки в центре, подробно рассказывает газета, излагавшая доклад зав. губздравотделом А. С. Дурново «Вопрос об организации медицинского факультета в Костроме в связи с перспективами использования сил и средств Костромы для высшего медицинского образования», с которым он выступил в университете 10 декабря 1920 г. Самые горячие дебаты были в учёном медицинском совете при Наркомздраве РСФСР:

«Д-р Дурново вёл переговоры по этому поводу с Тарасевичем¹²², председателем этого совета, и другими профессорами, входящими в его состав, и получил неутешительные ответы. Советом было решено, что университеты должны иметь областное значение. Такое решение вопроса вызывалось отсутствием сил для оборудования факультета.

Одновременно с вопросом о костромском факультете в учёном-методическом совете был выдвинут вопрос об открытии областного университета или в Вологде, или в Ярославле, или в Нижнем. После докладов тов. Дурново и Менькова, посланных для того в Москву делегатами, ярко и беспристрастно нарисовавших картину о положении, связанном с организацией медицинского факультета, выяснилось, что всё преимущество на стороне Костромы.

Окончательная резолюция была вынесена приблизительно такая: “Приняв во внимание наличность в Костроме хорошо

оборудованных медико-санитарных отделов, анатомического театра, существование естественного факультета и серьёзного отношения студентов, – *признать необходимым использование Костромы для высшего медицинского образования и оставить решение вопроса до рассмотрения данных Вологды и Ярославля*»¹²³.

Тем временем факультет, по сути дела, уже живёт, ибо в отчёте читаем:

«15 августа 1920 г. при естественном факультете было сформировано младшее отделение медицинских факультетов в составе первых 3 курсов. <...> Ввиду того что главное университетское здание до сих пор находится под 24-м эвакуационным госпиталем и ряду лабораторий университета пришлось значительно сжаться, специальная приёмочная комиссия нашла возможным принять на младшее отделение медицин[ского] факультета только 175 человек, отклонив более 200 заявлений о зачислении в число студентов-медиков.

Учебные занятия на младшем отделении медицинского факультета начались с 1 октября, учебная жизнь идёт полным ходом. Студенты считаются мобилизованными, самым исправным образом выполняют свою учебную повинность. Все они имеют тыловую красноармейский паёк»¹²⁴.

Нужно отметить, что Ф. А. Меньков вступил в должность ректора как раз в том момент, когда университету пришлось освобождать реквизированное военным ведомством под госпиталь своё самое значительное по количеству аудиторий и уже неплохо оборудованных кабинетов и лабораторий здание. Предоставленное взамен здание бывшего Волжско-Камского банка на той же улице Ленина, д. 3 не могло компенсировать в полной мере прежние помещения. Поэтому занятия ведутся в различных местах города, как мы можем убедиться по сохранившемуся в архиве документу по уплате за электрическое освещение¹²⁵: кабинет словесного отделения – ул. Никольская (ныне ул. Свердлова), д. 30; геологический кабинет – Гимназический пер., д. 8 (ныне ул. Лермонтова); кабинет истории искусств – ул. Никитская, д. 11; анатомический театр – ул. Никитская, д. 17; ботанический и зоологический кабинеты – ул. Луначарского, д. 11 (ныне пр. Мира);

химический, физический и географический кабинеты – ул. Ленина, д. 3. На Никольской улице, д. 29 (дом А. К. Вяжлинского, ныне ул. Свердлова) было оборудовано общежитие для приезжающих профессоров и преподавателей, о котором с теплотой писал в своём дневнике Н. М. Дружинин¹²⁶.

Перебазирование уже оборудованных лабораторий на какое-то время вынудило приостановить занятия, так как спешный переезд неизбежно сопровождался какими-то поломками с таким трудом добытого оборудования.

К этому времени обостряется продовольственный и топливный кризис. «К счастью, резкое обострение продовольственного кризиса, – читаем в отчёте, – было своевременно предотвращено благодаря тому, что ряд лиц университетского педагогического персонала получили обеспечение продовольственным пайком – частью академическим, постановлением комиссии по улучшению быта учёных в Москве, частью тыловым красноармейским, согласно постановлению Костромского губисполкома. Обеспечение продовольственным пайком учёных работников просвещения открыло для Костромского университета возможность привлечь ряд профессоров и преподавателей Москвы и Петрограда для периодических временных приездов в Кострому и тем обеспечить преподавание по целому ряду вакантных предметов и кафедр»¹²⁷.

При подведении итогов второго года деятельности Костромского университета в отчёте констатировался «несомненный реальный успех, подтверждаемый такими фактами, как непрерывно наблюдаемое повышение посещаемости студентами лекций и всякого рода практических занятий», «непрерывное возрастание количества выполняемых студентами зачётов». Вывод из всего этого делался самый оптимистический: «Все эти факты означают пробуждение и возрождение высшей школы после временного затишья и упадка и преисполняют руководителей университетской жизни глубоким удовлетворением, сознанием плодотворно выполненного долга и твёрдой надеждою на преуспевание в дальнейшем будущем»¹²⁸.

К сожалению, этот прогноз не подтвердился, и следующий, 1921 г., стал последним в короткой истории первого Костромского университета.

Университет и новая власть

На первых порах у университетского сообщества складываются почти идеальные отношения с местной властью: в меру своих ресурсов её органы оказывали вузу всяческую поддержку. В дальнейшем, очевидно, когда эти ресурсы становились всё более скудными, наметились и некоторые разногласия. Так, следы этих трений обнаруживаются в протоколе заседания правления 2 февраля 1919 г., где слушается «отношение Костромского губернского совета солдатских и рабочих депутатов от 6 февраля с. г. за № 820 с предложением ассигнованные университету V съездом Советов на оборудование библиотеки имени Ленина 100 000 р. зачесть из долга в 210 000 р.; остаток же последнего 110 000 р. внести в самом непродолжительном времени в кассу губернского исполнительного комитета». (Необходимо отметить, что в тексте допущена опечатка, ибо 100 000 р. на организацию в библиотеке имени В. И. Ленина «отдела социологии и политической экономии» были выделены не V, а VI съездом.) В ответ на это правление постановляет: «...послать отношение в губернский исполнительный комитет с указанием, что 100 000 р. были отпущены со специальным назначением, почему на погашение долга идти не могут; долг же в 210 000 р. просить сложить ввиду того, что он был основан на ранее принятом решении субсидировать университет из местных средств»¹²⁹. Сведений о том, имела ли продолжение эта история с возвратом

денег, выделенных из местного бюджета при самой организации университета, не найдено.

К 1919 г. относится и любопытный документ, свидетельствующий о грубой попытке вмешиваться в дела университета со стороны некой «Костромской комиссии фабрично-заводских предприятий по культурно-просветительной работе среди широких рабочих масс». Эта комиссия 24 апреля приняла резолюцию о «делегировании в Костромской университет 5 лиц из состава комиссии для всестороннего участия в собраниях коллективов, стоящих во главе академического и популярного отделений, путём ознакомления с письменными документами, отчётами и т. д., путём посещения занятий в университетских учебных учреждениях и иными соответствующими способами»¹³⁰. Кем была инициирована эта попытка, сказать затрудняемся, но вот какой вердикт выносит правление университета на этот счёт 8 мая 1919 г.: «Согласно проекту положения о российских университетах, разработанному комиссариатом народного просвещения и принятому комиссией совещания по реформе высшей школы, служащего для Костромского государственного университета основным руководством, а также на основании не отменённых донныне частей старого университетского устава, правление Костромского государственного университета не считает себя вправе допустить на свои заседания с правом членов правления делегатов Костромской комиссии по культурно-просветительной работе среди широких рабочих [масс]»¹³¹.

К сожалению, в фонде Р-33 изначально отсутствовала переписка с вышестоящими организациями, в частности с Наркомпросом РСФСР и его отделами, поэтому невозможно составить картины о том, как складывались отношения костромского вуза с ними. Можно лишь отметить, что в соответствии с новыми веяниями, чтобы встать с веком наравне, изданный отчёт университета 1920 г. уже начинается не с гуманитарного, а с естественного факультета, ибо в основе преподавания на гуманитарном факультете по-прежнему науки, не очень-то поощряемые властью. Заметно с течением времени и появление новых общественных дисциплин, особенно после декрета СНК РСФСР от 19 ноября 1920 г.

«О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» и предписаний образованной при Наркомпросе Комиссии для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах республики. В связи с этими преобразованиями гуманитарный факультет в конце концов переименовывается в факультет общественных наук. Впервые это новое название встречается в журналах факультета 21 июля 1921 г.¹³²

Позднее придёт в тихую провинцию это откровенное натравливание пришедшей на рабфаки рабочей и крестьянской молодёжи на вузы и их старых профессоров, образчики которого мы можем найти в костромской периодике. Вот что писал под впечатлением II Всероссийского съезда рабфаков пришедший в 1923 г. к руководству костромским рабфаком, выдвиженец советской власти В. П. Овсейчик, который чуть позже станет во главе губернского отдела народного образования:

«Подготовить рабочего или крестьянина, чтобы он мог работать в высшем учебном заведении, означает не только приучение его к научным формам мышления, не только овладение алгеброй, геометрией тригонометрией или ботаникой, зоологией, биологией и т. д. – это означает ещё в рабфаке развить в нём склонность не только к научным работам, но и к общественной работе, общественной борьбе.

Ведь до сих пор и ещё некоторое время это будет, в высших учебных заведениях существует совершенно враждебная советскому строю атмосфера, т. е. и студенчество враждебно настроено и профессора используют кафедры для оклеветания советской власти. Рабфаковец должен при поступлении в вуз вступить в яростную идейную борьбу с этой средой, следовательно, от него требуется уже некоторый минимум общественных выступлений»¹³³.

Никаких документов, свидетельствующих об отборе поступающих в университет по принципу социального происхождения, в недрах фонда КГРКУ тоже не встречается. Это всё впереди, и Костромской университет просто до этого времени не дожил. Правда, одно любопытное удостоверение,

датированное 1922 г., обнаруживается уже в фонде педагогического института:

«Настоящее удостоверение дано гр. города Кологрива Маргарите Козловой в том, что она ни в каких антисоветских действиях не замечена и политически благонадежна, что и удостоверяется.

Врид уполномоченный губотдела ГПУ по Кологривскому уезду (подпись)»¹³⁴.

Правда, чем было вызвана необходимость предъявления такой справки студенткой М. Козловой, выяснить не удалось...

Жизнь студенческая

В двух изданных отчётах о деятельности университета там, где речь идёт о преподавании отдельных дисциплин, профессорами и преподавателями приводятся темы докладов и рефератов, подготовленных в ходе занятий слушателями университета, называются их имена. Это, наверное, не просто необходимая для отчёта конкретика, но и дань уважения к тем слушателям, которые с первых занятий проявили серьёзное отношение к научным занятиям. Понимание наставниками того, в каких сложных условиях после трудового дня, после занятий, которые начинались в 6 часов вечера и продолжались иногда до 11 часов (этому подтверждение в отдельных листках с расписаниями, которые встречаются в некоторых архивных делах), эти слушатели находили время ещё и для самостоятельной работы над книгами.

Неслучайно и А. В. Луначарский отмечал «весьма сердечные отношения» между профессурой Костромского университета и его студентами. Об этом же писал впоследствии и академик Н. М. Дружинин: «...это была внимательная аудитория, охваченная жаждой знания, стремившаяся к самостоятельной работе над источниками и уважавшая научный авторитет преподавателей. Здесь не было зазнайства и позёрства, которые я наблюдал впоследствии на историческом факультете Московского университета; не было ни вмешательства студентов в организацию учебного процесса, ни при-

дирчивой критики методов преподавания со стороны администрации»¹³⁵. Кстати, и Н. М. Дружинин, и В. Ф. Шишмарёв, и С. М. Бонди, насколько известно, впоследствии многие годы поддерживали контакты с некоторыми из своих костромских студентов.

Заметно и по отчётам, и по архивным документам, как со временем проявляет себя группа слушателей, которая становится опорой профессоров и преподавателей и приглашается на службу в университет в качестве препараторов (по нынешним понятиям – лаборантов). Недаром Е. М. Чепурковский, составляя по чьему-то запросу список личного состава факультета, считает своим долгом отметить: «Присоединяя к списку преподавательского персонала список препараторов, естественный факультет считает своим долгом заявить, что означенная категория представлена действительно необходимыми работниками, способствовавшими в значительной мере созданию и оборудованию учебно-вспомогательных учреждений естественного факультета. Они являются не только ближайшими помощниками преподавательского персонала в педагогической работе, следовательно заменяют собой во многих случаях ассистентов, но и научными сотрудниками (некоторые из них имеют печатные научные труды, большинство же производят самостоятельные научные исследования). Имея непосредственную связь со студенчеством – большинство из них студенты Костромского университета, – они способствовали организации и объединению слушателей в научные кружки, усилив тем самым стремление к самодеятельности и научные интересы более широких масс учащихся»¹³⁶.

*Студентка Александра Москвина
Фотография с документа
Из фондов музея истории
КГУ им. Н. А. Некрасова*

Безусловно, из 2 494 слушателей, записавшихся на 1 января 1919 г., происходит значительный отсев: из-за трудностей жизни, из-за мобилизаций, и, наверное, прежде всего за счёт тех категорий записавшихся, для которых «университет являлся на первых порах лишь занятной новинкой»¹³⁷, и тех, чья подготовка не соответствовала уровню университетских занятий. На 1 января 1921 г., когда оформилась уже новая структура университета, в списках значится 2 293 слушателя: на естественно-математическом факультете – 1 127, гуманитарном – 760, педагогическом – 84, младшем отделении медфака – 182 и на рабочем факультете – 140. В какой-то мере происшедший спад компенсируется за счёт новых факультетов и новых наборов на старые факультеты, хотя условия жизни студентов отнюдь не становятся лучше.

Напротив, 1921 г. становится кризисным для политики военного коммунизма, проводимой советской властью, и многочисленные народные выступления и даже восстания в Кронштадте, в Тамбовской губернии и в других областях республики вынуждают РКП(б) на X съезде 14 марта 1921 г. перейти к новой экономической политике.

Бедственное положение студенчества в Костроме находит отражение на страницах местной прессы.

15 июня «в связи с обострившимся продовольственным положением и невозможностью губпродукта в дальнейшем снабжать продуктами широко развитую в Костроме сеть столовых общ[ественного] пит[ания]» закрывается целый ряд столовых, в том числе и при университете¹³⁸.

А позже в газете появляется коллективная заметка, подписанная «Бюро студенчества», под заголовком «Студенчество бедствует», в ней речь идёт об урезанных до предела пайках, которыми к тому же пользуются далеко не все студенты Костромы. Авторы затрагивают и другие проблемы студенческого бытия:

«Близится зачётный период – время усиленной ночной работы. Голодный студент должен идти на базар и у рыночных акул покупать вместо хлеба керосин, который губпродком со значительной скидкой мог бы предоставлять бедствующим учащимся с городских складов.

Далее следует отметить отрицательную сторону введения библиотечных залогов по 5 000 р. за книгу. Дорожащему каждой копеечкой студенту зачастую нужно при теперешней бедности в учебниках иметь не по одной, а по пяти книг одновременно для усвоения того или иного вопроса. Эта возможность до революции достигалась системой поручительств, вполне осуществимой и ныне, что и требуется безотлагательно провести.

Вообще было бы крайне желательно более участливое и внимательное отношение губернской власти к местному студенчеству. В частности, допущение хотя бы одного представителя студенчества в губ[ернском] эконом[ическом] совещании в качестве двустороннего информатора было бы весьма важным в этом направлении шагом»¹³⁹.

Материалы проведённой в 1920/21 учебном году студенческой переписи говорят и о других трудностях, которые приходилось преодолевать в эти годы костромскому студенчеству. Приведём лишь некоторые наиболее типичные высказывания студентов-медиков в ответ на вопрос о том, что мешает правильным занятиям:

«Правильным моим занятиям мешает состояние на военной службе, на каковой состою с 1918 г., а так как занятия на медфакультете дневные, то они совпадают со служебными моими занятиями»; «Отсутствие учебных пособий и освещения дома»; «Совершенно нет обуви»; «Ввиду того что на квартире абсолютно сам не имею возможности заниматься и знаю, что в таком же положении находятся многие из товарищей, считаю необходимым отведение определённого помещения для занятий при университете»; «Библиотека при Студ[енческом]издат[ельстве], к сожалению, не исполняет полностью своего назначения, т. к. для студентов-медиков в последней нет буквально никакого материала»; «Правильному ходу занятий мешает служба и ребёнок. От службы отказаться не могу, так как помогаю семье, а взять няньку к ребёнку не имею средств»; «Желательно, чтобы анатомический театр был открыт с 10 утра до 19 вечера без перерыва»¹⁴⁰.

Значительно реже встречались препятствия другого рода. Об этом такая запись в протоколе правления университета 11 февраля

1921 г.: «Слушали отношение Макарьевского уездного отдела народного образования от 4 февраля 1921 г. за № 540 об отстранении студентки педагогического факультета Костромского университета Л. А. Касторской от занятий в университете в целях возвращения её к исполнению обязанностей преподавательницы в Макарьевском уезде. Выслушав изложенное отношение № 540 и принимая во внимание, что согласно действующим узаконениям (декр[ет] 2 августа 1918 г.) состояние на какой-либо службе само по себе не препятствует приёму в число слушателей университета, равно как и то, что студенты университета, исправно выполняющие учебную повинность, к числу каковых относится и названная выше Л. А. Касторская, не могут без особых к тому оснований быть увольняемы из университета или отстраняемы от учебных занятий, правление университета постановило: об изложенном сообщить Макарьевскому уездному отделу народного образования и одновременно с сим войти в сношение с губнаробразом и с правлением Костромского союза работников просвещения и социалистической культуры по вопросу об урегулировании положения лиц, состоящих на педагогической службе и вступающих в число слушателей университета»¹⁴¹.

Что касается упомянутого в одной из процитированных анкет Студенческого издательства, это была одна из студенческих инициатив.

Об обществе «Студенческое издательство» газета писала: «Общество, как говорит первый параграф его устава, ставит своей целью – содействие развитию самостоятельности и культурности студенчества, а также литературное обслуживание и возможное удовлетворение его духовных и научных потребностей»¹⁴².

Планы были обширные: предполагалось издавать свой журнал, а также книги, лекции, справочники и прочие учебные пособия; устраивать публичные чтения... Запись в него, как сообщалось в газете, производилась при старостате университета, где можно ознакомиться и с уставом общества. В 1920 г. общество пыталось, видимо, снова вернуться к осуществлению своей главной задачи:

«Коллегия о-ва “Студенческое издательство”, констатируя острую нужду студенчества в учебниках и учебно-вспомогательных пособиях, необходимых для прохождения университетского курса, и не будучи в состоянии достать их ни на костромском, ни на иногороднем рынке, решила приступить к изданию конспектов и программ проходимых курсов своими силами.

По этому вопросу коллегией ведутся переговоры с комиссией по социальному обеспечению студенчества, с губернским отд[елом] народного образования и с профессорами университета.

Для окончательного установления вида предполагаемых к изданию пособий коллегия 1 февраля в 8 часов вечера созывает общее собрание членов о-ва «Студенческое издательство», а также всех студентов университета¹⁴³.

Но скорее всего непосредственно издательские планы не были осуществлены, так как печатной продукции общества обнаружить не удалось. (Кстати, такое произошло и с издательскими планами самого университета: средства на выпуск его трудов даже закладывались в смету, обсуждались планы первых выпусков, которые так и остались лишь в протоколах заседаний.) Из печатной продукции Студенческого издательства сохранились только программы музыкальных вечеров, которые общество проводило в «белом» зале, чтобы собирать деньги для осуществления своих издательских планов. В вечерах активное участие принимали не только студенты, но и супруги Шишмарёвы. Недаром в архиве академика хранятся эти программы и конспекты вступительных слов о русских и зарубежных композиторах В. Ф. Шишмарёва, а в качестве вокалистки выступала супруга профессора, Анна Михайловна, профессиональная оперная певица. Принимали участие в этих музыкально-просветительских мероприятиях и супруги Некрасовы (Людмила Викторовна, жена профессора, была прекрасной пианисткой, а А. И. Некрасов предварял концерты фортепьянной музыки). Ещё об одной инициативе общества «Студенческое издательство» – о «тихой читальне» – уже упоминалось. Известно также, что при университете существовал драматический кружок¹⁴⁴. Однако о его деятельности никаких подробностей не найдено.

*Третий курс рабочего факультета в здании бывшего Дворянского собрания
1924 г. (ГАКО. П-4597)*

Намного больше внимания и партийная власть, и газета «Красный мир» уделяли рабочему факультету Костромского университета. В статье к двухлетию рабфака его заведующий В. И. Лавров отмечал: «С первых же дней существования рабочего факультета обнаружилась у слушателей удивительная жажда знаний и трудоспособность, которые преодолевали все трудности в усвоении курса. После утомительной работы за целый день аккуратно собирались слушатели по вечерам на рабочий факультет и проводили вечер до 10–11 часов в напряжённой классной работе. Не было никогда жалоб на то, что занятий слишком много, скорее наоборот, приходилось, боясь перегрузки, сдерживать рвение просящих увеличить число занятий по тому или иному предмету. Эта жажда знаний, удивительная работоспособность являются характерной чертой нашего рабфака и по настоящее время. Надо иметь в виду, что трудности, которые приходится преодолевать студенту рабфака в восприятии преподаваемых знаний, действительно

велики, так как у большинства студентов отсутствует та необходимая культурная почва, которая облегчает органическое усвоение знаний. На долю преподавателя выпала сложная, но интересная задача – найти те особые методы преподавания взрослым рабочим и крестьянам, которые бы облегчили действительное восприятие знаний слушателями рабфака»¹⁴⁵.

Примечательно, что особо отмечалось: «...в отличие от московской практики, у студентов костромского рабфака сложились самые добрые товарищеские отношения со студентами университета, которые выразились в устройстве своих студенческих организаций – Студенческого издательства, Студенческого кооператива и других»¹⁴⁶.

«Несогласие с общей финансовой политикой»

Отголоски глубокого финансового кризиса, поразившего страну к 1921 г., запечатлены в некоторых архивных документах КГРКУ. Они указывают на серьёзные сбои в финансировании университета. И, видимо, уже к концу учебного года Наркомпрос снова возвращается к вопросу о закрытии Костромского университета. «Сегодня утром уезжает наше университетское начальство – и ректор, и декан, и его заместитель – хлопотать о сохранении университета», – записывает Н. М. Дружинин в Костроме в своём дневнике 12 июня 1921 г.¹⁴⁷

Никаких документов о результатах этой поездки не найдено. Размышляя о судьбе университета, Дружинин замечает 16 июня в дневнике: «Университету нужно быть революционно-благонадёжным, чтобы зарекомендовать себя в “сферах”»¹⁴⁸.

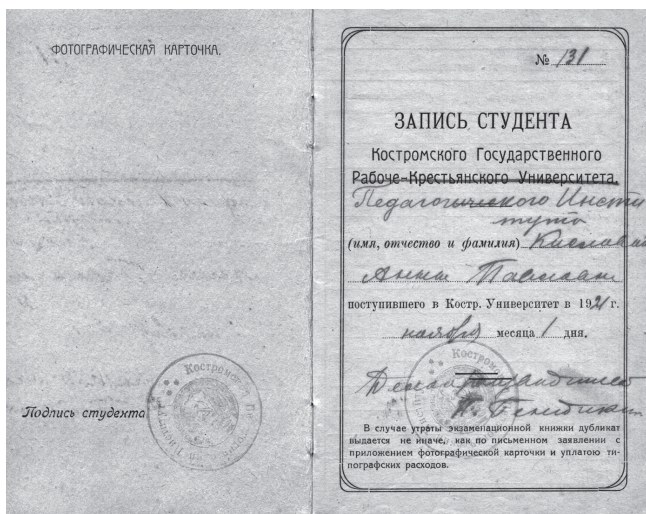
Очевидно, какая-то надежда ещё оставалась. Университет даже пригласил новых преподавателей. В архиве сохранились копии отправленных 9 августа уведомлений, подписанных деканом естественно-математического факультета Е. М. Чепурковским. Вот одно из них: «Всеволоду Сергеевичу Ильину.

Имею честь уведомить Вас, что согласно Вашему заявлению Вы избраны 26 июля с. г. профессором естественно-математического факультета Костромского государственного университета на кафедру геологии»¹⁴⁹.

Аналогичные уведомления посылаются Григорию Александровичу Кожевникову, избранному профессором

кафедры зоологии беспозвоночных, Александру Дмитриевичу Некрасову – профессору кафедры позвоночных, Аполлону Андреевичу Юдину – профессору кафедры физиологии, Александру Саввичу Предводителю – профессору кафедры механики и математики, Григорию Григорьевичу Щёголеву – профессору кафедры гистологии и эмбриологии, Сергею Васильевичу Чефранову – преподавателю географии, Александру Ивановичу Опарину – преподавателю кафедры физиологии растений¹⁵⁰...

Кто из этого вновь избранного пополнения профессорско-преподавательского состава успел приступить к лекциям и практическим занятиям в Костромском университете, а кто и вовсе их не начал, сказать трудно. Начало четвёртого учебного года университета было нарушено, ибо Наркомпрос принял решение о закрытии или реорганизации ряда молодых университетов, в частности Костромского, в связи с переходом к новой экономической политике, повлекшей сокращение финансирования учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Постановление коллегии Наркомпроса от 18 августа 1921 г. предусматривало через объединение педагогического факультета с Институтом народного образования создание самостоятельного педагогического института, а на базе естественного факультета университета – практического сельскохозяйственного института.

Запись студента
(студенческий билет)
А. П. Кисловой
(ТАКО. Ф. Р-3033.
Оп. 1. Д. 81)

В. И. Лавров. 1923 г.

О том, как было воспринято это известие в Костроме, о попытках костромичей разными путями, в различных столичных инстанциях отстаивать свой университет, рассказывают публикации в газете «Красный мир» (см. прил. 9). Следует сказать, что эти попытки никакого результата не дали, и 19 декабря 1921 г. состоялось первое заседание совета Костромского педагогического института, на котором кандидатами, подлежащими представлению в Наркомпрос на утверждение, избирались на должность ректора Ф. А. Меньков и в члены правления А. А. Болотников и Н. Н. Богданов¹⁵¹.

Ректором утверждается Ф. А. Меньков, после его отъезда обязанности ректора педагогического института и объединенного с ним общим руководством сельскохозяйственного несёт профессор физик Е. Е. Сиротин, некоторое время, судя по архивным документам, эти обязанности исполняет М. А. Растопчина, а закрывать и это высшее учебное заведение в сентябре 1923 г. приходится уже ректору В. И. Лаврову¹⁵².

С преобразованием учебного заведения его финансовое положение лучше не стало. Свидетельство тому – мандат, выданный 3 декабря 1921 г. профессору А. И. Некрасову, которым Костромской педагогический институт поручал ему «выяснить в финотделе главпрофобра положение с кредитами педагогического института за октябрь – декабрь 1921 г., а также с кредитами закрывшегося Костромского государственного университета за срок июль – сентябрь 1921 г.»¹⁵³.

Возникают трудности и с поездками преподавателей из Москвы в Кострому и обратно, в связи с этим тот же А. И. Некрасов (он активно участвует и в работе нескольких столичных

организаций) ведёт по поручению Ф. А. Менькова переговоры об этом в Наркомпросе и управлении Северной железной дороги.

Очевидно, эти переговоры ни к чему не привели, потому что позднее, в феврале 1922 г., в Совет по делам высших учебных заведений главпрофобра отправляется ещё одно ходатайство: «Костромской педагогический институт настоящим просит о возбуждении ходатайства в надлежащих учреждениях о предоставлении права профессорам института, читающим лекции также в Москве или постоянно туда ездящим по служебным обязанностям, всего в количестве десяти человек, пользоваться бесплатным проездом между Москвой и Костромой и обратно не более одного раза в месяц. Список означенных лиц при сем прилагается»¹⁵⁴. (Кстати, по этому списку можно достоверно судить, что в первом полугодии 1922 г. в пединституте продолжают преподавать профессора М. К. Любавский, А. В. Михайлов, Г. К. Вебер, Г. А. Кожевников, С. К. Шамбинаго, преподаватель ботаники А. Э. Жадовский и историк Н. М. Дружинин. В список также включены часто ездившие по делам в столицу ректор Ф. А. Меньков, проректор А. Л. Саккетти и А. И. Некрасов¹⁵⁵.) Однако ответ последовал отрицательный: ходатайство «не может быть удовлетворено, как несогласное с общей финансовой политикой»¹⁵⁶.

И образованным на базе университета институтам – педагогическому и сельскохозяйственному – приходится с самых первых шагов сокращать кадры, объединять группы для занятий. В протоколе заседания правления (уже совместного двух институтов) 31 января 1922 г. читаем постановление:

«Принимая во внимание крайне недостаточные средства, отпущенные на январь – сентябрь 1922 г. на пединститут:

1) Слить с начала весеннего семестра 1-й курс факультета соцвос с 1-м курсом факультета профобр¹⁵⁷, как имеющих совершенно аналогичный учебный план и одни и те же читаемые предметы.

2) С начала весеннего семестра 1922 г. сохранить на 2-м курсе факультета соцвос только те курсы, которые входят в программу,

утвержденную центром, но не читаются на 2-м курсе факультета профобр. По всем аналогичным или близким по содержанию курсам, читаемым на факультете профобр (техникумов), студенты 2-го курса соцвос слушают на факультете профобра.

3) Предложить факультетам немедленно перевести в разряд факультативных курсов курсы, не входящие в учебную программу, присланную центром, а также ограничиться обеспечением преподавания лишь главных, совершенно необходимых курсов, все же второстепенные курсы перевести в разряд факультативных или же прекратить по ним чтение лекций»¹⁵⁸.

*Студком и ректорат
Костромского педагогического
института. 1922–1923 гг.
Во втором ряду: С. В. Фрязинов,
Е. М. Чепурковский,
В. И. Лавров, М. А. Раstopчина
(КГОИАХМЗ. Н/в 12085)*

*Студенты первого выпуска
рабочего факультета
1920–1921 гг.
В центре заведующий
факультетом В. И. Лавров
(КГОИАХМЗ. КОК 22087)*

«В 1919 г. в Костроме, – сообщает Н. Н. Богданов, – прибавились ещё 2 вуза – Практический институт по электро-механической и химической промышленности и Практический землеустроительный институт. Оба эти института преобразованы из прежних средних учебных заведений – первый из Механико-химико-технического училища, основанного в 1914 г., и второй из Землемерного училища, открытого в 1911 г.»¹⁵⁹. В начале 1923 г. Н. Н. Богданов с гордостью констатирует: «Костроме, нашему небольшому культурно-хозяйственному губернскому центру, не имевшему до переворота ни одного вуза, революция дала целых 4 высших практических учебных заведения и рабочий факультет»¹⁶⁰.

Анализируя ситуацию, он провозглашает:

«Преподавание общественных наук во всех институтах без исключения неудовлетворительно как с партийной, так и с советской точек зрения. Коммунистической партии необходимо взять в свои руки преподавание таких предметов, как политическая экономия, исторический материализм, советская конституция, история революционных движений и др. Преподавание этих предметов преподавателями старого типа приносит безусловно больше вреда, чем пользы, воспитывая студенчество не в том духе, который бы создал будущих “красных спецов”».

Обслужить преподавание указанных общественных дисциплин Коммунистическая партия имеет возможность двумя способами: часть кафедр в вузах должна быть замещена товарищами коммунистами, достаточно подготовленными для преподавания. При недостатке таких сил следует прибегнуть к методу влияния на студенчество через организацию специальных кружков политграмоты, марксистских и пр. Организация таких кружков задача вполне посильная нашей костромской организации»¹⁶¹.

Но осуществить эти задачи в полной мере костромским коммунистам удаётся только на рабфаке, которому была суждена в отличие от всех костромских вузов более долгая жизнь.

«Несогласие с общей финансовой политикой» (к тому времени ещё не был придуман термин «оптимизация») приводит к закрытию летом 1923 г. педагогического института в Костроме.

Свой след в костромской жизни

Недолгий век был отведён первому Костромскому государственному рабоче-крестьянскому университету. Если кратко оценивать его вклад в жизнь провинциальной Костромы, то в первую очередь, кажется, мы должны поставить ему в заслугу то, что он позволил многим сотням жителей города и губернии в эти смутные и тяжёлые времена не потерять для получения образования самые благоприятные молодые годы. Он дал возможность из рук как уже маститых учёных, так и молодых, но талантливых учёных-педагогов не только получить начатки научных знаний и первые навыки исследовательской работы, приобщиться к культуре, но и проникнуться тем настроением, которое поддерживало самих этих представителей русской интеллигенции, оставшихся верными своей стране. «Много горя, нужды и страданий кругом. Сердце разрывается, но великое утешение книги, научная работа и культ[урные] духовные ценности – искусство, религия. Революция заставила нас глубоко и сильно переживать и чувствовать. Душа и мировоззрение получили огромную пищу. Все мы и лично, и Россия в целом выйдем из испытаний умудрёнными и серьёзными», – так формулировал это состояние души в одном из писем брату Ю. М. Соколов труднейшей зимой 1919 г.¹⁶²

Из стен Костромского университета многое вынесли не только те его выпускники, которые оставили свои имена и труды в науке и литературе, судьбы которых нам

удалось проследить и о которых мы рассказываем в этой книге, но и сотни других – рядовых педагогов, агрономов, врачей, инженеров и других специалистов, имена которых не столь громки и с течением времени даже забыты.

Учёные университета, а затем и его студенты оказали большое влияние на начатую ещё раньше Костромским научным обществом работу по изучению местного края. Это могло бы стать даже темой отдельного исследования.

Участие университета обнаруживается и в деятельности других столь важных и по сей день в культурной жизни Костромы учреждений – областной научной библиотеки, Костромского архива и музеев, в создании которых и изучении их фондов принимали столь активное участие профессора и преподаватели первого костромского университета. Другое дело, что из-за небрежения и идеологического диктата далеко не все эти работы дошли до нас.

Благодаря приглашениям университета костромичи в то время имели счастливую возможность слушать лекции А. В. Луначарского, выдающихся экономистов Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова, писателя Ф. К. Сологуба.

Лекция профес. Н. Д. Кондратьева.

В воскресенье 24 июля, в 7 часов вечера, в помещении Государственного Университета состоится **лекция** профессора Петровской сельско-хозяйственной Академии, начальника управления селхоз. экономии и плановых работ наркомзема **Н. Д. Кондратьева** «**Современное состояние мирового хозяйства и его кризис**».

Билеты при входе.

Лекции проф. А. В. Чаянова.

В Субботу 23 июля в 7 ч. веч. в **помещении Государственного Университета** состоится **лекция** Профессора Петровской сельско-хоз. Академии Члена Коллегии Народного Комиссара Земледелия **А. В. Чаянова**.

**„ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ“.**

В Воскресенье 24 июля в 1 час дня лекция на тему:
„СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ“.

Билеты при входе.

Дубнолитиздосет.

Объявления о лекциях
Н. Д. Кондратьева
и А. В. Чаянова в газете
«Красный мир». 1921 г.

В этой книге по мере возможности приводятся примеры того, какое влияние оказывало на музыкальную, художественную, театральную жизнь города присутствие музыкально одарённых и образованных людей – супругов Шишмарёвых и Некрасовых, профессора А. Л. Саккетти, разносторонне талантливой семьи Бонди. Особенно важно было это влияние, когда набирал силу Пролеткульт, призывавший свергнуть с пьедестала «идолов старого искусства».

К сожалению, сейчас уже не услышать в живой памяти старых костромичей тех отголосков-воспоминаний о Костромском университете, которые доводилось слышать приехавшему в Кострому в самом конце 1950-х В. Н. Бочкову, краеведу М. П. Магницкому, попытавшемуся собрать и записать какие-то факты об этой странице костромской истории. Но тем не менее, забывать этот самоотверженный, трудный и интересный опыт мы не вправе.

Примечания

¹ Россия. Государственная дума. Созыв 4, сессия 1: стеногр. отчёт. СПб., 1913. Ч. 1: заседания 1–30. Стб. 1346.

² Там же. Ч. 1. Стб. 795.

³ Там же. Ч. 1. Стб. 1646.

⁴ Там же. Ч. 1. Стб. 1649.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Стб. 1649–1650.

⁷ Костромская жизнь. 1913. № 107.

⁸ Россия. Государственная дума. Созыв 4, сессия 1: стеногр. отчёт. Ч. 1: заседания 1–30. Стб. 1650.

⁹ Там же. Стб. 1686.

¹⁰ Костромская жизнь. 1913. № 38.

¹¹ Россия. Государственная дума. Созыв 4, сессия 1: стеногр. отчёт. Ч. 2: заседания 31–54 (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). Стб. 795.

¹² Доклады Костромской губернской земской управы очередному Губернскому земскому собранию сессии 1913 г. По отделу народного образования. Вып. 1. Кострома, 1913. С. 12.

¹³ Журналы Костромской городской думы за 1915 год. Кострома, 1918. С. 184.

¹⁴ Там же. С. 103–105.

¹⁵ Доклады Костромской губернской земской управы очередному Губернскому земскому собранию сессии 1916 г. По отделу народного образования. Вып. 2. Кострома, 1917. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ *Сорокин Н., Ратьков А.* Канитель, или Как в Костроме в начале столетия пытались открыть педагогический институт // *СМ-педагог: многотир. газ. КПИ.* 1984. 24 февр.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ К открытию в Костроме педагогического института // *Советская газета.* 1918. 12 апр.

²² См. таблицы, составленные А. Е. Ивановым, в кн.: Россия, 1913 год: статистико-документ. справ. / Рос. акад. наук; Ин-т рос. истории. СПб., 1995.

- ²³ Там же. Примеч. к табл. 8.
- ²⁴ Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 г. Кострома, 1914. С. 6.
- ²⁵ Там же. С. 51.
- ²⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 191. (Сообщено Л. И. Сизинцевой, выписки сделаны, когда фонд ещё не был обработан).
- ²⁷ *Сыромятников Б.* Что даёт народный университет. М., 1921. С. 1.
- ²⁸ ГАКО. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 252. С. 3–3 об.
- ²⁹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1918 год. Кострома, 1919. С. 4.
- ³⁰ Там же. С. 7.
- ³¹ *Миловидов В. Л.* Человек удивительной судьбы // Миловидов В. Л. Страницы российской истории: избр. ст. и очерки. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. С. 303–304.
- ³² *Сафонов Г. М.* О Народном университете в г. Костроме // Советская газета. 1918. 20 апр.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Отчёт о деятельности Костромского губернского общества народных университетов со дня возникновения (24 апреля 1918 г.) по 30 июня 1919 г. Кострома, 1919. С. 6. (Далее: Отчёт КГОНУ.)
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ГАКО. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 252. Л. 7–8.
- ³⁷ Отчёт КГОНУ. С. 7.
- ³⁸ Цит. по: *Зимин М.* Первые чтения в Костромском народном университете // Трудовой путь. 1918. № 14. С. 10.
- ³⁹ *И. Б[огданов].* О деятельности Костромского общества народных университетов // Трудовой путь. 1918. № 17–18. С. 41–43.
- ⁴⁰ В 1919 г. Языков был избран членом ВЦИК и покинул Кострому. Работал заместителем наркома торговли и промышленности, затем был на дипломатической службе в Канаде и Лондоне. Его сноха в очерке «Моя семья, которой нет» пишет: «Я познакомилась с Александром Александровичем в 1934 г., когда ему исполнилось 60 лет. Он был уже персональным пенсионером, чувствовал себя неважно: очень болели ноги – результат скитальческой жизни профессионального революционера. Он тогда занимался любимым

трудом и был ответственным редактором Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, приуроченного к 100-летию со дня гибели поэта» (*Языкова Т. Моя семья, которой нет // Факел: ист.-рев. альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 248*). 23 января 1937 г. был арестован его сын, Валериан, а в сентябре, когда сын был уже расстрелян, пришли и за отцом, который на партсобрании в Госиздате посмел сказать: «Мой сын – честнейший коммунист». По одним данным, А. А. Языков умер в лагере в 1942 г., а по некоторым источникам, был расстрелян ещё в 1937-м.

⁴¹ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 г. Кострома: Губернская тип., 1915. С. 45. Впоследствии Б. Т. Бидерман стала женой А. А. Языкова и переехала с ним в Москву. Очевидно, там её деятельность была связана также с медициной. (В одной из диссертаций встречается такая сноска: «Бидерман Б. Т. Лечебное дело в РСФСР // Труды 2-го Всероссийского съезда здраводелов. М., 1920»). Татьяна Языкова в своих воспоминаниях упоминает о Б. Т. Бидерман тоже очень скупно: «Мы с мужем часто бывали у отца. Приезжали прямо с работы, вместе обедали. С его женой я встречалась мало: она вела какие-то занятия и возвращалась очень поздно». Говоря о 1937 г., Т. Языкова упоминает: «А Александр Александрович? Он болезненно тяжело переживал арест сына. Тогда же погибла и его жена. Одинокий, убитый горем, он почти не выходил из кабинета» (*Языкова Т. Моя семья, которой нет. С. 248, 249*).

⁴² Советская газета. 1918. 25 сент.

⁴³ Во имя победы революции: Костромская губерния в период Гражданской войны 1918–1920 гг. / сост. И. Е. Травина, Л. И. Фёдорова; под ред. М. Н. Белова. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1984. С. 221.

⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.

⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об.

⁴⁶ Отчёт о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. 7 ноября 1918 г. – 7 ноября 1919 г. Кострома, 1920. С. 2. (Далее: Отчёт 1.)

⁴⁷ В губернском исполнительном комитете // Советская газета. 1918. 5 окт.

⁴⁸ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 11 об.

⁴⁹ Отчёт 1. С. 2.

⁵⁰ Там же. С. 6.

⁵¹ Коганович Пётр Кириллович (1887–1938) – по рождению костромич, член РСДРП с 1905 г., подвергался административной ссылке в Вологодскую губернию. Луначарский, побывав в 1919 г. в Костроме, очень высоко отзывался о его работе. Впоследствии был направлен председателем Курского губисполкома, занимался продовольственной работой в Симбирске и на Северном Кавказе, был членом правления Центрального союза потребительских обществ и начальником Финансового управления наркомата внутренней торговли, зам. директора Центрального сельскохозяйственного банка, в 1937 г. с должности начальника главрыбвода наркомата пищевой промышленности СССР был арестован и расстрелян во Владивостоке. Чаще его фамилия пишется «Каганович», так он значится и в списках членов ВЦИК 1920 г., где следует за другим Кагановичем – Лазарем Моисеевичем. (Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза, 1898–1991 гг. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/ККК/13708.asp>).

⁵² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об.

⁵³ В «Отчёте по организации и деятельности Костромской центральной научной библиотеки за время с 15 апреля по 7 марта 1919 г.» говорится: «Была составлена смета библиотеки, которая... была направлена в Народный комиссариат по просвещению в мае 1918 г., но до сих пор почему-то нет никаких ассигнований из центра, хотя прошло уже 9 месяцев. Поэтому вся работа по библиотеке велась на местные, очень скудные средства, ассигнованные горискомом и губисполкомом в размере 25 627 р., кроме 2 000 р., полученных от Костромского государственного рабоче-крестьянского университета заимообразно до получения из центра» (Первый год советской работы по народному образованию в гор. Костроме: сб. материалов / под ред. В. А. Невского. Кострома, 1921. С. 208).

⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁵⁵ В Отчёте 1 на с. 48 названа другая цифра: «...библиотека Н. Ф. Жохова насчитывает до 3 000 томов».

⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–10 об. О книгах из библиотеки Н. Ф. Жохова см. прил. 8.

⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–14 об. П. Т. Виноградов (1844? – 13.11.1919) – сын псаломщика, закончил Ярославскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. С 1878 г. и до закрытия в 1918 г. служил инспектором Костромского духовного училища. Виноградов был и духовным писателем, и многознающим библиофилом, в училище он занимался комплектованием фундаментальной и ученической библиотек (*Горохова О. В., Резепин П. П.* Библиоман // Губернский дом. 2006. № 1/2. С. 80–89). Нужно добавить, что университет в благодарность за такой щедрый дар помогал оставшемуся не у дел П. Т. Виноградову доживать свой век в это трудное время. После перевозки книг в университет у него постепенно приобретаются опустевшие книжные шкафы. 1 августа 1919 г. правление постановляет: «Уплатить П. Т. Виноградову за составление каталога и списков книг пожертвованной им университету библиотеки по 600 р. ежемесячно начиная с 1 января с/г.» (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 18 об.), а 25 августа ему выплачивается 4 500 р. за три, очевидно последних, книжных шкафа, купленных для университетской библиотеки (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 18).

⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3 Л. 12 об.

⁵⁹ Там же. Д. 2. Л. 7.

⁶⁰ Советская газета. 1918. 22 окт.

⁶¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

⁶² Там же. Д. 3. Л. 17.

⁶³ Там же. Л. 22.

⁶⁴ Там же. Л. 10.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М.: Наука, 1990. С. 208.

⁶⁷ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 162.

⁶⁸ Из далёких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых) / подгот. текстов, вступ. ст., коммент. и указатели В. А. Бахтиной. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

- ⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
- ⁷⁰ Там же. Д. 14. Л. 17.
- ⁷¹ Там же. Л. 18.
- ⁷² Отчёт 1. С. 7.
- ⁷³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 64 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 60.
- ⁷⁵ Отчёт 1. С. 2.
- ⁷⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 16.
- ⁷⁸ Там же. Д. 14. Л. 36.
- ⁷⁹ Отчёт 1. С. 3.
- ⁸⁰ С. Т. О судьбе Костромского университета // Красный мир. 1921. 7 сент.
- ⁸¹ Советская газета. 1918. 22 окт.
- ⁸² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Отчёт 1. С. 6.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ⁸⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Отчет 1. С. 4–5.
- ⁹⁰ В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. Т. 80. М.: Наука, 1971. С. 390.
- ⁹¹ Народное просвещение. 1919. № 39–41. С. 4–7.
- ⁹² А у с п и ц и и – предзнаменования, виды на будущее.
- ⁹³ В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. С. 429.
- ⁹⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 5.
- ⁹⁵ Отчёт 1. С. 38.
- ⁹⁶ Там же. С. 41.
- ⁹⁷ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.
- ⁹⁸ Там же. Л. 30.
- ⁹⁹ Там же. Л. 30–30 об.
- ¹⁰⁰ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 42–42 об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 42 об.

¹⁰² Там же. Л. 51.

¹⁰³ Там же. Д. 20. Л. 75.

¹⁰⁴ Там же. Л. 5.

¹⁰⁵ Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты [Электрон. ресурс] / сост. Н. Л. Пашенный. Мадрид: Изд. Комитета правоведской кассы, 1967. URL: <http://genrogge.ru/isj/isj-243.htm#> (дата обращения: 11.09.2012).

¹⁰⁶ Отчёт 1. С. 48–49.

¹⁰⁷ Там же. С. 49.

¹⁰⁸ Отчёт о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. 7 ноября 1919 г. – 7 ноября 1920 г. Кострома, 1921. С. 58. (Далее: Отчёт 2.)

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹¹² Отчёт 2. С. 4.

¹¹³ Там же. С. 48.

¹¹⁴ Там же. С. 49.

¹¹⁵ Россия, 1913 год: статистико-документ. справ. [Электрон. ресурс] / РАН, Ин-т рос. истории; ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин; СПб., 1995. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/History/Stat/39.php.

¹¹⁶ Красный мир. 1919. 19 июля. Все меди ксантруд – Всероссийский союз работников медико-санитарного дела.

¹¹⁷ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 23. Л. 49 об.

¹¹⁸ Покровский М. Борьба с сыпняком: Организация медицинского факультета есть одна из мер борьбы с сыпным тифом // Красный мир. 1920. 23 февр.

¹¹⁹ Лихачёв А. А. (1866–1942) – с 1899 по 1942 г. зав. кафедрой фармакологии С.-Петербургского женского медицинского института, а позже 1-го Ленинградского мединститута, многие годы был одновременно и деканом. Сохранилось ходатайство КГРКУ в Петроградский мединститут «о командировании состоящего учёным-консультантом при названном университете профессора Алексея Алексеевича Лихачёва на непродолжительный срок в г. Кострому для участия в совещаниях по организации там

медицинского факультета», датированное июнем 1920 г. (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 76).

¹²⁰ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

¹²¹ Там же. Л. 2 об.

¹²² Тарасевич Лев Александрович (1868–1927) – выдающийся российский и советский иммунолог, эпидемиолог, микробиолог, патолог, организатор здравоохранения и медицинской науки. С 1918 г. – председатель учёного медицинского совета при Уаркомздраве РСФСР.

¹²³ Об организации медицинского факультета // Красный мир. 1920. 17 дек.

¹²⁴ Отчёт 2. С. 7.

¹²⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Л. 40. Л. 112–112 об.

¹²⁶ См. прил. 5

¹²⁷ Отчёт 2. С. 10.

¹²⁸ Там же. С. 11.

¹²⁹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 33 об. – 34.

¹³⁰ Там же. Л. 59.

¹³¹ Там же. Л. 59.

¹³² Там же. Д. 127. Л. 57.

¹³³ *Овсейчик В.* Новый приём в костромской рабфак // Известия Костромского губернского комитета РКП(б). 1923. № 4. С. 23.

¹³⁴ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 68. Л. 42.

¹³⁵ *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. С. 209.

¹³⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 23. Л. 12. Для примера сделаем дополнения о некоторых из указанных в этом списке студентов-сотрудников университета. С открытия университета его слушательницей и препаратором кафедры физики была *Е. А. Зверева*. Став помощницей своего когда-то гимназического учителя *Е. Е. Сиротина*, *Е. А. Зверева* много сделала для оборудования физического кабинета, неоднократно ездила в командировки в Москву, добывая необходимые приборы и пособия. Она – одна из активных кружковцев в физической секции студенческого научного кружка. С 20 марта 1919 г. на должность препаратора при зоологическом кабинете был приглашён *Д. В. Белихов*, который становится правой рукой преподавателя

Б. С. Грезе, активистом его научного кружка, сотрудником созданной вскоре биологической станции, непременным участником организуемых университетом и КНО научных экспедиций. Известно, что Д. В. Белихов стал, закончив в 1924 г. Казанский университет, зоологом-гидробиологом, работал в Казанском педагогическом институте, в 1971 г. получил докторскую степень, а в 1973 г. – звание профессора.

¹³⁷ Отчёт 1. С. 6.

¹³⁸ Закрытие столовых // Красный мир. 1921. 16 июня.

¹³⁹ Красный мир. 1921. 10 дек.

¹⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 36. Л. 23, 24 об., 29 об., 31 об., 41 об., 59 об.

¹⁴¹ Там же. Д. 25. Л. 43.

¹⁴² Из жизни университета // Красный мир. 1919. 5 сент.

¹⁴³ Студенческое издательство // Красный мир. 1920. 11 февр.

¹⁴⁴ Первый год советской работы по народному образованию в гор. Костроме: сб. материалов / под ред. В. А. Невского. Кострома, 1921. С. 405.

¹⁴⁵ *Лавров В.* Рабочий факультет Костромского государственного университета – за два года // Красный мир. 1921. 2 дек.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 125.

¹⁴⁸ Там же. С. 126.

¹⁴⁹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 84.

¹⁵⁰ Там же. Л. 85, 86, 87, 89, 91, 88, 93.

¹⁵¹ В характеристике, которая даётся на этом заседании, указывается: «Николай Николаевич Богданов окончил ветеринарный институт в городе Казани, был ассистентом Харьковского ветеринарного института, имеет научные труды по специальности (печатные книги и брошюры, статьи в ветеринарных и сельскохозяйственных журналах), состоит членом коллегии губземотдела, членом партии левых интернационалистов и коммунистов с Февральской революции, состоит в качестве преподавателя в Костромском сельскохозяйственном институте – курс анатомии домашних животных и на рабфаке – советское строительство,

назначен военкомом медфака, Н. Н. Богданов является одновременно представителем губисполкома в совет пединститута» (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 13 – 13 об.).

¹⁵² Имя П. Н. Груздева, которого упоминает В. Л. Миловидов в числе ректоров Костромского педагогического института, в просмотренных нами документах не встречается, да и в материалах его дела (Архив ЯГПУ. Личное дело № 307-П) фигурирует в это время работа в Костроме заведующим губотделом народного образования и с 1920 г. председателем правления Института народного образования, который был влит в педагогический институт. А к началу 1922 г. Груздев уже окончательно переезжает в Ярославль (*Ермаков А. М. Ректоры ЯГПУ, 1908–2003: очерки.* Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2003. С. 26.)

¹⁵³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 137.

¹⁵⁴ Там же. Л. 161.

¹⁵⁵ Там же. Л. 166.

¹⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 173.

¹⁵⁷ В пединституте на данный момент два факультета: социального воспитания (подготовка педагогов для школ) и профессионального образования (готовящий преподавателей техникумов).

¹⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

¹⁵⁹ *Богданов Н.* Вузы Костромской губернии и задачи Коммунистической партии // Известия Костромского губкома РКП(б). 1923. № 2. С. 10.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. С. 14.

¹⁶² Из далёких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых). С. 132.

Л и т е р а т у р а

Богданов Н. Н. Вузы Костромской губернии и задачи Коммунистической партии // Известия Костромского губкома РКП(б). 1923. № 2. С. 9–14.

Ермушин М. В. Костромской университет: создание и деятельность // Вестник КГПУ. 1996. № 2(9). С. 77–78.

Ермушин М. В. Практический институт народного образования в Костроме (1921–1923) // Вестник КГПУ. 1996. № 1(5). С. 135–136.

Магницкий М. По декрету Ленина // Северная правда. 1970. 29 марта.

Миловидов В. Л. Важнейший путь формирования новой интеллигенции: из истории первых советских университетов // Миловидов В. Л. Страницы российской истории: избр. ст. и очерки. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. С. 183–195.

Миловидов В. Л. Костромской университет: к истокам создания / В. Л. Миловидов, Д. А. Волков, А. Н. Рябинин // Вестник КГПУ. 1995. № 3. С. 51–57.

Миловидов В. Л. Первые вузы на костромской земле: из истории высшего образования / В. Л. Миловидов, Д. А. Волков, А. Н. Рябинин // Вестник КГПУ. 1997. № 4(13). С. 5–9.

Обозрение преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919/20 учебный год. Кострома, 1919. 12 с.

От университета – к педагогическому институту // Костромской государственный университет: страницы истории и современность. 2-е изд., исправ. и доп. / Д. А. Волков, В. Л. Миловидов, А. Н. Рябинин. Кострома, 2002. С. 19–26.

Отчёт о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. 7 ноября 1918 г. – 7 ноября 1919 г. Кострома, 1920. 60 с.

Отчёт о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета. 7 ноября 1919 г. – 7 ноября 1920 г. Кострома, 1921. 68 с.

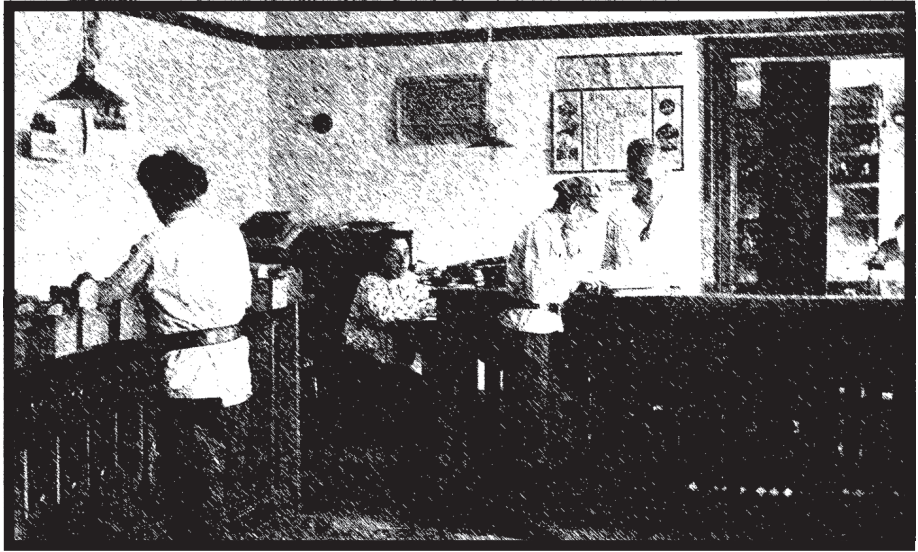
Соболев В. В результате победы Октября: Из истории Костромского государственного университета // Северная правда. 1977. 26 авг.

Сорокин Н. Канитель, или Как в Костроме в начале столетия пытались открыть педагогический институт / Н. Сорокин, А. Ратьков // СМ-педагог: многотираж. газ. КПИ. 1984. 24 февр.

Чепурковский Е. М. Работы, производившиеся при кафедре географии бывшего естественного факультета Костромского университета // Труды КНОИМК. Вып. 27. 3-й естеств.-ист. сб. Кострома, 1922. С. 94–95.

Шпилов А. Д. Неосуществлённый проект открытия в Костроме в 1915 г. общероссийского педагогического института // Теория и практика высшего образования: межвуз. сб. науч. тр. Кострома: КГПИ, 1992. С. 49–50.

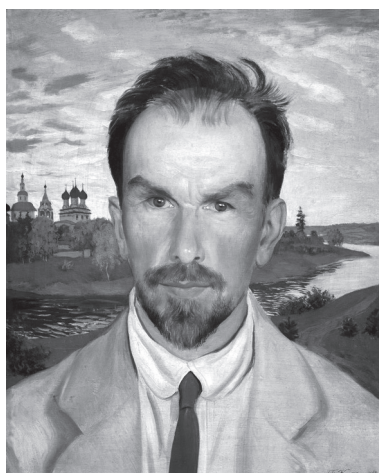
ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Профессора, преподаватели, сотрудники

Александр Иванович
А Н И С И М О В
30.03(11.04.)1877–02.09.1937

*Портрет А. И. Анисимова
Художник Б. М. Кустодиев
1915 г.*

Уроженец Петербурга. В 1900 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. После окончания университета в 1904–1916 гг. преподавал историю в Новгородской мужской учительской семинарии и активно занимался изучением памятников архитектуры, собирал церковную утварь. В 1913 г. на основе собранной им коллекции было создано Новгородское епархиальное древлехранилище, при котором Анисимов организовал реставрационную мастерскую. Принимал активное участие в исследовании и реставрации древнерусских фресок, в том числе фресок XIV в. в церкви Фёдора Стратилата.

В 1918–1924 гг. работал в музейном отделе Народного комиссариата просвещения, по приглашению И. Э. Грабаря стал сотрудником, а впоследствии и научным руководителем

Комиссии Наркомпроса по сохранению и раскрытию памятников искусства и по реставрации настенной живописи и древних икон. В 1924 г. эта Комиссия была переименована в Центральные государственные реставрационные мастерские, в них Анисимов занял должность научного руководителя реставрации памятников искусства.

В 1920–1929 гг. он заведует отделом памятников религиозного быта в Государственном Историческом музее. Дважды арестовывался (1919 и 1921).

А. И. Анисимов возглавлял реставрационные работы в Новгороде, Ярославле, Ростове, Угличе, Владимире. Среди множества памятников древнерусского искусства, отреставрированных под его руководством, – иконы и настенная живопись, связанные с именем Феофана Грека, в Москве и Новгороде; «Троица» и «Звенигородский чин» Андрея Рублёва; Богородичные иконы «Владимирская», «Боголюбская», «Максимовская», «Знамение», «Оранта», «Толгская», «Фёдоровская», «Донская». Организовал специальные реставрационные мастерские в Новгороде, Ярославле, Вологде. Участвовал в организации передвижной выставки русских икон в Европе и США (1929–1932).

Одновременно преподавал в Московском университете, в Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), в начале 1920-х гг. работал в Московском институте историко-художественных изысканий и музееведения, Московском НИИ археологии и искусствознания, Государственной Академии художественных наук.

Десять с лишним лет жизни А. И. Анисимова тесно связаны с Ярославлем. В здешнем университете он занимает должности заведующего кабинетом изящных искусств (1918–1919), профессора кафедры археологии и материальной культуры (1919–1924), декана исторического отделения (с 20 февраля 1920 г.)¹, а в 1925–1930 гг.

¹ Справка об А. И. Анисимове как о профессоре кафедры эстетического воспитания из списка преподавателей педагогического факультета Ярославского университета за 1922–1924 гг. опубликована в кн.: «Вглядись в минувшее беспристрастно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг. : док. и материалы / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 104.

руководит ярославским филиалом живописной секции Центральных государственных реставрационных мастерских.

В работе Костромского университета Александр Иванович также принимал участие. Его называет в числе профессоров нашего университета Л. С. Кितिцына, студентка сначала Костромского университета, а затем Ярославского пединститута¹. С осени 1922 г. Анисимову пришлось полностью заменить окончательно покинувшего Кострому А. И. Некрасова как в педагогическом институте, так и в Костромском практическом институте народного образования, где он читает в 1922/23 уч. г. «Введение в изучение искусства»².

6 октября 1930 г. Анисимов был арестован в Москве по делу о «шпионаже и вредительстве через Центральные государственные реставрационные мастерские» и осуждён на 10 лет лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. С мая 1931 г. до середины 1932 г. работал в музее Соловецкого лагеря, реставрировал иконы, читал доклады. В 1937 г. был переведён в Беломоро-Балтийский лагерь (лагпункт Кузема). 22 августа 1937 г. в лагере был арестован и 26 августа тройкой НКВД Карельской АССР приговорён к расстрелу.

С о ч и н е н и я

Экскурсия студенческого общества в Грецию // Вестник воспитания. 1904. Февр. Отд. 1. С. 116–141.

Историко-археологическая выставка новгородского общества любителей древности // Новгородская жизнь. 1910. № 139. С. 1–2; № 140. С. 1–2.

Реставрация фресок Фёдора Стратилата в Новгороде // Старые годы. 1911. Февр. С. 43–52.

Церковная старина на выставке XV археологического съезда в Новгороде // Старые годы. 1911. Окт. С. 40–47.

Новгородская икона св. Фёдора Стратилата // Памятники древнерусской живописи / А. И. Анисимов, П. П. Муратов. М., 1916.

¹ Кितिцына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941) // Народ в тюрьме (1930–1931) / В. И. Смирнов ; сост. Т. В. Смирнова. Сергиев Посад, 2011. С. 120.

² ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

Проект реставрации св. Софии Киевской // Художественная жизнь. 1920. № 3. С. 10–12.

Реставрация памятников древнерусской живописи в Ярославле. 1919–1926. М., 1926.

Владимирская икона Божией Матери. Прага, 1928.

Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации: Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. Вып. 2 / под ред. И. Э. Грабаря. М., 1928.

О древнерусском искусстве. М., 1983.

Л и т е р а т у р а

Анисимов Александр Иванович: Автобиография // Русские ведомости, 1863–1913 : сб. ст. М., 1913. С. 7.

Вздорнов Г. И. Александр Иванович Анисимов (1877–1932) // Советское искусствознание. 1984. № 2. С. 297–317.

Кызласова И. Л. Александр Иванович Анисимов (1877–1937). М., 2000.

Поминальные списки Карелии, 1937–1938 : Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор / сост. И. И. Чухин, Ю. А. Дмитриев. Петрозаводск, 2002.

Константин Петрович
А Р Ж Е Н И К О В
17(29).11.1862–22.03.1933

*К. П. Аржеников
Фото начала XX в.*

Незаурядные способности к математике у младшего сына московского купца-старообрядца Петра Ивановича Арженикова проявились ещё во 2-й московской гимназии, которую Константин закончил с золотой медалью. В 1885 г. со степенью кандидата он завершил обучение на физико-математическом факультете Московского университета. Педагогическая деятельность К. П. Арженикова началась в 1886 г.: сначала в учительской семинарии, которая была открыта в 1871 г. в приобретённой для этих целей усадьбе драматурга Сухово-Кобылина в с. Новое, Мологского уезда, Ярославской губернии, а затем без малого десять лет были отданы Поливановской учительской семинарии в Подольском уезде Московской губернии.

Созданные по опубликованному в 1861 г. проекту К. Д. Ушинского, учительские семинарии были призваны осуществить провозглашённую им идею: «В организации общественного воспитания всякому назначено своё дело; но самый важный член в этом организме, – без сомнения, преподаватель... Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, не перешедшая в убеждение воспитателя, останется мёртвой буквой... Влияние личности

воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений»¹. Эти семинарии сыграли большую роль в истории русской культуры. Они дали России тысячи хорошо подготовленных учителей. Среди педагогов учительских семинарий было много высококультурных, педагогически грамотных людей, из них вышла плеяда блестящих педагогов-методистов, оказавших большое влияние на разработку методики начального обучения.

Среди них почётное место занимает и К. П. Аржеников. Хотя по уровню общеобразовательной подготовки учительские семинарии уступали другим средним учебным заведениям, зато большое внимание в них уделялось профессиональной подготовке выпускников: педагогике, психологии и методикам преподавания. И, оказавшись на стезе «учителя учителей», не соглашаясь с весьма догматической методикой обучения начальной арифметике немецкого педагога Грубе в переработке В. А. Евтушевского, которую, кстати, очень резко критиковал и Л. Н. Толстой в своей статье «О народном образовании»², Константин Петрович составляет свою программу для преподавания в учительских семинариях Московского учебного округа, много работает над составлением учебников для народных училищ. В эти годы выходят его сборники арифметических задач для народных училищ для 1–4 годов обучения, сборник упражнений по геометрии, «Метрические меры». А в 1898 г. издаётся его обобщающий труд «Методика начальной арифметики». Этой методике и учебникам Арженикова была суждена долгая жизнь в русской школе, его методические разработки для нескольких поколений учителей являлись настольной книгой. И в советское время «Методика» переиздавалась трижды, последний раз в 1939 г. (Желающих понять, в чём состояли новаторство Арженикова-методиста и достоинства его «Методики», я адресую к статьям

¹ Цит. по: Лансков А. В. К истории развития передовых идей в русской методике математики. М., 1951. С. 58.

² Толстой Л. Н. ПСС. Т. 17. Репринтное воспроизв. изд. 1928–1958 гг. М., 1992. С. 86–91.

М. Ю. Кузнецовой, кстати, первой из наших краеведов обратившейся к этой теме¹.)

С 1897 г. К. П. Аржеников активно участвует в организуемых земством летних педагогических курсах. В анкете 1923 г. он так скажет об этой стороне своей педагогической деятельности: «Провёл в разное время и в разных городах России свыше 12-ти краткосрочных педагогических курсов для учителей начал[ьных] школ в качестве руководителя по математике»². Слушатель одних из таких курсов в Костроме, священник Василий Румянцев в своих воспоминаниях, правда, за давностью лет перепутав имя, напишет: «По арифметике был лектором известный математик Сергей Петрович Аржеников – автор сборника по математике и арифметике, которому симпатизировали все учителя и учительницы за его товарищеское и простое отношение к нам»³.

В начале 1899 г. начался костромской период жизни и деятельности Константина Петровича: с 1 февраля он преподаёт математику в губернской мужской гимназии, с 1 августа 1906 г. переводится в Григоровскую женскую. Очевидно, переход был неслучаен: при Григоровской гимназии ещё с 1882 г. имелся VIII педагогический класс, а «в 1906 году при гимназии был открыт особый приготовительный класс типа начальной школы, для практических занятий воспитанниц VIII класса»⁴, да ещё введены специализации по русскому языку и словесности и по математике⁵ – и уж тут нашлось полноценное применение

¹ Кузнецова М. Ю. К. П. Аржеников // Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки. Вып. 1. Ярославль, 1973. С. 164–172; Кузнецова М. Ю. Дом, в котором жил педагог К. П. Аржеников // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Костромская область. М., 1976. С. 31.

² ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

³ Василий Румянцев. Из воспоминаний // Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. 6: [электрон. версия]. URL: http://costroma.k156.ru/text/html/kos_zem/6/12_rumyancev.htm (дата обращения: 13.12.2012).

⁴ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского дворянского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. Кострома, 1908. С. 54.

⁵ Там же. С. 13.

Арженикову и как талантливому преподавателю, и как выдающемуся методисту.

В течение года (с 1 октября 1906 по 22 ноября 1907 г.) в Григоровской гимназии Аржеников является и председателем педагогического совета¹. Его перу в это время принадлежит «Историческая записка о 50-летию Костромской Григоровской женской гимназии»², используемая всеми, кто пишет о гимназии. Под редакцией Арженикова гимназия опубликовала отчёты о родительских собраниях³. Эти собрания в конце 1905 – начале 1906 г. были посвящены рассмотрению поданной ученицами старших классов петиции, «в которой они высказывают ряд своих желаний, касающихся некоторых изменений в учебно-воспитательном строе гимназии»⁴. Эти требования гимназисток – отзвук волнений, охвативших в России в октябре 1905 г. и учащуюся молодёжь. Публикуя материалы этих обсуждений, редактор замечает: «Тщательная планомерная разработка вопросов школьной жизни, исходящая от самой школы, семьи и общества, должна послужить необходимым материалом для предстоящей реформы средней школы. В этом отношении минувшие родительские собрания являются первыми шагами на пути совместной деятельности педагогов и родителей»⁵.

Очевидно, К. П. Аржеников был в числе тех костромских педагогов, которые приняли перемены, последовавшие после Октября 1917 года. Во всяком случае, в 1923 г. костромская газета отмечала: «Маститому заслуженному преподавателю математики К. П. Арженикову, в своё время в 1919 году примкнувшему к революционной части учащейся молодёжи в момент происходившей тогда школьной революции и согласившемуся идти преподавать в школу-коммуны II ступени, был преподнесён в сопровождении

¹ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии и находящегося при ней Романовского дворянского пансиона за 1905, 1906 и 1907 гг. Кострома, 1908. С. 18.

² Там же. С. 39–60.

³ Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. Отчёты о собраниях, изданные гимназией / под ред. К. П. Арженикова. Кострома, 1906.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

соответствующих речей и адреса ценный подарок – золотые часы с цепочкой»¹. Вообще-то эта заметка с боевым заголовком «Очередная победа на фронте просвещения» сообщала о том, что, «выполняя совет, данный в Москве на втором Всероссийском съезде рабфаков заместителем народного комиссара по просвещению М. Н. Покровским по вопросу о преподавании истории и истории литературы на рабочих факультетах в том смысле, что, если для преподавания этих предметов в провинции не найдётся коммунистов, то лучше совсем выбросить из программ преподавания эти предметы», «студенчество Костромского Рабфака единогласно... высказалось за исключение этих предметов из учебного плана классовых занятий и за передачу работы по ознакомлению с историей и историей литературы в кружки».

Преподавателем университета Аржеников был избран 29 октября 1919 г. В отчёте говорится об этом так: «В 1919/20 учебном году за смертью профессора М. И. Ковалевского кафедру математики занял К. П. Аржеников»². А далее перечисляются курсы, которые в течение второго года работы университета пришлось прочесть Константину Петровичу. Наряду с элементарной математикой (повторение курса средней школы по алгебре с дополнительными статьями и по геометрии), это и аналитическая геометрия на плоскости, и детерминанты, и введение в анализ, и дифференциальное исчисление, и мнимые количества, и рациональные функции, и интегральное исчисление с его приложениями. К тому же в отчёте отмечается, что математический кабинет (которым заведует всё тот же Аржеников) «значительно обогатился как новыми книгами, так и рукописными лекциями преподавателя»³. Кроме естественного факультета, Аржеников состоит в числе преподавателей созданных в 1919 г. педагогического факультета и рабфака.

С рабочим факультетом, которому суждена была более долгая жизнь, чем университету, и будет связана вся дальнейшая жизнь Константина Петровича. Среди рабфаковцев Аржеников пользовался особым уважением. Так, анализируя итоги анкетирования в 1923 г., С. И. Трухин констатировал: «При суммировании оказывается, что

¹ Красный мир. 1923. 3 апр.

² Отчёт 2. С. 12.

³ Там же. С. 16.

вообще наиболее заинтересовались: математикой (29 человек), физикой (26), общественными науками (25), естественными науками (23). Не без влияния на заинтересованность именно этими предметами оказались и преподаватели этих предметов, т. к. в ответах на вопрос: «Какой выработался (у Вас) взгляд на отдельных преподавателей, так или иначе повлиявших в смысле развития общего и развития любви к отдельной науке или в воспитательном отношении?» – большинство симпатий высказано по адресу преподавателей математики К. П. Арженикова и П. Д. Яковлева и преподавателя физики Г. Ф. Людке, как умевших заинтересовать этими предметами»¹.

В 1926 г. костромичи отметили сорокалетний юбилей научно-педагогической деятельности К. П. Арженикова. В газете в связи с этим мы читаем: «Наша учащаяся молодёжь не всегда серьёзно относится к своей учебной работе: не явился преподаватель на урок, некоторые и рады этому. Совершенно другое отношение к уроку своей работой воспитывает К. П. Аржеников. Иной раз вьюга, дождь или болезнь вызывают незначительное опоздание на урок К. П., и весь класс уже об этом говорит, выделяет “вожатых”, которые буквально провожают или, в особые моменты, собирают на извозчика, чтобы привезти К. П. Такую любовь – искреннюю, наивную и честную, которой дарит К. П. пролетарская молодёжь, можно заслужить не только знанием дела, преданностью ему, но и высокими качествами человека»².

*Дом в Костроме,
в котором жил и умер
К. П. Аржеников
Фото начала XX в.*

¹ Трухин С. И. Мысли и настроения костромских рабфаковцев (По анкете окончивших курс рабфака в 1923 г.) // Книгарь. Машинописный журнал, издававшийся Костромской библиотекой-коллектором. 1923. № 2/3 (14/15). С. 21.

² Овсейчик В. Редкий юбилей // Северная правда. 1926. 14 окт.

В формулярном списке К. П. Арженикова 1906 г. при назначении председателем педагогического совета Костромской Григоровской женской гимназии было отмечено: «Имеет ордена Святого Владимира 4 степени, Св. Анны 2 и 3 степеней и Св. Святослава 2 и 3 степеней и серебряную медаль в память в Бозе почивающего императора Александра III»¹. В послереволюционные годы к этим наградам старого учителя добавились знаки признания новой властью: 23 апреля 1928 г. Президиум ВЦИК присваивает ему звание Героя Труда², а в октябре 1932 г. ему, как пишет М. Ю. Кузнецова, «одному из первых в Костроме» была вручена Грамота Героя Труда за № 35³.

Сочинения

Уроки начальной арифметики. Методическое руководство. М., 1896.

Методика начальной арифметики. М., 1898.

Сборник арифметических задач и примеров для начальных народных училищ. Год первый. 94-е изд. М., 1918.

Сборник арифметических задач и примеров для начальных народных училищ. Год третий. 66-е изд. М., 1918.

Сборник арифметических задач и примеров для начальных народных училищ. Год четвёртый. 9-е изд. М., 1916.

Сборник арифметических задач и примеров. Для школ I ступени. Год 1–4. Кострома, 1922.

Сборник задач по математике. Для старших классов школ I ступени. Кострома, 1922.

Сборник задач по математике для старших классов школ 1-й ступени. 1. Диаграммы и графики. 2. Задачи по геометрии. 3. Задачи по алгебре. 4. Задачи из географии и физики. Изд. 2-е. Кострома, 1922.

Сборник задач по математике. Для школ I ступени. Ч. 1. М. ; Пг., 1923.

Сборник задач по математике. Для школ I ступени. Ч. 2. М. ; Пг., 1923.

¹ КГОИАХМЗ. КОК. 19814/4.

² КГОИАХМЗ. КОК. 19814/1.

³ КГОИАХМЗ. КОК. 19814/2.

Сборник задач по математике. Для школ I ступени. Ч. 3. М. ; Л., 1924.

Сборник задач по математике. Для школ I ступени. Ч. 4. М. ; Л., 1924.

Л и т е р а т у р а

Бердова О. В. Костромское учительство (XVIII – начало XX века) / О. В. Бердова, Е. А. Лушина ; отв. ред. А. А. Герасимов. Кострома, 2006. С. 152–155.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала образованности до наших дней). Т. 1. Изд. 2-е, перераб., ил. Пг., 1915. С. 30.

Педагогическая энциклопедия. Т. 1. / гл. ред. А. И. Каиров и Ф. Н. Петров. М., 1964. Стб. 111.

Педагогический словарь. Т. 1. М., 1960. С. 58.

Пчёлко А. С. К. П. Аржеников // Хрестоматия по методике начальной арифметики. М., 1940. С. 75–80.

Александр Сергеевич
А Х М А Н О В
07(19).08.1893–05.06.1957

А. С. Ахманов. Фото 1920-х гг.

Происходил из дворян Галичского уезда. Родился в Галиче, где его отец служил судебным следователем 2-го участка¹. Закончил Костромскую мужскую гимназию, а в 1916 г. юридический факультет Московского университета и был оставлен при нём. Наибольшее влияние на формирование Ахманова, на его научные устремления оказали Б. П. Вышеславцев, читавший в университете историю философии права и философию права, и приват-доцент кафедры истории права и энциклопедии права И. А. Ильин.

Оказавшись в 1918 г. в Костроме, Ахманов с первых практических шагов по созданию университета активно включается в эту работу под руководством В. И. Смирнова, который, вероятно, хорошо знал Ахманова не только как гимназиста, но и по-соседски: Василий Иванович жил на Никольской улице в доме 17, семейство же Ахмановых – в 12-м².

По крайней мере, под протоколами самых первых заседаний организационного комитета рабоче-крестьянского университета стоит и подпись секретаря оргкомитета Ахманова³. С 5 октября 1918 г. он значился временно

¹ Костромской календарь на 1895 год. Кострома, 1895. С. 74.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 11. Л. 6 об.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

исполняющим обязанности делопроизводителя канцелярии университета¹, а 1 ноября избран преподавателем гуманитарного факультета по кафедре философии². Основательная университетская подготовка и педагогический талант позволили Ахманову успешно читать в университете самостоятельные курсы: введение в философию права, политические идеи древней Греции, историю древней и средневековой философии; вести семинарий по философии права, просеминарий по истории древней философии, семинарии по Платону и по этике. В отчёте за 1920 г. отмечается также, что «кабинет философии, находящийся в заведывании профес. Н. Г. Горденского и преп. А. С. Ахманова, закончен оборудовани­ем для занятий студентов, и библиотека его насчитывает в настоящее время 877 томов книг на русском и иностранных языках, причём в отчётном году в кабинет поступило 234 тома»³.

Наряду с разработкой своих курсов, занимается молодой учёный и самостоятельными исследованиями. В эти годы, как можно узнать из отчётов университета, им написаны работы «Характеристика этического мирозерцания Платона» и «Учение Канта об интеллектуальной интуиции»⁴.

Вообще знакомство даже с обрывочными документами, сохранившимися в ГАКО, позволяет судить, каким незаменимым для университета оказался этот молодой человек. Ещё в октябре 1918 г. он едет в Петроград и Москву добывать канцелярские принадлежности для университета⁵, потребовалась машинка с иностранным шрифтом – в Нерехту за ней командировается Ахманов⁶. До избрания совета университетом руководит временная хозяйственно-административная коллегия, 20 октября в её состав кооптирован и С. А. Ахманов⁷, в том же октябре 1918 г. он и в составе комиссии по подготовке торжеств открытия университета⁸; выбывает

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

² Отчёт 1. С. 51.

³ Отчёт 2. С. 32.

⁴ Отчёт 1. С. 11.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 24.

⁷ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁸ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

в Ташкент проф. В. Н. Кун – исполнять обязанности секретаря факультета приходится, конечно же, Ахманову...

Всё это дает основания руководству позднее записать в характеристике 27-летнего преподавателя: «Крайне полезный сотрудник университета, семинарий которого является одним из лучших в унив-те»¹.

Очевидно, в Костромском университете наиболее близким ему человеком был профессор М. И. Ковалевский, и, вернувшись в Москву, Ахманов поддерживал связь с его родителями. Недаром письмо профессора Геттингенского университета Леонарда Нельсона, озабоченного поисками второй части философского труда М. И. Ковалевского, 22 декабря 1922 г. было адресовано Ахманову. А оно было не первым, потому что в нём читаем такие слова: «Пока я Вас сердечно благодарю за все Ваши предыдущие заботы, особенно за пересылку предисловия и первой части труда Ковалевского. За портрет передайте, пожалуйста, мою сердечную благодарность также родителям Ковалевского»².

Что удалось узнать о дальнейшей судьбе этого, несомненно, даровитого человека? Возвратившись в Москву, Ахманов работал в Институте слова, в 1923 г. был избран членом-корреспондентом философского отделения Российской академии художественных наук (с 1925 г. – ГАХН). Верный своим нравственным и научным устремлениям, в отличие от своих любимых учителей Вышеславцева и Ильина, покинувших Россию и закончивших дни свои в Швейцарии, А. С. Ахманов вынужден был в 1922–1946 гг. зарабатывать на жизнь юрисконсультom в государственных учреждениях. В 1946–1947 гг. он заведует кабинетом теории государства в Академии общественных наук. И лишь в 1947 г., в связи с возобновлением преподавания логики в СССР, он был приглашён на философский факультет Московского университета, где преподавал логику, историю логики и историю философии до 1955 г., и в Московский областной педагогический институт.

Заведующий отделом Института философии РАН профессор В. А. Смирнов вспоминает: «Я поступил на философский факультет

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 7 об.

² ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.

Московского университета в довольно мрачное время – в 1949 г. В целом преподавание философии – да и не только философии – было заидеологизировано и примитивизировано. Светлыми пятнами было преподавание логики, психологии и частично истории античной философии. Очень любопытная ситуация сложилась на кафедре логики. После разрешения преподавать формальную логику была образована кафедра логики, и на ней стали работать такие выдающиеся философы, как В. Ф. Асмус, П. С. Попов, А. С. Ахманов, Н. В. Воробьёв, с 1949 г. начал преподавать Е. К. Войшвилло. Но наряду с этим на кафедре доминировали “диалектические логики”, по образному выражению Н. В. Воробьева, руководство кафедры пришлось с заданием разоблачить логический менделизм-морганизм»¹.

Хотя в 1951 г. Ахманов успешно защищает кандидатскую диссертацию «Логические учения в Древней Греции классического периода», положение его в университете остаётся довольно сложным. Из воспоминаний того же В. А. Смирнова узнаём: «Первую курсовую работу я писал под руководством оригинального мыслителя Александра Сергеевича Ахманова, о котором следует говорить отдельно. Но он был уволен из университета после звонка из органов, чтобы его – в то время пожилого человека – не делали правофланговым на демонстрации. Уже после XX съезда он вернулся в университет, но стал работать на кафедре истории философии»². Старейший наш философ В. В. Соколов вспоминал характеристику, которую А. С. Ахманову дал В. Ф. Асмус: «...не ум, а гранёный хрусталь»³.

Кстати, видимо, этот ум унаследовал сын Ахманова – Сергей Александрович (1929–1991), известный советский физик, один из основателей нелинейной оптики. Вместе с академиком Р. В. Хохловым он является создателем крупной научной школы по нелинейной оптике и лазерной физике в Московском университете, был удостоен Ломоносовской (1964) и Ленинской (1970) премий.

¹ В. Ф. Асмус – педагог и мыслитель: (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 31–51.

² Там же.

³ Соколов В. В. Ответы (и комментарии) В. В. Соколова на вопросы журнала «Вопросы философии» / В. В. Соколов // Вопросы философии. 2009. № 11. URL: <http://vphil.ru/> (дата обращения: 14.09.2011).

Библиотеку А. С. Ахманова (около 1 500 томов по философии, психологии, праву, славяноведению, античной литературе и языкознанию) семья покойного в 1958 г. передала в дар библиотеке его альма-матер – Московского государственного университета.

Сочинения

Эпикур // Лукреций. О природе вещей. Т. 2. М. ; Л., 1947.

Формы мысли и правила логики // Учёные записки Московского областного педагогического института. 1954. Т. 23, вып. 1.

Логическое учение Аристотеля // Учёные записки Московского областного педагогического института. 1954. Т. 24, вып. 2.

Аристотель // История греческой литературы. Т. 2. М., 1955.

Греческая философия от её зарождения до Платона // История греческой литературы. Т. 2. М., 1955.

Платон // История греческой литературы. Т. 2. М., 1955.

Формы мысли и законы формальной логики // Вопросы логики. М., 1955.

Логические формы и их выражение в языке // Мышление и язык. М., 1957.

О содержании некоторых основных терминов «Поэтики» Аристотеля // Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957.

Логическое учение Аристотеля. М., 1960. (2-е изд.: М., 2002).

Гражданская свобода. М., 1971.

Интеллектуальная интуиция и эстетическое созерцание // Антология феноменологической философии в России. Т. 2. М., 2000.

Литература

Алексеев П. В. Ахманов А. С. // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 74.

Иван Михайлович
Б О Г Д А Н О В
07.08.1882–15.09.1967

Богданов И. М. – один из тех людей, которые стояли у истоков самой идеи создания университета в Костроме. Это отмечалось даже в некрологе, опубликованном в «Вестнике статистики»: «С 1918 по 1923 г. он заведовал сектором статистики народного образования в Костромском губернском статистическом бюро и одновременно вёл культурно-просветительную работу (был организатором и секретарём общества народных университетов, читал курс истории и статистики народного образования в Костромском и Ярославском университетах и т. д.)»¹.

Выходец из крестьянской семьи (родился в д. Усть-Славянка, Петербургской губернии), с 15 лет начал трудовую жизнь. Окончив в 1901 г. Костромское Чижовское училище, работал на текстильной фабрике, а в 1903 г. сдал экзамены на звание учителя. «Только два года проработал молодой учитель в школах для взрослых в Костромском земстве, – сообщалось в некрологе. – Вместе с основами грамоты Иван Михайлович стремился нести в народные массы и основы прогрессивного мировоззрения, открывающего действительные причины угнетения и бесправия трудящихся. Это быстро заметили царские чиновники от «народного просвещения» и по мотивам политической неблагонадёжности отстранили И. М. Богданова от педагогической деятельности»².

¹ И. М. Богданов // Вестник статистики. 1968. № 1. С. 81.

² Там же.

Вот тогда Богданов и перешёл на работу в Костромское статистическое бюро. Так в его деятельности соединились два главных его интереса: забота о просвещении народа и статистика.

Были в жизни Богданова и участие в боевой дружине костромских большевиков, и ссылка за это на четыре года. Возвратившись в 1910 г. из Туруханского края, три года нелегально и полулегально работал в Ярославском, Тверском и Самарском земских статбюро.

После революции, демобилизовавшись из армии, Богданов вновь в Костроме. Вскоре он становится секретарем губернского общества народных университетов. Председатель общества В. И. Смирнов писал: «Часто опускались руки, и только неизменный оптимизм И. М. Богданова и, должно быть, прочно засевшая у него мысль о необходимости нести в деревню знание спасали положение»¹. В этом убеждает и публикация самого Ивана Михайловича в костромском журнале².

Когда идея общественного народного университета уже переводится в рамки культурно-просветительной ассоциации государственного рабоче-крестьянского университета, на первом же заседании 14 ноября 1918 г. Богданов вводится в состав организационного комитета³. Оргкомитет уже 2 декабря заслушивает его доклад о ходе работ культурно-просветительной ассоциации, и в протоколе читаем: «Слушатели охотно посещают лекции. В первый день на лекции было 84 человека, в последующие дни количество посещающих лекции увеличивается и в настоящее время превышает 100 человек, причём заметно присутствие одних и тех же лиц». Попутно с этим И. М. Богданов сообщил, что 2 декабря состоится собрание лекторской коллегии и просил «гг. профессоров и преподавателей заявить, какие лекции и когда они желают читать»⁴.

Занимаясь по основной своей работе статистикой народного образования, И. М. Богданов не может безучастно констатировать

¹ Китицына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 118.

² Богданов И. Общество народных университетов и его задачи // Трудовой путь. 1918. № 9/10. С. 10–12.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 11.

обстановку. В известной мере актом гражданского мужества является доклад «Грядущая безграмотность», с которым он выступил 7 марта 1921 г. на общем собрании КНО¹, а также на объединённом совещании коллегии губнаробраза, губпрофсоюза работников просвещения и ИНО. Конспективное изложение доклада было затем напечатано в журнале². С цифрами в руках, как и положено статистику, он выливает ушат холодной воды на деятелей народного образования, стремившихся «с лихорадочной поспешностью осуществить свою заветную мечту, обречённую на гибель в условиях министерского прозябания». Он писал: «Открыть побольше учреждений и таких, каких ранее было нельзя открывать у нас в России, и о каких, пожалуй, ещё только говорят в Европе, – скорее и как можно ярче показать, что может сделать раскрепощённая человеческая мысль – вот основной тон всей работы последних лет». В то же время, основываясь на предварительных итогах проводившейся в ноябре 1920 г. переписи, Богданов констатирует, «что в среднем шестая часть школ (более 15 %) в губернии не функционируют совершенно... Причём есть такие уезды, как Варнавинский, где функционировало 132 школы, а не функционировало 73... В Ветлужском уезде 154 школы работало и 62 бездействовало... Добрая половина школ работает наполовину и кое-как, вследствие неполнот комплекта учащихся». Говоря о причинах, Богданов указывает: «Работы много – нет людей, вот общий голос мест... Нередко должности школьных работников занимают лицами, которых ранее и за порог школы не пустили бы... Создавшийся кризис школьного дела на почве недостатка работников усугубляется ещё более распоряжением правительства о ликвидации безграмотности, о всеобщем обучении подростков, профессиональными мобилизациями».

«В погоне за заработком и пайком, – анализирует далее Богданов сложившуюся ситуацию, – учащие охотно соглашаются и даже ищут работы в порядке совместительства, не считаясь, под влиянием нужды, с непосильностью многих взятых на себя дел.

¹ Отчёт о деятельности КНО за 1921 год. Кострома, 1922. С. 2.

² Богданов И. Угроза развитию школьного дела // Вестник просвещения Костромского края. 1921. № 1. С. 10–14.

В г. Костроме, по данным переписи, учащие мужчины в среднем занимают каждый 3 должности, женщины – 2. Есть отдельные лица, которые занимают до 8 учительских вакансий. В уездах совместительство развито слабее, хотя непосильной работы на плечах учащихся лежит едва ли менее. При этом можно наблюдать конкуренцию между отдельными органами в деле переманивания учащихся в свои учреждения. Сегодня, выговорив себе льготные условия оплаты и паёк, органы профобра перетягивают к себе работников, завтра военное ведомство привлечёт их своим преимуществом. Затем побивают рекорд партийные организации, и так без конца.

Школьные учреждения при таких условиях превращаются в прохожие дворы, куда приходят случайные люди, выполняют наспех свою повинность, ни на минуту не задерживаясь, не внося в жизнь школы, в ученическую среду своей души, не оставляя никакого следа педагогического воздействия». Опять же вооружась цифрами, Богданов не видит благоприятного выхода из сложившейся ситуации с учительскими кадрами и в дальнейшем: «...если не будет принято необходимых решительных мер, через пять-шесть лет значительное большинство школ губернии будет закрыто. Школы работающие будут редким счастливым исключением и несколько молодых поколений будет обречено на безграмотность. В лучшем случае это будут в своей массе полуграмотные люди, проучившиеся с грехом пополам год-два с перерывами (за отсутствием топлива!) в начальной школе или на так называемых “пунктах ликвидации безграмотности”, если и они к тому времени не прекратят за отсутствием работников своего существования».

Кстати, много лет спустя М. А. Вейденбаум, свидетельствовавший против В. И. Смирнова, в своих показаниях припомнит: «По инициативе того же Смирнова в своё время был поставлен публичный доклад Богданова о грядущей безграмотности с явно тенденциозным направлением»¹. Но, к счастью, на дворе был ещё только 1921 г.

И. М. Богданова покинул Кострому в 1923 г. и был приглашён в ЦСУ СССР. Перед отъездом успел приготовить к печати книгу – итог коллективного обследования нескольких костромских школ,

¹ Сизинцева Л. И. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930–1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 127.

выполненного под его руководством учащимися Костромского педтехникума в связи с прохождением ими курса по организации школьного дела, который преподавал И. М. Богданов¹.

В ЦСУ СССР «свыше 30 лет он выполнял ответственную работу: был заведующим отделом статистики народного образования и членом Коллегии ЦСУ СССР, заместителем начальника отдела статистики культуры, принимая самое активное участие в важнейших исследованиях...»².

Многие годы он читал курс лекций по статистике культуры в Московском экономико-статистическом институте, вёл научно-исследовательскую работу в НИИ планирования и организации народного образования, теории и истории педагогики, в Академии педагогических наук СССР.

И. М. Богдановым опубликовано свыше 100 научных работ, некоторые переведены на зарубежные языки: английский, немецкий, венгерский, чешский. Кстати, вместе с Ш. Л. Кантором и А. Е. Корольковым он был автором выдержавших множество изданий в 1930–1940-х гг. арифметических задачник для школ грамоты и для малограмотных.

Сочинения

Статистика и отчётность внешкольных учреждений. Кострома, 1920.

Статистика и отчётность в школе. Пг., 1921.

Учёт и статистика народного образования в районе. М., 1935.

Учёт и статистика культурного строительства в районе. М. ; Л., 1939.

Учебное пособие по отдельным отраслям статистики. (Статистика населения, здравоохранения, культуры, жилищного и коммунального хозяйства, бюджетов рабочих, служащих и колхозников, торговли, заготовок, капитального строительства, автотранспорта и похозяйственный учёт в сельсоветах) / С. А. Бекунова, А. М. Вострикова. М., 1958.

¹ 6 школ г. Костромы: по обследованию слушательниц Костромского педагогического техникума. Кострома, 1923.

² Вестник статистики. 1968. № 1. С. 81.

Алексей Александрович
БОЛОТНИКОВ
1894–01.11.1937

Информация об этом разносторонне талантливом человеке, которой мы располагаем, пока крайне скупа. Имя его появляется в архивных документах конца 1921 г., когда университет расформируется и на его базе создаются Костромской педагогический институт и сельскохозяйственный.

В протоколе № 1 заседания совета КПИ от 19 декабря 1921 г. фамилия Болотникова значится в списке кандидатур на должность ректора наряду с Ф. А. Меньковым и Н. Н. Богдановым. В характеристике читаем: «А. А. Болотников, член губкома Р. К. П., заведующий орготделом губкома, в партии состоит с 1917 г. (официально), окончил физико-математический факультет (математическое отделение) Московского университета по специальностям – механика и чистая математика, работал с профессором В. В. Бобыниным¹ по истории математики и по предложению последнего должен был быть оставлен при университете

¹ Бобыбин Виктор Викторович (1849–1919) – первый в России историк математики, с 1884 г. начал издание журнала «Физико-математические науки в их прошлом и настоящем», в течение десяти лет являлся не только издателем журнала, но и редактором и автором большинства его статей.

для подготовки к профессорскому званию. Однако из-за политических убеждений по окончании университета должен был поступить рядовым в старую армию. А. А. Болотников имеет многолетний стаж по народному образованию в качестве учителя, внешкольника и заведующего О. Н. О. Имеет ряд трудов по политико-просветительной работе. Кроме основной работы в настоящее время Болотников является преподавателем высшей математики в Костромском сельскохозяйственном институте и лектором по общественно-экономическим вопросам на командных курсах и в других учебных заведениях»¹.

Ректором избирают А. Ф. Менькова, а Болотников продолжает работу в правлении института, которое впоследствии становится общим для двух вузов. Кроме того, этот партийный работник является незаменимым для Костромы преподавателем, о чём свидетельствуют архивные документы. Первый – обращение Менькова, ещё в качестве ректора университета, в губком РКП(б).

Костромской государственной рабоче-крестьянской университет, уведомляя губернский комитет о том, что т. к. Алексей Александрович Болотников назначен университетом на должность преподавателя высшей математики, а также о том, что ему же предполагается поручить чтение курса по историческому материализму, входящему в общий научный минимум, обязательный для всех студентов, просит не отказать в своём принципиальном согласии на занятие Болотниковым должности преподавателя университета.

Ввиду того, что т. Болотников имеет ряд ответственных обязанностей по губкому и не имеет в настоящее время свободного времени, университет просит освободить т. Болотникова от некоторых теперешних его занятий, чтобы дать ему возможность часть своего времени уделять преподавательской деятельности в Костромском университете»².

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 106.

Второй документ, датированный 2 мая 1922 г., адресован уже в Центральный комитет РКП(б).

Настоящим объединённое правление Костромского педагогического и сельскохозяйственного институтов просит ЦК РКП оставить тов. Болотникова А. А. в г. Костроме для работ в качестве члена правления и преподавания высшей математики в названных институтах, так как в Костроме огромный недостаток преподавательского персонала в высших учебных заведениях и с уходом тов. Болотникова выпадает важнейший предмет из программы институтов.

В крайнем случае правление просит ЦК РКП оставить т. Болотникова до окончания нынешнего летнего триместра (до 1 июля 1922 г.), так как ему необходимо дочитать курс высшей математики в сельскохозяйственном институте, принять зачёты более чем у ста студентов и наконец сдать дела по правлению института¹.

Очевидно, эта просьба возымела силу и несколько задержала отъезд Болотникова в Москву, потому что 21 июля 1922 г. он командировается правлением в Москву ходатайствовать о предоставлении студентам медфака костромского университета мест в московских и петроградских вузах².

Как сложилась жизнь Алексея Александровича в Москве? В 2010 г. в «Литературной газете» появилась публикация, из которой мы узнаём об этом, говоря нынешним языком, партийном функционере прелюбопытные вещи. Из пяти писем Болотникова 1934 г. М. Горькому и комментариев к ним Ольги Быстровой³ известно, что в конце 1933 г. Алексей Александрович стал ответственным редактором «Литературной газеты». А следующий, 1934 год, как отмечает О. Быстрова, «для редактора “ЛГ” был особенно насыщенным»: «Во-первых, это был год подготовки к Первому съезду советских писателей. А. А. Болотников понимал,

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 201.

² ГАКО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 24. Л. 21 об.

³ «Завертелось колесо наших дней»: К истории переписки А. М. Горького и А. А. Болотникова / публ. О. Быстровой // Литературная газета. 2010. 21 апр. № 15.

что в ходе подготовки съезда “роль “ЛГ” не последняя”. Во-вторых, это был год творческого смотра всей советской литературы и критики. Газета не раз отдавала свои полосы для статей, печатавшихся в дискуссионном порядке. Одна из таких дискуссий – дискуссия о языке 1934 года. В том, что редакция “ЛГ” проявила себя твёрдой и последовательной в своих убеждениях и решениях, заслуга её главного редактора. Болотников лично поддержал Горького в его стремлении очистить литературу от “словесной шелухи и хлама”; более того, он принял активное участие в этой работе от имени Организационного комитета Союза писателей. 17 марта 1934 года в ходе подготовки к Первому съезду ССП секретариат Оргкомитета провёл заседание. Среди многих вопросов по плану подготовки к съезду писателей был вопрос о языке художественной литературы. Было принято решение разработать доклад о языке для дальнейшего обсуждения в литературных кругах, главным исполнителем намечался Болотников, но при обязательном участии В. Десницкого, В. Жирмунского, М. Пришвина, Ю. Тынянова и К. Федина. Кстати, участие писателей и их отклик на дискуссию – это тоже заслуга редактора газеты. Редакционные статьи газеты “За культуру языка” (20 марта), “Наши задачи” (24 марта), “Ответ оппонентам” (18 апреля) и другие являлись продолжением борьбы за качественность литературы».

Опубликованные письма дают представление об обстановке, в которой шла подготовка к созданию Союза писателей СССР. Но 13 сентября Болотников пишет Горькому: «События после съезда складываются так, что есть все необходимые и достаточные условия для моего освобождения из Литгазеты. Освобождение это тем более необходимо, что работа по Фирдоуси требует большого времени – сбор в Персии 3 октября¹, мне надо почитать по-персидски – за время работы в газете я отупел изрядно... Очень прошу поддержать мою просьбу об освобождении из Литгазеты».

Оказывается, незаменимый в Костроме математик ещё и знаток арабского и персидского языков и вообще специалист по ли-

¹ В 1934 иранское правительство отпраздновало тысячелетний юбилей Фирдоуси, в Тегеране состоялся международный конгресс иранистов, в Тусе, на предполагаемом месте погребения Фирдоуси, был открыт мавзолей.

тературам Востока. Позволю привести одно из писем Горькому почти целиком, потому что этот крик души ярко характеризует личность А. А. Болотникова.

18 ноября 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Как-то – месяцев 5–6 тому назад – Вы справедливо заметили насчёт меня, что по самому складу своему я не подхожу к газетной работе, что моя стихия – серьёзная научная работа. Из этого мы сделали с Вами вывод, что меня следует “пересадить” на такого конька, на котором бы я дал максимум эффекта и чувствовал себя в своей тарелке. Увы, много воды утекло с тех пор. Но ничего не изменилось и Гераклит посрамлён вконец. Я по-прежнему сижу в “Литературной газете”, подобно прутковскому барону Гринвальдусу, который многие годы “всё в той же позиции на камне сидит”.

Прошёл съезд, о результатах которого, а равно и о моих собственных переживаниях и впечатлениях мне так и не удалось с Вами поговорить.

На записку мою, посланную Вам после съезда, Вы тоже не реагировали, если не считать довольно прохладного и, главное, никак не мотивированного ответа П. П. Крючкова¹, что я должен остаться в газете.

И вот снова начался производственный год. Съезд давно отзвучал; я успел уже побывать в Персии на юбилее Фирдоуси – много интересных впечатлений, о которых пишу, – литературный мир принялся за дело, завертелось колесо наших дней. А я, повторяю, “всё в той же позиции на камне сижу”. Дело в том, что расстановка и соотношение сил нашего фронта существенно не изменились. <...>

Со Щербаковым я имел две продолжительные беседы – одну в сентябре, другую в начале ноября. Беседы эти показали, во-первых, что за период, протёкший между первым и вторым разговором, Щербаков² изменил ко мне отношение в худшую

¹ Крючков П. П. – личный секретарь писателя М. Горького. Сотрудничал с ГПУ и лично с Г. Г. Ягодой.

² Щербаков А. С. – 1-й секретарь Союза писателей СССР; с 1935 г. заведующий Отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б).

сторону, заняв по существу позицию Юдина¹. А во-вторых, и по существу на поддержку Щербакова рассчитывать трудно. Он очень хороший мужик, как не плохой парень и Юдин, но в литературном образовании и вкусах у него... целая школа впереди. Наконец, я для него просто назначенный ЦК работник, находящийся в субординации к Секретариату правления, – и только. Отсюда всяческие требования и претензии ко мне и никакой реальной помощи газете.

Вы чувствуете, что сидеть на камне рыцаря Гринвальдуса очень жёстко. Вот почему я обращаюсь к Вам, Алексей Максимович, со следующей дилеммой. Или 1) Вы поможете мне вернуться “в первобытное состояние”, выражаясь солдатским жаргоном, как “помогли” Вы же “воззвать меня из ничтожества” и пустить мой утлый кораблик по тому самому морю литературному, про которое ещё папаша Белинский сказал:

*В пространное пускаешься ты море,
В котором гадам несть числа.
Смотри, чтоб не постигло горе
Тебя от сего ремесла.*

Или 2) Вы считаете, что я ещё должен оставаться в Литгазете, и тогда мне необходимо по возможности скорее повидать Вас и поговорить о газете всерьёз. Вы знаете, Алексей Максимович, что для меня Ваше слово о литературе советской является решающим, и знать ваше мнение по ряду вопросов сегодняшней литературной жизни – мне, как редактору, чрезвычайно необходимо.

Вы, конечно, понимаете и верите, что дилемму я ставлю не из соображений личного порядка – хотя устал я от всей этой околотрудовой кутерьмы дьявольски, – а главным образом по мотивам наибольшей целесообразности моего использования Вами. Моя преданность и любовь к Вам пребывают *pour tous les temps*, – как эталоны метра и килограмма в Парижской палате мер.

Жду с нетерпением Ваших указаний.

Искренний привет,

А. Болотников.

¹ Юдин П. Ф. – член секретариата оргкомитета Союза советских писателей, в 1933–1937 главный редактор журнала «Литературный критик», в 1934–1937 заместитель заведующего агитпропом и заместитель заведующего Отделом печати ЦК ВКП(б).

Очевидно, Горький этому внял и, как утверждает О. Быстрова, «поэтому на просьбу А. Щербакова, озабоченного поиском редактора альманаха “Творчество народов СССР”, незамедлительно порекомендовал Болотникова... Теперь Болотников оказался на своём месте – он занимался наукой, собирал и редактировал альманах, организовывал Центр по изучению национальностей Советского Востока. В 1935 году под общей редакцией А. А. Болотникова вышел двухтомный сборник “Восток”, посвящённый литературе Китая, Японии и Ирана».

Но – такова участь попавшего в номенклатурную обойму партийца – в 1935 г. Алексея Александровича приглашают на работу в ЦК ВКП(б); времени на занятия любимой персидской литературой не остаётся. И вообще времени ему остаётся мало. Из публикации С. Н. Корсакова «Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е годы)» мы узнаём, что Алексей Александрович был членом учёного совета института, автором статей о Гольбахе, Гумпловиче и Омаре Хайяме, «занимался теоретическими проблемами создания научно-популярной книги по философии»¹. А на одном из сайтов читаем: «Болотников Алексей Александрович. Род. 1894, г. Кострома, русский, член ВКП(б), обр. высшее, профессор философии, пом. зав. отделом школ ЦК ВКП(б), прож.: г. Москва, ул. 2-я Извозная, 36а-37.

Арестован 28 июня 1937. Подписан к репрессии по первой категории (расстрел) в списке “Москва-центр” от 21 октября 1937 на 97 чел., № 8, по представлению нач. 8-го отдела ГУГБ НКВД В. Е. Цесарского. Подписи: Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян. Приговорён ВКВС 31 октября 1937 по обвинению в участии в антисоветской тер. организации. Расстрелян 1 ноября 1937. Прах захоронен на территории Донского монастыря г. Москвы. Определением ВКВС от 4 августа 1956 реабилитирован»².

¹ Философский журнал. 2012. № 1(8). С. 133.

² Репрессии учёных // Институт истории и естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН: [сайт]. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/repress/don/1937/bolotnikov.htm> (дата обращения: 12.12.2012).

Сочинения

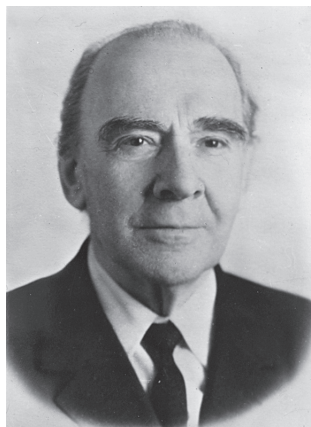
Восток : сб. / под общ. ред. А. А. Болотникова, В. А. Гордлевского, Н. И. Конрада и др. М., 1935.

Литература Ирана X–XV вв. / под ред. А. А. Болотникова, А. Н. Тихонова, К. И. Чайкина. М. ; Л., 1935.

Литература

«Завертелось колесо наших дней»: К истории переписки А. М. Горького и А. А. Болотникова. Публикация О. Быстровой // Литературная газета. 1910. 21 апр.

Сергей Михайлович
Б О Н Д И
13(25).06.1891–29.08.1983

*С. М. Бонди. Фото конца 1950-х гг.
Из семейного архива Н. С. Бонди*

Первую встречу с С. М. Бонди в Костромском университете так вспоминала студентка Лидия Китицына.

Словесное отделение гуманитарного факультета помещалось в частном доме на Никольской улице. Около десятка студентов собрались в ожидании лекции. Вдруг входит бородатый человек и в нерешительности останавливается. Приняв вошедшего за студента, одна из девиц подлетает к нему и хвастливо сообщает:

– А у нас сегодня будет читать новый профессор Бонди!

– Ах, Бонди, – неопределённо говорит незнакомец и садится на заднюю парту, потом смотрит на часы, поднимается и входит на кафедру (то есть садится за обыкновенный стол). Оглядывает изумлённых слушателей и, обращаясь к ним, спрашивает:

– Вы пишете стихи?¹

Таким неожиданным началом своих лекций Сергей Михайлович любил озадачивать своих слушателей. Вот рассказ другого студента, уже Московского университета, о встрече 1952 г.

¹ Китицына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 121.

Седовласый старик оглядел разномастный, в основном скромно и даже бедновато одетый первый курс и высоким голосом задал вопрос, озадачивший нас:

– Ну вот вы, молодые люди, решили стать филологами. А думаете, это просто? Нет, не просто. Вот разгадайте одну филологическую загадку. Вы “Капитанскую дочку” читали?

– Читали!!! – с некоторым чуть ли не возмущением выдохнула студенческая масса, и в этом выдохе слышалось:

– Как можно такие вопросы задавать! Мы тут все золотые или серебряные медалисты, или набравшие 20 баллов из двадцати – и конкурс прошедшие, в котором было пятнадцать человек на место!

Но хитрый Бонди, как бы не замечая недовольства, продолжал дразнить нас.

– Как вы думаете, Пугачёв – патриот?

– Патриот! – хором рявкнули мы.

– А капитан Миронов – патриот?

– Патриот! – не так громко и убеждённо, но всё-таки выдохнула аудитория.

– А теперь объясните мне: почему один патриот повесил другого патриота? – и, поглядывая на притихших и недоумевающих вчерашних десятиклассников с коварной улыбкой, Сергей Михайлович закончил:

– Вот когда вы сумеете ответить на этот вопрос, – тогда вы станете настоящими филологами¹.

Вообще о легендарном профессоре Бонди его бывшими студентами оставлено много воспоминаний. Но все они относятся к гораздо более поздним временам. О костромском периоде его жизни свидетельств совсем мало, несколько упоминаний в архивных списках и отчётах. К сожалению, в пожаре костромского архива погибли и воспоминания самого Сергея Михайловича о Костромском университете, написанные им в 1962 г.

Воспоминаниями о С. М. Бонди поделилась А. Кадошникова, ещё в 1940-е гг., будучи студенткой, слушавшая его лекции

¹ Куняев С. Ю. Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 1: Русский человек. М., 2001. С. 61.

в Московском педагогическом институте им. В. П. Потёмкина, – впоследствии ей выпало счастье много общаться с этим удивительным человеком.

Особое место в рассказах С. М. занимала тема жизни в Костроме в 20-е годы. Он возвращался к ней часто. Он говорил, что именно там, в Костроме, столкнувшись с реальной жизнью русской провинции, он понял значение Октябрьской революции. Работал он тогда в детском интернате, где воспитывались дети рабочих. Размышления о судьбе этих детей – что ожидало бы их, если бы не было революции, – и сравнение с теми возможностями, которые открывались перед ними теперь, приводили к выводу о громадном значении этого события. Он полагал, что Горький не всё понял в революции, именно потому что оставался в Петрограде, а не уехал в провинцию, как советовал ему Ленин.

Так было в первое десятилетие наших встреч. <...> Но в 60-х годах всё изменилось. Начался период споров и дискуссий, время «переоценки ценностей», время поисков истины. <...> Так какие же общественные взгляды проповедовал нам профессор С. М. Бонди в те далёкие 60-е годы? Если говорить коротко – он защищал идеи социализма. Он был глубоко предан этому учению; он считал марксизм одним из величайших открытий человечества в области гуманитарной мысли. <...> Нечего и говорить, что им отвергались все бюрократические нелепости, вся «номенклатурищина», от которой он глубоко страдал. Но величие идеи он признавал всегда. И, без сомнения, наша жизнь, пусть даже очень несовершенная, устраивала его больше, чем дореволюционная действительность. Ведь он встретил революцию уже взрослым человеком, он знал ту прежнюю жизнь.

Однажды С. М. сказал о себе приблизительно так: “Если бы не было революции, моя личная судьба вряд ли бы изменилась. Скорее всего я был бы профессором Петроградского университета. И в материальном отношении моя семья жила бы лучше. Но я бы этого не хотел. Я не хотел бы быть учёным в буржуазном обществе».

<...> Он считал, что интеллигенту, учёному трудно стать революционером. Далее свою мысль он развивал примерно так. Если непосредственному труженику – рабочему, крестьянину – революция приносит материальные выгоды, то учёный лично не получает никаких преимуществ. Если рабочие стихийно все революционеры, так как каждый заинтересован в успехе общего дела непосредственно, то интеллигенту, учёному нужно стать выше своих личных интересов, предпочтя им интересы всего общества¹.

Что предшествовало появлению С. М. Бонди в Костроме? Родился он в Баку в семье начальника мореходного училища дальнего плавания. Учился сначала в Бакинской, а затем Херсонской гимназии. Дальше был Петроградский университет, историко-филологический факультет, первые открытия ещё студентом в Пушкинском семинаре С. А. Венгерова. Тогда же много работал над изучением строения русского стиха и его истории. Его выпускное сочинение в 1916 г. было принято к печати в журнале. После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию, но магистерских экзаменов не сдавал. После революции служил в Книжной палате и Архиве цензуры и печати. Профессор Л. В. Щерба предложил Бонди прочитать курс русского стихосложения в Институте живого слова. Горячо любимого Пушкина Бонди тоже не оставляет, и для сборника «Литературный музей» он подготовил материалы по истории пушкинского «Современника».

Но была у Бонди в эти годы и другая страсть, впрочем, как и у его братьев, которых в связи с Костромой никак нельзя не вспомнить. В 1912 г. артистической молодёжью Петербурга овладела мысль о новом театре, для создания которого решено было пригласить В. Э. Мейерхольда. В Териоках, в заброшенной огромной даче, когда-то принадлежавшей американскому посланнику, благодаря материальной поддержке Лидии Дмитриевны Блок, была устроена коммуна – Товарищество

¹ Кадошников А. Удивительный лектор // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 316–318.

актёров, писателей, художников и музыкантов. Спектакли, которые с успехом прошли в летний сезон в Териоках, осенью подтолкнули Мейерхольда к созданию своей новой театральной студии. Вести в ней занятия Мейерхольд пригласил Сергея Михайловича и его старшего брата Юрия. Ю. М. Бонди не только преподавал в студии, но был и художником целого ряда поставленных Мейерхольдом спектаклей. В группе «гротеска» в этой студии неожиданно проявились сценические способности и третьего, младшего, Бонди – Алексея Михайловича, впоследствии ставшего не только актёром, но и драматургом. (Это его перу, кстати, принадлежит «Необычайный концерт», принёсший такую славу кукольному театру С. В. Образцова, это им был переработан заурядный в общем-то текст водевиля Ленского «Лев Гурыч Синичкин», который в 1940-е гг. вошёл в репертуар многих театров.)

Сам С. М. Бонди так вспоминал об этом в письме в Комиссию по реабилитации в сентябре 1955 г., добиваясь восстановления доброго имени великого режиссёра: «С осени 1912 года до конца 1914 года я принимал самое близкое участие в организованной тогда В. Э. Мейерхольдом Театральной Студии. Я был заместителем жившего тогда в Ростове и только наезжавшего в Петербург М. Ф. Гнесина по классу “музыкального чтения в драме” и читал лекции по теории стиха»¹.

В тяжёлом 1918 г., когда жизнь в Петрограде оказалась невыносимо голодной и холодной, Юрий и Алексей Бонди работали в составе театра-студии Н. В.

Стоят: Сергей и Алексей Бонди. Сидит Григорий Джалалов, рядом Юрий Бонди. Фото из семейного архива Н. С. Бонди

¹ Сергей Михайлович Бонди: К 120-летию со дня рождения: Статьи. Письма. Воспоминания современников / ред.-сост.: Н. С. Бонди, В. П. Каширников. М., 2013. С. 150.

Петрова. Чтобы сохранить этот коллектив, было решено переехать временно куда-нибудь в провинцию. Костромская газета с ликованием сообщала своим читателям в декабре 1919 г.: «В Петрограде нам повезло. Отдел театров и зрелищ в лице комиссара театров – артистки М. Ф. Андреевой сочувственно откликнулся на предложение Костромы и согласился отпустить на сезон молодой, но уже успевший окрепнуть и приобрести симпатии петроградской публики коллектив Малого драматического театра»¹.

Переезд труппы в начале 1920 г. в наш город в своих мемуарах описывал сам режиссёр этой труппы Николай Васильевич Петров.

...Удивлённые костромичи наблюдали, как через Волгу, покрытую белым снежным ковром, медленно тянулся обоз из пятидесяти семи розвальней, на которых перевозился театральный груз и ехали актёры.

Мы привезли с собой полностью четыре готовые постановки. Костромичи же привыкли, что спектакли зимнего сезона проходят в стандартных, существующих в театре декорациях, и им было внове, что театральная труппа привозит с собой свои декорации, костюмы и мебель. Что-то в этом было не так, да и труппа выглядела как-то странно.

Не усмотрели костромичи среди нашей компании ни привычного комика, ни героя, ни героини, ни комической старухи, которые в жизни носили свою театральную маску и так разительно отличались от обычных людей.

Удивление костромичей сменилось огорчением, а огорчение породило и недоверие.

– Кто же у них будет играть героинь?

– Да и героя тоже не видать!

– Ну разве может сезон быть без комика?

– Ох, уж этот Полтевский². И кого это только он нам привёз?³

¹ Красный мир. 1919. 3 дек.

² Полтевский А. Н. – инструктор по художественному воспитанию Костромского отдела народного образования.

³ Петров Н. В. 50 и 500. М., 1960. С. 181.

Так вот появились в Костроме два брата Бонди – Юрий и Алексей.

Сергей Михайлович, очевидно, раньше торил дорогу через Волгу от железнодорожного вокзала, потому что в должности преподавателя истории русской литературы в нашем университете он был утверждён ещё 25 февраля 1919 г.¹ А в феврале 1920 года в дополнение к этому совет факультета постановляет: «Поручить С. М. Бонди руководство занятиями по истории новой русской литературы»². Наряду с этим в отчёте указывается, что Бонди ведёт семинарий «Пушкин и его время», а также курс современного русского языка³. В краткой справке о С. М. Бонди, к тому же недатированной, содержится ещё такая информация: «...в Костромском университете принимает деятельное участие в популярных лекциях, устраиваемых гуманитарным факультетом. Преподаванием занимается в течение 2-х лет. С. М. Бонди принадлежит работа о русском стихе. Весьма деятельный руководитель практических занятий по новой русской литературе и языку»⁴.

Существует ещё один документ – за подписью ректора Менькова, свидетельствующий о том, что приходилось Сергею Михайловичу в Костроме исполнять ещё такой гражданский долг.

В Костромской народный суд.

Преподаватель Костромского Университета С. М. Бонди привлекается к исполнению обязанностей заседателя Костромского народного суда начиная с 13 сего октября. Ввиду того, что С. М. Бонди в настоящее время имеет служебную командировку в Москву, Костромской государственный университет просит освободить С. М. Бонди от обязанностей заседателя»⁵.

А ещё в журнале тех лет читаем заметку «Литературная секция» в разделе «Маленькая хроника Губполитпросвета»:

¹ Отчёт 2. С. 63.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 12.

³ Отчёт 2. С. 31.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 7 об.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 105.

«Секцией организована литературная студия для начинающих местных писателей и поэтов. Руководителями приглашены преподаватели университета С. М. Бонди и профессор Шишмарёв.

Секция заканчивает разработку программы торжественного празднования 60-летнего юбилея Тараса Шевченко»¹.

Однако много времени занимала и работа в костромской школе-коммуне, где Бонди был воспитателем, заведовал интернатом². Эту работу он любил вспоминать и впоследствии, потому что отнимала, очевидно, она не только много времени, но и душевных сил и выполнялась Сергеем Михайловичем не казённо. Недаром ведь, и уехав из Костромы в Москву, он первые годы работал в 4-й опытной школе эстетического воспитания, которой руководила Н. И. Сац, а покровительствовал лично нарком просвещения А. В. Луначарский.

Помню, как, начав работу по созданию музея в нашем университете, достал с полки посвящённый юбилею профессора Бонди сборник, стал читать список его трудов – и изумился, как мало всё-таки печатался этот великий пушкинист. Преобладали в списке многочисленные его комментарии к различным изданиям поэта, начиная с детгизовских и заканчивая академическими. Уже потом нашёл этому объяснение: во-первых, непросто складывались отношения Бонди с академической номенклатурой и поэтому многие рукописи не были опубликованы при его жизни, а во-вторых, он слишком расплёскивал себя в лекциях и на семинарах, в общении с учениками в своей квартире. И воспоминания А. Кадошниковой подтверждают эту догадку: «Он сам часто говорил нам впоследствии, что писать не умеет. И любил рассказывать такой анекдот. Как-то он сказал в кругу своих коллег-филологов, что писать не любит, пишет мало, а между тем он член Союза писателей. И кто-то ему ответил: “Ничего, С. М., вы сможете пройти в Союз по секции акынов и ашугов”. Эту шутку С. М. любил повторять»³.

¹ «Вестник просвещения Костромского края». 1921. № 1. С. 54.

² В этой школе-коммуне, как узнаём из воспоминаний Л. С. Китицыной (см. прил. 7), и жила вся семья Бонди во главе с матерью Зоей Сергеевной.

³ Кадошникова А. Удивительный лектор // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 306.

Ю. М. Бонди. 1922–1923 гг.
Из семейного архива Н. С. Бонди

Не могу не сказать о том, какой след оставил в Костроме старший брат пушкиниста Юрий Михайлович (1889–1926). Он не вернулся вместе с группой Петрова, отработав сезон в нашем городе, в Петроград, а остался в Костроме и даже возглавил гортеатр. В январе 1921 г. Ю. М. Бонди осуществил свою давнюю мечту: поставил драму А. Блока «Роза и крест». В своё время предысторию спектакля мне рассказывал ивановский профессор П. В. Куприяновский¹, которому приходилось это слышать от самого Сергея Михайловича. А недавно я прочитал её вот в таком изложении: «Ещё в начале февраля

1913 года А. Блок читал эту свою новую пьесу в кругу близких ему людей у себя дома. Среди присутствующих были и братья Бонди. Пьеса произвела тогда на всех большое впечатление, и вот теперь, через шесть лет перед отъездом в Кострому, Ю. Бонди встречается с А. Блоком и говорит ему о своём большом желании поставить эту замечательную пьесу, на что получает согласие поэта»².

Спектакль рождался в больших мучениях – и даже не творческих (свой образ спектакля Юрий Михайлович давно выносил, а в чём-то его укрепили указания непосредственно самого автора), а административных. Этот крик души – в его большом

¹ См.: Куприяновский П. Блоковский спектакль в Костроме: К 100-летию со дня рождения А. А. Блока // Северная правда. 1980. 22 нояб.

Павел Васильевич в 1995 г. по нашей просьбе прислал и ксерокс статьи Мих. Сокольников «О постановке драмы Блока «Роза и Крест»: Воспоминания // Земные ласки: альманах. Кинешма, 1922. С. 29–31. (Ни в одном из костромских книгохранилищ этого альманаха не оказалось, а этот отзыв о спектакле особенно интересен, потому что его молодой в ту пору автор Михаил Порфирьевич Сокольников (1898–1979) впоследствии стал видным театральным критиком и искусствоведом.)

² Бонди Н. С., Каширников В. П. Об авторе // Заседание о смехе: новый сборник старых литературных пародий / А. Бонди. М., 2008. С. 6–7.

письме Мейерхольду, писанном 17 октября 1920 г. в костромском театре. В первой половине письма он пытается объяснить с Мейерхольдом по поводу разрыва, случившегося в их отношениях. Дальше – о ситуации, в которой оказался и костромской театр, и сам Ю. Бонди.

Когда Андреева¹ и Петербург Кострому надули: не дали ни актёров, ни режиссёра, когда два раза в это лето туда ездили представители от Наркомпроса² за обещанной труппой, были обмануты, доведены до того, что не где было уже взять театра – тогда в отчаянии меня просили, как Бориса Годунова, всем Наркомпросом приять власть и сделаться директором в не существующем пока театре. И вот, как и Борис Годунов, я так же долго упирался и так же согласился и прочёл им монолог: “Ты, отче патриарх, вы все, бояре!..”

Вашему назначению в Москве³ здесь все обрадовались страшно, так как по “Любви к трём апельсинам”, книге “О театре”, “Алинуру”⁴ (здесь это всё имеется) они воображают, что мы с Вами “хорошо знакомы”. Я сразу же их разочаровал, что у Вас “протекции” составить не могу; но они говорят, что это гнусное подозрение, что речь идёт не о протекции, а лишь о том, что мне, который Вас знал хоть когда-то, уместнее просить Вас, чем им, которым Вы можете и не поверить. Меня просили ехать с представителем союза Рабис в Москву защищать перед ТЕО смету и просить актёров. Я был рад ехать, мне очень бы хотелось Вас опять увидеть. Но по техническим препятствиям я ехать не могу сейчас, и вместо меня едет заведующий театральной секцией Кравков, меня же просят написать Вам просьбу об актёрах. Они не знают, что я не могу просить Вас ни о чём, пока не получу от Вас ответа. Я говорил им, что мы с Мейерхольдом расстались давно и я не знаю,

¹ Андреева Мария Фёдоровна (1868–1953) – гражданская жена М. Горького, в то время комиссар театров и зрелищ Петрограда.

² Отдела народного образования Костромского губисполкома.

³ В 1920 г. в Москве был создан «Театр РСФСР-1», который возглавил В. Э. Мейерхольд, впоследствии он носил имя Мейерхольда.

⁴ Ю. М. Бонди был автором эскиза первой обложки журнала «Любовь к трём апельсинам»; соавтором Мейерхольда по пьесам «Огонь» и «Алинура».

что Мейерхольд думает теперь обо мне. Не буду же я посвящать их в наши отношения. Но в глубине души они, мне кажется, всё-таки думают, что моя просьба будет крепче.

Всеволод Эмильевич, я в третий раз взываю к Вам. Вы понимаете всё очень тонко. Вы понимаете, какое трудное и интересное выходит положение. Но я рискую и, чтоб быть честным перед ними, прошу Вас, если можете, сделайте что-нибудь для Костромы. Вся надежда их на Вас. Пришлите несколько актеров на ответственные роли, а остальных мы здесь найдём.

Кострома вполне достойна того, чтобы об ней позаботились. Они с такой жадностью идут на всё новое, так рады поумнеть, так доверчивы. Петровский сезон на них произвёл потрясающее впечатление такими постановками, как «Маскарад» (точно из Вас), «Шут Тантрис» (точно из Вас), «Жизнь Человека», «Шарф Коломбины» (точно из Вас)¹. Ничего подобного они никогда не видали и не представляли себе, что такое возможно в театре. Однако наряду с этим была вся трилогия Гамсуна, «Михаил Крамер» Гауптмана, «Бранд» Ибсена и т. д. Это нравилось меньше. Было очень скучно. Что им показывать в этом году – вполне точно неизвестно. Нету актёров, на которых можно было бы строить репертуар, неизвестно, кто будет играть, и следовательно, пьесы нужно подбирать независимо от актёров.

И дальше после перечисления намеченного репертуара в письме следует разъяснение.

Примечание. «Роза и Крест» ставится для начала для того, чтобы:

1. *Epater les bourgeois*² (костромских).
2. Утратить нос всем слишком умным режиссёрам, которые говорят, что ни у одного театра не хватит пороку поставить «Розу и Крест».

¹ Перечисленные здесь спектакли были поставлены Мейерхольдом в течение 1907–1917 гг. в разных театрах Петрограда: «Жизнь Человека» – в Театре В. Ф. Комиссаржевской (1907), «Шут Тантрис» и «Маскарад» – в Александринском театре (1910, 1917), «Шарф Коломбины» – в Доме интермедий и «Привале комедиантов» (1910, 1916).

² Поражать, ошеломлять обывателей (франц.).

3. Лично мне освободиться от многолетнего зуда, так как мне кажется, что я нашёл ключ к этой постановке и мне хочется от этой навязчивой идеи отвязаться (пьеса очень мало театральна сама по себе).

4. Доставить Костроме приятное зрелище, так как «при моём способе» постановки должно получиться с внешней стороны очень интересно, мне кажется.

Не удивляйтесь, Всеволод Эмильевич, такому подбору пьес. Сделано это применительно к местным условиям. Просвещать костромичей нужно во что бы то ни стало. <...>

До свидания, Всеволод Эмильевич, дайте мне знак. Я жду. Допустите, пожалуйста, до себя Кравкова и выслушайте его просьбу¹.

На это письмо Мейерхольд не ответил, но помощь костромскому посланцу из губполитпросветотдела оказал. Об этом свидетельствуют сохранившиеся более поздние письма Ю. Бонди к Мейерхольду. Их взаимоотношения наладились.

«Роза и крест» действительно ошеломила костромского зрителя. Свидетельства тому – отклики на спектакль, появившиеся в местной газете². И как жаль, что никто не записал и не сохранил атмосферу того обсуждения, на которое приглашала газета: «В четверг третьего февраля клубом при “Госпитале-приёмнике” (Пятницкая ул., бывш. Григоровская гимназия) устраивается дискуссия о постановке “Роза и Крест” – Блока. Вход свободный. Приглашаются литературные и театральные работники г. Костромы»³! Во всяком случае, костромской спектакль на многие десятилетия оставался первой и единственной попыткой воплотить на профессиональной сцене драму Блока, и в этом его уникальность.

Юрий Михайлович Бонди позднее, когда переехал в Москву, возглавил там 1-й Государственный театр для детей.

¹ Мейерхольд В. Э. Переписка: 1896–1939 / сост. В. П. Коршунова, М. М. Ситковецкая. М., 1976. С. 207–208.

² Янтарева А. «Роза и Крест» в гортеатре // Красный мир. 1921. 11 янв.; Василий Стариков. Роза и Крест: (Театральные заметки) // Красный мир. 1921. 6 февр.

³ Красный мир. 1921. 2 февр.

Но жизнь его рано оборвалась, и на страницах костромской газеты в 1926 г. появилась статья с характеристикой его жизни и деятельности в Костроме.

«Известия» от 18-го марта в скромном, но тёплом некрологе принесли нам весть о смерти небезызвестного костромичам художника Юрия Михайловича Бонди.

Тем, кому дороги культурные начинания, кто следит за художественной жизнью Костромы, имя Ю. М. Бонди должно напомнить о лучших днях костромского гор. театра (1919 г.¹), когда на его сцене шли такие художественные постановки, как «Роза и крест» – А. Блока, «Каменный гость» Пушкина, «Женитьба Бальзамина» и др.

Высокоталантливый художник-декоратор, оригинальный в своих исканиях режиссёр труппы драматической и оперной и, наконец, директор гор. театра, покойный Ю. М., всегда загруженный работой, находил ещё возможность уделять время для графической работы в редакции местной газеты и РОСТА, проводивших тогда большую агитационную работу.

Должна помнить т. Бонди и наша учащаяся молодёжь, среди которой в качестве преподавателя пластических искусств работал Ю. М. и которую увлекал он силою своего таланта и заражая любовью к искусству и творчеству.

¹ Автор некролога ошибается: перечисляемые далее спектакли – из репертуара 1921 г.

Дирижёр Костромского музыкального коллектива начала 1920-х гг. Б. А. Фёдоров

Балетмейстер М. М. Чумаков

Последние годы Ю. М. Бонди работал в Москве в качестве руководителя Детского театра (ныне Госуд. педагогический театр), где любовным отношением и умелым подходом к делу снискал себе заслуженные симпатии и юных артистов, и юных зрителей своего театра.

Талант, оригинальность и любовь к искусству – вот что неразрывно связано с воспоминаниями о покойном художнике¹.

Недавно появилась возможность познакомиться и с творчеством младшего брата Бонди. В 2007 г. московское издательство «Жук» выпустило книгу Алексея Бонди «Заседание о смехе: новый сборник старых литературных пародий». Книга состоит из историй из жизни отважного Гусакова, скетчей, пьесы “Обыкновенный концерт”, личной переписки семьи Бонди и других уникальных материалов из семейного архива Натальи Сергеевны Бонди.

Сочинения²

Сергей Михайлович Бонди: К 120-летию со дня рождения: Избранное / сост. Н. С. Бонди. М., 2013. 360 с.

Сергей Михайлович Бонди: К 120-летию со дня рождения: Статьи. Письма. Воспоминания современников / ред.-сост.: Н. С. Бонди, В. П. Каширников. М., 2013. 328 с.

Литература

Андроников И. Л. Выдающийся пушкинист // Замысел, труд, воплощение / ред. В. Кулешов. М., 1977. С. 5–9.

Огрызко В. Поверивший в социализм пушкинист // Литературная Россия. 2011. 5 авг.

Селиванова С. Д. Рядом с Пушкиным: О Сергее Михайловиче Бонди // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 12 / под ред.

¹ Северная правда. 1926. 24 марта.

² Подробную библиографию см.: Список печатных работ С. М. Бонди // Замысел, труд, воплощение...: сб., посвящ. С. М. Бонди. М., 1977. С. 231–238; Список трудов С. М. Бонди по пушкиноведению / сост. В. В. Зайцева // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 12 / под ред. Н. Н. Петруниной (отв. ред.), В. Э. Вацура, Я. Л. Левковича и др. Л., 1986. С. 370–381.

Н. Н. Петруниной (отв. ред.), В. Э. Вацуро, Я. Л. Левковича и др.
Л., 1986. С. 367–370.

Селиванова С., Гайденков Н. С. М. Бонди: К 75-летию со дня рождения // Вестник Моск. ун-та. Серия Х. Филология. 1967. № 2. С. 72–77.

Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост.
В. И. Новиков. М., 1988. С. 280.

Георгий Карлович
В Е Б Е Р
1976–27.08.1937

*Г. К. Вебер. Фото начала XX в.
Из семейного архива*

Профессором кафедры всеобщей истории Г. К. Вебер был избран гуманитарным факультетом 30 октября 1920 г.¹, а правлением университета это решение утверждено 22 ноября². С 1 ноября ему было поручено читать курс по истории Западной Европы XVIII–XIX вв. и вести семинарий по этому курсу. Кроме того, на педагогическом факультете Георгий Карлович читал цикл специальных дисциплин (педагогика, история педагогических идей, народное образование в России и за рубежом). Его работа в Костроме продолжится и после закрытия университета – в педагогическом институте³.

Между тем информация о Г. К. Вебере в нашем архиве крайне скудна. Больше можно узнать, очевидно, в Ярославском архиве. Дело в том, что почти одновременно Георгий Карлович состоял профессором и в ЯрГУ, который с 1924 г. тоже был преобразован в педагогический институт.

Из документов и материалов о преподавателях педагогического факультета Ярославского университета за 1922/24 уч. г. мы можем узнать о Вебере следующее.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 44.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

По окончании курса историко-филологического факультета Петроградского университета одновременно прослужил три года на юридическом факультете. В 1900 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре новой истории и занимался педагогической деятельностью в средней школе, не прерывая научных занятий. В 1908–10 гг. в течение двух с половиной лет находился в заграничной командировке для изучения научной педагогики и школьного дела на Западе и для занятий по всеобщей истории в заграничных университетах. Осенью 1910 г. был приглашён на Московские женские педагогические курсы для занятий по педагогическим дисциплинам и по новой истории. Одновременно начал лекторскую деятельность в Московском обществе народных университетов, на земских учительских курсах и в университете Шанявского. С 1915 по 1920 гг. состоял на военной службе. Летом 1920 г. был избран профессором всеобщей истории Владикавказского политехнического института. С октября 1920 г. состоял профессором Костромского университета по кафедре новой истории и работал во 2-м Московском Институте народного образования, в Высшем институте иностранных языков и на учительских курсах инвалидов. В 1920 г. был назначен инспектором главного управления военных учебных заведений. С 13 мая 1921 г. профессор ЯрГУ¹.

Заметка правнука Г. К. Вебера Алексея Несмелова «Век служения Отечеству»², с одной стороны, дополняет эту информацию об историке: «В Санкт-Петербурге он преподавал историю в знаменитом Тенишевском училище, был наставником в классе, где среди его учеников учился знаменитый в дальнейшем советский академик, физик Д. Скобельцын»³. С другой стороны, А. Несмелов утверждает, что «системы образования европейских государств для подготовки материалов для реформы системы образования

¹ «Вглядись в минувшее бесстрастно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: Документы и материалы / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 106.

² Учительская газета. 2010. 2 марта.

³ Известно, что Д. В. Скобельцын закончил Тенишевское училище в 1910 г.

в России» Г. К. Вебер изучал в Германии, Швейцарии и Италии «в течение четырёх лет», а по возвращении из-за границы переезжает в Москву.

Мы очень благодарны доктору исторических наук А. Б. Веберу, приславшему дореволюционный снимок Георгия Карловича, хотя о его судьбе Александр Борисович мало что мог сообщить: «Ведь когда в семье появился Борис Георгиевич Вебер, мой отчим, Георгий Карлович был в ссылке, о его судьбе не было известно и вообще эта тема дома не обсуждалась. В архиве Бориса Георгиевича были какие-то материалы его отца; все бумаги моя покойная мать передала в Музей истории Москвы (существующий поныне). По словам моей сестры, внучки Георгия Карловича, там были оттиски его статей и наверно что-то ещё»¹.

Можно добавить, что близкая дружба связывала Вебера со знаменитым петербургским профессором И. М. Гревсом² (вероятно, ещё со студенческих лет, а затем они вместе преподавали в Тенишевском училище).

В советское время, когда были до 1934 г. ликвидированы исторические факультеты и заменены «ФОНами» (факультетами общественных наук), а изучение истории сводилось в основном к изучению памятников материальной культуры, учёные-историки вынуждены были находить для своей работы пристанище в архиво- и книгохранилищах, в музеях. Г. К. Вебер в это время заведует отделом иностранного комплектования библиотеки Коммунистической академии. Здесь его и настигают жернова репрессий. Он – один из 110 осуждённых по так называемому «кремлёвскому делу». Возникло оно в начале 1935 г. как прямое продолжение политики сталинских репрессий после убийства Кирова в результате «разоблачения» якобы существовавшего в Кремле заговора, готовившего покушение на Сталина.

Организатором заговора выставлялся Каменев, а для придания политической окраски «дело» увязывалось с Троцким, Зиновьевым, монархистами, меньшевиками, кадетами, белогвардейцами и т. д.

¹ Письмо А. Б. Вебера от 10 мая 2011 г.

² Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имён А. И. Добкина. М., 1992. С. 176.

Приговор в отношении Вебера был – три года ссылки. Наказание он отбывал в Нарымском крае, в селе Каргасок (нынешней Томской области). В приснопамятном 1937-м Георгий Карлович вторично был арестован как «член контрреволюционной кадетско-монархической и эсеровской организации». 1 августа тройкой КНКВД Забсибкрая был приговорён к высшей мере наказания и 27 августа расстрелян¹.

¹ Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d6/f372.htm> (дата обращения: 5.05. 2011).

Борис Николаевич
ВИШНЕВСКИЙ
13.06.1891–26.01.1965

*Б. Н. Вишневский. Фото начала 1930-х гг.
Из семейного архива Б. Б. Вишневского*

Правой рукой декана естественного факультета в первый год деятельности Костромского университета являлся Б. Н. Вишневский, преподаватель кафедры антропологии. В Костроме он был недолго, в отчёте это оговаривается: «Б. Н. Вишневский, лекции которого начались позднее, вёл практический курс биометрии и антропологии»¹, а в список преподавателей в этом отчёте Вишневский уже не попал, потому что перешёл в Казанский университет.

Однако о его работе в Костроме в отчёте написано очень подробно: «По антропологии им велись: практические занятия по измерению черепов и некоторых признаков на живых, и была изложена сравнительная оценка признаков для изучения естественной истории человека. Им же был организован кроме того антропологический кабинет и под его руководством и при его участии велось студентами измерение армейцев Костромского гарнизона. Измерения эти продолжались и летом при участии студентов Островского, Букштановича, Надеждина, Белихова, Смирнова, Прохорова и были затем обрабатываемы под руководством Б. Н. Вишневского. Всего было измерено более 1 500 человек. Совместно со студентами была

¹ Отчёт 1. С. 25.

изучена кроме того серия курганных черепов, находящихся в Музее местного края. В результате послана в редакцию Русского антропологического журнала статья “Краниологические заметки по Костромской губернии”, подготовлена к печати работа о трепанированных черепах из Костромского у.»¹. В Костроме Вишневский ещё составляет указатель к «Русскому антропологическому журналу» с 1900 по 1910 г. и занимается обработкой измерений головного показателя белорусов Минской губернии. В Костромском архиве сохранился отчёт самого Бориса Николаевича о двух экскурсиях, совершённых в июне и июле 1919 г. со слушателями университета, составленный по свежим следам 22 июля 1919 г.² Успел, оказывается, он здесь написать и статью «Материалы для антропологии западных славян».

Нужно сказать, что активно Вишневский участвовал в комплектовании университетской библиотеки, свидетельство тому – многочисленные записи в протоколах правления, и неслучайно в одном из протоколов читаем: «...поручить Б. Н. Вишневскому вести переговоры с библиотечным отделом Комиссариата народного просв[ещения]»³.

За недолгий срок в Костроме накоплен молодым исследователем достаточный материал, чтобы 23 мая 1920 г., приехав из Казани, выступить на общем собрании научного общества в Костроме с докладом «Антропологические заметки Костромской губернии»⁴. Позднее появилась и соответствующая публикация⁵. Эта связь не прекращается, и в Казани Вишневский вместе со своей женой Марией Михайловной⁶ продолжают изучать собранный зимой 1912/13 г. костромским краеведом П. В. Зориним материал, и в 1927 г. появляется статья

¹ Отчёт 1. С. 26.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 83–84 об.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 30 об.

⁴ Отчёт о деятельности КНО за 1920 год. Кострома, 1921. С. 3.

⁵ Труды КНО. Вып. 16. Второй естественно-исторический сборник. Кострома, 1920. С. 69–78.

⁶ Мария Михайловна Вишневская (р. 1898 г.) – закончила Казанский университет; зоолог, антрополог, имела печатные труды по этим наукам. Умерла в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

М. М. Гагаевой-Вишневской «Антропологический очерк тоншаевских черемис»¹.

В Кострому Борис Николаевич Вишневский приехал, как и многие, впрочем, преподаватели КГРКУ, молодым и подающим надежды выпускником, оставленным при Московском университете (он его закончил в 1916 г. по специальности «География и антропология») для приготовления к профессорскому званию. Весной 1918 г. он выдержал экзамен на степень магистра географии.

В Казани он стал профессором Северо-Восточного археологического и этнографического института и преподавателем кафедры географии и этнографии Казанского университета. С 1923 г. переезжает в Петроград. Здесь всё складывается на первых порах тоже удачно: преподаватель Ленинградского института восточных языков им. Енукидзе, доцент географического факультета Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена (с 1927 г.), профессор (1929–1937); секретарь Анатомио-антропологического общества; старший научный сотрудник, зав. отделом антропологии Музея антропологии и этнографии, профессор Ленинградского университета. По-прежнему часто в экспедициях. Активный деятель краеведческого движения, постоянный автор и рецензент журнала «Краеведение».

В 1935 г. становится доктором географических наук. Много занимался популяризацией антропологии. Но в январе 1937 г. ему было отказано (акад. А. М. Дебориным) в участии в конференции по древнейшему человеку в США с мотивировкой: «не может считаться преданным Советской власти человеком». В последующие месяцы подвергался критике со стороны своих коллег «за пропаганду реакционных взглядов буржуазных учёных». А 14 сентября 1937 г. арестован. По статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР постановлением ОСО при НКВД СССР от 8 мая 1938 осуждён на 8 лет ИТЛ. Отбывал срок в Севвостлаге (Дальневосточный край, Магадан, 2-й леспромхоз). Освобождён в 1946 г. с запрещением проживания в крупных городах. Кроме того, был лишён диплома доктора географических наук (восстановлен в 1949 г.).

¹ Труды КНО. Вып. 40. Материалы по антропологии Костромского края. Кострома, 1927. С. 35–53.

Поэтому с 1946 г. Вишневский преподает географию в провинциальных вузах – в Йошкар-Оле, Борисоглебске. В 1953 г. был реабилитирован. В 1955 г. добился распоряжения Президиума АН СССР о восстановлении в должности старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР, но к работе так и не смог приступить. Работал в Пермском пединституте (1954–1961), с 1962 г. и до самой смерти – в Черновицком университете в должности заведующего кафедрой экономической географии¹.

Б. Н. Вишневский. Фото конца 1950-х гг., Пермь. Из семейного архива Б. Б. Вишневского

Сочинения

К антропологии древнего населения Восточного Туркестана // Казанский музейный вестник. 1921. № 1/2. С. 88–102.

Памяти Д. Н. Анучина // Краеведение. 1923. № 2. С. 89–92.

Литература по краеведению // Там же. С. 192–198.

Осборн Генри Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство / пер. с англ. под ред. и с доп. антрополога АН Б. Н. Вишневского, с прил. ст. «Доисторический человек в России». Л., 1924.

Новейшие открытия в Египте // Наука и техника. 1924. № 18 (62). С. 10–11.

Новый способ расовой диагностики в применении к чувашам // Доклады АН СССР. Сер. Антропология. 1925. С. 127–130.

Неандерталец в Галилее // Природа. 1926. № 1/2. С. 112.

¹ Марийская история в лицах. URL: <http://marihistory.ru/>; Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подгот.: Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. СПб., 2003. (Социальная история отечественной науки о Востоке).

Археологические открытия Третьей Монгольской экспедиции // Новый Восток. 1926. № 12. С. 345–346.

Первобытный человек. Л., 1926.

Антропология // Академия наук СССР за десять лет. 1917–1927. Л., 1927. С. 110–115.

Об архивных материалах, имеющих значение для антропологии // Изв. Центр. бюро краеведения. 1928. № 9. С. 5–7.

Естественная история человека: (Очерк ист. развития антропологии). Л., 1928.

Антропологический отдел : крат. путеводитель. Л., 1931.

Анатомические коллекции Кунсткамеры : путеводитель по выст. Л., 1934 (совм. с Е. В. Жировым).

Палеоантропологическая находка близ Эривани // Советская этнография. 1934. № 5. С. 40–47.

Происхождение человека : путеводитель по антроп. коллекциям вводного отдела. М. ; Л., 1937.

Этногония буртасов // Изв. ВГО. 1948. Т. 80, вып. 2. С. 183–184.

Древнейший человек на Лене // Природа. 1948. № 4. С. 85.

Разоблачение зоантропа // Там же. 1956. № 12. С. 106–109.

Путешественник Кирилл Хлебников. Пермь, 1957. 60 с. (Замечательные люди Прикамья).

Географ-краевед И. Я. Кривощёков. Пермь, 1961. 104 с.

Л и т е р а т у р а

Краснопольский А. В. Отечественные географы. 1917–1992. Т. 1. СПб., 1993. С. 163.

Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подгот.: Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. СПб., 2003. (Социальная история отечественной науки о Востоке).

Памяти Б. Н. Вишневого / А. И. Токмаков, Н. Г. Игнатенко, С. И. Бондаренко и др. // Изв. ВГО. 1965. Т. 97, вып. 4. С. 390–391.

Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1994. Вып. 5/6. С. 342–368.

Спиров М. С., Залкин Н. Г. Б. Н. Вишневский // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 26.

Николай Иванович
В О Р О Б Ъ Ё В
18.05.1868–27.08.1942

Выходец из бедной крестьянской семьи, Н. И. Воробьёв, закончив начальную школу и городское училище в Вязниках Владимирской губернии, в 1886 г. сдал экзамен на звание учителя начального училища и работал в земских школах. Из-за участия в кружках революционно настроенной интеллигенции ему часто приходилось менять место работы. Весной 1897 г. перешёл на службу в земское статистическое бюро во Владимире. Подвергался высылке в Архангельскую губернию. Вернувшись снова во Владимир, состоял секретарём и казначеем Владимирского комитета РСДРП. В начале 1906 г. по постановлению губернатора Воробьёв подлежал высылке из пределов Владимирской губернии. Не дожидаясь приведения в исполнение этого постановления, Воробьёв несколько месяцев работал статистиком в Вологде и в том же году поселился в Костроме. Здесь он заведует оценочно-статистическим отделением Костромского губернского земства, избирается гласным городской думы, в 1917 г. городским головой, был первым председателем губернского совета народного хозяйства.

В 1918 г. арестовывался как «участник контрреволюционной группы меньшевиков»¹, но через месяц был освобождён из тюрьмы за недоказанностью обвинений и в связи с острой необходимостью организации статистических работ в губернии. В 1918 г. Воробьёв – один из редакторов и активный автор выходившего в Костроме журнала «Трудовой путь», являвшегося органом Костромского союза потребительских обществ (бывшего Костромского центрального сельскохозяйственного общества)².

Н. И. Воробьёв был крупным статистиком, ряд его работ до сих пор не утратил своей актуальности. Недаром, например, его статья «Семья в г. Нерехте» спустя многие годы вошла в антологию, изданную к 70-летию советской демографии.

С момента создания в Костроме университета Н. И. Воробьёв читал лекции по экономической географии в культурно-просветительной ассоциации, в Высшей народной школе вёл курсы истории и теории рабоче-крестьянской кооперации и экономики крестьянского хозяйства³. С 1 ноября 1918 г. утверждён преподавателем гуманитарного факультета по кафедре политической экономии⁴. Как отмечалось в отчёте, Воробьёвым была собрана целая библиотека «ценного статистического материала, изданий северных губернских земств, давших возможность открыть в 1919 году занятия со студентами по изучению крестьянского хозяйства северной России»⁵.

Для своей большой семьи (у него было семеро детей) Н. И. Воробьёв примерно к 1914 г. выстроил двухэтажный дом в Царёвском переулке (нынешняя ул. Спасокукоцкого, 37)⁶. В архиве сохранился

¹ Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Т. 1. Кострома, 2010. С. 346.

² См.: Содержание статей, помещённых в «Трудовом пути» за 1918 г. // Трудовой путь. 1918. № 23–24. С. 71–77.

³ Первый год Советской работы. С. 214.

⁴ Отчёт 2. С. 63. В Отчёте же за первый год деятельности университета указана ошибочно другая дата: 1 ноября 1918 г. (С. 51).

⁵ Отчёт 1. С. 15.

⁶ Бочков В. Н. Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 177–178.

документ, позволяющий назвать ещё один адрес, где проходили занятия со студентами университета:

*Гуманитарному факультету
Костромского государственного
р[абоче]-к[рестьянского] университета
преподавателя Н. И. Воробьёва
заявление.*

Так как в здании университета нет свободной комнаты для семинарских занятий по кооперации и статистике крестьянского хозяйства и кабинет по изучению крестьянского хозяйства ещё не устроен, то я прошу гуманитарный факультет временно занять для семинарских работ по изучению крестьянского хозяйства комнату в моей квартире (ул. Окт., 37, кв. 3) с тем, чтобы слушатели пользовались имеющимися в моём распоряжении книгами по крестьянскому хозяйству, земскими и правительствен[ными] и другими изданиями и материалами. Для приспособления комнаты к занятиям необходимо устроить одну полку для книг размерами 4 ½ × 7 ар. Вместе с тем я прошу факультет и правление университета решить вопрос, возможно ли отопление комнаты взять на <обгор.> университета при электрическом освещении её во время занятий на мой счёт.

В комнате могут заниматься от 10 до 15 человек.

1919 г. Июля 24 дня

Преподаватель Н. Воробьёв

На заявлении резолюция: «25 авг. 1919 г. Правлением заявленное рассмотрено: просьба с дровами отложена, в остальном удовлетворено».

Кострому Н. И. Воробьёв покинул в 1925 г. О его дальнейшей жизни можно привести лишь обрывочные сведения: с 1925 г. он руководил Северо-Кавказским статистическим управлением и кафедрой статистики Северо-Кавказского государственного университета (Ростов-на-Дону). На протяжении 1924–1926 гг. Николай Иванович был консультантом ЦСУ СССР, был председателем IV Всесоюзного съезда статистиков¹.

¹ «Демоскоп Weekly». 2003. № 127128. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0127/наука01.php> (дата обращения: 11.12.2012).

В 1930 г., вследствие инвалидности, ему была назначена персональная пенсия. С осени 1931 г. работал в Институте труда и профпатологии в Ростове-на-Дону, изучал организацию труда в колхозах и совхозах¹.

Сочинения

Урожай ржи во Владимирской губернии в 1905 году. Владимир, 1905.

Из жизни Иваново-вознесенских рабочих: (Этюды по материалам о стачке 12 мая – 22 июля 1905 г.) // Образование. 1906. № 3. Отд. II. С. 16–52.

Земское взаимное добровольное страхование от огня в Костромской губ. за 1902–1911 гг. Кострома, 1912.

Организация местной статистики. Кострома, 1918.

Обзор Костромской губернии в экономическом отношении // Труды КНО. Вып. 12. Кострома, 1919. С. 35–118.

Волостной статистик: краткое общее руководство по статистике для начинающих. 2-е изд., испр. и доп. М., 1922.

Кооперация в Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 33. Кострома, 1924. С. 126–133.

Организация крестьянского хозяйства Костромской губернии // Там же. С. 169–173.

Крестьянские бюджеты по Костромской губернии. Т. 1. Кострома, 1924.

Пособие по учёту и статистике. Для районных и участковых инспекторов Нархозучёта / Н. И. Воробьёв, А. И. Гозулов и др. Ростов на/Д, 1934.

Семья в г. Нерехте (К вопросу об анализе семьи) // Советская демография за 70 лет: из истории науки / редкол.: Рябушкин Т. В. (отв. ред.) и др. М., 1987. С. 110–130.

¹ Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [в 5 т.]. М., 1927–1934.

Л и т е р а т у р а

Белов А. М. Воробьёв Николай Иванович // Кострома: Историческая энциклопедия. Кострома, 2002. С. 64–65.

Бочков В. Н. Дом, в котором жил статистик Н. И. Воробьёв // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Костромская область. Труды 34. М., 1976. С. 40–41.

Воробьёв Николай Иванович // Градоначальники Костромы 1785–2003. Кострома, 2003. С. 98–99.

Александр Константинович
В Я Ж Л И Н С К И Й
1865 – не ранее 1929

В первые послереволюционные годы непросто было найти работу, а уж «бывшим» тем более. И нужно сказать, многие «бывшие» – так ведь тогда и говорилось и писалось: «быв. дворянин», «быв. князь» и т. п. – нашли пристанище на канцелярской работе, в хозяйственных службах Костромского университета. А уж библиотека как нельзя лучше подходила для таких «бывших». Вот один из них. Бывший действительный статский советник Александр Константинович Вяжлинский устраивается на работу в университет в 1919 г. старшим помощником библиотекаря и заведующим факультетскими библиотеками. На выписке из решения об этом совета КГРКУ стоит резолюция: «...вступил в должность 19 июня сего 1919 года»¹. В прошлом этот дворянин, закончив в 1887 г. юридический факультет Императорского Московского университета, служил по судебному ведомству. Поэтому, как и всем остальным служащим, связанным прежде с этим ведомством, ему пришлось в 1920 г. заполнить специальную анкету. Вот она-то и даёт некоторые сведения о Вяжлинском. Из неё мы узнаем, что, закончив университет, он состоял кандидатом на судебные должности при судебной палате, был помощником секретаря, а потом и секретарём этой палаты по гражданскому департаменту, около десяти лет городским судьёй, 9 лет членом окружного суда, пока не стал в Костроме с февраля 1909 г. товарищем председателя

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

окружного суда. Вот какой был долгий путь к этому чину, который в «Справочной книжке по Костромской губернии на 1916 год» для краткости обозначался тремя буквами «д. с. с.». Из анкеты следует, что Вяжлинский был «беспартийный, ни в каких политических партиях не состоял, считая, что сила суда заключается в его внепартийности». А в графе о занимаемой должности А. К. Вяжлинский уже указывает: «заведывающий научную фундаментальную и факультетскими библиотеками университета»¹.

Вообще такие «бывшие» – люди образованные, со знанием нескольких иностранных языков – были крайне необходимы библиотеке, книги для которой свозились отовсюду и лежали сначала в штабелях прямо в коридорах третьего этажа бывшего дома Костромского дворянства. Ведь требовалось как можно скорее записать их, распределить по отделам, а то и по факультетским кабинетам, оформить на каждую карточки, да не по одной, потому что читателям были необходимы разные каталоги: и алфавитный, и тематический.

Сам А. К. Вяжлинский (его перу принадлежит отчёт библиотеки за 1920 г.) писал: «...библиотека продолжала приводиться в порядок в отношении регистрации книг, расстановки их и каталогизации, не переставая в то же время пополняться новыми приобретениями.

Наиболее крупные из них заключались: в собрании книг из библиотеки бывшей петроградского профессора Нольде² (около 1 500 томов) и из бывшей фундаментальной библиотеки 1-й Костромской гимназии, каковая библиотека (в ней около 3 000 томов) передана университету распоряжением главного библиотечного управления; кроме того до декрета, запрещающего приобретение книг у частных лиц, много ценных и редких книг было приобретено именно этим способом... наконец в библиотеку поступали книги, преимущественно издания последних лет, из складов Центропечати и подотдела снабжения губнаробраза.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 66–66 об.

² Вероятно, имеется в виду библиотека Бориса Эммануиловича Нольде (1876–1948), доктора международного права, уехавшего в 1919 г. из России. Правда, следы этого собрания в Отделе редкой книги библиотеки КГУ им. Н. А. Некрасова не обнаружены.

В настоящее время в библиотеке имеется более двадцати тысяч томов, а названий около 17 000, из них заинвентировано, расставлено в форматном порядке, занумеровано и закаталогизировано в карточном алфавитном порядке 15½ тысяч названий. Работа по каталогизации по десятичной системе продолжается.

Указанные выше работы, производившиеся при весьма незначительном составе сотрудников библиотеки, не мешали развитию деятельности её по выдаче книг»¹.

В общем Вяжлинский оказался на своём месте, недаром с уходом первого библиотекаря, Вячеслава Ильича Болотова, он становится на его место, а когда Александр Константинович пытается перебраться, возможно, на более хлебное место, ректор Меньков подписывает 30 октября 1920 г. такую бумагу: «Костромской государственной рабоче-крестьянской университет сообщает, что, соглашаясь на переход заведующего библиотекой университета А. К. Вяжлинского в судостроительную контору, обуславливает этот переход следующими условиями: 1) до первого декабря А. К. Вяжлинский не может быть освобождён, так как занят срочной лично ему порученной работой; 2) с 1-го декабря по 1 января А. К. Вяжлинский будет заниматься в библиотеке университета не менее 2-х часов в день»². И Вяжлинский остаётся в библиотеке.

Под началом Вяжлинского служит какое-то время в должности помощника библиотекаря даже бывший тайный советник, в 1902–1905 гг. костромской губернатор Леонид Михайлович Князев (1851–1929), его анкета, аналогичная той, которую пришлось заполнять Вяжлицкому в 1920 г., в архивном деле находится по соседству³.

Александр Константинович оставался верен порученной ему и, можно сказать, собранной им библиотеке ещё долгие годы. После закрытия университета на книгах этого собрания уже появился сначала штамп Костромского педагогического института, потом штампы то педагогического техникума, то агропедтехникума, а хранителем оставался всё тот же библиотекарь.

¹ Отчёт 2. С 58.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1 Д. 20. Л. 67–67 об.

О том, что он – «бывший», Вяжлинскому напоминали. Вот одно такое напоминание, так сказать, извне. В протоколах правления университета 1919 г. такая запись: «Старшего помощника библиотекаря, заведующего факультетскими библиотеками А. К. Вяжлинского, уволенного с 1 сего ноября от службы, как заключённого под стражу в качестве заложника, постановлено: с 8 ноября вновь назначить на эту же должность, вследствие освобождения его из заключения»¹. Значит, пришлось дворянину неделю посидеть в тюрьме вместе с другими «бывшими» – власти нужна была гарантия, что празднование 2-й Октябрьской годовщины пройдёт в Костроме спокойно.

А уж окончательно напомнили А. К. Вяжлинскому о его прошлом в 1929-м. В январе в библиотеку педтехникума пожаловала комиссия, в её составе работники городской библиотеки-коллектора: Каратыгин, Антонов, Апаковская. В составленном акте замечания, которые адресованы не только библиотекарю, но и – даже больше – администрации техникума: «Общий вид библиотеки оставляет желать лучшего: а) помещение библиотеки крайне тесное, ввиду чего значительное количество книг сложено “поленицами” на полу, между полками, на шкафах и т. п.; б) количество полок крайне недостаточно...»². Или, например, такое: «Считая довольно высокими количественные показатели читаемости, бригада обращает внимание на следующие дефекты в этом отношении: а) крайне слаба читаемость антирелигиозных книг, б) крайне слаба в количественном и качественном отношении читаемость учащихся политпросветотделения, в частности 3 курса, г) пестра читаемость по отдельным группам: имеются случаи, когда Шелер Михайлов читается больше, чем Синклер, Чехов (25 и 4), когда Ж. Верн и Майн-Рид занимают первые места... Всё это в достаточной мере говорит о том, что как биб-ка, так и преподаватели руководят чтением слабо...»³.

И проверяющие, и руководство техникума проявили единодушие в оценке ситуации: «Значительное количество книг биб-ки

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 49. Л. 53 об.

³ Там же. Л. 54 об.

(от 60 до 70 %) в учебных целях техникума не используется. Книги являются балластом для библиотеки, занимая здесь лишь только место. Само по себе книги по большей части ценные и общественными книгохранилищами могут быть использованы в большей мере»¹. Понятно, что старый хранитель этого ценного собрания помяха на пути...

А дальше было заседание правления техникума. После Каратыгина слово взял от имени партийной ячейки тов. Авдеев, который причину слабой читаемости антирелигиозной литературы видит в «религиозности библиотекаря, который даже поёт в церковном хоре, и ясно, что всячески будет препятствовать антирелигиозной пропаганде». Авдеев также отмечает, «что библиотекарь человек со старой идеологией и не может продвигать новую революционную литературу, относясь к ней отрицательно»².

В постановлении многие недостатки также объясняются «положением самого библиотекаря, являющегося глубоко религиозным человеком, не связанным с советской общественностью и идеологически чуждый (б. дворянин), наконец, работником, которому преклонный возраст не даёт возможности вести нормальную работу»³.

Так закончилась библиотечная карьера Александра Константиновича. И в том же постановлении было записано: «Обратиться в Губоно об изъятии из библиотеки не использующейся, но находящейся в большом количестве литературы в библиотеке (до 50 тыс. томов) с целью качественного улучшения библиотеки техникума»⁴. Это открыло дорогу к тому, чтобы из бывшего университетского собрания многие книги перекочевали в нынешнюю областную научную библиотеку, в музей, архив, а некоторые оказались даже в библиотеках других городов.

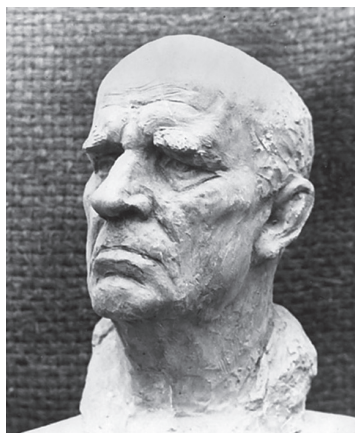
¹ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 49. Л. 54.

² ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 25. Л. 117.

³ Там же. Л. 118.

⁴ Там же.

Александр Георгиевич
ГАБРИЧЕВСКИЙ
26.08(06.09).1891–03.09.1968

*Портрет А. Г. Габричевского.
Скульптор А. И. Григорьев. 1958 г.*

Один из авторов сравнил Габричевского с Тунгусским метеоритом и вынес это сравнение даже в заголовок своей статьи¹. По мощности и широте интеллекта, по наследию, которое оставил А. Г. Габричевский как историк и теоретик пластических искусств, как искусствовед, эстетик, литературовед, переводчик, немного равных ему. Творческий диапазон его настолько широк, что его имя стало символом органического единства философии, науки и искусства.

Он родился в Москве в семье известного микробиолога, одного из организаторов производства бактериологических препаратов в России. В 1908 г. поступил на историко-филологический факультете Московского университета. Прослушал летний семестр в Баварском университете. Вернувшись в связи с начавшейся войной, окончил в 1916 г. Московский университет и в 1918-м стал в нём преподавателем кафедры истории и теории искусства. Очевидно, работавший там А. И. Некрасов и пригласил Габричевского в Кострому. Из отчёта за первый год работы университета мы узнаём, что для слушателей

¹ *Раннопорт А. Г. Тунгусский метеорит отечественного архитектуроведения // Искусствознание. 2008. № 3. С. 96–144.*

гуманитарного факультета «был прочитан также курс введения в науку об искусстве (проф. Некрасов и преп. Габричевский)»¹.

В Костроме Габричевский работал недолго. Уже в феврале 1919 г. им написано заявление о прекращении чтения лекций в университете.

*Господину ректору Костромского государственного
рабоче-крестьянского университета
памяти Октябрьской революции
преподавателя по кафедре истории искусств
Александра Георгиевича Габричевского
заявление.*

Настоящим честь имею заявить Вам, господин ректор, что, ввиду изменившихся условий как моей личной жизни, так и моей академической деятельности, я не считаю для себя возможным продолжать чтение лекций в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете, поэтому покорнейше прошу Вас считать меня выбывшим из состава преподавателей вверенного Вам университета.

Москва.

<обгор.> февраля 1919 г.

А. Габричевский²

Известно также, что заявления целого ряда преподавателей, в том числе и Габричевского, «о невозможности немедленно приступить к преподаванию или возобновить таковое в Костромском университете» были рассмотрены на заседании гуманитарного факультета 25 февраля 1919 г. и было «постановлено уведомить поименованных лиц о выбытии их из преподавательского состава унив-та»³.

А большие изменения в личной жизни Александра Георгиевича – его свадьба с дочерью академика-биолога А. Н. Северцова, художницей Натальей Алексеевной Северцовой, состоялась в 1920 г. и стала началом счастливого союза любящих и очень близких по духу сердец.

¹ Отчёт 1. С. 11.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 3 об.

В Москве, несмотря на все трудности послереволюционных лет, Габричевский наряду с преподаванием в университете (1918–1925) много работает: в Московском институте художественных исследований и музыки, в секторе теории искусства и музыки при Российской академии материальной культуры, в Институте художественной культуры в тесном контакте с В. В. Кандинским. Он участвует в организации физико-психологического отделения Российской академии художественных наук (с 1924 – ГАХН), в 1924 г. избирается заместителем председателя философского отделения. (Здесь в числе его друзей и коллеги по Костроме – А. С. Ахманов, братья Петровские.) И арестован он был в 1930 г. по обвинению в «антисоветской агитации и участии в к/р группировке» в ГАХН, но через месяц был освобождён из-под стражи под подписку о невыезде.

С 1934 г. Габричевский начинает работу во Всесоюзной академии архитектуры, читает лекции в Московском архитектурном институте.

Вторично арестован в 1935-м по «делу немецкой фашистской организации в СССР»; повод – его участие в составлении раздела искусствоведения для «Большого немецко-русского словаря» (Т. 1. М., 1934). Был на 3 года лишён права проживать в режимных пунктах, но из ссылки возвратился уже в 1936 г. и продолжил работу в МАРХИ и в Академии архитектуры СССР, где заведовал кафедрой Института аспирантуры. В 1940 г. по совокупности работ удостоен степени доктора искусствоведения и звания профессора Академии архитектуры, а в 1941-м избран членом-корреспондентом. Следующий арест был в ноябре 1941 г. Последовала высылка в г. Каменск Свердловской области на пять лет. В 1943-м, благодаря хлопотам И. В. Жолтовского и А. В. Щусева, место ссылки изменено на Свердловск, чтобы Габричевский мог продолжить лекции на искусствоведческом отделении Московского университета и в Союзе архитекторов СССР, которые находились там в эвакуации, а 1 июля 1944 г., опять-таки благодаря многочисленным ходатайствам, Габричевскому разрешено возвратиться в Москву, и он был восстановлен в прежних должностях.

Однако на этом злключения его не заканчиваются. В 1948 г. – обвинение в идеализме и космополитизме, увольнение из МАРХИ и Академии архитектуры СССР.

В 1947 г. А. Г. Габричевский купил дом в Коктебеле, где впервые побывал у Волошина ещё в 1925 г. И выйдя на пенсию в 1952 г., с самой ранней весны и до поздней осени Габричевские живут в Коктебеле. Там Александр Георгиевич и умер, там и похоронен на местном кладбище. Евгений Боданский написал об этом периоде жизни Габричевского и об одной из знаменательных встреч в их коктебельском доме.

Занимался он каждый день: переводил, читал, писал. Поскольку его обвиняли в космополитизме и идеализме, ему не удалось издать многого из написанного. Я спросил Александра Георгиевича, почему он не пытается теперь опубликовать эти труды. Все-таки это были 60-е. Он ответил, что теперь эти работы представляют только исторический интерес. Когда-то они были новым словом, а за прошедшие годы всё это было уже открыто на Западе. Так что...

Только после смерти Александра Георгиевича Ольга Северцова, племянница Натальи Алексеевны, с раннего возраста воспитывавшаяся и жившая в семье Габричевских, стала приводить в порядок архивы и готовить к изданию его работы. Я это достоверно знаю не только потому, что, в конце концов, был издан том его теоретических исследований «Морфология искусства», но и потому, что в восьмидесятих годах моя жена перепечатывала его рукописи. И не только перепечатывала, но и расшифровывала, поскольку состояли они из тоненьких школьных тетрадок, исписанных остро отточенным карандашом мельчайшим шрифтом. Особенно трудно было разбирать примечания, написанные мелкой-мелкой «вязью». Кроме того, текст пестрил словами и цитатами на латыни, немецком, английском, французском.

Летом 1967 года я присутствовал при знакомстве и встречах Александра Георгиевича с совсем ещё молодым Иосифом Бродским. Между ними было что-то общее. Я долго не мог сформулировать, что именно. Теперь я понимаю – это было присущее им обоим чувство внутренней независимости

и свободы. Я думаю, что именно это, а не какие-то крамольные высказывания, навлекало на них политические преследования.

В «таверне» – так называли полуподвал в доме Габричевских, где Наталья Алексеевна устраивала незабываемые застолья, – Иосиф Бродский читает свои стихи. В какой-то момент Александр Георгиевич произносит: «Иосиф! Вы самый талантливый человек из тех, кто бывал в этом доме».

«Саша, – возразила Наталья Алексеевна, – что ты говоришь? Ведь сюда приходили...» Список получился очень внушительный. «Я знаю, что я говорю», – буркнул сердито Александр Георгиевич¹.

С о ч и н е н и я

Пространство и масса в архитектуре // Искусство. 1923. № 1.

Учение о художественной форме // Отчеты ГАХН 1921–1925 гг. М., 1926.

Природа пластики // Там же.

Пространство и время в искусстве Рембрандта // Там же.

Поэтика Западно-Восточного Дивана // Там же.

«Пластика» Гердера // ГАХН. Бюллетени 2–3. М., 1926.

Портрет как проблема изображения // Искусство портрета. Труды ГАХН. Вып. 3. М., 1928.

Искусство К. Ф. Богаевского и искусство Киммерии // Выставка картин общества художников «Жар-цвет». М., 1928.

Поверхность и плоскость // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт археологии и искусствознания. Труды секции искусствознания. М., 1928.

Пространство и композиция в искусстве Тинторетто // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 9. М., 1991.

А. Т. Мантенья // Творчество. 1992. № 1.

Теория и история архитектуры : избр. соч. / под ред. А. А. Пучкова. Киев, 1993.

Морфология искусства / сост., введ., прим. и коммент. Ф. О. Стукалова-Погодина. М., 2002. 864 с.

¹ Бодянский Е. Мой Коктебель // ForumKlassika.Ru. URL: <http://www.forumklassika.ru/entry.php?b=4272> (дата обращения: 11.04.2011).

Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: Документы, письма, воспоминания : [в 2 кн. / сост., архограф. работа, коммент. О. С. Северцева ; рук. проекта, вступ. ст., очерки к разд. В. И. Мильдон ; науч. ред. Е. В. Романова]. М., 2011. 775 с.

Л и т е р а т у р а

Александр Георгиевич Габричевский (1891–1968): К 100-летию со дня рождения / авт.-сост. О. С. Северцева, Я. В. Брук, Т. А. Лыкова ; под ред. Я. В. Брука. М., 1992. 240 с.

Алпатов М. В. Памяти Александра Георгиевича Габричевского // Архитектура СССР. 1969. № 8.

Гаврюшин Н. К. Эрос пространственности: А. Г. Габричевский и русская эстетика 1920-х гг. // Вопросы философии. 1994. № 3.

Просим освободить из тюремного заключения: письма в защиту репрессированных. М., 1998. С. 141–143.

Пучков А. А. Александр Габричевский: Головокружение от текста (Опыт технического оправдания) // Архитектуроведческие этюды / А. А. Пучков. Киев, 1996. С. 23–35.

Пучков А. А. Отечественная архитектурная эстетика 1920-х годов (А. Г. Габричевский, А. И. Некрасов, С. В. Шервинский): Опыт создания паралогического контекста // Архитектура Мира : материалы конф. «Запад – Восток: Личность в истории архитектуры». М., 1994. Вып. 4. С. 45–50.

Раппопорт А. Г. Тунгусский метеорит отечественного архитектуроведения // Искусствознание. 2008. № 3. С. 96–144.

Николай Гаврилович
ГОРОДЕНСКИЙ
08(20).05.1871–27.02.1936

Н. Г. Городенский. Конец 1890-х гг.

Родился в селе Кутуково¹, Каширского уезда, Тульской губернии, в семье священника Иоанно-Богословской церкви. А дальше был типичный путь для сына священника, рано проявившего большие склонности к наукам. Окончив Венёвское духовное училище (1885) и Тульскую духовную семинарию (1891), поступил в Московскую духовную академию, которую закончил со степенью кандидата в 1895 г. Все годы учёбы в академии Городенский был первым учеником², а вторым этот курс закончил брат В. И. Смирнова, Сергей Иванович, через которого и началась дружба Василия Ивановича с Городенским, что в конечном итоге и привело профессора Н. Г. Городенского в Кострому.

Николай Гаврилович был сразу оставлен при академии, а уже со следующего, 1896 г., исправлял должность доцента Московской духовной академии по кафедре

¹ См.: Список населённых мест Тульской губернии. 1859. С. 97. В справочниках и Голубцова, и Волкова и др., откуда почерпнуты нами основные факты биографии Н. Г. Городенского, название села искажено, очевидно, из-за неразборчивости почерка в архивных документах, которыми их составители пользовались. В ГАКО (Ф. Р-33) личное дело Городенского не сохранилось.

² Профессор Сергей Иванович Смирнов († 4 июля 1916 г.). Сергиев Посад, 1916. С. 4.

нравственного богословия, в 1902 г. переведён на кафедру теории словесности и истории иностранных литератур. Магистерскую диссертацию «Нравственное сознание человечества» защитил в 1903 г. и 27 сентября этого года был утверждён в звании доцента. В марте 1905 г. избран экстраординарным профессором по кафедре нравственного богословия.

Граждане-избиратели

Сергиева Посада!

Приближается время выборов в Государственную Думу.

Помните, что от вас самих зависит наилучшим образом воспользоваться своими избирательными правами для вашего собственного блага и для блага Родины.

Вы должны употребить всё усердие к тому, чтобы провести в Думу людей, горячо преданных делу свободы, готовых и способных мужественно отстаивать права трудящегося народа и бороться за удовлетворение его нужд.

Неприменно идите все на выборы и голосуйте, какъ одинъ человекъ, за старениковъ свободы и бѣднаго, трудового люда, за—

Профессора **Николая Гавриловича
Городенскаго.**

Земскаго
врача **Николая Александровича
Королева.**

Стелера **Алексѣя Васильевича
Макѣева.**

*Предвыборная листовка. 1907 г.
(Из семейного архива Т. В. Смирновой)*

В июне 1907 г. он одновременно и приват-доцент Московского университета по кафедре философии. Дочь В. И. Смирнова, Татьяна Васильевна, познакомила меня с хранящейся в её семейном архиве предвыборной листовкой, которая свидетельствует, что в этом же году Городенский баллотировался в депутаты Государственной думы от Сергиева Посада. (Кстати, именно благодаря этому архиву мы располагаем и тремя фотографиями с изображениями нашего первого ректора, правда, одну из этих фотографий, на которой Николай Гаврилович запечатлён вместе с семьёй своего однокашника и коллеги С. И. Смирнова, Л. С. Китицына ещё при жизни передала в ГАКО).

С приходом к управлению Московской духовной академией в 1909 г. епископа Волоколамского Фёдора (Поздеевского), который, как пишет один из историков академии, «проявил себя в академии самоуправством в академическом совете и борьбой с политически и вообще с независимо мыслящими членами академической корпорации»¹, в 1910 г. стены альма-матер вынужден был покинуть и Н. Г. Городенский (формально – в связи с упразднением кафедры).

Профессора Московской духовной академии: В. О. Ключевский, Н. А. Голубцов, С. И. Смирнов, И. В. Попов, Н. Г. Городенский. Фото 1909 г. Из семейного архива Т. В. Смирновой

¹ Голубцов С. А. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. М., 1999. URL: www.martirolog.ru/golubzov/mda-gulag.htm (дата обращения: 17.02.2010).

С 1910 г., уволенный с пенсией по сокращённому сроку службы, Н. Г. Городенский преподаёт на только недавно открытых Тифлиских высших женских курсах.

И вот как написала Л. С. Китицына в воспоминаниях о встрече В. И. Смирнова с Н. Г. Городенским: «Летом 1918 г. по делам Научного общества Василий Иванович был в Москве. На обратном пути он заехал в Сергиев Посад повидать Николая Гавриловича Городенского, с которым его связывало давнее знакомство. Николай Гаврилович оказался безработным. Уехав летом к семье из Тифлиса, где он был ректором университета, он оказался отрезанным вследствие военных действий от места службы. На предложение Василия Ивановича занять место учёного секретаря Костромского общества народных университетов Городенский согласился»¹.

Эти «Материалы к биографии В. И. Смирнова» были написаны Лидией Сергеевной в 1961–1963 гг., и, вероятно, память подвела автора, а возможно, в разговорах Городенский и упоминал когда-то Тифлиский университет, только что открывшийся в феврале 1918 г., в связи со своим желанием перейти туда. Но эта ошибка была подхвачена многими авторами, писавшими позднее о первом костромском вузе. Считаю своим долгом её исправить, ибо на самом деле первым ректором открытого в 1918 г. в Тифлисе университета был избран химик Пётр Меликишвили².

Когда же возникла мысль об открытии в Костроме государственного университета, и она была поддержана городскими и губернскими руководителями, Городенский стал правой рукой Смирнова в многотрудной работе по созданию первого в нашем городе вуза. Василий Иванович решает вопросы создания материальной базы вуза здесь, в Костроме, а Городенский весь сентябрь и октябрь проводит в Москве. Составив докладную записку об организации университета, ходатайствует перед Наркомпросом, а получив согласие на открытие в Костроме университета, подбирает кандидатуры профессоров и деканов

¹ Китицына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 118.

² Меликишвили Пётр Григорьевич // Википедия: свобод. энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.12.2012).

факультетов. Л. С. Кितिцына свидетельствует: «О каждом шаге в этом направлении Городенский давал “отчёт” в письмах к Василию Ивановичу»¹. Поэтому в «Журнале временной хозяйственно-административной коллегии Костромского государственного рабоче-крестьянского университета за 1918 год» встречаем соответствующие записи.

Слушали: словесное заявление Вас. Ив. Смирнова след. содержания: «Профессор Н. Г. Городенский в письме на моё имя изъявил желание занять должность декана гуманитарного факультета с 1 октября 1918 года».

*Постановили: избрать профессора Н. Г. Городенского деканом гуманитарного факультета с 1 октября с. г.*²

Слушали: телеграмму Н. Г. Городенского: «Представляем на утверждение следующий состав гуманитарного факультета: декан – профессор философии Городенский; профессора: натурфилософии – Каптерев, истории – Приговорский, русской литературы Соколов и Фомин, западной Шишмарёв, истории искусства – Некрасов, лингвистики – Петерсон, классик Петровский; преподаватели: Воробьёв, Смирнов, Крестова, Ахманов».

*Постановили: состав факультета, сообщённый в телеграмме Городенского, утвердить*³.

Нужно сказать, что вопросы с приглашением научных кадров в Кострому решались весьма непросто: из перечисленных выше профессоров трое здесь даже не появились, в архиве лишь многочисленные телеграммы из Костромы – приглашения и напоминания о высказанных ими намерениях участвовать в работе провинциального университета.

14 ноября были проведены выборы, на которых Н. Г. Городенский стал первым ректором Костромского университета. В отчёте читаем о первых шагах гуманитарного факультета: «Перед молодым факультетом стала, таким образом, неотложная задача немед-

¹ Кितिцына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 177.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 18 об.

ленно приняться за привлечение новых преподавательских сил и обеспечение преподавания по важнейшим предметам. Этому и были отданы первые месяцы существования факультета, протекавшие в условиях для факультета крайне тяжёлых благодаря перегруженности работой первого декана, профессора Н. Г. Городенского, одновременно являвшегося и ректором университета»¹.

А ведь надо было ещё договариваться с железнодорожным ведомством, чтобы сделать эти поездки реально возможными. А ещё возникают проблемы со здоровьем, так что Городенский обращается с заявлением: «Ввиду слабого состояния моего здоровья после перенесённой мною тяжёлой формы инфлюэнцы, прошу факультет предоставить мне отпуск без сохранения содержания впредь до полного восстановления сил»².

В протоколах заседаний правления находим запись за 7 февраля 1919 г.

1. Был заслушан доклад ректора о его командировке в Москву по общим делам университета. Докладчиком было заявлено, что все вопросы по финансовым делам университета, а равно переговоры, связанные с приглашением профессоров и преподавателей, им были закончены к 10 января. Ввиду чего просил длительность командировки считать с 27 декабря по 10 января. После чего, согласно ранее сделанному заявлению, он оставался в отпуску, проживая в Сергиевском Посаде, Московской губернии. Начиная с 18 января им был получен ряд повторных телеграфных извещений от университета о том, что деньги, ассигнованные Комиссариатом по народному просвещению в размере 209 038 р., университетом ещё не получены, и сообщение от народного университета о неполучении им суммы в 357 750 руб. К тому же времени он стал получать сведения, что многие профессора не могут приехать в Кострому и приступить к чтению лекций, ввиду громадных неудобств и затруднений, связанных с поездкой из Москвы в Кострому. Эти обстоятельства задержали его выезд из Сергиева Посада

¹ Отчёт 1. С. 9.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 59. Л. 1-а.

ещё на 9 дней, в целях ускорения высылки денег и предоставления профессорам и служащим университета двух купе в вагоне прямого следования от Москвы до Костромы, для чего ему пришлось сделать пять однодневных поездок из Сергиевского Посада в Москву, причём он считает справедливым 3 из них отнести за счёт народного университета и 2 за счёт государственного университета.

Постановлено: доклад принять¹.

Сохранился отчёт проф. Городенского о его преподавательской деятельности в первый год в Костроме.

1. В истекшем академическом году я вёл на факультете теоретический курс (4 ч.) и семинарий (2 ч.) по истории древней философии. Прочитанный мною курс обнимает историю греческой философии от её возникновения до Аристотеля включительно с присоединением краткого очерка основных направлений послеаристотелевской философии. Семинарий был посвящён:

а) в обсуждении вопросов, возникавших у слушателей в связи с читаемым курсом;

б) в чтении и разборе произведений Платона: «Апологии Сократа» и «Федона»;

в) в чтении и обсуждении рефератов на темы, связанные с содержанием только что названных произведений Платона.

2. Одновременно с этим, велись работы по организации кабинета при кафедре философии: приобретались книги и соответствующая обстановка...²

25 февраля 1919 г. Городенский слагает с себя обязанности декана гуманитарного факультета, предложив на своё место профессора В. Ф. Шишмарёва, а 22 октября того же года просит освободить его и от обязанностей ректора, в университете оставаясь лишь в роли профессора философии.

О том, как складывалась его жизнь после костромских лет, в справочниках находим такие сведения: вернувшись в Сергиев Посад, профессор преподаёт немецкий язык в школе 2-й ступени

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–33 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 129. Л. 9–9 об.

и в педагогическом техникуме, а в 1927 г. снова, как и в 1910-м, отправляется в южные края и преподаёт в Кубанском педагогическом институте. Однако перед смертью, видимо, возвратился в Москву, ибо, по сведениям Сергея Голубцова, могила его находится на столичном Введенском кладбище¹.

Сочинения

Нравственное сознание человечества : [магистер. дис.].
Сергиев Посад, 1903.

Отношение нравственности к религии // Богословский вестник. 1896. Т. 4, № 11. С. 194–215.

Нравственное значение страданий с христианской точки зрения // Богословский вестник. 1896. Т. 3, № 10. С. 84–108.

Полемика Локка против теорий прирождённости и его собственные воззрения по вопросу о происхождении знания // Богословский вестник. 1898. Т. 3, № 7. С. 43–68.

Учение о прирождённости у Лейбница // Богословский вестник. 1898. Т. 4, № 12. С. 324–353.

Учение Декарта о прирождённых идеях // Богословский Вестник. 1897. Т. 4, № 12. С. 415–436.

Франциск Бэкон, его научно-философские и религиозные воззрения // Богословский вестник. 1912. Т. 2, № 7. С. 717–745; Т. 3, № 9. С. 113–152.

Франциск Бэкон, его учение о методе и энциклопедия наук.
Сергиев Посад, 1915.

Литература

Волков В. А. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки / В. А. Волков, М. В. Куликова, В. С. Логинов. М., 2006. С. 75.

Голубцов Сергей. Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. М., 1999. С. 34–35.

¹ Голубцов Сергей. Сплочённые верой, надеждой, любовью и родом. М., 1999 // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/history/20/1900/golubzov_10.htm (дата обращения: 27.01. 2010).

Александр Иосифович
Г О Р С К И Й
14(26).02.1876–04.02.1922

А. И. Горский. Фото 1920 г.

Александр Иосифович Горский в КГРКУ работает с 29 марта 1919 г. сначала в качестве преподавателя по кафедре химии¹, а 3 марта 1920 г. утверждается в звании профессора по кафедре аналитической и органической химии².

Уроженец г. Кологрива (из дворян, очевидно, польского происхождения), он, закончив Костромскую классическую гимназию (1886–1897), учился в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета, которое закончил с дипломом 1-й степени в 1906 г. и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре химии. Работал в университете под руководством профессора Н. Д. Зелинского. При поступлении в Костромской университет Горский указывает: «Со времени окончания университета частью под руководством моего учителя профессора Николая Дмитриевича Зелинского, частью самостоятельно мною были выполнены и напечатаны следующие работы»³ – и приводит список из восьми работ, опубликованных им в «Журнале Русского химического общества» в 1908–1913 гг. Кстати, три совместные

¹ Отчёт 1. С. 51.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

³ Там же. Л. 9а об.

их работы («Некоторые данные об изомерных дигидробензолах и оптически деятельном дигидротолуоле», «Исследование углеводородов ряда циклогексадиена» и «Новые данные о дигидробензоле-1,3») вошли в «Избранные труды» Н. Д. Зелинского в серии «Классики науки»¹. 10 февраля 1914 г. Горскому за работу «О превращении трифепилметила в трифенилуксусную кислоту» Русским физико-химическим обществом была присуждена малая премия имени А. М. Бутлерова.

Как известно, в 1911 г. Зелинский покинул Московский университет вместе с группой учёных в знак протеста против реакционной политики царского министра народного просвещения Л. А. Кассо (до 1917 г.) и в эти годы был в Петербурге директором Центральной лаборатории Министерства финансов и заведующим кафедрой в Политехническом институте. Вероятно, с этим связаны и перемены в послужном списке А. И. Горского: с 1910 по 1913 г. он – ассистент в лаборатории органической химии Московских высших женских курсов, с 1913 – лаборант в Центральной химической лаборатории Министерства финансов, снова работает под руководством своего профессора.

В своём *curriculum vitae*, говоря о возвращении в Кострому, Горский писал: «В декабре 1915 года согласно моей просьбы я был избран ассистентом в лабораторию неорганической и физической химии Новороссийского университета, но ввиду трудности переезда в связи с военным временем, семейных затруднений был вынужден подать в отставку и поступить преподавателем временно в Костромскую классическую гимназию, а с сентября 1916 года на освободившееся место преподавателя химии в Костромское техническое училище»².

Ещё в 1916 г., участвуя в работе Костромского научного общества, А. И. Горский начал исследования месторождений железной руды в долине реки Андобы: «Были пройдены болота левой стороны р. Андобы от р. Бол. Востырь до р. Поликарповки, что составляет расстояние более 15 вёрст по прямой линии; на правой стороне было

¹ Зелинский Н. Д. Избр. тр. / под ред. А. А. Баландина, Н. И. Шуйкина, Н. С. Намёткина; сост. А. Н. Зелинский; биограф. очерк А. А. Баландина, Н. Е. Зелинской, А. Н. Зелинского. М., 1968. (Классики науки).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 59. Л. 9а – 9а об.

осмотрено болото около деревни Манино и местность, прилегающая к с. Троицкому. Пробы были взяты около с. Богородского на правой и левой сторонах рек, в дер. Ивановково и в дер. Копейница. Кроме того, было опрошено местное население для выяснения пунктов прежнего добывания руды и способов её обработки и анализированы добытые образцы»¹. Результаты этих исследований, продолженных и в последующие годы, наши отражение в статьях, помещённых в IX (тематическом) выпуске Трудов КНО «Железные болотные руды Костромской губернии», наряду с работами Н. Виноградова, Е. Дюбюка, В. Смирнова (Кострома, 1918).

В первое время занятия со студентами университета Горский проводил в хорошо оснащённых кабинетах и лабораториях училища, с названия которого уже было снято имя Ф. В. Чижова. Параллельно с этим Горскому, как и другому химику А. В. Знаменскому, приходится немало сил тратить на поиски и приобретение необходимого оборудования и реактивов, чтобы вузу создать собственную учебную базу. 22 июня 1919 г. в университете решено создать закупочную комиссию, «которой и поручить покупку книг, учебно-вспомогательных приборов и иных предметов оборудования». В неё избирается и А. И. Горский².

Насколько эта задача была в то время сложной, администрация хорошо понимает, так что командировка группе преподавателей, отправляющихся с этой целью в Москву и Петроград, даётся 17 декабря 1919 г. каждому на целый месяц. В их числе и А. И. Горский³. Во всяком случае, судя по спискам научно-вспомогательных учреждений университета более поздних лет, собственная химическая лаборатория была создана.

Нужно отметить, что в это время наряду с работой в Костроме А. И. Горский ещё заведует кафедрой органической химии и в Ярославском университете, где он, кстати, сразу был утверждён в звании профессора⁴.

¹ Отчёт о деятельности КНО за 1916 год. Кострома, 1917. С. 5.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

³ Там же. Л. 27.

⁴ ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. URL: <http://yspu.org/index.php/> (дата обращения: 11.12. 2012).

Возможно, такая напряжённая работа и стала причиной его преждевременной смерти на 46-м году жизни. В личном деле профессора сохранилось траурное сообщение, которое было вывешено на рабфаке, где Александр Иосифович также преподавал.

Профессор по кафедре химии Александр Иосифович Горский скончался 4 февраля.

Погребение его состоится в четверг, 9 сего февраля. Вынос тела состоится в 10 часов утра из квартиры покойного (Царёвская ул., здание Чижовского технического училища) для погребения на Новом кладбище.

В 10 ½ ч. утра в костёле (Ивановская ул.) будет совершена месса.

Студенты, желающие почтить память усопшего, приглашаются принять участие в погребении¹.

Проводить Горского в последний путь пришли его многочисленные ученики как из Чижовского училища, так и из университета, и с рабфака. О том, каким уважением пользовался Александр Иванович, свидетельствуют сохранившиеся в личном деле не очень умелые, но искренние строки стихов, прочитанных студентами медицинского факультета В. Краюхиной и М. Кудрявцевым в день прощания с любимым преподавателем. Вот несколько строк одного из них:

Серьёзный, скромный человек,
Служитель истинной науки,
Не знал он в кабинете скуки,
Всегда исследовал, искал,
Пытливой мыслью проникал
В начале жизни всей причину...

<...>

Для многих нас снимая покрывало
Богатых тайников науки,
Давал нам путь вперёд: и муки
Бессилья, сознания слепоты –
Всё, всё умел утешить,
Надеждой окрылить...²

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 59. Л. 12.

² Там же. Л. 15.

Борис Самуилович

Г Р Е З Е

27.05.1888–1942

Биология увлекла двух братьев Грезе. Николай Самуилович стал учёным-энтомологом, много участвовал в создании энтомологической экспозиции Музея Московского университета. (Но сын его Владимир Николаевич Грезе (1915–1988) пошёл по стопам дяди и выбрал гидробиологию. Он работал сначала в Сибири, а затем на Севастопольской биостанции, реорганизованной в 1963 г. в Институт биологии южных морей, почти десять лет возглавлял институт, в 1967 г. был избран членом-корреспондентом АН УССР¹.)

Борис Самуилович Грезе в 1913 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «зоолог-гидробиолог» и был оставлен при кафедре зоологии для продолжения научной работы. Интерес к исследованиям у него возник рано, первые публикации появились ещё в студенческие годы. И забегая вперёд, можно сказать, что где бы Борис Самуилович впоследствии ни работал, он умел заражать молодёжь романтикой научного поиска. Эту черту в преподавателе Б. С. Грезе отмечали даже студенты Костромского рабфака².

¹ К 90-летию Владимира Николаевича Грезе // Морський екологічний журнал. 2006. № 1, т. 5. С. 101–102.

² По результатам анкетирования окончивших рабфак в 1923 г. «большинство симпатий высказано по адресу преподавателей... Б. С. Грезе, как внушившему любовь к научным занятиям» (Трухин С. Мысли и настроения костромских рабфаковцев // Книгарь. 1923. № 2/3. С. 21).

В 1913–1918 гг. он – ассистент Московского университета (эта должность указана в графе «служебное положение до поступления в Костромской университет»)¹ и сотрудник университетской Гидробиологической станции на Глубоком озере, ибо в отчёте за первый год его работы в Костроме говорится, что «по окончании летнего семестра преп. Грезе был откомандирован на гидробиологическую станцию на Глубоком озере (Московской губ.), где, помимо общего руководства этим учреждением, производил исследования над сезонными вариациями некоторых планктонов»². В эти же годы Б. С. Грезе преподаёт естествознание и географию в средних учебных заведениях Москвы³.

Преподавателем по кафедре зоологии в Костромском университете он был утверждён 20 октября 1918 г. и покинул Кострому летом 1923 г., правда, в последний год работу в нашем педагогическом институте он совмещал с должностью профессора кафедры зоологии Ярославского университета.

Костромские годы были насыщенными как в преподавательской, так и в научной деятельности Грезе. На кафедре зоологии он – единственный преподаватель, ведёт и лекционные курсы, и практические занятия, много сил отдаёт созданию кабинета зоологии. (В связи с этим его фамилия часто фигурирует в протоколах правления, когда речь идёт о выделении авансов на приобретение литературы, лабораторного оборудования, на заказ мебели и когда утверждаются отчёты об использовании этих средств.) Борис Самуилович руководит и студенческим биологическим кружком – сначала в университете, а затем и в пединституте, причём всегда его кружок самый многочисленный.

Кроме того, Грезе – бессменный секретарь естественного факультета, преподаватель рабфака. Со второго лета в Костроме он активно включается в практическую работу Костромского

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 5 об.

² Отчёт 1. С. 20.

³ Профессора ЯГПУ. 1908–2003: биографические очерки. Ярославль, 2003. С. 47. За этот источник информации и предоставленную возможность с ним познакомиться мы благодарны доктору биологических наук Е. Н. Анашкиной, завкафедрой зоологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского д. б. н. й.

научного общества, привлекая к этой работе своих студентов. И во многом благодаря активности Грезе, В. И. Смирнов имеет возможность в очередном отчёте, упомянув о выбытии из Общества многих членов, покинувших Кострому, подчеркнуть: «Одновременно следует отметить, что за самое последнее время (в январе и феврале 1921 г.) наблюдается массовый приток в члены Об-ва студентов Костромского государственного университета, преимущественно естественников – приток более, чем компенсирующий убыль. Следовательно, численность Об-ва продолжает расти. Пр[авлен]ие приветствует вступающих: новые молодые силы волеют новую жизнь в Об-во»¹.

О работе руководимой Б. С. Грезе биологической станции, которая создаётся сначала под эгидой университета, а затем вынужденно переходит под крыло КНО, об основных направлениях исследований подробную информацию дают отчёты станции за 1921–1923 гг.² Мы же позволим здесь привести лишь фрагмент отчёта студенческого естественно-научного кружка об одной из первых экспедиций его биологической секции под руководством Б. С. Грезе в 1920 г.

Инициаторами биологической секции были студенты, служившие препараторами ботанического и физиологического кабинетов. Президиум секции состоял из председателя Д. В. Белихова и секретаря М. А. Ерёминной. Очередными задачами секции были: 1) организация экскурсий для сбора зоологического и ботанического материала с целью изучения местного края, 2) организация дополнительного к университетскому курсу зоологического и ботанического практикумов для членов секции, 3) чтение рефератов. <...>

Кроме чтения и обсуждения рефератов, члены секции проходили практикум по микроскопической технике в зоологическом кабинете под руководством преподавателя зоологии Бориса Самуиловича Грезе.

С наступлением весеннего сезона был устроен ряд зоологических и ботанических экскурсий, где помимо сбора материала

¹ Отчёт о деятельности КНО за 1920 г. С. 2.

² Отчёт о деятельности КНО за 1921 г. С. 13–15; То же за 1922 г. С. 9–11; То же за 1923 г. С. 9–13.

обращалось серьёзное внимание на подготовку участников к самостоятельной ответственной работе в предполагавшейся научной экспедиции. План и маршрут экспедиции был детально разработан биологической секцией – предполагалось исследовать область озёр Куниковской волости – местность до сих пор совершенно не изученную в естественно-историческом отношении, но по имеющимся данным представляющую большой зоо- и фито-географический интерес. Экспедиция фактически была произведена с 27-го июля по 4-е августа и субсидировалась Костромским научным обществом по изучению местного края; техническое оборудование было предоставлено зоологическим кабинетом Костромского университета. <...>

Собранный экспедицией материал в настоящее время обрабатывается силами секции и научные итоги составят предмет докладов и статей в научных органах¹.

С 1922 по 1924 г. Б. С. Грезе – профессор кафедры зоологии Ярославского госуниверситета, с его реорганизации в 1924 г. – первый заведующий кафедрой общей биологии и сравнительной анатомии биолого-географического отделения ЯГПИ, один из её создателей. О его деятельности в этот период можно прочитать на сайте ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Вместе с ним и под его руководством исследованием местных водоёмов занимались С. Н. Уломский, впоследствии известный гидробиолог, и А. А. Кулемин – будущий заведующий кафедрой зоологии Ярославского пединститута. Основное внимание уделялось изучению биологии пресных вод как с теоретической, так и с хозяйственной точек зрения. До 1928 года исследовались главным образом мелкие временные водоёмы и водоёмы окрестностей Ярославля, водоёмы Крайнего Севера в районе Мурманской биостанции, а также озёра Молого-Шекснинского междуречья. С 1928 года началось изучение озера Неро и водоёмов Некрасовского и Петровского районов Ярославской области. Именно под руководством профессора Б. С. Грезе на факультете была создана специальная лаборатория для обслуживания гидробиологических исследований.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 10–10 об.

В обработке собранных гидробиологических материалов кроме членов кафедры принимали участие сотрудники Зоологического музея АН СССР и Государственного гидрологического института. В результате проведённых исследований была дана биологическая и хозяйственная оценка водоёмов и рекомендованы планы их рациональной эксплуатации¹.

Б. С. Грезе являлся членом Международной ассоциации деятелей теоретической и прикладной лимнологии, участвовал в IV конгрессе ассоциации в Риме в сентябре 1927 г.

Последнее десятилетие его деятельности было связано с Всесоюзным научно-исследовательским институтом озёрно-речного рыбного хозяйства (ВНИОРХ), куда Борис Самуилович перешёл в 1931 г.

Сочинения

К вопросу о генезисе речного планктона // Труды Гидробиологической станции на Глубоком озере. Т. 3. М., 1910.

О зимней микрофауне и микрофлоре Глубокого озера и других водоёмов окрестностей г. Москвы / Б. С. Грезе, А. Румянцев // Там же. С. 148–171.

Отчёт об экскурсиях на Сенежское озеро // Труды Гидробиологической станции на Глубоком озере. Т. 4. М., 1912. С. 7–19.

Общий обзор распределения донной фауны на Глубоком озере // Русский гидрологический журнал. 1921. № 1.

Микроскопическая фауна Волги под Костромой // Русский гидрологический журнал. 1922. № 3.

К биологии и распространению *Brachionus forficula* в бассейне средней Волги // Русский гидробиологический журнал. 1926. № 3–4. С. 52–58.

Микроскопическая фауна Волги под г. Костромой // Труды КНО. Вып. 27. Кострома, 1922. С. 79–88.

О планктоне Шексны, Мологи и Сити // Труды Ярославского естественного института и краеведческого общества, 1928. С. 11–18.

¹ ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. URL: <http://yspu.org/index.php/> (дата обращения: 20.12.2012).

К биологии пойменных озёр. 1. Зоопланктон озёр р. Костромы // Труды КНО. 43. Кострома, 1929. С. 6–25.

Лимнологический очерк Валдайских озёр и их предварительная рыбохозяйственная оценка // Известия ВНИОРХ. 1933. Т. 14. С. 66–128.

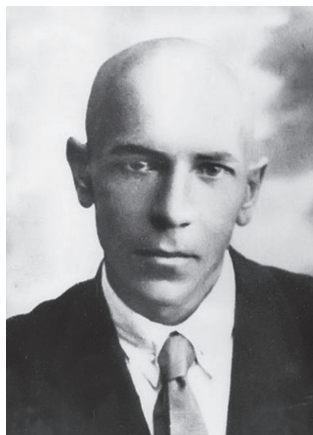
О планктоне озера Тургояк / Б. С. Грезе, К. И. Карпова // Труды Уральск. отделения ВНИОРХ. 1941. Т. 3. С. 175–205.

Материалы по продуктивности зоопланктона в Валдайском озере // Известия ВНИОРХ. 1948. Т. 26. С. 25–88.

Л и т е р а т у р а

Профессора ЯГПУ. 1908–2003: биографические очерки. Ярославль, 2003. С. 47–48.

Павел Никодимович
Г Р У З Д Е В
18(30).08.1889–13.07.1953

*П. Н. Груздев
Фото из архива М. Г. Мейеровича*

На Павла Груздева, когда он учился в Костромской мужской гимназии, несомненное влияние оказал преподаватель словесности Василий Васильевич Голубков, будущий известный методист, автор «Методики преподавания литературы», которой руководствовалось впоследствии не одно поколение советских учителей, действительный член Академии педагогических наук СССР. Правда, после ареста из гимназии он был уволен в 1906 г. и вынужден был отсюда уехать. Под влиянием талантливого педагога в юношеском дневнике Груздева появляется такая запись: «Мечта № 1. Покупать книги и давать читать жителям соседних улиц. Мечта № 2. Покрыть Россию кружками самообразования. Мечта № 3. Быть учителем гимназии в уездном городишке»¹. И свои мечты гимназист стремится осуществлять: в 1907 г. он организует нелегальный кружок рабочих-текстильщиков, а затем кружок среди учащейся молодёжи.

В 1916 г. после окончания историко-филологического факультета Московского университета он возвращается в Кострому, преподаёт русский и латинский языки

¹ *Болдырев Н.* Павел Никодимович Груздев: К 90-летию со дня рождения // Советская педагогика. 1979. № 12. С. 96.

и литературу. В работу по реформе школьного дела в губернии он включается ещё после Февральской революции в качестве члена губернского земского комитета по народному образованию и школьного комитета при городской думе. Ещё более активной эта работа становится после Октября 1917 г. Сохранилась недатированная, по всей вероятности, относящаяся в конце 1919 г. его справка о себе.

Состоял 1) преподавателем I Костромской муж. гимназии с 1 января 1917 г. по рус. яз. и литер. и латинскому яз., 2) преподавателем Костром. коммерческого училища с 1 октября 1917 г. по 1 сентября 1919 г.

Состоит членом коллегии Губнаробраза с 1 ноября 1918 г. и заведующим школьным отделом. Кроме того, нёс и несу должности по избранию:

- 1) член правления Научн. о-ва,*
- 2) тов. председат. правления О-ва нар. универс.,*
- 3) председателя правления Центр. научн. биб-ки.,*
- 4) председателя Губ. совета защиты детей,*
- 5) председателя совета педагогических курсов,*
- 6) член бюро рабоч. факультета и лектора на нём,*
- 7) лектора педагогич. курсов, политехнич. курсов, клубных курсов по вопросам труд. школы,*
- 8) лектора-преподавателя Института нар. просвещения,*
- 9) члена правления и совета К. госуд. р.-к. университета,*
- 10) член комиссии по организации Института нар. просвещения¹.*

Как представитель губернского отдела народного образования, Груздев участвовал не только в создании и работе рабфака – в начале 1920 г. он входит в оргкомитет по учреждению медицинского факультета², а в октябре того же года избирается в президиум и секретарём педагогического факультета³. А ещё 15 мая 1920 г. П. Н. Груздев был утверждён преподавателем теории и практики трудовой школы на педагогическом факультете⁴ и являлся

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 59. Л. 17а – 17а об.

² Отчёт 1. С. 6.

³ Отчёт 2. С. 38.

⁴ Там же. С. 65.

«заведующим опытной трудовой школой-коммуной рабочих подростков 2 ступ. при названном факультете»¹.

О работе созданного Груздевым кабинета народного образования в отчёте читаем: «В кабинете собрана литература главным образом по вопросам трудовой школы. Новейшая литература периодически выставляется на витринах. При кабинете функционирует читальня для студентов, открытая ежедневно до 11 часов вечера. Здесь же происходят занятия по курсу трудовой школы. Были проработаны студентами некоторые из тем, предложенных преподавателем: 1) “Единая всеобщая школа и её развитие в Западной Европе и Северной Америке”, 2) “Взгляд Руссо на значение ручного труда в воспитании”, 3) “Песталоцци и его учение о трудовой школе”, 4) “Школа и общество”.

При кабинете же организуется научно-педагогический кружок студентов.

В целях облегчения использования студентами журнальной литературы для проработки различных тем составляется указатель статей периодических изданий, имеющихся в кабинете с распределением их по затронутым на семинарии вопросам...»².

В апреле 1921 г. выходит первый номер организованного Груздевым журнала «Вестник просвещения Костромского края», который открывается первой его публикацией «Просвещение и революция». Со временем, у П. Н. Груздева, вовлечённого в эту круговерть текущей работы, появляется потребность глубже осмыслить суть происходящего в практике современного народного образования, обращаясь к многовековому педагогическому опыту, и поэтому после закрытия университета в Костроме, в 1922 г. он просит разрешение оставить заведование губоно и посвятить себя целиком научно-педагогической работе.

«6 апреля 1922 г. П. Н. Груздев был избран председателем совета и правления Ярославского педагогического института, а после того как в октябре 1922 г. пединститут был включён на правах педагогического факультета в состав Ярославского университета,

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 47.

² Отчёт 2. С. 48.

возглавил этот факультет»¹. После закрытия университета, с 1 октября 1924 г. и до октября 1928 г. он на посту ректора ЯГПУ. Кстати, в Ярославский педагогический он возвратится и в годы Великой Отечественной войны, возглавив здесь кафедру педагогики и психологии.

Карьера П. Н. Груздева внешне складывается удачно: в 1928–1930 он заведует отделом педагогического образования в Главпрофобре, в 1929 становится членом Государственного учёного совета Наркомпроса РСФСР. Преподаёт в Академии коммунистического воспитания, а в 1934 утверждается заместителем ректора Академии по научной и учебной работе и заведующим кафедрой педагогики. В 1932 г. выходит учебник педагогики для педтехникумов под редакцией П. Н. Груздева и А. И. Африканова. В 1938 г. он утверждён в учёной степени доктора педагогических наук. В 1940 г. выходит утверждённая в качестве учебного пособия для педвузов и университетов фундаментальная «Педагогика» под его редакцией, где им написаны первые семь глав раздела «Общие основы педагогики». В 1943 г. при создании Академии педагогических наук РСФСР Груздев утверждён членом-корреспондентом, а в 1945-м избран её действительным членом. В 1945–1949 гг. он – председатель Ленинградского филиала АПН РСФСР, с 1949 – директор Ленинградского НИИ педагогики.

«Груздев публиковал свои работы достаточно редко, например, за 40-е гг. всего пять. Это свидетельствовало о его высокой требовательности к уровню педагогической теории. Неслучайно его работы всегда оказывались в центре дискуссии.

Груздев удерживал достаточно высокую планку уровня педагогических исследований, вступая в бескомпромиссную борьбу с теми, кто занимался профанацией науки»², – справедливо отмечает автор сайта «Век образования», определивший Павла Никодимовича человеком 1950 года. И надо же было так совпасть, что выстраданная им книга, в которой к определению некоторых понятий педагогики автор подходит не с узко классовых

¹ Ермаков А. М. Ректоры ЯГПУ 1908–2003: Очерки. Ярославль, 2003. С. 26.

² Век образования. Год 1950. URL: <http://biblio.narod.ru/gyrnal/vek/vek50/1950-1.htm> (дата обращения: 15.03.2011).

догматических позиций, а с точки зрения общечеловеческих ценностей, да к тому же даже по лексике своей и фразеологии отличающаяся от современного потока педагогических «исследований», была напечатана в 1949 г. В том самом 1949-м, когда своего пика достигает новый виток закручивания идеологических гаек, когда большие силы брошены на то, чтобы выявить и разоблачить инакомыслие, кажется, во всех сферах науки, художественного творчества и вообще человеческой мысли.

Его монография «Вопросы воспитания и обучения» три дня подвергается обструкции на организованном в Институте теории и истории педагогики обсуждении. Большой, подробный материал с этого обсуждения публикуется в журнале «Советская педагогика»¹. Вывод таков: «...публикация издательством Академии 25-тысячным тиражом сырого и в своих исходных позициях неверного материала, представленного проф. Груздевым, была большой ошибкой со стороны президиума Академии»².

Павел Никодимович вынужден оставить заведование кафедрой в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Вероятно, и смерть его через три года тоже была связана с этой «научной дискуссией».

Сочинения

Борьба за Октябрь в Ярославской губернии. Ярославль, 1927.

На путях к новому педагогу: из опыта работы Ярославского педвуза // Тр. Яросл. пед. ин-та. Т. 1. Ярославль, 1926. С. 1–15.

Об одной разновидности оппортунизма в педагогике // Коммунистическое просвещение. 1931. № 3.

Статьи и отрывки из произведений В. И. Ленина по вопросам народного просвещения и школы, Л., 1938 (сост.).

Педагогика / под ред. П. Н. Груздева. М.: Учпедгиз, 1940. 624 с.

Вопросы трудового воспитания в детском доме и интернате // Уч. зап. Яросл. пед. ин-та. Вып. 1. Гуманит. науки. Ярославль, 1944. С. 213–232.

¹ Обсуждение книги проф. П. Н. Груздева «Вопросы воспитания и обучения» // Советская педагогика. 1950. № 8. С. 34–85.

² Там же. С. 84.

Русские педагогические журналы до революции и некоторые вопросы современной школы // Уч. зап. Яросл. пед. ин-та. Вып. 5. Педагогика. Ярославль, 1945. С. 1–24.

Понятие закона, принципа и правила в педагогике: (в порядке постановки вопроса) // Советская педагогика. 1946. № 4/5. С. 3–32.

О воспитании мышления в процессе обучения // Советская педагогика. 1948. № 5. С. 3–18.

Вопросы воспитания мышления в процессе обучения / под ред. П. Н. Груздева. М. ; Л., 1949. 356 с.

Маркс и Энгельс о воспитании и образовании : сб. / вступ. ст. и прим. проф. П. Н. Груздева. М., 1957. 398 с.

Л и т е р а т у р а

Болдырев Н. Павел Никодимович Груздев: К 90-летию со дня рождения // Советская педагогика. 1979. № 12. С. 96–100.

Груздев Павел Никодимович // Педагогическая энциклопедия : в 4 т. М., 1964–1968. Т. 1. С. 624.

Ермаков А. М. Ректоры ЯГПУ 1908–2003: Очерки. Ярославль, 2003. С. 23–34.

Кириллова Г. Д. Павел Никодимович Груздев (1889–1953) // Образование и культура Северо-Запада России. 1997. Вып. 2. С. 45–47.

П. Н. Груздев (1889–1953) : Ученый педагог : библиогр. указ. / сост. С. Ф. Батракова. М., 1989. 48 с.

Памяти Павла Никодимовича Груздева: [Некролог] // Советская педагогика. 1953. № 10. С. 126–128.

Спирин Л. Жизнь, отданная школе: Педагогическое краеведение // Педагог. Кострома. 1989. 20 июня. (Многот. газ. КГПИ).

Спирин Л. Костромич-академик: К 100-летию со дня рождения П. Н. Груздева // Северная правда. 1989. 2 сент.

Спирин Л. Один из первых: Наши земляки // Северная правда. 1979. 3 окт.

Николай Михайлович
Д Р У Ж И Н И Н
01(13).01.1886–08.08.1986

Николай Михайлович Дружинин родился в Курске в семье страхового агента. Начальное образование получил в Курской приготовительной школе Тюриных (1893–1895 гг.), а осенью 1895 г. поступил в Курскую классическую гимназию, но основные годы его учения проходили уже в Москве, куда в 1896 г. переехала семья Дружининых. Учась в 5-й московской гимназии, увлекался театром, живописью, ходил на лекции для учащихся в Исторический музей. В 1904 г. стал студентом историко-филологического факультета Московского университета. Среди его преподавателей были историки В. О. Ключевский, М. М. Богословский, Р. Ю. Виппер. Увлечшись социал-демократической литературой, Дружинин стал, по предложению Инессы Арманд, библиотекарем Московского комитета РСДРП. Это явилось причиной ареста в феврале 1905 г., исключения из университета и высылки в Саратов.

Осенью 1906 г. Дружинин вновь поступил в Московский университет на экономическое отделение юридического факультета, которое успешно окончил в 1911 г. Вскоре Н. М. Дружинин возвращается на историко-филологический факультет, где особое внимание уделяет изучению истории России XIX в., посещает семинары

М. М. Богословского. В качестве дипломного сочинения была зачтена работа «П. Д. Киселёв и его реформа 1837–1838 гг.». Но учёба в университете вновь прерывается в связи с мобилизацией Дружинина как ратника ополчения 2-го разряда. После окончания пятимесячного курса в Александровском военном училища в октябре 1916 г. в чине прапорщика Дружинин был командирован в 24-й пехотный запасной полк в г. Мариуполь.

В первые же дни после Февральской революции 1917 г. Дружинин был избран председателем Совета офицерских депутатов, затем председателем Полкового комитета, участвовал в работе Мариупольского комитета общественных организаций и исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов. В январе 1918 г. был демобилизован, а в июне 1918 г. Дружинину удаётся, наконец, закончить историческое отделение. По рекомендации М. М. Богословского он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В начале 1919 г. Н. М. Дружинин был принят на должность архивариуса в Архив бывшего Министерства иностранных дел. Во время гражданской войны был мобилизован в Красную армию, работал в военно-просветительских учреждениях.

К счастью, о том, как состоялось приглашение преподавать в Костромском университете, и о своей работе в нашем городе академик, лауреат Сталинской (1947) и Ленинской (1980) премий Николай Михайлович Дружинин рассказал в своих воспоминаниях и на страницах своих дневников¹. На многие годы сохранил Дружинин и связи с некоторыми питомцами Костромского рабоче-крестьянского университета.

Неудовлетворённость достигнутым сквозит в его дневниковой записи 14 января 1921 г.: «Мне – 35 лет! Прожито больше полжизни, прошла вся молодость, полная труда и невзгод, не озарённая лаской любви и личного счастья... Что впереди?.. Такая же суровая и тяжёлая «школа», тысячи препятствий на пути к поставленной цели и личное одиночество. Не нужно жаловаться, не надо тосковать!.. Нужно стремиться вперёд и завоевывать будущее!»²

¹ Воспоминания и «костромские» страницы дневника Н. М. Дружинина приведены в приложениях 4 и 5.

² Вопросы истории. 1996. № 9. С. 115.

Долгая и плодотворная жизнь была уготована этому историку, но память о Костроме была ему особенно дорога. Во-первых, потому что здесь начиналась научно-педагогическая деятельность будущего академика. Во-вторых, именно здесь, когда он «читал курсы по русской истории XIX в. и по истории революционного движения, вёл практические занятия по истории общественных идей в России (в 1919/20 г.) и по истории отмены крепостного права (в 1920/21 г.)»¹, определились многие темы, ставшие главными в дальнейшей работе историка. И сам Николай Михайлович, оценивая этот опыт, на склоне лет писал: «Конечно, первый опыт преподавания в высшей школе сыграл определённую роль в моём формировании как историка. Подготовка общего курса заставила продумать основные проблемы общеисторического процесса; ведение семинарских занятий помогло лучше овладеть литературой и источниками по избранным темам, в частности подробнее изучить условия и существо реформы 1861 г. Непосредственное соприкосновение с учащейся молодёжью не только закрепляло приобретённые знания, но также обновляло и расширяло подход к исторической проблематике»².

В 1921 г. Дружинин был избран младшим научным сотрудником Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН), в 1926 г. стал его аспирантом, в том же году в трудах этого института была опубликована первая монография историка «"Журнал земледельцев" 1858–1859 гг.».

В 1924–1934 гг. Дружинин – сотрудник Музея революции, три года (1929–1932) преподавал методiku музейного дела на этнологическом факультете Московского университета, а затем в ИФЛИ. При учреждении исторического факультета в Московском университете был принят в число его преподавателей, в качестве и. о. профессора читал курс лекций и вёл семинары по истории СССР XIX в., руководил подготовкой аспирантов. Но главным местом работы Н. М. Дружинина стал Институт истории АН СССР, куда

¹ Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 19.

² Там же. С. 19.

он был приглашён осенью 1938 г. В 1944 г. Николай Михайлович защитил диссертацию и был утверждён в степени доктора исторических наук и звании профессора, в 1946 г. избран членом-корреспондентом, а в 1953-м – действительным членом АН СССР.

Основные исследования Н. М. Дружинина посвящены социально-экономической истории России в XIX в. и проблемам общественной мысли и революционного движения. В ряде работ по крестьянскому вопросу он всесторонне проследил историю государственных крестьян и связь реформы Киселёва с крестьянской реформой 1961 г., исследовал процессы, происходившие в пореформенной деревне.

Важно, что, как отмечает Б. Г. Литвак, «при той переоценке ценностей, которую мы наблюдаем сейчас в общественных науках, его научное наследие остаётся незыблемым»¹.

Сочинения²

Декабрист Никита Муравьёв. М., 1933.

Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва: в 2 т. М.; Л., 1946–1958.

Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978.

Избранные труды. М., 1985. [Кн. 1]: Революционное движение в России в XIX в.; М., 1987. [Кн. 2]: Социально-экономическая история России; М., 1988. [Кн. 3]: Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело; М., 1990. [Кн. 4]: Воспоминания, мысли, опыт историка.

Литература

Галкин И. С. Выдающийся советский историк академик Н. М. Дружинин // Новая и новейшая история. 1985. № 6.

Дмитриев С. С. Академик Николай Михайлович Дружинин: его творчество, опыт, суждения // Вестник АН СССР. 1986. № 6.

¹ Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 347.

² Подробная библиография в кн.: Николай Михайлович Дружинин (1886–1986) / сост. Р. И. Горячева и Н. М. Ашерова; вступ. ст. Н. С. Киняпиной. М., 1987. (Материалы к библиографии учёных СССР. Сер. истории; Вып. 16).

Ковальченко И. Д. Творческий путь Н. М. Дружинина // Вестник МГУ. Сер. История. 1986. № 3.

Он же. Творческий путь Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России : сб. ст. к 75-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1961.

Фёдоров В. А. Дружинин Николай Михайлович // Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001.

Яцунский В. К. Николай Михайлович Дружинин // Исторические записки. 1955. Т. 54.

Александр Сергеевич
ДУРНОВО
12(24).06.1876–04.12.1944

Александр Сергеевич Дурново родился в Костроме в семье мелкого чиновника (канцелярского служителя Костромского уездного полицейского управления). Закончив Костромскую мужскую гимназию, поступил на медицинский факультет Московского университета. После его окончания работал врачом в Костромском уезде, затем санитарным врачом в Макарьеве. Здесь он познакомился с дочерью земского врача Малиновского – Еленой Ксаверьевной, которая и стала его женой.

В первые послереволюционные годы А. С. Дурново возглавлял губернский отдел здравоохранения, был одним из организаторов медицинского факультета в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете¹, с 6 января 1920 г. он входит в Организационный комитет по учреждению медицинского факультета, а 22 сентября 1920 г. был избран профессором и деканом факультета². Здесь он читал курс истории и энциклопедии медицины. На педагогическом факультете университета Дурново вёл курс психологии и психопатологии детского и юношеского возраста. В своей научной деятельности Дурново много внимания уделял целостному подходу к изучению и решению проблем детства. В начале 1920-х годов Александр Сергеевич организовал в Костроме педологический кабинет, который

¹ Об этой работе А. С. Дурново см: Л. Н. Об организации медицинского факультета // Красный мир. 1920. 17 дек.

² Отчёт 2. С. 60.

осуществлял помощь учебно-воспитательным учреждениям для детей и подростков, а также учителям и родителям¹.

В 1927 г. в Москве под редакцией А. С. Дурново вышла «Педагогика раннего детского возраста». В 1922 г. в столице был открыт Государственный научный институт охраны материнства и младенчества, в котором Александр Сергеевич возглавил один из его отделов – педологическое отделение по изучению поведения (психологии) детей старше 13 лет и методов воспитания в раннем возрасте². В 1935 г. решением Высшей квалификационной комиссии при Наркомздраве РСФСР Дурново присуждены учёная степень доктора медицинских наук и звание профессора.

С 1938 по 1943 г. Дурново возглавлял кафедру социальной гигиены в Ижевском медицинском институте, там же несколько лет он по совместительству заведовал кафедрой общей гигиены. С 1 января 1944 г. он переводится в Горьковский мединститут на должность завкафедрой школьной гигиены³.

Сочинения

Антропометрические измерения детей: (Унификация методики массовых исследований детей и подростков) / ред. А. С. Дурново. М., 1923.

Основы педологии и педагогики младенчества. М., 1926. 286 с.

Педагогическая работа с детьми раннего возраста. М., 1927. 63 с.

Вопросы педологии в работе НКЗдрава по охране здоровья детей и подростков. М., 1928 (в соавт. с Е. П. Радиным).

Обследование политехнизма в школах ФЗС Ленинграда в 1930 г. Врачебно-педологические, санитарно-гигиенические и общие организационные выводы // Политехнизм и здоровые кадры. Л., 1933. Сб. 1. С. 169–197.

¹ Винокуров Л. Н. Возможности межведомственной и междисциплинарной интеграции в профилактике школьной дезадаптации // Вестник практической психологии образования. 2009. № 2. С. 61–67. Правда, автор ошибочно называет местом работы А. С. Дурново в эти годы учительский институт, который возник гораздо позже, в 1939 г.

² Баранов А. А. Научный центр здоровья детей РАМН: этапы 245-летнего пути. Актовая речь. Прочитана 28 сентября 2008 года на заседании Учёного совета Научного центра здоровья детей РАМН. URL: <http://www.nczd.ru/aktaab.htm> (дата обращения: 2.03.2010).

³ Сведения взяты из трудовой книжки А. С. Дурново, которая хранится в КОУНБ (М. 768366).

Евгений Фёдорович
Д Ю Б Ю К
10.06.1876–1942

Е. Ф. Дюбюк. (ГАКО. П-71)

Об Евгении Фёдоровиче Дюбюке немало написано костромскими краеведами, благо в ГАКО сохранился солидный его архив, в котором немало документов и личного характера. В 1993 г. стараниями Е. В. Сапрыгиной опубликован сборник его стихов.

Исследователи и по сей день обращаются к его трудам, как экономического характера, так и по истории края. Вот что о нём писал 2 марта 1927 г. В. И. Смирнов: «Любопытно, что Е. Ф-ча, лесовода по образованию и статистика по профессии, привлекают костромские исторические темы. Полагаю – это не только результат широты его горизонта, но результат жадности к работе, которой он обладал, и верно подмеченной им слабости местных сил в этом отношении... Знаю, как непросто овладеть новой областью, чтобы делать хорошо, чтобы учёные жрецы признали мастером своего дела...»¹.

Правнук флигель-адъютанта при Людовике XVI, внук московского композитора, автора известных романсов, Евгений Фёдорович Дюбюк родился в Вильно, где квартировала дивизия отца, офицера Генерального штаба.

¹ Цит. по: *Смуров В.* Истинные знатоки: к 80-летию Костромского краеведческого общества // Костромской край. 1992. 19 мая.

Закончив Владимирский кадетский корпус, он вдруг резко изменяет свою судьбу и поступает в Петербургский лесной институт. Получив диплом учёного лесоведа, отказывается от государственной службы и поступает в Ярославскую земскую управу статистиком.

Евгений Фёдорович отдал дань и участию в революционном движении: в Ярославле был избран членом комитета РСДРП и одним из пяти членов ЦК «Северного рабочего союза». Подвергался аресту и ссылке. Однако главным делом его жизни всегда оставались статистика и научные изыскания. И хотя наиболее ярко проявил Евгений Фёдорович себя на этом поприще за двадцатилетие своей жизни в Костроме (1907–1927), он заявил о себе как о серьёзном исследователе ещё раньше, в Ярославле и в Саратове. И в заметке (очевидно, В. И. Смирнова) о присуждении Е. Ф. Дюбюку малой серебряной медали Географического общества читаем: «...следует отметить его труды по с.-х. статистике Саратовской губ., о кустарных промыслах в Ярославской губ.»¹.

В Кострому его пригласил возглавлявший губстатбюро Н. И. Воробьёв. Здесь с момента создания Костромского научного общества Е. Ф. Дюбюк – один из его активных членов. И хотя в дневнике 1916 г. промелькнула такая жалоба: «Я верчусь в беличьем колесе – нахватал массу работ, насилиу справляюсь»², – чувствуется, что столь активная деятельность ему по душе. В 1919–1920 гг. он – председатель Научного общества. А когда в Костроме открывается университет, Евгений Фёдорович с готовностью включается в его работу. Его мечта – создание лесного отделения – вроде бы находит поддержку. В журнале заседаний временной хозяйственно-административной коллегии 24 октября 1918 г. содержится следующая запись: «Слушается сообщение Е. Ф. Дюбюк об организации лесного отделения при Университете.

Постановили: поручить Е. Ф. Дюбюку организацию лесного отделения и просить его составить смету на содержание отделения»³.

¹ За научные труды: В научном обществе // Северная правда. 1926. 4 июня.

² Дюбюк Е. Ф. Дневник. 1916 год // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. Кострома, 1995. С. 180.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.

Затем уже 4 ноября принимается предложение В. И. Смирнова о преобразовании отделения в лесной факультет, и Дюбюк утверждается временно деканом факультета. На этом же заседании Евгений Фёдорович выступает с первым кадровым предложением: избрать преподавателем по кафедре лесной таксации Вячеслава Ивановича Перехода¹. Однако как раз с В. И. Переходом и возникли у Дюбюка впоследствии серьезные разногласия, и Е. В. Сапрыгина, основательно работавшая с фондом Дюбюка в ГАКО, в этом видела основную причину того, что открытие лесного факультета не состоялось. Тем не менее, Евгений Фёдорович с удовольствием вливается в коллектив гуманитарного факультета, с 16 августа 1919 г. он состоит преподавателем по кафедре политической экономии², читает курс «Экономическая история Костромского края»³.

Видимо, сама научная среда оказывает благотворное влияние на Евгения Фёдоровича, и на это время приходится самый расцвет его исследовательской работы. Наряду с этим Дюбюк активно участвует в работе Народной высшей школы, входящей в состав культурно-просветительной ассоциации, на её экономическом отделении он читает лекции по истории фабричной промышленности Костромской губернии⁴.

Не оставляет преподавательскую работу Дюбюк и после закрытия университета: в Костромском институте народного образования, наездами в Казанском институте сельского хозяйства, на лесных курсах при губземотделе, в промышленно-экономическом техникуме. Он стоял у истоков создания Костромского архива, в 1918 г. по рекомендации А. Ф. Изюмова был назначен уполномоченным Главархива по Костромской губернии, а в 1921–1924 гг. заведует губархивом⁵.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 об. – 19.

² Отчёт 1. С. 51.

³ Отчёт 2. С. 29.

⁴ Первый год Советской работы по народному образованию в гор. Костроме: сб. материалов / под ред. В. А. Невского; издание Костромского губернского Отдела народного образования. Кострома, 1921. С. 214.

⁵ «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели»: Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. // Отечественные архивы. 2010. № 5. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/publ> (дата обращения: 25.10.2011).

В 1922 г. Е. Ф. Дюбюк участвовал в работе над проектом железной дороги Москва – Ухта. Когда возник вопрос о новом районировании, Е. Ф. Дюбюк всеми силами пытался защитить статус Костромы как губернского центра. С 1925 г. после отъезда Н. И. Воробьёва он возглавил губстатотдел. В эти годы его уже хорошо знали в столице и пригласили на работу в ЦСУ. Вероятно, неизбежность территориально-административного передела подтолкнула его к тому, чтобы в 1927 г. всё же расстаться со столь любимой им Костромой. Он как экономист хорошо предвидел печальные последствия предстоящего районирования для костромского края.

Дальнейшая жизнь Дюбюка была связана с ЦСУ СССР, где он занимал ответственные должности до выхода на пенсию. А закончились дни его в эвакуации в г. Горьком (ныне Нижний Новгород).

Сочинения

Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореволюционное время // Труды КНО. Вып. 1. Кострома, 1914. С. 59–116.

Ветлужская вотчина Дурново в канун крестьянской реформы и в первые года после неё // Труды КНО. Вып. 3. Кострома, 1915. С. 1–32.

Экономическое положение деревни осенью 1914 и зимой 1914–1915 гг. // Труды КНО. Вып. 5. Кострома, 1916. С. 43–82.

Подольская вотчина Кандалинцева в 40-х гг. XIX века // Труды КНО. Вып. 7. Кострома, 1917. С. 65–114.

Раменский чугунно-плавильный завод // Труды КНО. Вып. 9. Кострома, 1918. С. 11–42.

Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 10. Кострома, 1918. С. 3–145.

Повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему потомству // Труды КНО. Вып. 13. Кострома, 1919. С. 15–38.

Из материалов по истории зверовой охоты в Костромском крае // Труды КНО. Вып. 18. Кострома, 1920. С. 3–27.

Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX века // Труды КНО. Вып. 23. Кострома, 1921. С. 1–110.

Леса и лесное хозяйство Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 33. Кострома, 1924. С. 66–68.

Обрабатывающая промышленность Костромского края в её прошлом // Там же. С. 92–100.

Из истории соляной промышленности Костромского края: материалы. Ч. 1 // Труды КНО. Вып. 34. Кострома, 1924. С. 3–48.

Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1929.

Предвесенье: Стихотворения. Поэма / вступ. ст. Е. В. Сапрыгиной; ил. Н. И. Булдаковой. Кострома, 1993.

Дневник. 1916 год / публ. Г. В. Давыдовой и А. В. Соловьёвой // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. Кострома, 1995. С. 174–204.

Л и т е р а т у р а

Аметова Л. Ещё одна встреча с прошлым: краеведческо-литературно-музыкальная композиция «Дюбюки и Кострома» // Северная правда. 1993. 15 дек.

Бочков В. В нашей памяти // Северная правда. 1972. 5 авг.

Бочков В. Дом, в котором жил экономист Е. Ф. Дюбюк // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Памятники культуры Костромской области. М., 1976. С. 47–48.

Бочков В. Евгений Фёдорович Дюбюк // Их жизнь – борьба. Кн. 1. Ярославль, 1973. С. 99–105.

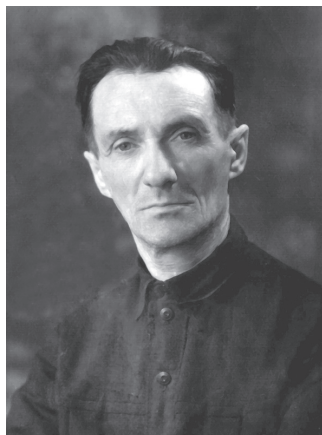
Сапрыгина Е. Дюбюк Е. Ф.: вступ. ст. к сб. стихов Е. Ф. Дюбюка // Дюбюк Е. Ф. Предвесенье. Кострома, 1993.

Сапрыгина Е. Статистик и поэт / Е. Сапрыгина, П. Корнилов // Сапрыгина Е. Стражи времени. Кострома, 2005. С. 146–153.

Шпилов А. Эпистолярный архив Е. Ф. Дюбюка // Северная правда. 1982. 27 июня.

Шпилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв. Костромская школа. Кострома, 2007. (См. по именному указателю.)

Геннадий Геннадьевич
Е Р Ё М И Н
22.10(02.11).1894¹–21.03.1972

*Г. Г. Ерёмин. Начало 1950-х гг.
Из фондов музея истории
КГУ им. Н. А. Некрасова*

Как всё-таки удивительно переплелась судьба Г. Г. Ерёмина с историей нашего учебного заведения. Откуда появился в КГРКУ в 1918 г. на кафедре географии такой толковый преподаватель, по-нынешнему – лаборант – не смогли рассказать даже четверо сыновей Геннадия Геннадьевича. В отчётах университета отмечаются его самостоятельные исследовательские работы, в Трудах КНО постоянно публикуются его статьи, он ежегодно выступает с докладами на общих собраниях научного общества, в течение ряда лет избирается и активно работает в его правлении.

И лишь когда в архиве удалось обнаружить его совсем краткую автобиографию, кое-что стало понятно: «Родился 1894 в г. Костроме. В 1914-м году кончил курс Первой Костромской гимназии и с этого же года состоял студентом Московского университета по специальности метеорология и астрономия (физико-мат. фак.). Работал на Московской метеорологической обсерватории под руководством Лейста и Рахманова. В 1918-м году за своё научное открытие по

¹ Эта дата указана в двух документах, заполненных самим Г. Г. в 1920-х гг. (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 60. Л. 7; ГАКО. Ф. Р-838. Оп 1. Д. 290. Л. 98). В его трудовой книжке (семейный архив сына) и в личной карточке по учёту кадров (архив КГУ) значится датой рождения 1892 г.

Геннадий Ерёмин – костромской гимназист. 1904 г. Из семейного архива Е. Г. Ерёмина

астрономии (Nova Aquilae) был избран членом-сотрудником Всероссийского о-ва мироведения, каковым до сих пор я и состою.

В 1918 году мною была при Костромском научном обществе организована Метеорологическая комиссия по изучению климата Костромской губернии. В 1913–1918 годах состоял корреспондентом Главной физич. обсерватории и Гидротехнического бюро. Имею свои <нрзб> научные работы...»¹.

На должность препаратора Ерёмин был избран 8 ноября 1918 г.². И Чепурковский, предложивший эту кандидатуру на заседании временной административно-хозяйственной коллегии, об этом, видимо, не пожа-

лел. Он обрёл в лице Ерёмина и сведущего, и деятельного, и инициативного помощника. И, наверное, неслучайно и с подачи Ерёмина на том же самом заседании возбуждается «ходатайство перед губернским отделом народного образования о передаче астрономической трубы вместе с соответствующими приборами в распоряжение университета и переноске трубы на здание университета»³.

О работах Ерёмина в КГРКУ много говорится в опубликованных отчётах; его труды, напечатанные в Костроме, перечислены в списке сочинений.

В жизни Геннадия Геннадьевича многое повторялось. Немало натерпелся он в конце 1920-х годов, когда начались санкционированные из центра попытки сначала дискредитировать деятельность

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

³ Там же. Л. 20 об.

КНО, а потом и «изъять из обращения», заменив более послушными, хотя и не смыслящими в науке, кадрами наиболее активных членов научного общества, а затем и аресты. О предыстории ареста Г. Г. Ерёмин Л. И. Сизинцева, изучившая следственное дело костромских краеведов, пишет так: «Городские власти постановили вселить в помещение геофизической станции детский дом для детей с дефектами развития, не предоставляя станции нового помещения. Неподходящее соседство угрожало не только покою сотрудников, но и сохранности сложных приборов. Сотрудники станции и её заведующий Г. Г. Ерёмин пытались хлопотать. Это было расценено как сопротивление, заведование передано Н. В. Щёкину»¹. Арестован был Ерёмин 11 ноября 1930 г., но освобождён ещё в ходе следствия через два месяца, в связи с этим В. И. Смирнов в своём тюремном письме жене 18 января 1931 г. записывает: «Выпустили 16-го Геннадия Геннадиевича и Полянскую. Я рад за них»².

Видимо, после разгрома КНО при новом руководителе станции в Малышково работать было невыносимо, и Ерёмин устраивается сначала в Горький, а затем, судя по смутным воспоминаниям сына, Евгения Геннадьевича, в Балахне. Вернувшись в родные края, в 1941 г. заканчивает географический факультет Ярославского пединститута, в предвоенные и военные годы учительствовал в школах сёл Красного, Минского, в Приволжске, работал в детском доме для ленинградских детей в Тихом уголке, в 26-й школе Костромы, методистом областного института усовершенствования учителей.

В 1945 г., после странствий и перипетий, Ерёмин вновь возвращается уже на преподавательскую работу в Костромской учительский институт, когда там открывается естественно-географическое отделение³.

¹ Сизинцева Л. И. Материалы о разгрома костромского краеведения в 1930–1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 119.

² Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / сост. Т. В. Смирнова. Сергиев Посад, 2011. С. 14.

³ 1 сентября 1945 г. – Книга регистрации выдачи трудовых книжек в отделе кадров КГУ им. Н. А. Некрасова и трудовая книжка в семейном архиве. К сожалению, личное дело в фонде 2979 (КПИ), которое могло бы прояснить некоторые моменты биографии, погибло в огне пожара.

И вот, придя в учительский институт, оказавшись в родной стихии, он словно второе дыхание обрёл. В газете читаем: «В нынешнем учебном году при Костромском учительском институте был создан естественно-географический факультет. <...> Преподаватели факультета, помимо учебной работы, ведут большую научно-исследовательскую работу. <...> Старшим преподавателем т. Ерёминым закончено ландшафтное районирование Костромской области, а также составление учебника для педвузов по практическому курсу общего землеведения»¹.

В официальном отчёте института за 1946/47 учебный год, кроме упомянутого автором газетной заметки «Краткого руководства к практикуму по общей физической географии для учительского института», перечисляются и другие работы: «Ерёмин Г. Г. обобщает данные по климатологии, геоморфологии и по изучению природы Костромской области. В течение учебного года им подготовлены следующие научные статьи:

1. «Природа Костромского края». Печатается отдельной книгой, сдана в набор.
2. «Зимние школьные наблюдения над снеговым покровом». Принята к печати в журнале «Естествознание в школе».
3. «Календари природы Костромского края». Приготовлена для научного общества краеведения, сдана в общество для напечатания.
4. «Послевоенные границы СССР». Принята к печати в методический сборник Костромского областного института усовершенствования учителей.
5. «Краеведческая работа и её методика на уроках географии».
6. «Проведение маршрутной снегомерной съёмки с учащимися средней школы».
7. «Организация географических площадок и их оборудование при учительских институтах»»².

Поверил Геннадий Геннадьевич в эту пору в искренность сверху спущенной директивы по возрождению краеведческого движения. И с молодым азартом участвует в подготовке конференции,

¹ Научные работы в учительском институте // Северная правда. 1946. 15 марта.

² ГАНИКО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 924. Л. 101.

выступает на ней с докладом¹, избирается «учёным секретарём Костромского научного общества краеведения»². Только и на сей раз вышла осечка: в первом КНО он в 1920–1923 гг. тоже был секретарём – тогда эта должность именовалась скромнее, а в 1947-м название звучало солиднее, только следов деятельности этого общества практически не осталось.

Хотя немолодой уже Ерёмин к 1951 г.³ защищает диссертацию и получает степень кандидата географических наук, а в 1953 г. – звание доцента, всё же в пединституте в полной мере реализовать ему не удалось: география в вузе в эти годы уже не преподавалась, а астрономия – самую малость. В 1968 г. он окончательно вышел на пенсию.

Однако судьба распорядилась так, что один из его сыновей, Евгений Геннадьевич, и внук, Владимир Евгеньевич, на многие годы связали свою жизнь с нашим вузом: Евгений Геннадьевич преподавал на кафедре физвоспитания, Владимир Евгеньевич и ныне работает на художественно-графическом факультете.

Сочинения

Грозы // Труды КНО. Вып. 11. Естественно-исторический сборник. Кострома, 1919. С. 1–4.

Зимний и весенний характер облачности в г. Костроме // Там же. С. 71–81.

Полярные сияния. Наблюдения в г. Костроме с 1916 г. по 25 марта 1920 г. // Труды КНО. Вып. 16. Второй естественно-исторический сборник. Кострома, 1920. С. 21–46.

Метеорологический ежегодник. 1919 год. Материалы по изучению климата Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 20. Кострома, 1921.

Снеговой покров в Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 27. Третий естественно-исторический сборник. Кострома, 1922. С. 24–43.

¹ Областная краеведческая конференция // Северная правда. 1947. 13 янв.

² Запись в трудовой книжке Г. Г. Ерёмина.

³ ГАКО. Ф. Р-2279. Оп. 3 (доп.). Д. 6. Паспорт Костромского пединститута и учительского института.

Метеорологические заметки и наблюдения // Там же. С. 44–55.
Осадки и снеговой покров // Труды КНО. Вып. 28. Метеорологический ежегодник за 1920 г. Материалы по изучению климата Костромской губернии. Кострома, 1922. С. 5–15.

Метеорологические элементы г. Костромы // Труды КНО. Вып. 32. Четвёртый естественно-исторический сборник. Кострома, 1923. С. 15–60.

Климатические элементы Костромской губернии и сельскохозяйственные культуры края // Труды КНО. Вып. 33. Костромской край в докладах 1-й Костромской губернской конференции по изучению производительных сил края. Кострома, 1924. С. 7–14.

Программа для наблюдений над атмосферными явлениями. Кострома, 1928. 40 с. (Серия программ и инструкций, издаваемых Иваново-Вознесенским о-вом краеведения и Костромским научным о-вом по изучению местного края при участии Центрального бюро краеведения).

Организация фенологических наблюдений в школе. Кострома, 1949. 15 с.

О преподавании естественных дисциплин в школе // Северная правда. 1944. 13 сент.

Анатолий Эсперович
Ж А Д О В С К И Й
07.03.1889–29.06.1938

Вот что сам А. Э. Жадовский счёл нужным сообщить о себе, поступая на службу в Костромской университет.

Образование получил в Тульской классической гимназии, которую окончил в 1907 году. Естественное отделение физико-математического факультета Московского университета с дипломом 1-й степени в 1911 году.

В том же году был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре ботаники.

<обгор.> семестр 1912 года читал курс систематики растений и вёл практические занятия по определению растений на Высших женских сельскохозяйственных (Голицинских) курсах в Москве.

<обгор.> курс «Учение о растительных сообществах» и вёл практические занятия по определению растений на курсах луговодства при Московском Сельскохозяйственном Институте в 1915 и 1916 гг.

В 1918 году был избран ассистентом при кафедре ботаники в Московском Межевом Институте. В том же году был избран преподавателем ботаники на педагогических курсах, организованных обществом преподавателей Московского университета.

Неоднократно читал лекции на летних педагогических курсах в Кинешме, Ветлуге, Брянске, <нрзбр>, Варнавине и др. городах.

<обгор.> преподавателем естествознания в Московских гимназиях: Колзаковой, Валицкой, Адольф, Флёрова и Брюхоненко. <...>¹

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 61. Л. 5–5 об.

Н. В. Тимофеев-Ресовский, учившийся в московской гимназии Флёрова, вспоминает, что в этой гимназии преподавали два брата Жадовских: «Борис Эсперович Жадовский рано умер. Он был тоже гимназическим преподавателем зоологии и сверхштатным университетским ассистентом. А Анатолий Эсперович был преподавателем ботаники в гимназии, а потом стал известным и превосходным доцентом ботаники Московского университета»¹.

В прилагавшемся к автобиографии списке опубликованных или подготовленных к печати работ по ботанике значится 11 пунктов. К 29 годам Анатолием Эсперовичем сделано было уже немало во многом благодаря тому, что увлечение ботаникой началось ещё с детства и передалось ему от отца. Эспер² Всеволодович тоже закончил в своё время курс Московского университета со степенью кандидата естественных наук. А дальше служба отца проходила совсем немного в Калуге, затем в Муроме, Иваново-Вознесенске, где и родился Анатолий, в 1890–1898 гг. – в Костромском реальном училище, а затем инспектирующим учителем в Тульском реальном училище и с 1 июля 1903 г. он стал директором Белёвского реального училища. Э. В. Жадовский напечатал несколько пособий по ботанике и в частности «Определитель растений»³.

К костромскому краю у Анатолия Эсперовича было особое пристрастие. Он состоял членом Костромского научного общества ещё с 1914 г.⁴ П. И. Белозёров, доцент Костромского пединститута им. Н. А. Некрасова, продолживший его работу, подсчитал, что у Жадовского «из опубликованных 54 научных работ 20 посвящены изучению флоры Костромской губернии»⁵.

Утверждённый в должности преподавателя по кафедре ботаники 8 ноября 1918 г. Жадовский поселяется вскоре в доме

¹ Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания: Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами / сост. и ред. Н. Дубровина. М., 2000. С. 80.

² Или *Еспер* – устар.

³ Определитель растений: практическое руководство для ботанических экскурсий. 2-е изд. / сост. Э. Жадовский. Издание К. И. Тихомирова, 1902. (Имеется в отделе редкой книги библиотеки КГУ им. Н. А. Некрасова.)

⁴ Отчёт о деятельности КНО за 1914 год. Кострома, 1915. С. 30.

⁵ Северная правда. 1950. 13 авг.

Солодовниковых, где размещается и естественный факультет. Он активно включается в работу университета, в создание необходимой учебной базы. Эти хлопоты отнимают немало времени, требуют командировок в Москву. Тем не менее, он не прекращает и научную деятельность. В отчёте читаем: «Научную работу со слушателями наладить пока не удалось вследствие того, что ботаническая лаборатория ещё недостаточно оборудована для систематических научных исследований. Что касается научной работы преподавателя, то она состояла прежде всего в продолжении уже начатых в Москве исследований над хромосомами; для этой цели были использованы редуccionные и соматические деления ядер различных растений»¹. Продолжает Жадовский и ботаническое обследование губернии. В этих экскурсиях участвуют и слушатели университета. Причём изучаются не только окрестности Костромы, с целью изучения распределения растительных сообществ вместе со слушателями Жадовский отправляется в летнем семестре в Ковернинский и Варнавинский уезды.

Своей целью А. Э. Жадовский поставил создание Ботанического института. В первый год сделаны довольно скромные шаги: «Приобретена мебелировка (столы, шкафы), положено начало ботанической библиотеке, приобретена посуда, микроскопы, микротом, инструменты для практических занятий с микроскопами, проведён водопровод в лабораторию, предназначенную для специальных научных исследований»². А в протоколах правления за 4 марта 1919 г. уже записано: «Заслушано письменное заявление преподавателя ботаники А. Э. Жадовского о необходимости в целях продуктивного преподавания ботаники оборудования при Университете ботанического сада...

Постановлено – устройство ботанического сада признать желательным; суждение же о деталях устройства и оборудования сада отложить до представления факультетом разработанной сметы на оборудование и содержание сада»³.

¹ Отчёт 1. С. 20.

² Там же.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.

12 ноября 1919 г. на Жадовского свалилось ещё одно непростое дело, которое надо было начинать тоже с чистого листа: ему предстояло стать первым заведующим Костромским рабфаком¹. Новые заботы отнимают много времени, а тут ещё «переезд в худшее помещение сильно сказался на деятельности лаборатории»², поэтому во второй год работы в Костроме уже не до ботанических экскурсий, учёный занимается лишь обработкой ранее собранного материала. Но главная причина перемены в его настроении, очевидно, в другом. Уже в июне 1919 г. Ю. М. Соколов пишет брату со слов Жадовского, который только что навестил его в Москве: «В Костроме голодно. Слушателей оч[ень] мало стало»³. Однако Анатолий Эсперович не опускает руки – в протоколе правления за 22 ноября 1920 г., например, такая запись: «Был рассмотрен вопрос о постройке оранжереи при Ботаническом институте Университета. Постановлено: Собрать необходимые материалы о возможности приступить к постройке оранжереи»⁴.

И всё же А. Э. Жадовский – прежде всего учёный, поэтому в апреле 1921 г. он складывает с себя обязанности заведующего рабфаком⁵, а 26 мая ректор Ф. А. Меньков подписывает такое удостоверение: «Настоящим Костромской государственный рабоче-крестьянский университет удостоверяет, что по постановлению Совета университета от 16-го апреля сего года преподавателю по кафедре ботаники Анатолию Эсперовичу Жадовскому разрешён отпуск на один год с 1-го июня 1921 по 1 июня 1922 года для учёных занятий в разных местностях России»⁶.

Оценивая работы А. Э. Жадовского в 1912–1924 гг., П. И. Белозёров отмечал: «Из этих работ особенно важное значение имеют различные исследования флоры Костромской губернии. До написания сводных работ по флоре губернии А. Э. Жадовский просмотрел и критически оценил все имевшиеся гербарные

¹ Отчёт 1. С. 4.

² Отчёт 2. С. 14.

³ Из далёких двадцатых годов двадцатого века: исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых. М., 2010. С. 38.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 50.

⁶ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 51.

экземпляры, хранившиеся в разных учреждениях СССР, анализировал написанную до него литературу по растительности Костромского края. Кроме того, им были собраны, обработаны и подготовлены два крупных гербария Костромской флоры. Один гербарий в количестве 420 гербарных листов был передан на хранение в Костромской краеведческий музей и второй – в 500 гербарных листов хранится в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова»¹.

Окончательно возвратившись в Москву, Жадовский в 1924–1931 гг. – доцент Московского университета, с 1931 г. – профессор Всесоюзного зоотехнического института пушно-сырьевого хозяйства, здесь он с 1935 г. стал деканом звероохотоведческого факультета.

Сочинения

Материалы по географии *Polypodium vulgare* L. // Тр. Бот. музея Акад. наук. 1913. Т. 10. С. 60–113.

Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 года // Труды КНО. Вып. 2. Кострома, 1914.

Ботанические экскурсии в окрестностях Кинешмы. Кинешма, 1915.

К флоре Ветлужского края // Труды КНО. Вып. 4. Кострома, 1915. С. 13–92.

Ботаника в школе: конспект лекций, читанных в г. Костроме на одногодичных педагогических курсах. Кострома, 1919.

К изучению растительности Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 11. Кострома, 1919. С. 1–4.

Наблюдения над жизнью растений на экскурсиях: материалы по методике ботанических экскурсий / с предисл. В. А. Невского. Кострома, 1920. (Костр. губ. практикум по внешкольному образованию).

Экономический спектр Костромской флоры // Труды КНО. Вып. 16. Кострома, 1920. С. 49–68.

Лекарственные растения Костромской губернии. Кострома, 1921.

Критические заметки по флоре Костромской губернии // Труды КНО. Вып. XXVII. Кострома, 1922. С. 10–16.

¹ Северная правда. 1950. 13 авг.

Коллекции и коллекторы Костромской флоры // Там же. С. 17–23.

Гормоны клеточных делений (раневые гормоны и некрогормоны) и их роль в развитии нормальных и придаточных зародышей у растений // Успехи эксперим. биол. 1924. Т. 3. № 3–4. С. 259–265.

Типы развития пыльцы и их филогенетическое значение // Труды по прикл. бот. и селекции. 1924–1925. Т. 14. Вып. 5. С. 133–142.

Метод Жаккара в изучении растительных сообществ // Методика геоботанических исследований. М., 1925. С. 99–117.

Методика геоботанических исследований. М. ; Л., 1925 (в соавт. с В. В. Алёхиным и В. С. Доктуровским).

Типы развития зародышевых мешков у покрытосеменных растений // Журн. Русск. ботан. о-ва. 1925. Т. 10. Вып. 3–4. С. 339–354.

Некоторые черты в эмбриологии злаков // Бюл. Моск. об-ва испыт. природы. Отд. биол. 1926. Т. 35. Вып. 1–2. С. 169–232.

Реликтовая колония *Polypodium vulgare* в Калужской губ. и необходимость её охраны // Охрана природа. 1928. № 3. С. 5–13.

Адресная книга ботаников СССР / по поручению Государственного Русского ботанического общества составлена А. Э. Жадовским. Л., 1929.

Тростник и розог как источники сырья для нашей промышленности // Природа и социалистическое хозяйство. 1935. № 7. С. 163–173.

Л и т е р а т у р а

Белов Л. А. Е. Жадовский: Блокнот краеведа // Ленинский путь (Галич). 1974. 2 апр.

Белозёров П. А. Е. Жадовский: Рассказы о наших земляках // Северная правда. 1950. 13 авг.

Волков В. Сюрпризы прошлого // Костромской край. 1992. 7 апр.

Зимин В. П. Ивановский край: биографический словарь. Иваново, 2005. Т. 1. С. 193–194.

Магнитский М. П. Дом, в котором жил и работал ботаник А. Э. Жадовский // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Костромская область. Труды 34. М., 1976. С. 48–50.

Александр Васильевич
ЗНАМЕНСКИЙ
04.12.1876–19.06.1955

В архивном фонде КГРКУ сохранились две автобиографии химика А. В. Знаменского, причём одна из них довольно подробно освещает не только жизнь, но и его научные опыты.

Curriculum vitae

Александр Васильевич Знаменский родился в 1876 г. в городе Любиме Ярославской губ. в семье чиновника уездного казначейства. Первоначальное образование получил дома, затем 10 лет отдан был в Ярославскую классическую гимназию, которую и окончил весной 1895 года. Осенью того же года поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В декабре 1896 г. по распоряжению Департамента полиции выслан был из Москвы без права въезда в университетские города «за участие в обществах хотя и не вредных, но не дозволенных». Несмотря на означенное распоряжение, осенью 1899 года принят был на то же самое отделение факультета Казанского университета, который и окончил с дипломом 1-й степени в 1902 году.

За время пребывания в Казанском университете занимался исследованием водных растворов и в 1901 году представил в факультет на предложенную им тему сочинение – «Исследование криогидратов солей кислот ряда СНО, а также моно и ди-хлоро-уксусных по методу холодильных смесей», каковое сочинение удостоено было золотой медали. В означенной работе между прочим была установлена зависимость молекулярного понижения криогидратных растворов названных выше солей от количества введенных в них групп СН. В том же

году была опубликована заметка «О двух новых гидратах», открытых попутно с приготовлением холодильных смесей. В 1902 году начаты были специальные исследования молекулярного понижения водных растворов с целью определения экстраполяционным путём величины молекулярного понижения растворов различных солей в состоянии бесконечного разведения. Работа эта закончена не была, но те выводы, которые при этом наметились и которые сводились к влиянию на величину молекулярного понижения способности соли к образованию гидратов, получили затем соответствующее подтверждение в работах Хрущёва.

По окончании университета научная работа прекратилась до 1914 года, т. к. до этого года доступ в лаборатории ведомства Министерства народного просвещения оказался закрытым постановлением центрального управления о воспреещении службы по ведомству Министерства просвещения, а лабораторий других ведомств, где можно было бы заняться работой, не попадалось.

В 1914 году в связи с переводом по занимаемой должности по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия в Казань явилась возможность восстановить прерванную связь с университетом и заняться работой в его лаборатории. По предложению проф. А. Я. Богородского начата работа по исследованию гальванического элемента. Первая часть этой работы, охватывающая элементы типа Даниеля <обгор.>, закончена весной 1915 года и опубликована в Учёных записках Казанского университета и у сего прилагается. Вторая же часть работы с электродами из доступных лаборатории металлов <обгор.> закончена была весной 1916 года и в своей общей сводке доложена Обществу естествоиспытателей при Казанском университете, но до сего времени остаётся неопубликованной.

С начала 1917 года работа в лаборатории университета прекратилась за переводом на службу в Петроград.

Главнейшие выводы этой работы сводятся к следующему: напряжение элемента зависит от происходящих в нем химических процессов и не нуждается в других объяснениях; протекающие в элементе реакции сводятся к разложению воды на О и Н или на ОН и Н и образованию соответствующих соединений этих групп с электродами; образование солей

представляет вторичный процесс. Очередным вопросом работы являлось определение влияния температуры, но начатые в этом направлении исследования закончены не были.

Знаменский¹

Существенным является такое дополнение из второго curriculum vitae: «Во время пребывания в университете работал по неорганической химии у проф. Ф. М. Флавицкого, занимаясь исследованием криогидратов и вопросами молекулярного понижения водных растворов»², а также список опубликованных научных трудов.

Из этого явствует, что, утвердив 1 января 1919 г.³ Александра Васильевича Знаменского в должности преподавателя, Костромской университет приобрёл химика, прошедшего научную подготовку у двух выдающихся представителей Казанской химической школы – Ф. М. Флавицкого и его ученика профессора А. Я. Богородского.

Поистине, неисповедимы были пути людские в эти годы разброда и разрухи. Трудно сказать, что привело А. В. Знаменского в Кострому. Но известно, что с ноября 1918 г. он короткое время заведовал музеем КНО⁴. Известно ещё одно место службы Знаменского в Костроме, которое он не покидает и во время своего преподавания в университете: он заведует статистическим отделом Костромского губернского комитета кожевенной промышленности и там является «незаменимым сотрудником»⁵, поэтому неслучайно и появление в Трудах КНО двух работ Знаменского на эту тему⁶.

Из отчёта следует, что лишь после прочтения курса по окончании семестра преподавателю удаётся заняться приобретением элементарного оборудования для кабинета неорганической химии, но

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 62. Д. 9–9 об.

² Там же. Л. 12.

³ Отчёт 1. С. 51.

⁴ КНОИМК. Отчёт о деятельности... за 1918 год. Кострома, 1919. С. 11.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.

⁶ Из материалов по кожевенной промышленности Костромской губ. // Труды КНО. Вып. 12. Кострома, 1919. С. 139–151; Кожевенная промышленность Костромской губернии // Труды КНО. Вып. 33. С. 116–120.

он вынужден с сожалением констатировать: «Приобретение необходимых кабинету приборов и реактивов в размерах, достаточных для постановки практических занятий по общей химии, оказалось невозможным»¹. Во второй год начавшиеся были практические занятия вновь прерываются, так как «после выселения кабинета из занятого под лазарет главного занятия и помещения имевшегося у кабинета имущества в одну небольшую комнату» А. В. Знаменский вынужден был практические знания заменить семинарием, на котором слушатели решали задачи, а также читали и разбирали рефераты². Тем не менее, преподаватель Знаменский продолжает начатые им исследования. И, вероятно, в эти годы он обращается к знаменитому «шлиссельбуржцу», почётному академику Н. А. Морозову с письмом: «...мне очень хотелось бы испросить у Вас разрешение прислать Вам на просмотр одну небольшую работу “Опыт установления функционального состава основных факторов энергии. Напряжение”, для которой Вы, как автор “Основ качественного физико-математического анализа”, являетесь самым компетентным судьёй»³. К сожалению, письмо не датировано, как, впрочем, и обе автобиографии Знаменского в ГАКО, но обратный адрес для ответа указан: «Кострома, Научное общество. Александру Васильевичу Знаменскому». Однако не известно, ответил ли Морозов на это письмо, продолжились ли их контакты...

Данные о дальнейшей судьбе А. В. Знаменского весьма скупы. До 1923 г. он продолжал преподавать, уже в пединституте и ИНО⁴. Позднее, вероятно, переехал в Ярославль. Там он состоял профессором и заведовал кафедрой аналитической химии с открытия университета, а в 1924 г., когда университет был преобразован в педагогический институт, профессор Знаменский продолжил работу и здесь. Известно, что Ярославль он представлял на 5-м Менделеевском съезде химиков в 1928 г., где выступил с двумя научными докладами⁵.

¹ Отчёт 1. С. 21

² Отчёт 2. С. 14.

³ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Ед. хр. 679.

⁴ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

⁵ Сайт Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. История кафедры неорганической химии. URL: <http://yspu.org/index.php> (дата обращения: 12.10.2012).

В словаре Е. А. Александрова кратко сообщается: «После революции переселился в США. Был профессором химии». Упомянуты место его смерти – Лос-Анджелес – и дата кончины. Правда, даже такие солидные источники не застрахованы от ошибок: в словаре указано, что А. В. Знаменский родился в 1870 году, а не 1876. Вероятнее всего, объяснением этому может послужить неразборчивость в написании. Цифра «6» в каком-то документе была прочитана как «0» – типичный, в общем-то, случай. Ибо все остальные приводимые в словаре факты совпадают с биографией именно «нашего» А. В. Знаменского¹.

¹ Александров Е. А. Русские в Северной Америке: биографический словарь / Конгресс русских американцев. – Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 213.

Александр Филаретович
ИЗЮМОВ
25.07(7.08).1885–1950¹

Имена и труды многих выдающихся деятелей русской науки и культуры только начинают нам открываться. Волею судеб оказавшись в эмиграции, они для соотечественников существовали словно в другом, недоступном измерении. «Мы жили тогда на планете другой» – так это положение определил один из поэтов русского зарубежья. Эмигранты не просто унесли Россию в сердце, они жили заботами и трудами во имя будущего своей родной страны. Деятельность Александра Филаретовича Изюмова – тому пример.

Родился он в селе Озерки Чухломского уезда. На формирование будущего историка, несомненно, большое влияние оказал отец. Об этом свидетельствуют материалы о семейном окружении А. Ф. Изюмова, которыми любезно поделилась с нами костромской архивист И. Х. Тлиф.

¹ В статье Т. Ф. Павловой указан 1951 г. На эту ошибку обращает внимание Л. В. Серковская и комментирует: «...умер, как пишет Павлова, покинутый близкими, больной, в 1951 г. в Праге. (Павлова Т. Ф. А. Ф. Изюмов и Русский заграничный исторический архив // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 36.) В действительности, однако, он трагически погиб под колёсами грузовика в 1950 г. Его гибель породила множество тревожных подозрений среди русской интеллигенции в Праге и ускорила их бегство из стремительно “советизирующейся” Чехословакии» («Пражский архив» и современная литература о русском зарубежье // Новый исторический вестник. 2010. № 24(2). URL: http://www.nivestnik.ru/2010_2/14.shtml (дата обращения: 24.11.2012).

Отца историка, Филарета Ивановича, не случайно после окончания Костромской семинарии пригласили на должность учителя Галичского духовного училища. Он и после женитьбы на дочери озерковского священника Павла Ивановича Альбова, получив приход в чухломском селе, не прекратил педагогическую деятельность. Не только сам вёл Закон Божий в Озерковском, Коровском и Лучкинском народных училищах, но и всячески способствовал открытию новых школ, избирался депутатом духовно-училищных съездов. В 1913 г. «за самоотверженные труды в народном образовании» был удостоен ордена Анны III степени. Будучи членом Костромской губернской учёной архивной комиссии, Филарет Иванович с интересом занимался изучением истории местного края. В своей книге «Бывшая Авраамиева «Великая пустынь» (село Озерки Костромской губернии, Чухломского уезда)», воскрешая судьбу обители, основанной здесь ещё в XIV веке учеником Сергия Радонежского, преподобным Авраамием, Филарет Изюмов сожалел: «Благодаря небрежному отношению к памятникам старины наших предков, мы сейчас почти не имеем сведений о развитии этого монастыря. Бывший в Великой Пустыни архив весь уничтожен нерадивыми иноками, которые, как рассказывают, истребляли целыя связки старинных рукописей»¹.

Неудивительно, что воспитанный в такой среде Александр Изюмов, закончив в Костроме духовную семинарию, поступил в 1907 г. на историко-филологический факультет Московского университета².

Буквально с первых курсов Изюмов активно проявил себя и в общественном деле, и в научных занятиях. Известно, например,

¹ *Изюмов Филарет*. Бывшая Авраамиева «Великая пустынь» (село Озерки, Костромской губернии, Чухломского уезда). Кострома, 1909. С. 4.

² Кстати, его сестра Мария Филаретовна Изюмова собрала со своими учениками большой фольклорный материал, который перед отъездом «на постоянное жительство в южные губернии» в 1920 г. передала в Чухломский музей местного края (Отчёт о деятельности КНО за 1920 г. С. 37). Как утверждает чухломский краевед Т. Н. Байкова, судьба этих бумаг неизвестна.

что уже к 1909 г. он состоял членом правления Общества взаимопомощи студентов филологов¹.

Ещё студентом опубликовал и своё первое исследование. Предваряя его, А. Изюмов писал 19 февраля 1912 г.: «Пока основные источники будут покоиться в пыльных связках архивных столбцов, едва ли найдётся исследователь, который решится поставить себе целью – выяснение истории служилого землевладения XVII века во всей широте. Поэтому на всякую попытку разработки отдельных документов нужно смотреть, как на черновую, подготовительную работу к общей истории землевладения в XVII веке»².

Получив в мае 1914 г. диплом 1-й степени, он уже начал готовиться к магистерскому экзамену по русской истории у профессора М. К. Любавского, который, кстати сказать, с 1911 по 1917 гг. был ректором университета. Но помешали война и призыв на военную службу в действующую армию, где Изюмов пробыл до марта 1918 г.

А дальше до мая 1922 г. – служба в Главном управлении архивным делом – сначала инспектором, затем главным инспектором. И здесь судьба вновь сводит А. Ф. Изюмова с его научным руководителем. Любавский с лета 1918 г. работает в структуре Главархива, кроме того, преподаёт архивные дисциплины на Московских курсах, а затем и на этнологическом факультете 1-го МГУ. Он – один из главных разработчиков декрета СНК РСФСР «О губернских архивных фондах» (31 марта 1919 г.). А его бывший студент в это время мотается по республике, занимаясь практической работой по спасению архивных сокровищ. «За это время участвовал в спасении от разграбления и гибели многих уникальных архивов и библиотечных собраний в Вологодской, Петроградской, Тульской, Курской, Костромской, Нижегородской губерниях, – отмечает, опираясь на материалы личного дела А. Ф. Изюмова в ГАРФ,

¹ Об этом можно судить по записи в выходных данных стеклографированного издания в двух частях: *Челпанов Г. И.* Психология: Основной курс, читанный в Московск. университете в 1908/9 г. / под ред. студентов Г. О. Гордона и Н. А. Рыбникова. М., 1909.

² *Изюмов А.* Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913. С. 3.

Т. Ф. Павлова. – В марте 1919 г. обеспечил осмотр и вывоз из Могилёва документов Ставки Верховного главнокомандующего, в апреле 1919 г. – из Петрограда в Москву библиотеки и некоторых дел Государственного совета, в мае 1920 г. – из Кириллобелозерского монастыря документов, эвакуированных в г. Кириллов Временным правительством. Именно в этот период он получил отсрочку от повторного призыва в армию “как незаменимый специалист”»¹.

Любавский и Изюмов были назначены экспертами по вопросам архивов в русско-польской делегации, которая была создана для выполнения условий Рижского договора. Нашим экспертам пришлось энергично отражать безапелляционные притязания на Литовскую метрику и на архивы центральных русских учреждений, касающиеся дел Царства Польского, на многие книжные коллекции не желавшей считаться с принципом неделимости архивных фондов польской стороны. Изюмов целиком был на стороне Любавского, сформулировавшего позднее этот принцип таким образом: «Архивный материал надо изучать там, где он образовался, на его родной почве, во всей его обстановке и соотношениях, и только при этом условии можно извлечь из него то, что нужно и под надлежащим углом зрения»².

О том, насколько горячо проходили заседания русско-польской делегации, Александр Филаретович напишет позднее, делаясь воспоминаниями о А. И. Браудо, подвижнике и защитнике Публичной библиотеки.

Кроме этой напряжённой работы по архивному ведомству, Александр Филаретович ещё занимается и преподавательской работой на Пречистенских курсах в Москве. С осеннего семестра 1920 г. его приглашают читать русскую историю в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете. Здесь Изюмов ведёт семинарий по экономической истории России XVI–XVII вв.³ (Кстати, позднее, когда ввиду невозможности совмещать работу

¹ Павлова Т. Ф. А. Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 29.

² Жданович Я. Н. К вопросу о недроблении архивных фондов / Я. Н. Жданович, М. К. Любавский // Архивное дело. 1926. № 5–6. С. 65.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 34, 35 об. Отчёт 2. С. 30.

в Главархиве с бесконечными разъездами по стране и преподаванием в Костроме, Изюмов откажется от должности преподавателя, его курс в Костромском университете перейдёт к профессору М. К. Любавскому.)

Июль 1922 г. Изюмов, отдыхая после напряжённой работы, проводит в деревне. О том, как дальше поворачивается его судьба, можно узнать из ранее упоминавшихся воспоминаний об А. И. Браудо:

По приезде из деревни мне предложено было ГПУ покинуть пределы России вместе со многими лицами московской интеллигенции. Обыск у меня был произведён в мое отсутствие. После двухнедельного домашнего ареста, я был приглашён в ГПУ, где мне и сообщили о том, что я должен в недельный срок убраться. Вечером я пошёл на соединённое заседание с поляками.

Не удивляйтесь, читатель. Это возможно только у большевиков. Объявленный государственным преступником, я был ещё не на одном заседании, хотя они считались секретными. Работа моя в Делегации продолжалась ещё около месяца, так как председатель П. Л. Войков долго не хотел верить моей высылке и даже хлопотал о моём оставлении в Москве. А. И. [Браудо] на прощанье старался меня утешить, но и тут не забыл о Публичной библиотеке. Уж очень его угнетала мысль о том, что за границей не знают о польских требованиях. Он прямо упрашивал меня тотчас же по приезде за границу написать об этом.

Его просьбу я выполнил, так как и сам видел чрезмерность польских требований. Свою статью «Культурные ценности России и Польши» я сознательно поместил в Новой русской книге (№ 9, 1922 г.), издававшейся проф. А. С. Яшенко. В Россию тогда свободно проходило это издание. Копии статьи я разослал в газеты и некоторым видным учёным¹.

А. Ф. Изюмов оказался среди пассажиров «философского парохода», как окрестили позднее высылку группы деятелей отечественной науки и культуры за границу.

Сначала был Берлин, здесь А. Ф. Изюмов состоял секретарём группы высланных профессоров при организации Русского

¹ Изюмов А. На сторожевом посту // Браудо Александр Исаевич. 1864–1924. Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 135–136.

научного института в Берлине, читал курс русской истории. Через три года он перебрался в Прагу, с этим городом и была связана вся дальнейшая его жизнь, если не считать военных лет, проведённых в немецком лагере для интернированных¹. В Праге он вершит дело, которое оценивал как главное в своей жизни.

В 1924 г. А. Ф. Изюмов по приглашению проф. А. А. Кизеветтера, председателя учёного совета Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), который только начинал создаваться в Праге, занял должность заведующего отделом документов, а с 1934 г. был одновременно и заместителем директора архива. Сегодня о значении этого русского архива в Праге уже немало написано, изданы путеводители, немало публикаций и исследований выполнено по его материалам, но это лишь начало, ибо, как пишет Л. В. Серковская: «История создания, функционирования и гибели РЗИА в Праге – уникальная модель рождения, жизни и попыток воссоздания на новой основе органически целостной системы документальных исторических источников. Всего за 20 с небольшим лет, с 1923 по 1945 гг., РЗИА прошёл путь, который преодолевают большинство архивов в России и в мире за многие десятилетия, а то и столетия»².

Отдавая все свои знания и накопленный в России опыт, Изюмов много труда вложил в этот архив, хотя он был активным участником и других общественных и научных начинаний русской эмиграции³. А когда 13 июля 1945 г. чехословацкое правительство решило передать РЗИА в дар Академии наук СССР к её 220-летнему юбилею, Александр Филаретович участвовал в подготовке этого архива к отправке в Москву. Только документальная часть этого архива потребовала для перевозки девять железнодорожных вагонов.

¹ Об этом периоде см. в воспоминаниях С. Г. Пушкарёва, находившегося в лагере вместе с А. Ф. Изюмовым.

² Серковская Л. В. К истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // Вестник архивиста. 2011. № 2. URL: <http://www.vestarchive.ru/arhivovedenie/1394-k-istorii-rysskogo-zarybejnogo-istoricheskogo-arhiva-rzia-problemy-metodologii-teorii-i-praktik.html>.

³ Подробнее об этом в справочнике Ю. Н. Сухарева.

Конечно, вряд ли предполагал Александр Филаретович, что первым применением этого источника информации в Москве станет пополнение списка врагов Советской власти, не предполагал и той участи, которая ждала самых близких его соратников по РЗИА. Он настойчиво предостерегал от нарушения целостности РЗИА, но и к этому в СССР не прислушались. Да и обстоятельства его смерти, как отмечает нынешний директор Славянской библиотеки в Праге Лукаш Бабка, до сих пор невыяснены. Затерялась на Ольшанском кладбище и его могила.

Но ещё в 1932 г. Александр Филаретович в одном из писем так определил главный смысл своей жизни: «Без всякой похвалы скажу, что если от меня и останется след в событиях наших дней, то главным образом он заключается в том, что мне удалось сделать для сохранения документов как ещё там в Совдепии, так и здесь, за рубежом её...»¹.

С о ч и н е н и я

Краткое Curriculum vitae // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 228–229.

Жилецкое землевладение в 1632 году: приложены: таблицы землевладения и полный жилецкий список за 1632 год. М., 1913. (Из № 31 и № 32 Летописи Историко-родословного общества в Москве.)

Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576–1694 (7084–7202) гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1917. Кн. 2. Отд. 1. С. 1–104.

Московский центральный исторический архив // Сборник исторических трудов в честь 70-летия П. Милюкова. Прага, 1929.

Толстой и Герцен // Современные записки. 1937. № 63.

В поисках бумаг последнего царя // На чужой стороне. 1923. № 3.

Духовное возвращение В. С. Печерина на родину. По его неопубликованным письмам к А. И. Герцену и Н. П. Огареву // Путь. 1935. № 47 (апрель – июнь). С. 28–41.

¹ Цит по: Павлова Т. Ф. А. Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 36.

Л и т е р а т у р а

Волошина В. «Не дай Бог попасть в присяжные говорильщики» // Родина. 2009. № 4.

Додонов Б. Ф. История коллекции документов последнего российского императора и членов его семьи (Новоромановского архива) в 1917–1919 гг. / Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, С. В. Мироненко // Отечественные архивы. 2008. № 6.

Макаров В. Г. Пассажиры «философского парохода»: судьбы интеллигенции, репрессированной летом – осенью 1922 г. / В. Г. Макаров, В. С. Христофоров // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.

Павлова Т. Ф. А. Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 28–37.

Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30.

Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999.

Серковская Л. В. К истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 28–41.

Сухарев Ю. Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: в 2 кн. Кн. 1. М., 2002. С. 200–201.

Евгений Александрович
КАТЕНИН
08(21).12.1881–13.01.1942

Евгений Александрович Катенин в списке личного состава сотрудников университета значится лектором английского языка, почему-то даже не обозначена дата его утверждения в этой должности¹. Правда, можно это приблизительно установить по заявлению, в котором он пишет: «...прошу подвергнуть меня баллотировке», да ещё указывает, что «английский язык изучал в Петроградском Александровском корпусе», – на нём значится: «26 авг. 1920 г.»².

Подробности своей жизни расписывать Евгению Александровичу в эту пору не стоило. Это в прежнее время он, потомок старинного и знатного рода, мог бы написать, что отец его Александр Александрович имел своим воспитанником при крещении будущего императора Александра II, успешно служил при трёх императорах, был членом совета министров, а в последнее время (перед смертью в 1917 г.) занимал пост управляющего по делам печати.

Да и у самого Евгения Александровича всё складывалось удачно: статский советник, служил в собственной канцелярии Его Императорского Величества. В годы войны –

¹ Отчёт 2. С. 64.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 63. Л. 22.

начальник отделения Красного креста Северного флота... И вот он состоянии, которое так выразил один из поэтов русского зарубежья:

Изнеженное поколение
Враздробь, врасплох, в недобрый час
Постигло кораблекрушение,
И в чащу бурь швырнуло нас...¹

Похоронив в 1918 г. мать в родовом Клусееве (Чухломской уезд), которое уже было национализировано, обосновался в Костроме.

О том, насколько серьёзно отнёсся Евгений Александрович к своей преподавательской деятельности, говорит его записка «в гуманитарный факультет» от 8 октября 1920 г. Так как среди слушателей наряду с теми, кто уже имел какое-то представление о языке, оказалось «свыше 25 лиц, совершенно незнакомых с предметом преподавания», Катенину пришлось разделить слушателей на две группы. Он излагает свои приёмы в работе с каждой из этих групп и так обосновывает свою просьбу удвоить число часов, определённых для занятий английским: «...группе начинающих, при надлежащих условиях, не удастся и к концу 1920 года ознакомиться с теми начатками программы, которые необходимы для несложного построения фраз, между тем как мне кажется было бы особенно желательным достичь подобных познаний в предмете за первое же полугодие, дабы в следующем перейти уже к более широкому, а, следовательно, и более интересному для каждого слушателя изучению языка.

Недостаток времени, назначенного для занятий наших, отражается столь же неблагоприятно и на работе со второю, более знакомой с языком группой. Занятия эти, при затрачиваемых на это 2-х часах в неделю, не могут вестись сколько-нибудь интенсивно и сводились в большинстве случаев лишь к чтению, переводу с объяснениями, тогда как было бы, по-моему, весьма желательно постепенно переходить от подобных упражнений к более сложным приёмам усвоения языка (напр. различным видам письменных работ), требующим и несколько более напряжённого труда»².

¹ Александр Браиловский // «Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии русского зарубежья. Кн. 1. М., 1995. С. 178.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 63. Л. 23–25.

На этой записке стоит пометка о том, что заявление Катенина слушали в тот же день, и эта просьба была вскоре удовлетворена.

Желая прояснить дальнейшую судьбу Е. А. Катенина я обратился к костромскому краеведу Е. В. Сапрыгиной, зная, что она много и въедливо занималась биографией поэта П. А. Катенина и судьбами его клусеевских родственников. Елена Васильевна сказала, что материал, которым она располагала, вошёл в опубликованную в 1993 г. книгу «Костромская вотчина Катениных»¹, а свои выписки она передала в ГАКО. Однако Елена Васильевна любезно предоставила для публикации в настоящем издании фотоконпии портретов Евгения Александровича, которые в своё время были присланы ей его детьми, и дала их адреса. Правда, написав по указанным адресам письма, ответа на них я так и не получил. Вероятно, уже опаздал...

Так вот из писем 1970-х гг. вдовы Евгения Александровича, Зои Ивановны Смирновой, и его дочери, Татьяны Евгеньевны, опубликованных в книге Е. В. Сапрыгиной, узнаём, что, встав на стезю преподавания иностранных языков в Костроме, этим делом в основном и жил в дальнейшем Евгений Александрович. Оставив Кострому, очевидно, не ранее 1923 г. (его имя встречается и в списках преподавателей Костромского пединститута²), он преподавал английский язык и реже – латинский в ленинградских вузах. «Занимался также переводами научных статей и резюме с русского. Составил ботанический словарь, который был принят к печати, но не был издан из-за недостатка бумаги у заинтересованных учреждений, – писала его дочь и, вспоминая начало Великой Отечественной войны, продолжала: – Отец не уехал из Ленинграда по своим личным эмоциональным причинам. Он только что чудом выжил после тяжёлой болезни, был ещё очень слаб, реальной пользы в Ленинграде принести не мог, но никакие уговоры семьи и сослуживцев не заставили его сесть в институтский эшелон»³.

¹ Сапрыгина Е. В. Костромская вотчина Катениных. Кострома, 1993.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 217.

³ Письмо Т. Е. Катениной В. Н. Бочкову от 1 декабря 1977 г. из Ленинграда // Сапрыгина Е. В. Костромская вотчина Катениных. Кострома, 1993. С. 68.

Михаил Иванович
КОВАЛЕВСКИЙ
1887(?)–18.12.1919

Из сохранившихся в ГАКО документов, к сожалению, о судьбе М. И. Ковальского удалось узнать очень немного.

20 октября 1918 г он был избран профессором естественного факультета по кафедре высшей математики, а 14 ноября того же года состоялось его избрание на должность проректора. Кроме того, на гуманитарном факультете М. И. Ковальский вёл частный курс по философии. Правда, обязанности проректора, видимо, тяготили молодого учёного, стремившегося завершить вторую часть своего философского труда «Основания критической философии», поэтому 2 июня 1919 г. Ковалевский сложил с себя обязанности проректора, передав их энергичному экономисту Ф. А. Менькову.

К сожалению, личное дело первого проректора КГРКУ в архиве не сохранилось, и основные вехи его биографии приходится восстанавливать по некрологу, опубликованному в отчёте за первый год работы университета и по другим, косвенным источникам.

Родился Ковалевский в семье священника. Получив образование в 6-й Московской гимназии, четыре года учился в Германии. Изучал математику, естествознание и философию преимущественно в Гёттингенском университете, который, как известно, ещё в пушкинское время был популярен в кругах российского либерального дворянства (недаром же «Владимир Ленской, с душою прямо гёттингенской... из Германии туманной привёз учёности

плоды...»), а «деятельность Гильберта превратила в начале XX столетия Гёттинген в “математическую Мекку”. С Гёттингенским университетом связана деятельность по меньшей мере 45 нобелевских лауреатов»¹.

Профессор В. Кун в некрологе, составленном на смерть М. И. Ковальского, отмечал: «Критическая школа Фриза и его учеников, в частности Леонарда Нельсона, более других удовлетворяла его научным стремлениям. Окончив Гёттингенский университет со степенью доктора и напечатав диссертацию... М. И. провёл год во Франции, работая в области высшей математики»².

По возвращении в Россию, выдержав магистерский экзамен при Московском университете, Ковалевский был допущен к преподаванию в качестве приват-доцента.

В начале Первой мировой войны Михаил Иванович ушёл добровольцем на фронт. В этом качестве его имя встречается на страницах мемуаров Б. В. Веверна в главе «Позиционная война 1916 года»:

– Вот наш командир приехал, – обратился к ожидающему меня гостю Т. М. Галуцук.

Навстречу ко мне поднялся молодой человек, в рубахе защитного цвета, но без погон.

– Разрешите представиться, господин подполковник, – Приват-Доцент Московского Университета Михаил Иванович Ковалевский.

– Математик, конечно.

– Да, математик, – ответил он улыбаясь. – Я к вам вот по какому поводу: вчера, возвращаясь в свою автомобильную колонну, в которой я временно служу добровольцем шофёром, я, случайно, заночевал у вашего командира 2-го парка, который узнав, что я тягочусь малосодержательной работой в колонне, порекомендовал мне обратиться к вам, с просьбой принять меня, неофициально, конечно, вместе с моим грузовичком, в 6-ю батарею, где, я рассчитываю быть более полезным, чем

¹ Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.11.2012).

² Кун В. Н. Памяти проф. М. И. Ковалевского // Отчёт 1. С. 57.

в автомобильной колонне, исполняя крайне разнообразные, но в высшей степени скучные поручения.

Само собой разумеется, что я более чем охотно дал своё согласие и приобрёл для батареи прекрасную машину и милого, интересного члена для нашей офицерской батареейной семьи.

– А у вас в колонне не сочтут вас дезертиром?

– Конечно, нет. Я съезжу туда завтра и заявлю им, что ухожу, а машину верну тогда, когда в ней не будет больше надобности.

В батарее М. И. Ковалевскому нашёлся помощник шофёр и, с этих пор 6-я батарея была всегда обеспечена продовольствием и фуражом раньше всех других частей дивизии и, ежедневно, уже с утра, все эти продукты питания доставлялись в батарею на машине быстро и без хлопот, сопряжённых с перевозкой их на лошадях»¹.

В письме С. В. Фрязинова А. Н. Савину², где рассказывает об обстоятельствах смерти Ковалевского, всплывает ещё такая деталь: в молодости Михаил Иванович увлекался авиацией. А о последней поездке Ковалевского в Москву в 1919 г. Фрязинов пишет: «Отца его, московского протоиерея, по вздорному доносу присудили к заключению в концентрационный лагерь; М. И. поехал его выручать, выручил, но на обратном пути в вагоне заразился сыпным тифом»³.

Подробности «Дела об антисемитской агитации в соборе Василия Блаженного, в связи с обнаружением в нём усыпальницы

¹ Веверн Б. В. 6-я батарея, 1914–1917 гг.: Повесть времени великого служения Родине / пред. проф. ген. Н. Н. Головина: в 2 т. Париж, 1938. Т. 2. С. 165–166.

² См. приложение 3.

³ Отец Иоанн Ковалевский служил в это время протоиереем Покровского собора (собор Василия Блаженного) в Москве. Он закончил Московскую духовную академию. Несколько изданий до 1917 г. выдержала составленная им книга «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия» (сост. Покровского и Василия Блаженного, в Москве, собора ключарь священник Иоанн Ковалевский. Изд. 3. М., 1902. Переиздана: Подвиг юродства / Иоанн Ковалевский (сост.). Изд. испр. и доп. М.: Лепта, 2000).

“мученика Гавриила”», по которому проходил и священник И. А. Ковалевский, были опубликованы сразу после суда¹. Приговор суда гласил: «Протоиерея гражданина Кузнецова и настоятеля гражданина Ковалевского лишить свободы сроком на пять лет, но, принимая во внимание преклонный возраст и болезненное их состояние, а также и то, что Советская рабоче-крестьянская власть сейчас настолько крепка, что может считать их неопасными для Республики, суд находит возможным применить к ним амнистию от 5 ноября 1919 года (по случаю двухлетней годовщины рабоче-крестьянской революции), оставив в силе условное лишение свободы»².

Дело было заслушано особой сессией Московского советского нарсуда 17 ноября 1919 г., как сообщает всё тот же журнал. В Кострому Ковалевский возвратился спустя месяц, вероятно, посвятив это время окончательной работе над диссертацией и встрече со своим научным руководителем Л. М. Лопатыным³. Профессор Кун писал: «Готовый к печати философский труд говорит о широких и смелых замыслах, исполненных истинного духа науки. Пересмотреть систему критической философии Канта в связи с последними достижениями математической мысли, “вернуться к мудрым традициям великих мыслителей, издавна связавших судьбу старейшей из наук с достижениями самой из них совершенной” – вот замысел, пленивший его дух. <...> Только избранные души посещают такие очарования, только острое и оригинальное дарование создаёт и разрешает такие задачи.

Он сделал это в 30-ть лет и среди неслыханно тяжёлых испытаний, потрясающих родную страну»⁴.

¹ Церковники и их агенты перед народным, революционным судом. Отзвуки дела Бейлиса // Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 62–76. URL: <http://www.1archive-online.com/archive/rushkovsky/beylis.html> (дата обращения: 7.04.2012).

² Там же.

³ Лопатин Лев Михайлович (1885–1920) – философ спиритуалистического направления. Ближайший друг и последователь Вл. С. Соловьёва. С 1883 г. приват-доцент, с 1892 г. – профессор Московского университета. Председатель Московского психологического общества (1899–1918 гг.), с 1896 г. один из соредкторов, а с 1905 г. вплоть до закрытия журнала в 1918 г. был единственным редактором журнала «Вопросы философии и психологии».

⁴ Кун В. Н. Памяти проф. М. И. Ковалевского // Отчёт 1. С. 57.

Официальный некролог отмечал и другую грань его дарования: «...блестящий преподаватель, умевший увлечь своих многочисленных слушателей курсами по математике и философии»¹.

Очевидно, особенно грустным было заседание гуманитарного факультета в последний день 1919 г. Из «журнала факультета» узнаём, что начали заседание с того, что почтили память умершего коллеги, что поддержали предложение профессора Саккетти повесить в помещении университета портрет Ковалевского. А дальше запись о том, что слушали «предложение В. И. Смирнова о возможности напечатать средствами Костромского научного общества работу М. И. Ковалевского “Основания критической философии” в виде первого тома трудов Костромского университета» и поддержали его².

Но когда спохватились, выяснилось, что чемодан, в котором лежал труд Ковалевского, когда его прямо с поезда отправили в больницу, бесследно исчез. Л. С. Китицына пишет: «Поиски, предпринятые Василием Ивановичем, были безрезультатны»³. Очевидно, была сделана и другая попытка разыскать пропавшие труды. Правда, случилось это уже через три года. В фонде Костромского педагогического института хранятся два любопытных документа. Первый – обстоятельный текст обращения к жителям города. В нём есть такие слова: «Утрата указанных рукописей, среди которых по предположению, должна находиться 2-я часть его труда: “Основания Критической философии” была бы невосполнимой потерей для науки. Поэтому институт, родственники и коллеги покойного обращаются с настоятельной просьбой ко всем, кто может что-либо сообщить об участии утерянных вещей и особенно рукописей, или же доставить ему. Доставившему рукопись, если он пожелает, будет выдано вознаграждение»⁴.

¹ М. И. Ковалевский // Отчёт 1. С. 1.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 8–8 об.

³ Китицына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941) / Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / сост. Т. В. Смирнова. Сергиев Посад, 2011.

⁴ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

Это обращение – явно ответ на тревогу, которую забил профессор Гёттингенского университета Леонард Нельсон. Хочу с небольшими лишь сокращениями привести перевод его письма, потому что оно как-то дополняет наши скупые сведения об М. И. Ковалевском и содержит высокую оценку и ума и личности учёного. Письмо датировано 22 декабря 1922 г.

Многоуважаемый господин Ахманов.

Сердечно вас благодарю за Ваше дружеское подробное письмо от 24 сентября. Прошу меня извинить, что я так долго не отвечал на него: но от написания ответа меня постоянно отвлекали насущные дела, к которым следует отнести и заботы по выполнению перевода труда Ковалевского. Вы совершенно правы, что всё, что касается жизни и трудов Ковалевского, меня очень интересует. Я не могу сказать, сколь ценны для меня ваши сообщения. При случае я охотно выслушал бы и дальнейшие подробности. Так, например, я совершенно не знаю, как относился Ковалевский к политическим событиям последующего времени и как вообще протекало его духовное развитие со времени его педагогической деятельности. Перевод первой части его труда подвигается вперёд. Хотя это дело движется и медленно, однако уже из сделанного до сей поры перевода первой части я вижу, что утрата второй части была бы для всех нас гораздо более печальна, чем это мне представлялось первоначально. Было бы в высшей степени трагично, если бы к тому же не удалось разыскать рукопись этой второй части. Я нисколько не преувеличиваю. Несмотря на мою личную дружбу к умершему, я достаточно объективно отношусь к его труду, чтобы быть в состоянии сказать, что эту родственную Платону величественность и универсальность духа нельзя встретить ни у кого другого из наших современников.

Чтоб указать Вам, как важны для меня розыски оставшегося труда Ковалевского, я могу только сказать, что если бы мне не препятствовало моё слабое здоровье, я прервал бы всю мою научную и преподавательскую деятельность и вместо этого занялся бы русским языком, чтобы впоследствии самому отправиться в Россию и не ранее успокоиться, пока поиски не увенчались бы успехом.

К сожалению этот план невыполним. Но я решил принести любую жертву, чтобы достичь цели; я готов послать любую сумму денег, которую я только могу достать, чтобы привести к успеху розыски рукописи. [И] я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы ещё раз со всей энерги[ей] предприняли розыски. Сколько денег по Вашему мнению необходимо, чтобы организовать эту работу по настоящему в больших размерах?

Мне думается, что Костромской университет назначит плату и произведёт эту работу путём публикаций... равно как и путём организации планомерных и основательных работ во всех домах без исключения в упомянутой слободе.

<...> Было бы хорошо, если бы Вы по этому вопросу вошли в сношение с должностными лицами университета и после этого сообщили мне, сколько денег предположительно требуется для успешного выполнения этого плана. Вы должны во что бы то ни стало найти рукопись.

Сообщите мне, пожалуйста, также через какой банк и куда должен я перевести деньги.

Пока я Вас сердечно благодарю за все Ваши предыдущие заботы особенно за пересылку предисловия и первой части труда Ковалевского. За портрет передайте, пожалуйста, мою сердечную благодарность также родителям Ковалевского. <...>

С сердечными поздравлениями и лучшими пожеланиями на Новый Год, равно как с горячей благодарностью за все Ваши дальнейшие заботы,

Ваш Леонард Нельсон¹

Но и на этот раз никаких следов трудов М. И. Ковалевского обнаружено не было.

Впрочем, разве только его рукописи погибли в лихие эти годы...

¹ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 2-2 об.

Владимир Николаевич

К У Н

1886–1955

В фонде университета в ГАКО личное дело В. Н. Куна, к счастью, сохранилось, ниже приведена его автобиография, написанная 25 февраля 1919 г.

Curriculum vitae

Влад. Ник. Кун родился в С.-Петербурге в 1886 году. Образование получил в 5-й С.-Петербургской гимназии, которую окончил в 1905 году. Поступив на историко-филологический факультет Петроградского университета, окончил его в 1912 году и был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Закончив магистерские экзамены, прочёл вступительную лекцию и был допущен с осени 1915 года к постоянному преподаванию на историко-филологическом факультете Петроградского университета в звании приват-доцента. С осени того же 1915 года состоял преподавателем русской истории на В[ысших] Ж[енских] Курсах имени Петра Франц[евича] Лесгафта. 15 дек. 1918 г. избран проф[ессором] Костр[омского] университета.

В студенческие годы интересовался по преимуществу русской народно-общественной и культурной историей, методологией истории и в связи с ней вспомогательными историческими науками, в частности – дипломатией. Пользуясь во всех своих занятиях прямым руководством академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, работал 11 лет сначала в специально-дипломатическом семинарии, а потом в кружке А. С. Лаппо-Данилевского по составлению каталога частных актов Московского

периода¹. В настоящее время по преимуществу занимается русской историографией XVIII века. Напечатал и подготовил к печати следующие работы:

1. *Лодомские мирские отписи нап[ечатанные] в сборн[ике] в честь акад. А. С. Лаппо-Данилевского.*

2. *Описание монастырских хартулариев – сборников за № 530–532 Троице-Сергиева м[онасты]ря (труд коллективный печатается Академией наук).*

3. *Очерки по истории Лодомской волости (в рукописи)*².

Интересно выстраивается по сохранившимся документам картина переселения профессора в Кострому, потому что она характеризует атмосферу того времени, когда главенствовал лозунг «грабь награбленное». (Вспоминается при этом реакция на происходившее одного простого человека, из крестьян, бывшего солдата, оказавшегося в московской квартире Григоровых, о которой рассказывала кузина краеведа Ольга Викторовна. Этот Филипп изумлялся: «Что же это такое делается? Чужое переходит в собственность!»)

Перед своим переездом Кун запасся необходимой в то время «охранной грамотой» – удостоверением за подписью ректора Н. Г. Городенского о том, «что он избран профессором университета по кафедре русской истории, вследствие чего переселяется для постоянного жительства из Петрограда в Кострому. А посему, согласно декрету о служащих в Советских учреждениях, опубликованному в № 8220 Известий ВЦИК, книги, мебель, костюмы, бельё, обувь, наличные деньги, необходимые продукты и предметы домашнего хозяйства, перевозимые им и принадлежащие лично ему и его семье, не могут подлежать конфискации или реквизиции»³.

Однако с «экспроприацией» имущества профессору пришлось всё же столкнуться уже в Костроме. И об этом свидетельствует сохранившаяся переписка.

¹ Кстати, ещё в 1915 г. на юбилей своего учителя В. Н. Кун откликнулся статьей, в которой первым дал характеристику деятельности А. С. Лаппо-Данилевского, особо подчеркнув основную её черту – уважение и поддержку «самостоятельно чужой мысли» (25-летие учёно-педагогической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. 9 мая).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 63. Л. 20–20 об.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

В Губернский комиссариат по военным делам.

В декабре месяце 1918 года профессором университета Владимиром Николаевичем Куном была нанята квартира в д. № 36 – Доброхотова по ул. Чрезвычайки (быв. Никольской), с определённой обстановкою, создающей нужные условия для научной работы. Но когда в Январе месяце он приехал занюмать эту квартиру, то оказалось, что часть обстановки, а именно: турецкий диван, на котором он должен был спать, два кресла и стол – реквизированы для 2 красноармейского социалистического клуба.

Признавая все указанные вещи крайне необходимыми для профессора Куна, Костромской государственной рабоче-крестьянский университет настоятельно просит губернский комиссариат по военным делам сделать зависящее распоряжение о немедленном водворении их обратно в квартиру проф. Куна.

Проректор университета М. Ковалевский¹

Это обращение благополучно возвращается в университет с резолюцией, сделанной рукой ВРИД губвоенкома прямо по тексту красными чернилами 25 января 1919 г.:

Все означенные вещи вернуть не представляется возможным, а потому предлагаю обратиться в горсовет, который, надеюсь, что не откажет мебели для проф. Куна как для <два слова не разобр.> работника для Республики.

Врид губвоенкома (подпись)²

И наконец, в феврале, очевидно, в ответ ещё на один запрос – бумага со штампом Горсовета:

В Рабоче-крестьянский университет.

Городской отдел управления сообщает, что реквизированные вещи у профессора Куна возвращены быть не могут, так как отдел управления ни каких распоряжений и ордеров на право реквизиовать не выдавал.

Член комитета И. Смирнов³

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 63. Л. 12–12 об.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 19.

Круг, как говорится, замкнулся.

Тем не менее, Владимир Николаевич Кун, поселившись на Никольской улице, 36, активно включается в работу университета.

В своей преподавательской деятельности (чтение курса русской истории XVIII в., практические занятия по дипломатике древнерусских частных актов и по чтению исторических монографий), верный своему университетскому наставнику, он преследовал такие цели: «курс знакомил слушателей с очередными проблемами русской историографии, а практические занятия имели задачей ознакомление с методами обработки обширной группы ист[орических] источников – актового материала и возможно строгому усвоению мысли ист[орического] исследователя»¹. В том же отчёте за истекший академический год Кун пишет и о своей деятельности ещё в двух своих должностях в университете: «4. По организации учебного аппарата удалось достать особенно благодаря содействию Б. А. Романова значительное количество научно-учебных пособий, частью уже поступивших в кабинет, частью подлежащих отправке из Петрограда. Книжным составом кабинета удалось обеспечить нормальное развитие практических работ. 5. Сверх вышеуказанных занятий в рамках деятельности профессора Академич[еского] университета состоял заведующим словесно-ист[орическим] отделением Культ[урно-] Просв[етительной] ассоциации, организовал программу и открыл его деятельность весной истекшего года. Читал популярные лекции по различным вопросам русской истории»².

Кстати, по предложению В. Н. Куна преподавателями в Кострому были приглашены ещё два представителя петроградской исторической школы: на кафедру русской истории Б. А. Романов, а на кафедру всеобщей истории – Н. С. Цемш³.

Владимир Николаевич покинул Кострому в начале 1920 г., в преподавании русской истории его сменил будущий академик Н. М. Дружинин⁴.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 129. Л. 10.

² Там же. Л. 10 об.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 3 об.

⁴ Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 208.

Организованный в 1920 г. в Ташкенте силами местных властей университет был передан в ведение Наркомпроса, и А. В. Луначарский создал в Москве комиссию, которая должна была подобрать книги для фундаментальной библиотеки, лабораторное оборудование и найти преподавателей, желающих ехать в Туркестан на постоянную работу. Был выделен отдельный санитарный поезд, который должен был доставить в Ташкент преподавателей и учёных, оборудование, лабораторную посуду и научную библиотеку. Пять таких эшелонов было отправлено в Ташкент в 1920 г., в составе одного из них прибыл в Туркестан и В. Н. Кун. В Ташкенте он преподавал в университете и в организованном позднее педагогическом и учительском институте. Мне думалось, что в Ташкенте и закончил профессор Кун свои дни. Так же, впрочем, считали и авторы монографии ещё об одном представителе петербургской школы историков С. Н. Чернове¹. Но потом я случайно наткнулся на одну публикацию В. Н. Куна в Известиях АН Белорусской ССР, а затем в газетном интервью с ведущим белорусским археологом П. Ф. Лысенко (материал 2010 г. был приурочен к 50-летию его первой экспедиции) встретились такие слова: «Начиналось всё как обычно. Школа, где история – самый любимый предмет. Затем педагогический институт, где на первых курсах читал лекции профессор Владимир Николаевич Кун. Так сложилось, что репрессированный, а затем реабилитированный ленинградский профессор оказался в Минске и приучал студентов думать самостоятельно, читать первоисточники, анализировать, давать самостоятельную трактовку»².

Утверждения насчёт репрессий и ссылки оставим на совести журналиста и его собеседника, который будучи студентом, вероятно, не вполне был осведомлён о перипетиях жизни любимого профессора. Во всяком случае, многое в биографии историка

¹ Андреева Т. В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Т. В. Андреева, В. А. Соломонов; отв. ред. А. Н. Цамутали. Саратов, 2006. С. 348. В этой книге, кстати, на вклейке иллюстраций вместо портрета В. Н. Куна дана фотография его однофамильца Николая Альбертовича Куна. Об этой ошибке предупредил один из авторов монографии, В. А. Соломонов, любезно выславший нам эту книгу.

² Степан В. Культурный слой // Советская Беларусь. 2010. 1 окт.

В. Н. Куна могли бы прояснить его переписка с Б. А. Романовым (многолетняя, буквально до самой смерти В. Н. Куна), а также два его письма к В. Ф. Шишмарёву, которые предваряет следующее пояснение: «1952, мая 21; /н/д/. В. Н. Кун из Минска. Сообщение о своей педагогической и научной работе в Минском и Ленинградском университетах... Ф. 896, оп. 1, № 267, лл. 1–4»¹.

Во всяком случае, даже те, пока немногие сведения, которыми мы располагаем, и сам факт его дружеского доверительного общения с такими историками, как Б. А. Романов и С. Н. Чернов, свидетельствуют, что Владимир Николаевич был верен памяти и заветам своих петербургских профессоров, верен своим друзьям по альма-матер.

С о ч и н е н и я

25-летие учёно-педагогической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. 9 мая.

Мирские отписи // Сборник статей, посвящённых А. С. Лаппо-Данилевскому. СПб., 1916.

Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учёные записки Ташкентского гос. пед. и учит. ин-та. Серия обществ. наук. 1947. Вып. 1. С. 15–31.

Суворов как полководец // Изв. АН Бел. ССР. (Минск). 1950. № 4. С. 21–31.

Л и т е р а т у р а

Андреева Т. В. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Т. В. Андреева, В. А. Соломонов; отв. ред. А. Н. Цамутали. Саратов, 2006. 376 с. (Монографии; Вып. 9). С. 50, 162, 325, 348.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 85, 89, 226, 227, 279.

¹ Рукописное наследие В. Ф. Шишмарёва в Архиве Академии Наук СССР. Описание и публикации / сост. М. А. Бородина, Б. А. Малькевич; отв. ред. Б. В. Левшин. М.; Л., 1965. 246 с. (Труды Архива АН СССР; Вып. 21). С. 71.

Владимир Иванович
Л А В Р О В
1886–1954

За годы работы в Костромском университете В. И. Лавров сделал неплохую карьеру. Вот его curriculum vitae, датированное 26 ноября 1919 г.

Родился в 1886 году. В 1905 году окончил Костромскую гимназию (с золот[ой] медалью).

В 1910 году окончил экономическое отделение Петроградского политехнического института с правом на звание кандидата экономических наук.

По окончании института продолжал работать по вопросам экономики промышленности и рабочего законодательства. С 1910 и по 1919 год работал в ряде экономических совещаний в Петрограде. Отдельные мои статьи печатались в разных периодических изданиях.

С 1910 года и по 1919 год мною читались в Петрограде курсы по статистике, политической экономии и другим экономическим наукам в Народном университете О[бщест]ва «Маяк», Коммерческом училище прив[ат]-доц[ента] В. П. Тугорского, на Коммерческих курсах А. И. Янсона и др.

В феврале 1919 года, по приглашению Культурно-просветительной ассоциации Костромского государственного университета прибыл из Петрограда в Кострому. На меня была возложена организация, а затем и заведывание экономическим отделением Высшей народной школы, которое было открыто 1 апреля 1919 года.

В настоящее время мною читаются следующие курсы: 1) на экономическом отделении Высш[ей] нар[одной] шк[олы] – политической экономии, статистики и экономии промышленности, 2) в Институте народного просвещения – введение в изучение экономических наук и политическая экономия, 3) на одногодичных педагогических курсах (где я состою членом Президиума) – политическая экономия и 4) на счетоводно-финансовом отделении Высш[ей] нар[одной] шк[олы] – статистика.

В последнее время я приглашён читать курс политической экономии на рабочем факультете Костромского государственного университета и избран временно секретарём названного факультета¹.

27 ноября 1919 г. Лаврову поручается чтение курса статистики и на гуманитарном факультете². А в 1921 г. ректор Меньков докладывает в отдел Рабочих факультетов Главпрофобра: «...в заседании 22-го апреля 1921 года единогласно избран на должность заведующего факультетом Владимир Иванович Лавров, состоявший до сего времени со дня основания рабочего факультета в должности помощника заведующего факультетом. Кандидатура В. И. Лаврова была выдвинута коммунистической ячейкой слушателей рабочего факультета, профессорами и преподавателями факультета и поддержана Губернским комитетом коммунистической партии, который после состоявшегося избрания постановлением своим от 5-го мая с. г. утвердил его в должности заведующего рабочим факультетом»³.

Когда происходит формирование руководящего органа педагогического института, Владимир Иванович вскоре становится проректором, и поэтому отправляясь в командировку, ректор Е. Е. Сиротин уже на него возлагает «исправление должности ректора Педагогического и Сельскохозяйственного институтов»⁴.

А заканчивается работа В. И. Лаврова в Костроме уже в должности ректора педагогического института. И ему выпадает горькая

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 7–7 об.

² Там же. Л. 6.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 209.

миссия – 29 июля 1923 г. провести прощальное общее собрание студентов и служащих института¹.

Вся дальнейшая жизнь Лаврова проходит в Москве, куда он в том же году переехал по приглашению Госплана СССР. Здесь «на него было возложено изучение и обоснование намеченной тогда к организации Центрально-Промышленной области в составе десяти центральных губерний. По предложению Лаврова была организована Ассоциация по изучению производительных сил Центрально-Промышленного района. По его замыслу, Ассоциация должна была связать науку с практикой, с задачами развития народного хозяйства. Председателем этой Ассоциации был избран Лавров. В 1924 г. он активно участвовал в первой научно-исследовательской конференции по Центрально-Промышленному району, на которой им было сделано два доклада: “Динамика промышленности Центрально-Промышленной области” и “Организация экономических отделов в музеях краеведения” (Труды Госплана. М., 1925. Кн. 5)»².

Крупные исследования по Центрально-Промышленному району проводились Лавровым в созданном в 1931 г. Научно-исследовательском институте Московской области, затем в Институте географии АН СССР, где он возглавлял отдел географии европейской части СССР (1939–1949).

В 1944 г. по заданию президиума АН СССР Лавров возглавил крупную экспедицию в Молдавию, перед которой была поставлена задача изучения особенностей хозяйства отдельных районов республики, разработки мер по восстановлению разрушенного хозяйства и перспектив его развития.

Параллельно с научной работой Лавров занимался педагогической деятельностью в Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (1923–1937), в Транспортно-экономическом и Плановом институтах, в Московском университете, где он в 1934–1937 гг. читал спецкурс по географии Центрального района.

¹ См. письмо В. И. Лаврова В. Ф. Шишмарёву в приложениях данной книги.

² Экономическая и социальная география в СССР: история и современное развитие: пособие для учителя. Изд. 2-е, перераб. М., 1987. С. 226.

С 1937 г. и до конца своих дней Лавров был профессором и заведующим кафедрой экономической географии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Сочинения

Промышленные районы ЦПО: Ближайшие задачи по изучению производительных сил и народного хозяйства // Центрально-Промышленная область. М., 1924. Кн. 1.

Промышленность Московской области // Московский край. М., 1925.

Промышленность Центрально-Промышленной области // Хозяйственные районы СССР. Вып. 6. М. ; Л., 1927.

Центрально-Промышленный район. М., 1929.

Проблемы освоения пустынь низовьев реки Или и южного Прибалхашья // Известия ВГО. Т. 78. Вып. 4. 1946.

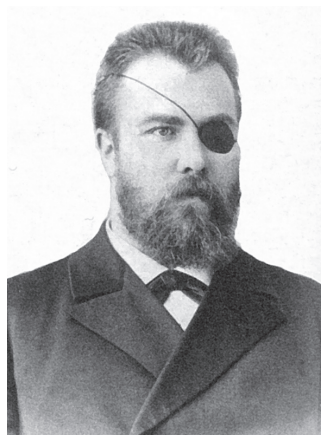
Молдавская ССР. М. ; Л., 1947.

Казахская ССР. М., 1949.

Литература

Ерофеев И. А. Владимир Иванович Лавров (1886–1954) // Экономическая и социальная география в СССР: история и современное развитие : пособие для учителя. Изд. 2-е, перераб. М., 1987. С. 275–278.

Матвей Кузьмич
ЛЮБАВСКИЙ
01(14).08.1860 – 22.11.1936

7. VII – 21 года

*Ректору Костромского государственного университета
профессора Матвея Кузьмича Любавского*

заявление.

*Заявляю о своем желании читать в Костромском универ-
ситете лекции по древней русской истории и славяноведению.*

Проф. М. Любавский

Адрес: Москва, Б. Николо-Песковский пер., д. 11, кв. 4¹

Матвей Кузьмич Любавский был уже не молодым человеком, когда писал это заявление. Уважаемый профессор, любимый ученик В. О. Ключевского, в Московском университете он прошёл все ступени служебной карьеры вплоть до ректора. В 1911 г., протестуя против политики министра просвещения Л. А. Кассо, направленной на ущемление университетской автономии, ректор В. А. Мануйлов и целый ряд виднейших профессоров и преподавателей вышли из университета. В эти дни Любавский обращается к Совету университета с призывом «отстоять во что бы то ни стало нашу alma mater, спасти всё, что только можно», и избирается ректором. На этом посту он оставался до весны 1917 г.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

В годы революции Любавский решительно заявил: «Никакое совершенствование жизни, никакой прогресс невозможен для страны и племени, если все живые и творческие силы его будут уходить на сторону, не будут работать дома, на местах, если всегда будут смотреть в сторону, стремиться туда, где живётся веселее и радостнее, чем в тихой, серой, заплаканной Родине»¹. И хотя Любавский совершенно не разделял идей революции, он остаётся «дома», идёт на сотрудничество с новой властью, активно участвует в спасении исторического достояния России, много сил отдаёт архивному строительству.

Один из костромских документов относится к тому времени, когда уважаемый историк попытался исправить промахи советских дипломатов при подписании Рижского мирного договора. Это письмо, адресованное А. И. Некрасову. Вот текст этого письма без купюр.

10 марта 1922 г.

Глубокоуважаемый Алексей Иванович.

Довожу до Вашего сведения, что 17 марта я никак не могу приехать в Кострому. В двадцатых числах имеет быть заседание с поляками, в котором мы с С. Ф. Платоновым должны будем отражать притязания на Литовскую метрику, архивы центральных русских учреждений по делам Царства Польского и т. д. Уклониться от этого заседания или перенести его невозможно по дипломатическим условиям. Ввиду этого российско-украинская делегация уже послала вашему ректору телеграмму с просьбою перенести мой приезд на конец апреля и начало мая. Это время уже забронировано для меня, и я могу безусловно приехать на две недели.

Очень жаль, что всё это так выходит, но, к сожалению, по своей архивной службе, а главное по своей специальности я никак не мог и не могу уклониться от высшей степени напрядённой и щекотливой обязанности в порядке исполнения исправлять то, что было испорчено в Рижском мирном договоре.

¹ Цит. по: Ливанова-Любавская В. М. К читателям // Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. Изд. 5-е, стер. СПб., 2002. С. 6.

Что касается новых условий моего пребывания и содержания в Костроме, то я их, конечно, с благодарностью приемлю <одна строчка не разобрана>, соображаясь с общим повышением цен.

Итак, очень прошу Вас, глубокоуважаемый Алексей Иванович, не сетовать, что я являюсь обманщиком поневоле. Это уже такая планида вышла, ничего не поделаешь. В будущем, когда сбаврю все спешные и неотложные работы по дипломатическому ведомству, надеюсь быть аккуратнее.

Привет Вашим.

Преданный Вам М. Любавский¹

Очевидно, в лекциях и манере вести семинарий по русской истории XVI–XVII вв. у перешагнувшего шестидесятилетний рубеж М. К. Любавского не было прежнего блеска, да и его взгляды на исторический процесс не совпадали с настроениями приходившей на его занятия молодёжи. По крайней мере, будущий историк А. С. Нифонтов, вспоминая эти годы, довольно негативно отзывался о преподавании М. К. Любавского. Вероятно, студенчеству больше импонировал делавший только первые шаги на педагогическом поприще Н. М. Дружинин, с его молодым азартом и стремлением вместе со слушателями искать ответы на вопросы, да ещё находившийся в те годы в состоянии пылкой и сильной влюблённости². Однако надо иметь в виду и то, что Нифонтов писал свои впечатления для журнала в 1963 г., когда имя «историка-монархиста» М. К. Любавского предпочитали вообще не вспоминать, а если оно изредка и упоминалось, то непременно с отрицательной оценкой.

Эпоха «великого перелома» не пощадила Любавского. Несмотря на то, что он продолжал верно служить науке и в советские годы, а в 1929 г. был избран академиком, за несколько дней до своего 70-летия Матвей Кузьмич был арестован, проходил по «делу академика С. Ф. Платонова» и ровно через год был выслан на поселение в Уфу. Там, несмотря на возраст, он успел много сделать по изучению истории башкирского народа.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 3–3.

² См. об этом: воспоминания А. С. Нифонтова, «Костромские страницы из дневника Н. М. Дружинина» и «Воспоминания о Костромском университете» Н. М. Дружинина (прил. 4, 5, 6).

Сочинения

Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.

История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917 (2-е изд. М., 1918).

Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. Ч. 1.

Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996.

Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.

Лекции по древней русской истории до конца XVI века. Изд. 5-е, стер. СПб., 2002.

Литература

«Папа, несмотря на занятость, уделял мне какое-то время»: Из воспоминаний В. М. Ливановой-Любавской // Исторический архив. 2000. № 4. С. 200–205.

Дегтярёв А. Я. Академик М. К. Любавский и его наследие / А. Я. Дегтярёв, Ю. Ф. Иванов, Д. В. Карев // М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996.

Карев Д. В. Участие академика М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Советские архивы. 1978. № 2.

Карев Д. В. История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980.

Лаптева Л. П. Профессор М. К. Любавский как преподаватель истории западных славян в Московском университете (1894–1918 гг.) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1985. № 2. С. 46–54.

Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995.

Сидоров А. В. Любавский М. К. // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3.

Сидоров А. В. Любавский Матвей Кузьмич / А. В. Сидоров, Е. В. Старостин // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 369–377.

Фёдор Алексеевич
М Е Н Ь К О В

Все, кто обращается к вопросам развития финансовой науки в СССР в первое послереволюционное десятилетие, считают своим долгом вспомнить работу Ф. А. Менькова «Основные начала финансовой науки» 1924 г. и процитировать её. Но о самом авторе сведения очень скудные. Даже дату рождения Менькова можно установить только приблизительно. В списке преподавателей, который не датирован, но находится в деле, обозначенном 1920/21 учебным годом, Менькову даётся такая характеристика: «Меньков Фёдор Алексеевич, ректор университета, профессор по кафедре политической экономии, 38 лет, окончил Университет во Франции, где и получил звание доктора экономических наук. Автор ряда трудов, посвящённых кредиту, кооперации и другим экономическим проблемам, издававшихся в России и за границей. Преподавательскую деятельность свою начал в Петроградском ун[иверсите]те в качестве доцента в 1910 г. В Костроме Ф. А. Меньков является энергичным организатором преподавания по каф[едре] политической экономии; до настоящего учебного года состоял проректором университета»¹.

И. П. Бойко и Д. А. Кочергин² начало преподавательской работы Менькова относят к другому времени:

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

² *Бойко И. П.* История развития финансовой науки в Санкт-Петербургском университете с 1819 по 1930 г. / И. П. Бойко, Д. А. Кочергин. URL: <http://www.kda2001.newmail.ru/images/PDF/24art.pdf> (дата обращения: 13.02.2010).

«В 1913 г. в состав приват-доцентов Петербургского университета вошёл Ф. А. Меньков – ближайший сотрудник П. П. Мигулина¹ по журналу “Новый экономист”. Авторы почерпнули эти сведения из работы известного учёного А. И. Буковецкого², который почти с самого начала XX в. был тесно связан с Петербургским университетом ещё годами учения, а с 1910 г. начал в нём преподавание в качестве приват-доцента.

Годы работы Менькова в столице пришлись на тот период, который стал, по оценке И. П. Бойко и Д. А. Кочергина, «самым важным и плодотворным как в развитии финансовых знаний в Петербургском университете, так и в развитии кафедры финансового права... В это время на кафедре... преподавали ярчайшие представители русской финансовой мысли»³.

В Кострому Ф. А. Меньков приехал в конце 1918 г. На должность профессора политической экономии и статистики он был избран 22 декабря 1918 г.⁴ В Костромском университете очень быстро оказались востребованными организаторские способности и инициативность Фёдора Алексеевича, поэтому, когда М. И. Ковалевский сложил с себя полномочия проректора, на эту должность 2 июня 1919 г. совет университета избрал Менькова, а 5 ноября того же года он был избран на должность ректора⁵.

Следует отметить, что начало работы Ф. А. Менькова в должности ректора приходится, пожалуй, на самое трудное время

¹ Мигулин Пётр Петрович (1870–1948) – известный русский экономист, профессор Харьковского, затем Петербургского университета. С 1909 по 1912 г. при его ближайшем участии в Петербурге издавался журнал «Экономист России». С 1913 г. Мигулин издаёт журнал «Новый экономист». Покинул Россию в 1917 г.

² Буковецкий А. И. Краткий обзор преподавания финансового права в Петербургском (Петроградском) университете в XIX – первой четверти XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия № 5. «Экономика». 1993. № 1.

³ Бойко И. П. История развития финансовой науки в Санкт-Петербургском университете с 1819 по 1930 гг. / И. П. Бойко, Д. А. Кочергин. URL: <http://www.kda2001.newmail.ru/images/PDF/24art.pdf> (дата обращения: 13.02.2010).

⁴ Отчёт 2. С. 62.

⁵ Отчёт 1. С. 3.

в жизни вуза, когда происходит выселение университета из большого и уже вполне приспособленного и оборудованного «красного» здания. О том, какой это был удар для вуза, можно судить по записи в протоколе заседания правления 28 октября.

По возбужденному проф. Ф. А. Меньковым вопросу об устройстве годового акта в день открытия университета, 7 ноября,

ПОСТАНОВЛЕНО:

четырьмя голосами против одного при одном воздержавшемся: ввиду начавшейся реквизиции зданий университета для надобностей военного госпиталя и полной неясности, какими помещениями будет располагать университет в ближайшем будущем, – отложить годичный акт до более благоприятного времени¹.

Меньков хорошо понимает: чтобы выстоять в меняющихся условиях, университету необходимо отвечать реальным запросам жизни, поступаясь в чём-то традициями дореволюционных классических университетов. Поэтому по его инициативе создаётся педагогический факультет, и ректор одновременно исполняет обязанности декана нового факультета, активно участвует в разработке учебного плана, в решении организационных вопросов.

Несмотря на большую административную и учебную нагрузку, из отчётов университета видно, что Ф. А. Меньков не прекращает и научную деятельность: по поручению Института экономических исследований им подготовлен доклад об обложении поземельной ренты, работает он и над монографией «Бюджет, контроль, кассовое устройство»².

Немало приходится Ф. А. Менькову потратить сил и в 1921 г., отстаивая право университета на дальнейшее существование. А когда усилия оказываются тщетными и идут выборы ректора уже педагогического института, в который преобразуется университет, в числе выдвинутых кандидатур снова фамилия Менькова. В характеристике, которая содержится в протоколе организаци-

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 22 об.

² Отчёт 1. С. 11.

онного заседания пединститута 19 декабря 1921 г., читаем: «Совет пединститута находит необходимым выдвинуть на пост ректора профессора Менькова, как кандидата, пользующегося бесспорным авторитетом среди преподавательского персонала и среди учащихся, как выдающегося организатора и администратора, обладающего большим опытом, пользующегося уважением и доверием высших губернских органов власти»¹.

Однако в Костроме после выборов Меньков остаётся недолго, и, к сожалению, ничего о его дальнейшей судьбе мы не знаем, кроме того, что в Москве в 1924 г. вышла его книга «Основные начала финансовой науки», к которой и сегодня очень часто обращаются экономисты.

Сочинения

Инфляция бумажно-денежного обращения и меры борьбы с нею. I // Новый экономист. 1915. № 35.

Инфляция бумажно-денежного обращения и меры борьбы с нею. II. Обесценение бумажного рубля // Новый экономист. 1915. № 36.

Инфляция бумажно-денежного обращения и меры борьбы с нею. III. Строение вексельных курсов при обесцененной валюте // Новый экономист. 1915. № 38.

Наши военные займы // Новый экономист. 1916. № 36.

Основные начала финансовой науки. М., 1924.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

Александр Васильевич
М И Х А Й Л О В
10(22).03.1859–10.08.1927

Сведения об этом учёном в современных источниках крайне скудны. Самая подробная информация содержится в биобиблиографическом справочнике «Русские писатели-богословы»¹, поэтому мы вынуждены ограничиться статьёй из этого издания, приведя её целиком.

Александр Васильевич Михайлов родился 10 марта 1859 года в Санкт-Петербурге. В 1880 году окончил Холмскую гимназию, а в 1884 году – историко-филологический факультет Московского университета, где занимался под руководством Н. С. Тихонравова.

В 1889–1892 годах, находясь в заграничной командировке, Александр Васильевич слушал лекции И. В. Ягича в Венском и Берлинском университетах, а также изучал славянские рукописи в книгохранилищах Вены, Мюнхена, Парижа, Рима, Неаполя, Флоренции. По возвращении продолжил исследования в древлехранилищах Москвы и Петербурга с целью изучения Библейских рукописей. В 1895 году он читал лекции по русскому языку в Варшавском университете.

¹ Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания: биобиблиографический указатель. 2-е изд. М., 2001. С. 343–344.

В 1904 году А. В. Михайлов защитил магистерскую диссертацию «К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях», а в 1913 году – докторскую диссертацию «Опыт изучения Книги Бытия. Паремийная редакция» и был назначен ординарным профессором Петербургского университета. В 1914 году Александр Васильевич вышел в отставку и поселился в Москве. Читал лекции в Московском университете, Костромском и Смоленском педагогических институтах.

В 1903 году на Предварительном съезде русских филологов А. В. Михайлов впервые высказал мысль о научном издании славянской Библии. Эта идея со временем нашла воплощение в деятельности Библейской комиссии, создателем которой стал И. Е. Евсеев. А. В. Михайлов разработал также правила издания древнеславянских текстов, внесённые в Библейскую комиссию от Московского археологического общества.

С 1908 года Александр Васильевич был членом Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности, с 1914 года – членом Московского археологического общества, с 1922 года – членом-корреспондентом Академии наук, Словарной комиссии. В 1915 году по инициативе А. А. Шахматова он был удостоен Ломоносовской премии за книгу «Опыт изучения текста Книги Бытия».

«В истории славянской библеистики за Михайловым, бесспорно, останется место наиболее глубокого и эрудированного исследователя... Он считал, что только филологическое изучение рукописной традиции даст ответ на вопрос, где и когда были совершены ветхозаветные переводы... Наиболее крупным научным предприятием Михайлова было издание четвёго списка Книги Бытия по двадцати шести спискам... Чрезвычайную ценность представляет собой очерк славянской библеистики, данный во введении к “Опыту”. Работы А. В. Михайлова по изучению славянского паремийника завершились подготовкой к изданию Захарьинского паремийника 1271 года. Эта работа осталась в рукописи, так же как и словари к четвёму тексту Книги Бытия, Книги Исход и Учительному Евангелию Константина Болгарского», – писал в 1979 году профессор А. А. Алексеев.

Архив А. В. Михайлова хранится в Санкт-Петербургском отделении архива Академии наук, фонд 171, а также в Государственном историческом музее, фонд 107.

Александр Васильевич Михайлов скончался 10 августа 1927 года в Москве.

Утверждение А. В. Михайлова профессором Костромского университета состоялось 1 ноября 1920 г.¹ Он читал курс древней русской литературы и вёл семинарий по этому курсу, а также читал историю русского языка². Продолжил работу в Костроме и в педагогическом институте. В списке личного состава Костромского практического института народного образования за 1922/23 учебный год отмечается, что А. В. Михайлов ведёт введение в языкознание, русский и старославянский языки³. Все эти курсы профессору уже приходилось читать в Варшавском университете, и лекции по ним были изданы в своё время в Варшаве⁴.

С подробным списком трудов А. В. Михайлова можно ознакомиться в уже указанном справочнике «Русские писатели-богословы» (с. 344–347).

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

² Отчёт 2. С. 31.

³ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

⁴ История древней русской литературы: лекции, читанные студентам 1-го курса историко-филологического факультета Варшавского университета в 1912–1913 учеб. году. Варшава, [1913]; Лекции по языковедению, читанные слушательницам Высших женских курсов и студентам историко-филологического факультета 1, 2 и 3-го курсов в 1912–1913 акад. году. Варшава, [1913]; Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. Варшава, 1911; Русский язык: лекции. Варшава, 1908–1909.

Владимир Карлович
М Ю Л Л Е Р
12(24).05.1880–1941(?)

Когда были составлены списки профессоров и преподавателей КГРКУ, долгое время самой малоизвестной фигурой оставался В. К. Мюллер. В ГАКО нашлось лишь одно упоминание о его избрании на кафедру западноевропейской литературы, состоявшемся на заседании факультета 1 декабря 1919 г.¹ Ещё один раз Владимир Карлович упомянут в опубликованном отчёте: «В данное время факультет обеспечен преподавателями... по всеобщей истории литературы и западноевропейским языкам В. Ф. Шишмарёвым и В. К. Мюллером...»² По крайней мере, это свидетельствует о том, что в отличие от Б. Эйхенбаума, избранного на том же заседании на кафедру русской литературы, В. К. Мюллер до Костромы добрался и какое-то время преподавал в университете.

У каждого человека, который изучает английский язык, фамилия профессора Мюллера на слуху. Но о самом Владимире Карловиче узнать что-либо долго не удавалось. На сайте московского профессора Д. И. Ермоловича, известного теоретика и практика перевода, был даже брошен клич: «Откликнитесь, если вы можете помочь с поиском сведений о великом советском лексикографе – Владимире Карловиче Мюллере. Отдадим хотя бы этот скромный долг благодарности человеку, по словарям которого учились мы, наши родители и наши дедушки с бабушками».

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 7.

² Отчёт 1. С. 11.

Спасибо костромскому филологу Н. К. Ильиной, которую мы привлекли к этим поискам: во время очередной командировки в Санкт-Петербург она привезла из Объединённого архива СПбГУ копию карточки по учёту кадров, из которой можно было установить время и место рождения Мюллера, что закончил он в 1903 г. историко-филологический факультет Московского университета и в 1926 г. поступил сверхштатным доцентом на кафедру английской филологии, а с 1 октября 1929 г. переведён на должность штатного профессора. И всё... Но главное – Наталия Кирилловна привезла мне адрес петербурженки Л. А. Девель, которую тоже давно интересовала судьба Владимира Карловича, и уже через две недели я получил её книгу, где приведена обнаруженная в отделе рукописей РНБ, в фонде супругов Мюллер¹, автобиография Владимира Карловича, датированная 1935 г.

Я родился в Москве 24 мая 1880; отец мой по происхождению мещанин из Риги, служил провизором. Первоначальное образование я получил у своей матери, а в 1890 году поступил в московскую 5-ю гимназию. Окончив в ней курс, я поступил на историко-филологический факультет Московского университета по словесному отделению, где моими учителями были профессора Стороженко и Кирпичников и [из молодых тогда доцентов] академик М. Н. Розанов и Е. Г. Браун. По окончании курса в 1903 году я был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории западноевропейских литератур и поступил преподавателем русской словесности в женскую гимназию Дюлу. В следующем году я получил командировку в Англию, где пробыл немного больше года [май 1904 – авг. 1905] в Оксфорде и Лондоне; после специальных испытаний в университете я был назначен осенью 1905 года на должность лектора английского языка при университете и занимал её 12 лет. Одновременно шла моя подготовка к магистерским экзаменам. Лето 1908 года я опять провёл в Англии, работая главным образом в Библиотеке Британского музея, а летом 1909 года слушал в Гейдельберге лекции по английской и романской филологии. Получив звание магистранта, я начал в 1915 году чтение лекций по истории англий-

¹ ОР РНБ. Ф. 504.

ской и французской литератур в качестве приват-доцента, затем доцента, а в 1918 году получил звание профессора по кафедре английской филологии; в течение 1920–22 гг. был председателем предметной комиссии романо-германской филологии. Одновременно был с 1905 г. преподавателем английского языка, а затем преподавателем и, наконец, профессором по истории западноевропейских литератур на Высших женских курсах. В 1919 году я примкнул к организованным тогда Высшим педагогическим курсам иностранных языков при Наркомпросе, где в течение нескольких лет был членом правления и принимал самое близкое участие в организации и руководстве этим учреждением. Когда в 1922 году Педагогические курсы были слиты со II Московским университетом [реформированные Высшие женские курсы], я продолжал свою работу там непрерывно и, даже переехав в Ленинград, ещё в течение четырёх лет [1926–1930] совмещал работу в Ленинграде с поездками в Москву [раз в две недели]. Летом 1926 года я переехал в Ленинград, где был утверждён профессором в 1929 году, когда Наркомпрос впервые создал английскую кафедру в Ленинградском университете. Эту кафедру я занимаю и сейчас в историко-лингвистическом институте [т. к. 1 октября 1930 г. историко-лингвистический факультет ЛГУ выделился в самостоятельный институт]. Таким образом, моя научно-преподавательская жизнь связана с тремя учреждениями: I МГУ – 22 года жизни (1903–1925), Высшими женскими курсами, позднее II МГУ – 25 лет (1905–1930) и с Ленинградским историко-лингвистическим институтом 9 последних лет моей жизни. С этим учреждением связана и моя общественная работа, т. к. здесь я в виде добровольной нагрузки вёл занятия по английскому языку со служащими института и университета. Другие учебные заведения, связь с которыми была не столь прочной, а более кратковременной, отмечу здесь лишь мельком: Высшие женские курсы, учреждённые В. А. Полторацкой в Москве (с 1912 по год закрытия курсов в 1918 г.), Народный университет имени Шанявского в Москве (2 года) и Общество народных университетов (несколько публичных курсов в Москве и Н. Новгороде), Военно-педагогический институт (1919–1921). В 1925–6 гг. заведовал секцией английского языка по подготовке аспирантов в ОАНИОНЕ и т. д.

За свою 32-летнюю деятельность читал разнообразные курсы как по английской и всеобщей литературам, так и по английской филологии (историческая грамматика английского языка, введение в английскую филологию и др.), мои научные интересы сосредоточивались вокруг 2-х главных центров: 1) Английская драма XVI–XVII веков. 2) Вопрос о наших культурных связях с Западом, преимущественно с Англией.

С 1927 г. непрерывно работаю в сотрудничестве с С. К. Боянусом над английскими словарями, выпускаемыми словарно-энциклопедическим издательством. В 1928 г. вышел англо-русский словарь (около 65 печ. л.), в 1930 г. – русско-английский словарь (около 72 печ. л.), вызвавшие ряд одобрительных отзывов как в советской, так и в иностранной прессе. Особенно подробный отзыв помещён в английском журнале *The Slavonic Review* 1931, March. Каждое новое издание подвергается пересмотру, исправлению и расширению.

Громадный материал подготовлен для Большого англо-русского словаря, задержавшегося печатанием в связи с изменением в издательстве «Большой советской энциклопедии» всего плана и объёма издания больших словарей.

За последние годы занят собиранием материалов по широко задуманному исследованию наших культурных связей с Англией¹.

Эту биографию Владимир Карлович писал, видимо, для оформления пенсии. В квадратных скобках – то, что он вычеркнул, посчитав лишним для официального документа. Как видим, факт работы в Костроме в этом жизнеописании не отмечен, впрочем, это случай не единичный: слишком кратким был период его работы в Костроме, да при постоянных в те годы реорганизациях и переименованиях список получался и так слишком длинным.

Тем временем и объявленный на сайте профессора Д. И. Ермоловича «всенародный поиск» давал свои результаты: профессор Мюллер был одним из университетских профессоров Д. С. Лихачёва, одним из первых исследовал английский театр шекспи-

¹ Девель Л. А. Секрет англо-русского словаря Мюллера. СПб., 2009. С. 77–79.

ровского времени, используя обнаруженные в английских архивах материалы, написал повесть о путешествиях и приключениях сэра Френсиса Дрейка, «одновременно адмирала и пирата», но главное – создал свой знаменитый англо-русский словарь.

Умер Владимир Карлович, вероятно, в первую блокадную зиму Ленинграда. По крайней мере, известно, что в феврале 1943 г. из квартиры Мюллеров (его жена Александра Петровна была искусствоведом) на Лесном проспекте, д. 50, кв. 5 в Публичную библиотеку «среди прочего выморочного имущества было передано 2337 кн. по лит. и искусству, 39 гравюр и 6 рис.»¹. В том же 1943 г. вышел из печати «Англо-русский словарь», прославивший имя В. К. Мюллера.

Сочинения

Драма и театр эпохи Шекспира. Л., 1925.

Commedia dell'arte // Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов : в 2 т. М. ; Л., 1925. Т. 1. А–П. Стб. 367–370.

Русско-английский словарь : 60 000 слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике : с прил. кратких грамматич. указаний / сост.: проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус. М., 1937.

Англо-русский словарь : около 60 000 слов и выражений : с прил. списка сокращений и списка геогр. названий с указанием произношения / сост. проф. В. К. Мюллер. М., 1943.

Русско-английский словарь: 60 000 слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике : с прил. кратких граммат. указаний / сост. проф. В. К. Мюллер. Н. У., 1948.

Пират королевы Елизаветы : повесть. СПб., 1993.

Литература

Девель Л. А. Секрет англо-русского словаря Мюллера. СПб., 2009.

¹ Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: биографический словарь. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/ (дата обращения: 15.12.2012).

Девель Л. А. Профессор В. К. Мюллер // Фонтанка : культурно-исторический альманах. 2010. № 5. С. 30–34.

Ермолович Д. И. О «Лонгмане» бедном замолвите слово // Мосты. 2009. №2 (22). С. 46–56.

Ермолович Д. И. Открывая Мюллера: о жизни и трудах знаменитого, но забытого лексикографа. М., 2011.

Лихачёв Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997.

Алексей Иванович
НЕКРАСОВ
07(19).03.1885–25.09.1950

Алексей Иванович Некрасов был избран на должность профессора кафедры истории и теории искусств 1 ноября 1918 г.¹ В своём отчёте, датированном 1 ноября 1919 г., он отмечает: «Весь прошлый учебный год я читал лекции в Костромском университете приездами из Москвы»². Это позволяет уточнить, когда именно Некрасов поселился в Костроме в доме № 11 по улице Никитской, где находился и созданный им кабинет истории искусств и археологии³. По времени это как раз совпадает с трудностями, которые возникают в университете с помещениями для учебных занятий.

В личном деле сохранилось curriculum vitae, которое мы публикуем полностью, опустив лишь перечисление печатных трудов.

Я, нижеподписавшийся, Алексей Иванович Некрасов, родившийся 7 марта 1885 г. и обучавшийся в Московской 5 гимназии, поступил в Московский университет на

¹ Отчёт 1. С. 50.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 23.

³ М. П. Магницкий указывал 1918 г. (Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Костромская область. Труды 34. М., 1976. С. 63).

историко-филологический факультет в 1904 г. На факультете мною был прослушан полный курс предметов по отделению русского языка и словесности, а также значительнейшая часть курсов по отделению истории и теории искусств, особенно по классическому искусству. В то же время интересы влекли меня к изучению древнерусского искусства, с которым я знакомился по памятникам миниатюры и орнамента в московских музеях, и к изучению итальянского Возрождения как в памятниках искусства изобразительного, так и в поэзии.

Окончив в 1909 г. Московский университет с дипломом 1 степени, я, по представлению проф. И. В. Цветаева, проф. В. К. Мальмберга и проф. В. Н. Щепкина¹ был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории и теории искусств, причём центр тяжести моих занятий должен был лежать в искусстве византийско-славянском.

Моё кандидатское сочинение было написано на тему: «Дата появления человеческой фигуры в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV в.».

В течение 1907/08 учебного года мною были прослушаны некоторые курсы по археологии в Московском археологическом институте.

Магистерские экзамены были мною сданы в Петроградском университете по кафедре истории и теории искусств в течение 1913–14 учебного года.

Весной 1914 г., по прочтении в Московском университете двух пробных лекций: 1) Последний период помпеевской декоративной росписи и 2) Московское каменное церковное зодчество до Аристотеля Фиораванти, я получил звание приват-доцента, а осенью того же года начал читать курс для желающих по древнерусской архитектуре.

С осени 1915 г. мои курсы были определены историко-филологическим факультетом, как принимаемые к зачёту.

¹ Щепкин Вячеслав Николаевич – языковед, палеограф и историк древнерусского искусства, хранитель Императорского Российского исторического музея, скончался 2 декабря 1920 г. Открывая на правах заместителя декана заседание факультета 10 декабря 1920 г., А. И. Некрасов предложил почтить память покойного вставанием (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 48).

В 1915/16 учебном году мною читан курс по древнерусскому искусству домонгольской эпохи, в 1916/17 учебном году – древнерусское искусство эпохи татарщины. Весной 1917 г. я принимал участие в работе комиссии преподавателей истории и теории искусств в Московском университете под председательством проф. В. К. Мальмберга по восстановлению временно закрытого отделения истории и теории искусств. По восстановлении этого отделения я, с осени 1917 г., начал читать курс древнерусского искусства Московского государства и вести семинарий по древнерусскому искусству. В осеннем полугодии 1918 г. я читал в Московском университете курс древнехристианского искусства и вел семинарий по византийскому искусству.

Вести преподавание истории и теории искусств мне пришлось в Москве и помимо университета.

В 1909 г., по окончании университета, мне было предложено взять на себя обязанности руководителя художественно-археологической частью Московской иконописной палаты, каковые я и исполнял до весны 1915 г., когда Палата была закрыта.

В 1913 г. я был приглашён преподавателем эстетики в Московскую консерваторию, где мною до 1919 года читался общий курс европейского искусства и история эстетических учений, начиная от античной Греции и кончая началом XIX в. В октябре 1917 г. я был возведён художественным советом консерватории в звание профессора.

С 1909 г. я состою членом Славянской комиссии Московского археологического общества, где мною были читаны в разное время доклады на темы: «К изображениям человеческой фигуры в русском рукописном орнаменте XIV в.»; «Славянский старопечатный орнамент XV–XVI вв.»; «Древнерусская скульптура»; «Троицкий собор Александровской слободы»; «Орнамент московского первопечатного Апостола». 31 января 1912 г. я был избран Московским археологическим обществом в члены-корреспонденты, а 8 марта 1916 г. в действительные члены Общества. В заседании Общества мною был прочитан доклад: «Рисунок с натуры в русском искусстве XI в.».

28 марта 1912 г. я был избран в члены-корреспонденты Общества любителей древней письменности, в заседании

которого мною был прочитан доклад об орнаменте XIV в. Общество постановило принять к печатанию намеченный мною ряд очерков по истории славянского орнамента.

В 1910 г. я, вместе с проф. М. Н. Сперанским, проф. М. Н. Розановым, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, прив.-доц. В. Ф. <нрзб>, прив.-доц. Н. С. Арсеньевым, и С. С. Розановым, явился учредителем в Москве Общества истории литературы, в заседании которого мною были прочитаны доклады: «Батюшков и Петрарка» и «К вопросу о “Кавказском Пленнике” Пушкина».

В 1916 г. я принимал участие в организации Общества искусствознания при Музее изящных искусств, в одном из заседаний которого мною был прочитан доклад о древних соборах, выстроенных кн. Юрием Звенигородским. В настоящее время я состою секретарём этого Общества.

Весной 1914 г. я был привлечён в Комитет по составлению научного описания предметов Патриаршей Ризницы для описания орнаментов и миниатюр рукописей, хранящихся в ризнице; и [озна]ченная работа была мною исполнена в течение зимы 1914–15 года.

Изучая памятники русского и западного искусства в музеях и книгохранилищах Москвы и Петрограда, я принимал также участие в Съездах Археологических, Областном в Костроме в 1909 г. и Всероссийском в Новгороде в 1911 г., и в Съезде художников в Петрограде в 1912 г.

Московская Иконописная Палата поручала мне неоднократно экскурсии по древностям и художественным памятникам Москвы, а в 1912 г. предоставила мне командировку для изучения древностей Калужской губернии, особенно же г. Боровска и Боровского Пафнутиева монастыря, в результате чего мною был приготовлен обширный отчёт для печати, и в 1913 г. – командировку для изучения древностей Тульской губернии. Изучая древности Ярославля и Ярославской губернии, я руководил в 1916 г. экскурсией Общества искусствознания при Музее изящных искусств по Ростову Великому.

В 1916 г. я принимал участие в составлении отзыва о трудах академика Н. П. Кондакова, избранного в почётные члены Московского университета.

В течение 1917 г. мною был читан курс русского искусства древней и Петровской эпохи в Нижегородском университете, а в течение весеннего семестра 1918 г. в том же университете мною читался курс введения в науку об искусстве. Кроме того мною читался ряд лекций в средних учебных заведениях Москвы по искусству античному, средневековому и Возрождения. В качестве преподавателя средних учебных заведений я в течение девяти лет вёл курсы по истории литературы, русской и западной, и введению в философию. Летом 1918 г. мною были читаны лекции древнерусского искусства на популярных курсах Московского университета. С осени того же года я был привлечён в Румянцевский музей, в качестве заведующего Отделением древностей, в Кинокомитет Комиссариата народного просвещения в качестве постоянного консультанта секции истории искусства, причём мною проредактирована кинолента «Древние памятники Новгорода», подготовлена кинолента «Древние памятники Александровской слободы», подготовлена кинолента «Древние памятники Костромы». В настоящее время я привлечён в качестве консультанта в Отдел изобразительных искусств при Комиссариате народного просвещения.

Мною в 1918 г. были прочитаны лекции по теории художественной формы и по истории эстетических учений в Педагогическом институте в Твери и лекции на темы «Что такое архитектура? Скульптура? Живопись?» в г. Александрове Владимирской губернии. Ряд лекций на те же темы, а также по русскому и западному искусствам читался мною в Москве для широких масс населения в рабочих клубах и других просветительных организациях. В Новохопёрске Воронежской губ. в 1917 г. мною была прочитана лекция о реформе средней школы; в 1918 г. я принимал в Москве участие в совещании по реформе высшей школы и в создании научно-художественных курсов при Московской консерватории»¹.

Это описание характеризует насыщенную и разностороннюю деятельность Алексея Ивановича Некрасова. Такой она была и в последующие, «костромские» годы, да и в дальнейшем,

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 27, 28, 29, 30, 34. (Листы перепутаны при сшивании).

какие бы, казалось, непреодолимые препятствия на его пути ни вставали.

Отъезд Некрасова из Костромы можно установить достаточно точно по его заявлению, датированному 5 октября 1922 г.: «Принося глубокую благодарность за приглашение читать лекции в Педагог. ин-те, я, тем не менее, силою обстоятельств, не могу принять на себя этих обязательств и прошу, согласно моему предыдущему заявлению, считать меня выбывшим из состава профессуры Костр. пед. ин-та с 1-го сентября с. г.»¹.

Об активной работе искусствоведа А. И. Некрасова в нашем городе много и подробно говорится в двух опубликованных отчётах университета². Приведём лишь один фрагмент: «Профессором А. И. Некрасовым приготовлены к печати работы: 1) Костромской край в истории древнерусского искусства, 2) заметки о так называемых “Тверских” вратах Александровской слободы, 3) иллюстрация к древнерусскому письму XV в., 4) путеводитель по картинной галерее Костромского музея, 5) древняя церковь в с. Болотове, 6) зачем надо охранять памятники искусства и старины, 7) подробный и краткий каталог диапозитивов по древнерусскому искусству, 8) организация массы в архитектуре и 9) проблемы в истории древнерусской архитектуры. Помимо этого А. И. Некрасов подготовил материалы для очерка “Древности Галича Костромского” и “Путеводитель по дороге Кострома – Судиславль – Галич”; читал доклад о реплике рисунка Феофана Грека в Московском о-ве истор. литературы и в Костромском научном о-ве; летом изучал древности Иваново-Вознесенска (а также занимался в Бурялинском музее этого города), исследовал во время поездки путь от Костромы до Галича протяжением в 125 вёрст в археологическом и художественном отношениях. Сверх того проф. А. И. Некрасов читал лекции по искусству в сёлах Костромской губернии и в городе Костроме в красноармейских и народных аудиториях»³. И всё это наряду с большой лекционной нагрузкой в университете, в Костромской

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 11.

² Отчёт 1. С. 10–12, 14–15; Отчёт 2. С. 28, 32.

³ Отчёт 2. С. 28.

консерватории и художественной школе, а также с безвозмездной работой консультанта в музее местного края.

Как свидетельствует Л. С. Кितिцына, мысль о создании художественной галереи в Костроме, появившаяся у В. И. Смирнова ещё в 1917 г., «была горячо поддержана в 1919 году профессором Московского университета Алексеем Ивановичем Некрасовым. Он ходатайствовал перед Румянцевским музеем о передаче художественных произведений и в том числе картин Костроме. В то же время Некрасов настаивал на том, чтобы Василий Иванович поставил вопрос перед местными властями о предоставлении для галереи одного из реквизированных зданий, где можно было бы разместить и галерею, и библиотеку, и аудиторию. Он соглашался заведовать галереей. Как видно, хлопоты о здании не увенчались успехом»¹.

К сожалению, опубликованы немногие «костромские» работы А. И. Некрасова². Не исключено, что некоторые его труды до сих пор хранятся в фондах музея-заповедника.

Большая работа проведена А. И. Некрасовым по оснащению кабинета истории искусств, в котором хорошим помощником стала жена профессора, Людмила Викторовна³. В костромской газете «Красный мир» мы встречаем свидетельство о выступлениях Некрасова перед публикой в качестве лектора-музыковеда: «После пятинедельного перерыва культ. просв. организация университета устроила 9 февраля второй концерт-лекцию, который был посвящён произведениям Даргомыжского... Лектор – А. И. Некрасов в своём небольшом вступительном слове дал верный и яркий образ композитора, лишь изредка злоупотребляя иностранными словами и некоторыми мало обоснованными выводами. И то и другое явилось результатом малого времени, которым располагал лектор для своего слова.

¹ Кितिцына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 122–123.

² Костромской край в истории древнерусского искусства // Труды КНО. Вып. 30. Кострома, 1923. С. 94–105; Древности Галича Костромского // Труды Галич. отделения КНО. Вып. 1. Галич, 1926. С. 107–113; Значение Костромского края в истории русского искусства // Еженедельник искусств (Кострома). 1921. № 1. С. 3–8.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 3–4.

Надо сказать, что устройство подобных лекций-концертов, доставляя слушателям громадное наслаждение, расширяет их музыкальный кругозор и было бы только желательно, чтобы промежутки между концертами были менее продолжительными и, кроме того, чтобы каждый концерт был повторяем несколько раз, потому что не все желающие могут попасть на концерт, который мало рекламируется и на который из-за ограниченного количества билетов трудно попасть»¹.

Некоторые выпады в адрес лектора, вероятно, имели своё основание, так как у одного из слушавших лекции Некрасова немного позднее мы встречаем такую характеристику Алексея Ивановича: «Внешность его была странная: высокий, почти двух метров, долговязый, тощий с впалой грудью. На этом манекеноподобном туловище – маленькая головка с огромными усами и бесцветными глазами. Он был незаурядно даровитый человек. Но ум его был сухой, аналитический. Художественного чутья и вкуса, нужных для историка искусств, в нём не было. Но в области исторического и стилистического анализа я научился от него многому»². Это утверждение публикатор комментирует, справедливо утверждая: «Это заключение содержит определённое противоречие. На наш взгляд, нельзя успешно учить студентов стилистическому анализу, не обладая развитым вкусом. Другое дело, что этот анализ имел определённые особенности, свои внутренние ограничения»³.

Великий труженик науки об искусстве, самоотверженный и бесстрашный защитник его памятников в самую разрушительную эпоху, А. И. Некрасов оставил заметный след в истории МГУ, Третьяковской галереи, МИФЛИ, Музея архитектуры и многих других учреждений, в работе которых ему довелось участвовать в трудные 1920–1930-е годы. В апреле 1938 г. он был арестован и приговорён к десяти годам лагерей, которые отбыл в Воркуте, где написал две книги. Одна из них – монография «Теория

¹ Вечер Даргомыжского // Красный мир. 1920. 19 февр.

² Юргенсон П. Б. Моя жизнь / вступ. ст., публ. и коммент. И. Л. Кызласовой // Искусство христианского мира: сб. ст. / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. М., 2006. Т. 10. С. 558.

³ Кызласова И. Л. Комментарий. // Там же. Примеч. 11. С. 573.

архитектуры» – спустя десятилетия, благодаря стараниям историка и искусствоведа И. Л. Кызласовой, много делающей для воскрешения памяти репрессированных искусствоведов, была извлечена из архива, увидела свет и оказалась своевременной и очень востребованной.

Отбыв срок, ровно год Некрасов был вынужден жить в Александрове, «был консультантом (без оклада) музея, обследовал памятники города и пяти районов Владимирской области, написал книгу и ряд статей»¹. Повторно арестованный в 1949 г. и отправленный в ссылку в с. Венгерово Новосибирской области, занимался подготовкой к изданию девяти томов своих трудов. Там, в Венгерово, он и похоронен.

Сочинения²

Теория архитектуры / авт. вступ. ст. и сост.: В. В. Кириллов, И. Л. Кызласова, коммент. И. Л. Кызласовой. М., 1994.

Литература

Алексахин И. Крестный путь // Северный рабочий (Ярославль). 1990. 20 мая.

Алексахин И. Это хранит память: Из семейного архива // Наука и жизнь. 1990. № 7. С. 30–32.

Воспоминания о Некрасове / публ. и ред. И. Л. Кызласовой // Советское искусствознание. М., 1990. [Вып.] 26. С. 395–416.

Гращенко В. Н. Кафедры истории искусства // Историческая наука в Московском университете (1934–1984). М., 1984. С. 304–305.

Злочевский Г. Д. Пути и поиски историка искусства // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы) / сост.: Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., 1995. С. 197–218.

¹ *Кызласова И. Л.* Некрасов Алексей Иванович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 323.

² Подробный список трудов А. И. Некрасова составлен И. Л. Кызласовой. См.: Советское искусствознание. М., 1990. [Вып.] 26. С. 417–427; *Некрасов А. И.* Теория архитектуры. М., 1994. С. 470–475.

Кириллов В. В. Вклад А. И. Некрасова в разработку универсальной архитектурной теории // Некрасов А. И. Теория архитектуры. М., 1994. С. 16–22.

Кызласова И. Л. Алексей Иванович Некрасов (1885–1950) // Советское искусствознание. М., 1990. [Вып.] 26. С. 381–394.

Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: По материалам архивов. М., 2000. С. 375–390.

Кызласова И. Л. Некрасов Алексей Иванович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 322–323.

Кызласова И. Л. Профессор Алексей Иванович Некрасов // Некрасов А. И. Теория архитектуры. М., 1994. С. 5–15.

Пучков А. А. Отечественная архитектурная эстетика 1920-х годов (А. Г. Габричевский, А. И. Некрасов, С. В. Шервинский): Опыт создания паралогического контекста // Архитектура мира : материалы конференции «Запад – Восток: Личность в истории архитектуры». М., 1994. [Вып.] 4. С. 45–50.

Юрий Петрович
Н О В И Ц К И Й
10(22).11.1882–13.08.1922

В ГАКО сохранилось curriculum vitae профессора Новицкого, но привести его здесь полностью мы не можем, потому что расплывшиеся от воды во время тушения пожара чернила сильно затрудняют чтение и без того не очень разборчивого почерка и многие слова в документе так и не поддались прочтению. Но о профессоре имеется немалая литература, появившаяся в особенности после того, как в 1992 г. Ю. П. Новицкий был причислен Русской православной церковью к лику святых новомучеников.

Особый интерес представляют публикации, подготовленные его внуком-историком Юрием Ивановичем Колосовым, так как написаны они по материалам семейного архива, которые все годы бережно хранила оставшаяся в 14 лет сиротой дочь профессора Ксения Георгиевна.

Родился Юрий Петрович в Умани, куда его отец, выпускник Санкт-Петербургского Императорского университета, был назначен мировым судьёй. Качество образования в Уманской гимназии не устраивало отца, поэтому он перевёл сына в Киевскую гимназию. И большая часть гимназических лет Юрия Новицкого прошла в семье одного из родственников отца, известного философа, профессора Киевского университета и Духовной академии

Ореста Марковича Новицкого. Общение с ним, а также большая библиотека светской и религиозной литературы в его доме и стали существенным дополнением к обучению в Киевской 1-й гимназии, которую Новицкий окончил с пушкинской премией.

«Высшее образование получил в Киевском университете, сначала на историко-филологическом, а затем юридическом факультете», – указывает Юрий Петрович в своей автобиографии. При этом отмечает, что уже «с 1906 г. по 1914 г. преподавал историю с методикой преподавания в киевских гимназиях: Первой, “Группы родителей”, Екатерининском реальном училище и др. В Университете работал по истории и истории русского права у проф. В. Б. Антоновича, Голубовского, Владимирского-Буданова и Ясинского, а также в Архиве Юго-Западного края, где были собраны материалы по истории судебных доказательств в крае Литовском и написана работа “История судебных доказательств по Литовскому Статуту 1529–1566 гг.”»¹.

Будучи оставлен при университете, дважды выезжал на летний семестр за границу в Германию, где слушал лекции по уголовному праву и по истории права в Берлине, Лейпциге, Бонне. «В 1913 году выдержал экзамен на степень магистра уголовного права и по прочтении двух лекций – по выбору факультета и собственному... получил звание приват-доцента, в весеннем семестре 1914 г. приступил к чтению курса по уголовному праву “о преступлениях против личности”»².

«Работу над диссертацией, – пишет Ю. И. Колосов, – молодой юрист сочетал с практической работой судебного следователя одного из участков Киевской судебной палаты. В 1911 году он создает “приют для детей ссыльно-каторжных, которые оставались сиротами”, а в 1912 году “создал в Киеве суд по делам малолетних”. С 1910 по 1914 г. Ю. П. Новицкий “работал в тюрьме в качестве члена “Патронажа” над заключёнными, учредителем которого являлся”. Интересен и такой факт: в 1911 году Ю. П. Новицкий был привлечён экспертом по делу об убийстве П. А. Столыпина, составил докладную записку по этому вопросу, где говорилось также

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 39–39 об.

² Там же. Л. 40.

о неблагоприятной роли генерала Курлова в убийстве Столыпина. Записка была довольно широко известна, во всяком случае, на неё как на общеизвестный факт ссылался в 1915 году П. Н. Милюков во время совещания членов прогрессивного блока с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым»¹.

«В сентябре 1914 г. допущен Советом Петроградского университета к чтению лекций по истории русского права... факультетом было поручено ведение практических занятий по истории русского права, а с 1916 г. был избран ассистентом по этой же кафедре; в 1918 г. получил звание профессора»², – читаем мы в его curriculum vitae.

Широк круг научных интересов Ю. П. Новицкого: уголовное право, его история, история прокурорского надзора, законодательство о печати и цензурные уставы XIX–XX вв. К 1922 г. Ю. П. Новицкий закончил большую монографию «История русского уголовного права», следы которой затерялись после его ареста.

«Многое из того, о чём писал и думал Юрий Петрович, – пишет Ю. И. Колосов, – он стремился применить практически. В июле 1916 г. он стал чиновником по особым поручениям при Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел... Он прекрасно знал Временные правила о печати (устав о цензуре) 1906, 1912, 1913 гг., так как принимал непосредственное участие в разработке двух последних вариантов. Кстати, именно поэтому он и был приглашён к работе по ликвидации Главного управления по делам печати. Он писал о необходимости особых судов для малолетних преступников – создал Киевский суд для малолетних (в России было всего два таких суда) и организовал особый приют для детей ссыльно-каторжных. Когда впоследствии его попытались обвинить в жестокости, он объяснил, что суд для малолетних создавался не для возмездия за преступления, а скорее с благотворительными

¹ Колосов Ю. И. Юрий Петрович Новицкий: 80 лет со дня гибели // Санкт-Петербургский университет: [электрон. журн.]. URL: <http://journal.spbu.ru/2002/17/15.html> (дата обращения: 8.09. 2009).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 40.

целями. Для него это было реальным преломлением идей гуманности, исповедуемых им как юристом-практиком»¹.

Организаторские способности Ю. П. Новицкого имел в виду и профессор В. М. Грибовский, по инициативе которого Новицкий был приглашён в Петроградский университет. В своём прошении на имя ректора Грибовский отмечал, что «необходимость приглашения... вызывается той существенной помощью, которую он может оказать как в деле устройства ныне организуемого кабинета государственных наук, так и в ведении практических занятий по истории русского права»². И эти ожидания старого профессора полностью оправдались.

В Петрограде Новицкий становится активным деятелем Фрёбелевского общества, пропагандировавшего гуманные идеи воспитания. В 1918 г. на базе курсов этого общества создается Институт дошкольного образования, и Юрий Петрович в числе его профессоров. Поэтому в его личном деле в Костромском архиве присутствует такой документ:

Февраля 26 дня 1921 г.

*Ректору института
дошкольного воспитания в Петрограде.*

Декан гуманитарного факультета Костромского государственного рабоче-крестьянского университета просит ректора института не отказать в разрешении отпуска профессору Юрию Петровичу НОВИЦКОМУ для поездки в Кострому с целью прочтения ряда лекций»³.

Для юридического факультета, как и вообще для петроградских вузов, в послереволюционные годы наступают тяжёлые времена. 2 августа 1919 г. Наркомпрос принял постановление «О преобразовании петроградских высших учебных заведений». Исходя из

¹ Колосов Ю. И. Честь и совесть – превыше всего // История России: исследования и размышления / С.-Петербург. институт истории РАН. СПб., 2006. С. 301–302.

² Цит. по: Колосов Ю. И. Честь и совесть – превыше всего // История России: исследования и размышления / С.-Петербург. институт истории РАН. СПб., 2006. С. 294.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 37.

условий чрезвычайной обстановки и необходимости жёсткой экономии ресурсов, власти объединили бывший Психоневрологический институт и Высшие Бестужевские женские курсы с университетом в единый Петроградский государственный университет. А сама необходимость существования юридических факультетов становится предметом дискуссий, завершившихся в пользу их закрытия и образования факультетов общественных наук (ФОН). Видимо, Ю. П. Новицкому приходится делать выбор. В своей автобиографии он отмечает, что «в 1918 г. был избран профессором Астраханского, в 1919 г. Самарского университета, но занимать кафедры в этих университетах отказался»¹. Но уже с лета 1919 г. он активно участвует в работе Костромского университета. Впервые его фамилия встречается в протоколе заседания правления 22 июня: утверждается выдача аванса «профессору Ю. П. Новицкому 5 000 руб. на пересылку купленных в Петрограде книг (взамен такого же аванса, отпущенного в прошлом заседании проф. А. Л. Саккетти, которым последний не воспользовался)»². Вероятно, Саккетти, хорошо знавший Новицкого не только по университету, но и по трудовой артели «Наука и школа» (в редакционный совет издательства этой артели наряду с Л. П. Карсавиным, Н. А. Котляревским, Н. О. Лосским входил и Ю. П. Новицкий), и составил ему протекцию в Костроме. А в заседании 18 июля 1919 г. выясняется, что «за отсутствием жидкого топлива электрическая станция университета в недалёком будущем должна будет прекратить свою работу и университет останется без освещения». Докладчик ректор Меньков разъясняет: «электрическое оборудование зданий университета, приспособленное для собственной станции, дающей ток известного напряжения, не может быть включено в общую городскую электрическую сеть, дающую ток иного напряжения, без переработки городского тока на собственной станции, для чего последнюю необходимо оборудовать электрическим двигателем»³. 1 августа 1919 г. правление решает: аванс «на покупку мотора для электрической станции университета»

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 39 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

³ Там же. Л. 2.

передать Ю. П. Новицкому¹. 30 сентября 1919 г. в протоколе правления появляется такая запись.

Профессору Петроградского университета Ю. П. Новицкому
ПОСТАНОВЛЕНО

уплачивать ежемесячно, начиная с 1-го августа с/г., по 1500 руб. за исполнение разного рода поручений университета по приобретению и пересылке предметов оборудования².

Само же избрание гуманитарным факультетом профессора Новицкого «на кафедру советского законодательства и истории государственного и общественного строя России и важнейших государств» состоялось 1 декабря 1919 г.³ Можно предположить, что в планах Новицкого был даже переезд в Кострому, так как 2 февраля 1920 г. правление утверждает уплату «профес. Ю. П. Новицкому 4560 р., подъёмных денег, как семейному, по случаю избрания его профессором Костромского университета»⁴.

Переезд не состоялся, так как Новицкий продолжает работу в Петрограде. Но его организаторские способности и связи помогают ему и в Костроме, и очень скоро руководство вуза отмечает, что Новицкий «в Костроме является первым преподавателем и организатором нового предмета советского законодательства и устройтеlem кабинета по этому предмету. Костромской университет обязан весьма многим в деле расширения своего книгохранилища Ю. П. Новицкому»⁵. Из опубликованного отчёта узнаём, что в 1919/20 учебном году Новицким прочитаны курсы «Конституция РСФСР и история государственного и общественного строя России»; велись практические занятия по советскому законодательству, состоявшие в чтении слушателями рефератов, и по истории русского права, посвящённые чтению и комментированию древнерусских памятников права⁶. В это же время им

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 18 об.

² Там же. Л. 20 об.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 7.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 6 об.

⁶ Отчёт 2. С. 29.

составлен доклад о трудах и научной деятельности М. А. Дьяконова для заседания Академии наук, посвящённого памяти скончавшегося 10 августа 1919 г. академика¹.

Один из пассажиров «философского парохода» Л. П. Карсавин, с которым Новицкого связывала тесная дружба, весной 1922 г. долго пытался уговорить его уехать в Европу. «Юрий Петрович категорически отказался, его удерживали семейные связи, кроме того, в России ему виделись новые возможности применения своих сил и способностей. Он не мог тогда

представить, что попадёт в роковой водоворот политического противостояния и через полгода жизнь его оборвётся. Судьбу его определили два поступка: организация Общества православных приходов и поездки к патриарху Тихону в 1922 году»², – считает его внук-историк.

Ю. П. Новицкому, председателю правления Общества объединённых Петроградских православных приходов, пришлось столкнуться с антицерковной политикой советской власти. Когда 23 февраля 1922 г. был издан декрет об изъятии церковных ценностей, он оказал большое содействие в переговорах между митрополитом Петроградским Вениамином и государством, чтобы достичь компромисса и достойно провести передачу имущества. Однако вскоре в среде самого духовенства был спровоцирован конфликт, и Новицкий в числе других лиц был обвинён в контрреволюционном заговоре с целью сорвать передачу церковных ценностей. Было сфабриковано «дело митрополита Вениамина», процесс по которому проходил в июне – июле

*Икона новомученика
Юрия Новицкого*

¹ Отчёт 2. С. 27.

² Колосов Ю. И. Юрий Петрович Новицкий: эскиз к портрету интеллигента: к 80-летию со дня гибели // История Петербурга. 2002. № 4(8). С. 39.

1922 г. Сам митрополит, профессор Ю. П. Новицкий, юрисконсульт И. М. Ковшаров и архимандрит Сергей (Шейн) были приговорены к высшей мере наказания. Адвокат М. С. Равич такими словами заканчивал просьбу о помиловании Новицкого в президиум ВЦИК: «Как защитник его, приношу Верховному органу Рабоче-Крестьянской власти последнюю его просьбу: учесть то, что он всю жизнь боролся против смертной казни, что он всю жизнь свою посвятил брошенным чужим детям, а теперь ждёт сам смертной казни и оставляет 14-летнюю дочь без матери круглой сиротой»¹. Но этот голос не был услышан. Важнее было услышать и выполнить другую директиву: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (секретное письмо В. И. Ленина, продиктованное 19 марта 1922 г. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б)).

Л и т е р а т у р а

«Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.

Колосов Ю. И. Честь и совесть – превыше всего // История России : исследования и размышления / С.-Петербург. институт истории РАН. СПб., 2006. С. 288–318.

Колосов Ю. И. Юрий Петрович Новицкий : 80 лет со дня гибели // Санкт-Петербургский университет. 2002. № 17–18 (3607–3608).

Колосов Ю. И. Юрий Петрович Новицкий : эскиз к портрету интеллигента : к 80-летию со дня гибели // История Петербурга. 2002. № 4(8). С. 33–41.

Коняев Н. М. Святой профессор. М., 2008.

Коняев Н. Священномученик Вениамин митрополит Петроградский : документ. повествование. СПб., 1997.

Левитин А. Очерки истории русской церковной смуты / А. Левитин, В. Шавров. М., 1960. Т. 1–3.

Нежный А. Плач по Вениамину : документ. повесть // Звезда. 1996. № 1. С. 42–82; № 5. С. 76–134.

¹ Хронология РПЦ. Документы, фотоматериалы // Россия, церковь, апокалипсис. URL: <http://www.apocalypticism.ru/1922ijul-oktjabr.htm> (дата обращения: 10.02.2013).

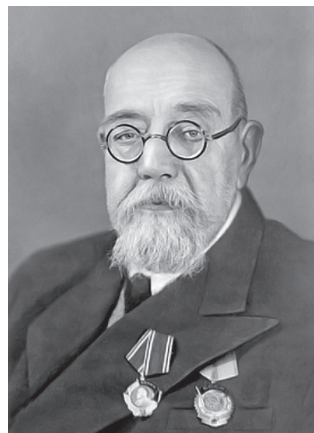
Плаксин Р. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М., 1968.

Протоиерей Михаил Чельцов. Воспоминания смертников о пережитом (5 июля – 14 августа 1922 года) // Журнал Московской патриархии. 1993. № 10. С. 48–59.

Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917–1945. М., 1997.

Шкаровский М. П. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995.

Александр Сергеевич
О Р Л О В
23.01.(04.02).1871–06.03.1947

Среди филологов, преподававших в те годы в Костроме, был и Александр Сергеевич Орлов, с 1921 г. член-корреспондент, а с 1931 г. академик АН СССР, которого по праву считал своим учителем Д. С. Лихачёв.

В одном из списков преподавателей КГРКУ даётся такая характеристика: «Орлов Александр Сергеевич, профессор по кафедре русской литературы и языка. Окончил Московский университет, где и получил степень магистра русск. яз. и литературы. 52 лет; проф. Орлову принадлежит ряд ценных исследований по его специальности и известный курс истории русск. лит. древнего периода. Преподавателем высшей школы Орлов состоит свыше 20 лет»¹.

Решение об избрании Орлова профессором Костромского университета было принято в январе 1920 г.² С Костромой у Александра Сергеевича, видимо, первоначально были связаны серьёзные намерения, так как в архиве сохранился такой документ:

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 6 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 10–10 об.; Д. 127. Л. 29.

24 апреля 1920 г.

№ 817

Костромской государственной рабоче-крестьянской университет пригласил в качестве лектора по истории русской литературы профессора ОРЛОВА, на имя которого отделом управления было выдано удостоверение на право проезда в вагоне прямого сообщения Москва – Кострома.

Ввиду того, что по полученным ныне сведениям проф. ОРЛОВ переезжает из Москвы в Кострому вместе со своей женой, университет просит отдел управления в дополнение к ранее выданному удостоверению на имя проф. ОРЛОВА выдать и его жене М. М. Орловой¹.

О жене профессора Д. С. Лихачёв пишет: «Женат он был, как говорили, на первой красавице Москвы. Впоследствии я встречал его жену у него в доме перед самой войной и после: Мария Митрофановна сохранила свою красоту и женственность до глубокой старости, которую она провела уже без него в большом одиночестве. Всю свою жизнь она посвятила только ему, своему мужу и кумиру, и имела мало знакомых»².

Переезд в Кострому на постоянное жительство, видимо, не состоялся. Лекции по русской литературе древнего периода Орлов читал здесь недолго, и в отчёте за 1920 г. значится: «По кафедрам русской литературы и языка ушедшего проф. А. С. Орлова сменил А. В. Михайлов»³.

Орлов был удивительным лектором. Позднее В. П. Адрианова-Перетц об этом не преминула сказать особо: «Ещё ярче и красочнее была устная речь А. С. Орлова – в его лекциях и устных выступлениях по поводу научных докладов. Александр Сергеевич любил “породистую” индивидуальную речь. Он обладал поистине художественным даром “подавать” древнерусский текст, умением уловить прелесть старинного языка, показать характерность мировоззрения древней Руси. В устном изложении А. С. Орлова с особой, почти осязаемой ясностью вставали образы древнерусских писателей и их героев, воскресала далёкая жизнь»⁴.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 30.

² Лихачёв Д. С. Воспоминания. М., 2007. С. 366–367.

³ Отчёт 2. С. 27.

⁴ Орлов А. С. Язык русских писателей. М.; Л., 1948. С. 21.

Что послужило причиной кратковременности его пребывания на должности профессора Костромского университета? Возможно, уже становившееся зыбким положение вуза, а возможно, и трудности поездок, и опасности, подстерегавшие в пути. Д. С. Лихачёва вспоминает:

До революции А. С. Орлов был модным приват-доцентом Московского университета и славился своей красивой внешностью. У меня сохранилась его фотография того времени: правильные черты лица, внешность благородная и в высшей степени интеллигентная...

Но в двадцатые годы с А. С. Орловым произошли события, раздвоившие его натуру. Он лишился своих уже взрослых детей. Два сына умерли¹, а дочь уехала с мужем за границу, и он потерял её из виду. Сам он стал безобразен. Он говорил про себя, что его пугаются дети, а одна девочка будто бы в его присутствии спросила мать: «Это дяденька или нарочно?» <...> Свою красивую внешность А. С. Орлов потерял при следующих обстоятельствах. В 20-е годы, как он мне рассказывал, он каждую неделю ездил преподавать в Тверь. Поезда были переполнены. Он приходил на вокзал заранее, чтобы занять сидячее место. Однажды в дороге в набитом людьми вагоне против него стояла женщина, держащая на руках сравнительно большую девочку. А. С. Орлов осведомился, что с девочкой. Женщина ответила: больна. «Ну вот что, тётка, – сказал А. С., – тебе я своего места не уступлю, а девочку свою дай: я её подержу на руках». Так и ехали. А. С. Орлов чувствовал, что девочка вся горит. В Твери к концу своего пребывания А. С. сам почувствовал себя плохо. Сел в поезд, чтобы вернуться в Москву. Но в поезде А. С. Орлов потерял сознание и очнулся много дней спустя в одной из московских больниц. Над собой он услышал голос врача: «Видеть он будет». У него, как оказалась, была чёрная оспа. Оспа обезобразила его лицо².

¹ По другим источникам, сыновья А. С. Орлова умерли ещё до революции (Первушин М. В. Орлов Александр Сергеевич // Учёные Академии (1920–1950-е гг.). URL: (<http://www.ras.ru/nappelbaum/> (дата обращения 10.01.2013)).

² Лихачёв Д. С. Воспоминания. М., 2007. С. 366–367.

Возможно, именно эта болезнь и прервала работу будущего академика в Костроме.

В дальнейшем после избрания академиком А. С. Орлов по завещанному обычаю переехал в Ленинград, был заместителем директора Пушкинского Дома и все силы отдавал отделу древнерусской литературы. С его лёгкой руки началась в этом отделе многолетняя работа Д. С. Лихачёва.

Сочинения¹

Лекции по истории древней русской литературы, читанные на Высших женских курсах, учрежденных В. А. Полторацкой. М., 1916.

Древняя русская литература XI–XVI вв. М. ; Л., 1937. Переиздания: 2-е изд. 1939; 3-е изд. 1945.

Библиография русских надписей XI–XV вв. М. ; Л., 1937. Т. 8. Переиздание: 1952.

Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1938. Переиздание: 2-е изд., доп. 1946.

Язык русских писателей. М. ; Л., 1948.

Литература

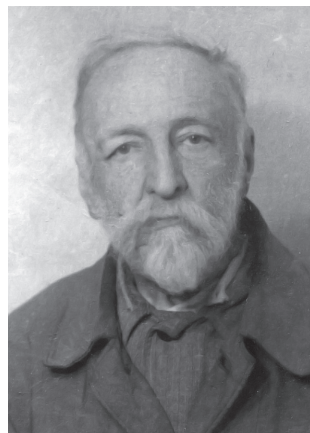
Адрианова-Перетиц В. П. Академик Александр Сергеевич Орлов (1871–1947) // Орлов А. С. Язык русских писателей. М. ; Л., 1948. С. 5–34.

Лихачев Д. С. Воспоминания. М., 2007.

Рождественская М. В. Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871–1947) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1990. Т. 43. С. 3–17.

¹ Библиографический указатель научных трудов А. С. Орлова // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1947. Т. 5. С. 5–13.

Пётр Петрович
П Е Р Ц О В
04(16).06.1868–19.05.1947

П. П. Перцов (ГАКО. П-9706)

Посмертная судьба этого поэта и прозаика, издателя и публициста, искусствоведа, литературного критика и мемуариста Серебряного века сложилась так же трудно, как и сама его жизнь. Многим поколениям это имя было известно лишь по рассказу Ираклия Андроникова «Рекомендация Перцову Петру Петровичу» – о том, как осенью 1942 г., чтобы как-то поддержать старого бедствующего литератора, принимали Петра Петровича в Союз писателей по инициативе немногих оставшихся в живых его друзей. И лишь в недавние годы труды Перцова начали издаваться и переиздаваться, без них уже трудно представить, как происходило утверждение в русской литературе символистского движения, одним из инициаторов которого он был.

Об обстоятельствах, в которых оказался П. П. Перцов в послереволюционные годы, в своё время написала архивист Г. В. Давыдова:

Оставшись один в голодной, озябшей Москве... П. Перцов скитается по чужим углам (своего жилья не было). Мария Павловна осела в деревне Масленица Костромского уезда, – где был дом, куда приезжали на лето, – на долгие годы. Но в то же время в Москве открывается столько кружков,

читается столько лекций на разные темы, что Перцов готов принять эту жизнь.

Пытаясь вписаться в новые условия, он ищет хоть какое-нибудь занятие, какую-нибудь службу, в частности, в библиотеке Исторического музея. В конце концов с помощью В. Иванова и А. Белого определился в Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Затем работал в Театральном отделе Наркомпроса, но это не то, к чему лежала душа. «Отчаянно нужна комната» и «прочь из Москвы», в которой он не находит себя...¹

В конце концов Пётр Петрович приезжает в Кострому, кажется, надолго. 14 декабря 1920 г. он пишет заявление: «Имею честь просить разрешить мне чтение лекций по русской литературе и по современному искусству при словесной группе гуманитарного факультета...»²

Сохранилась в фонде Костромского университета и его автобиография.

Curriculum vitae

Перцов Пётр Петрович родился 4(16) июня 1868 г. в Казани, в дворянской семье; кончил курс в Казанской 2-й гимназии в 1887 г. с серебряной медалью, и в Казанском университете по юридическому факультету в 1892 г. с дипломом первой степени. Ещё студентом (с 1890 г.) помещал свои стихотворения и статьи в казанских и столичных журналах и газетах; по окончании курса переехал в Петербург, где принимал близкое участие в журнале «Русское богатство» под редакцией Н. К. Михайловского. В 1895 г. издал сборник «Молодая поэзия» (поэты 80-х и 90-х годов) и брошюру «Письма о поэзии»; в 1896 г. сборник «Философские течения русской поэзии» (избранные стихотворения двенадцати крупных русских поэтов от Пушкина до Г[оленищева]-Кутузова, со статьями о них; 2-е издание 1899 г.); в 1897–1900 гг. – ряд книг различных авторов на литературные и философские темы; одновременно продолжал сотрудничество в столичной журналистике

¹ Давыдова Г. «Здесь всё теперь вспоминаешь...» // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 49.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.

(в журнале «Мир искусства», «Неделе» и друг.); в 1904 г. издал сборник своих статей под заглавием «Первый сборник». В 1903–1904 гг. был редактором-издателем ежемесячного журнала «Новый путь» (в Петербурге). В 1905 г. вышла моя книжка: «Венеция» (очерки венецианской живописи; 2 изд. в Москве обществом образовательных экскурсий, в 1912 г.). В 1909 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» помещена мною статья: «Гносеологические недоразумения» (по поводу классификации наук Г. Риккерт; книжки: январь – февраль). Продолжая журнальную и газетную работу, занимался также переводами; в 1913–15 гг. – вышел в Москве (книгоиздательство «Наука») мой перевод с французского Ип. Тэна «Путешествие по Италии» (в двух томах). В 1913 выпустил второй сборник своих статей под заглавием: «Панрусизм или панславизм?» – по славянскому вопросу и на литературные темы. В 1918–1920 гг. мною написаны брошюры: «Щукинская галерея в Москве» (очерк французского искусства с XVIII-го по XX век; приобретена издательством Сабашникова в Москве) и «Третьяковская галерея» (очерк русской живописи по образцам галереи; Сабашников); также биография художника Александра Иванова (Кооперативное издательство; Москва) и этнографическо-культурный очерк «НРЗБ» (то же издательство). Издательством Лемке в Москве приобретена моя работа «Основания пневматологии» (опыт построения точной науки о систематике и историческом развитии духовных явлений – главный мой труд).

Для издаваемого московским Театральным отделом сборника «Вопросы театра» принята моя статья «Куда идёт театр?»; для Костромского Губполитпросвета мною написаны инструкции для народных чтений на художественные темы.

В настоящее время состою преподавателем Костромского рабоче-крестьянского университета по гуманитарному факультету, где читаю курсы истории русской живописи XVIII–XX вв. и курс по русской литературе (эпоха русского романтизма – Гоголь, Лермонтов, Тургенев).

1921. 10 марта¹

П. Перцов

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 68. Л. 34–35 об.

Г. В. Давыдова, описывавшая в ГАКО архив П. П. Перцова, переданный в 1980-х гг. архитектором, почётным гражданином Костромы К. Г. Тороп, обнаружила в бумагах Петра Петровича запись, датированную 21 января 1921 г.: «...Ну вот я и прочёл первую мою лекцию... Всё сошло с рук совершенно благополучно – точно я какой-нибудь старый лектор... Собралось 8 человек (по-здешнему немало), т. е. собственно 2 человека и 6 девиц. Один человек ушёл на ½ лекции – ему, видимо, не понравилось, что всё о царях да вельможах (18 век), но девицы, как кажется, заинтересовались (спрашивали, когда продолжение)»¹.

Встречаем фамилию П. П. Перцова и в списках преподавателей педагогического института. Когда дело идёт к закрытию института, Перцов лишается преподавательской работы и возвращается в Москву. «Вся послереволюционная жизнь Перцова, – пишет Г. В. Давыдова, – это добывание случайного заработка, так как скудной пенсии не хватало...»² Издаёт путеводители, которые называл в своей автобиографии, а позднее «Подмосковные поездки. Трамвайные поездки» (1924), «Усадебные экскурсии. Поездки по железным дорогам» и «Художественные музеи Москвы» (1925). В 1933 г., наконец, выходят его «Литературные воспоминания». Писал Пётр Петрович до самой смерти, и многое из написанного в послереволюционные годы (почти за тридцать лет) до сих пор находится в рукописном виде...

Сочинения

Литературные афоризмы / публ. [вступ. ст. и примеч.] Т. В. Померанской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. М., 1994. С. 212–236.

Введение в Диалоговую // Полярность в культуре / сост.: В. Е. Багно, Т. А. Новичкова ; под общ. ред. Д. С. Лихачёва. СПб., 1996. (Альманах «Канун». Вып. 2).

Воспоминания о В. В. Розанове // Новый мир. 1998. № 10.

¹ Давыдова Г. «Здесь всё теперь воспоминае...» // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 49.

² Там же. С. 49.

Русская «комедия масок» : к юбилею «Ревизора» // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 50–51.

Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / под ред. А. В. Лаврова. М., 2002.

Весна и национализм // Нация и империя в русской мысли начала XX века / сост. и вступ. ст. С. М. Сергеева. М., 2004. (Серия «Русские думы»).

Парусное государство // Там же.

Обратный патриотизм // Там же.

Славянофильство или неославизм // Там же.

Венеция : монография. М., 2007.

Л и т е р а т у р а

Давыдова Г. «Здесь всё теперь воспоминанье...» // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 46–50.

Михаил Александрович
ПЕТРОВСКИЙ
26.10(07.11).1887 – 10.11.1937

Личное дело Петровского-старшего открывается таким документом:

*В гуманитарный факультет
Костромского государственного университета
профессора Московского государственного университета
Михаила Александровича Петровского
заявление.*

Желая читать лекции в Костромском университете, настоящим прошу баллотировать меня на гуманитарный факультет. О себе имею сообщить следующее:

С 1917 г. я состою преподавателем, а ныне профессором Московского государственного университета по кафедре западноевропейских литератур. Занятия мои сосредоточиваются: 1) в области романской филологии, гл[авным] обр[азом] старопровансальского языка, курсы и семинарий по которому я веду почти ежегодно; 2) в области поэтики, причём ныне я занимаюсь по преимуществу принципиальными исследованиями в области композиции романа и повести; 3) я занимался специальным изучением немецкого романтизма. Имею печатные работы:

1) Статью «Э. Т. А. Гофман» в «Истории западноевропейской литературы» изд. т-ва «Мир».

2) Статью «Инкунабулы Российского исторического музея» в Отчётах музея.

Кроме сего в настоящее время печатаются мои статьи: «Таинственное у Тургенева» в Тургеневском сборнике изд. Т-ва Задруга и «Проспер Мериме» при мною же проредактированном сборнике переводов его новелл в изд. «Альциона».

В текущем 1920/21 году могу предложить следующие курсы и семинарии:

1. Поэтика романа и повести нового времени.

Теоретический курс. 2 часа лекций и 2 часа совещаемых

2. То же. Семинарий. 2 часа практич. занятий и 2 часа совещаемых.

3. Альтернативно, сообразно потребностям факультета, или:

Гофман. Специальный курс по немецкому романтизму. 2 часа лекций и 2 часа совещаемых.

Старопровансальский язык. Теоретический курс с практическими занятиями. 2 часа лекций и 2 часа совещаемых.

Всего я желал бы, т[аким] обр[азом], иметь 6 часов лекций и семинарских занятий и 6 часов совещаемых.

Ввиду того, что я связан с г. Москвою занятиями в университете и в Российском историческом музее, осуществить лекции в Костроме я могу в порядке периодических наездов.

Москва. Шереметевский пер. (Улица Грановского), д. 2, кв. 27.

25 августа 1920¹.

М. Петровский

Баллотирование состоялось 8 октября 1920 г.², и из отчёта университета мы узнаём, что с осеннего семестра Михаил Александрович уже вёдет заявленные курсы (кроме старопровансальского языка). В Московском университете, как и в Костромском, его преподавание закончилось в 1921 г.³

Затем Михаил Александрович состоял в Государственной академии художественных наук, преподавал некоторое время на Высших государственных литературных курсах, был сотрудником издательства «Academia».

В вышедшем в 1934 г. восьмом томе Литературной энциклопедии его трудам уже давалась весьма настораживающая оценка: «Большинство работ П. написано в духе немецкой формалистической школы... Влияние это позднее осложнилось гуссерлианством»⁴. Но далее отмечалось: «В настоящее время П. усиленно

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 68. Л. 3–3 об.

² Отчёт 2. С. 63.

³ Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/729> (дата обращения: 12.11.2012).

⁴ Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 8. М., 1934. Стб. 622.

занимается переводами; ему принадлежат образцовые переводы “Повелителя блох” Гофмана (“Academia”, 1929), “Манон Леско” Прево (“Academia”, 1932) и др.».

Об обстоятельствах ареста М. А. Петровского Сергей Голицын писал: «В 1933 году, когда ГАХН и наши Литературные курсы были давно разогнаны, Шпет в поисках заработка занялся переводами с немецкого. Какой-то другой переводчик познакомился с атташе из германского посольства, который поручил нашим учёным составление немецко-русских словарей. Кончилось тем, что ГПУ “раскрыло шпионскую организацию”, и несколько учёных и переводчиков было арестовано. <...> Кроме Шпета, ещё двое профессоров ВГЛК разделили с ним его страшную судьбу»¹. Этими профессорами были Б. И. Ярхо и М. А. Петровский. По этому же делу был арестован и А. Г. Габричевский. Их фамилии, в числе прочих, значились на титульном листе первого тома немецко-русского словаря, под фамилией главного редактора Л. Б. Каменева, и это, вероятно, тоже повлияло на их судьбы.

Михаил Александрович был арестован 14 марта 1935 г. по обвинению «в организации широкой пропаганды фашизма путём фашизации немецко-русских словарей»², приговорён к пяти годам ссылки и отправлен в Томск, где работал учёным библиотекарем в научной библиотеке Томского государственного университета.

21 октября 1937 г. был вновь арестован как «участник офицерской кадетско-монархической организации “Союз спасения России”», 31 октября приговорён к высшей мере наказания и 10 ноября расстрелян.

Сочинения

Композиция новеллы у Мопассана // Начала. 1921. № 1.

Морфология пушкинского «Выстрела» // Проблемы поэтики : сб. М. ; Л., 1925.

¹ Голицын С. М. Записки уцелевшего // Либрусек. URL: <http://lib.rus.ec/b/149805/read> (дата обращения: 22.04.2011).

² Заклеймённые властью. URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Re.html#po.38> (дата обращения: 12.01.20013).

- Морфология новеллы // «Ars poetica : сб. Ч. 1. М., 1927.
- Выражение и изображение в поэзии // Худож. форма : сб. М., 1927. (Труды Гос. академии худож. наук. Филос. отд. Вып. 1).
- Поэтика и искусствоведение // Искусство. 1927. Кн. 2–3.
- Композиция «Вечного мужа» // Достоевский : сб. М., 1928 (Труды Гос. академии худож. наук. Лит. секция. Вып. 3).
- «Ардингелло» и его автор // Гейнзе В. Ардингелло и блаженные острова. М. ; Л., 1935.
- Григорович и Гофман // Сб. памяти П. Н. Сакулина. М., 1931.

Фёдор Александрович
ПЕТРОВСКИЙ
09(21).04.1890–27.04.1978

Фёдор Александрович Петровский был одним из тех профессоров университета, которые, поселившись в 1918 г. в Костроме, составили костяк профессорско-преподавательского состава до самого закрытия вуза.

Родился Фёдор Александрович в дворянской семье. Его отец, Александр Григорьевич, был главным санитарным врачом Москвы. В своей автобиографии Ф. А. Петровский написал: «Я родился в Москве в 1890 г. Среднее образование получил в Московской гимназии Поливанова, которую окончил в 1908 году. Высшее образование получил в Московском университете, который окончил по отделению классической филологии в 1914, представив сочинение на тему «Марк Теренций Варрон Реатинский как представитель античного языкознания», за которое получил золотую медаль. В 1914 году был избран преподавателем Московских высших женских курсов, учреждённых В. А. Полторацкой, где читал курсы латинского и греческого языка. С 1915 г. преподавал латинский язык в старших классах московской гимназии Поливанова.

В 1917 году был избран доцентом по кафедре классической филологии в Иркутский университет. В том же году я приступил к магистерским экзаменам по кафедре

классической филологии в Московском университете, в котором состою оставленным по указанной кафедре с 1914 года, и сдал экзамен по истории римской литературы»¹.

Сохранилась в ГАКО справка «Сведения о научной деятельности Ф. А. Петровского», в которой он, в частности, указывает: «Занятия мои сосредоточивались главным образом в области римской литературы, в области которой я занимался главным образом римской драматической поэзией и риторикой, а также в области римских государственных древностей. Работая в этом направлении, я представил два научных отчёта о своей деятельности в историко-филологический факультет Московского университета: 1) по истории древнего периода римской литературы и 2) по <обгор.> 1919 г.), которые были заслушаны и приняты. Кроме того, я занимался изучением Тацита, Плавта (работая, гл. обр., в области языка и метрики), риторическими и историческими сочинениями Цицерона, поэтикой Лукреция, Варроном...»²

1 ноября 1918 г. Ф. А. Петровский был утверждён профессором по кафедре классической филологии, но одновременно он преподаёт и на кафедре всеобщей истории: ведёт курс по социально-политическим теориям древнего Рима³.

«Классические языки преподавались проф. Петровским, который читал также курсы, посвящённые римской лирике эпохи Республики и римской комедии»⁴, – читаем мы в отчёте. Так как подготовка слушателей неоднородна, в преподавании приходится это учитывать. «Профессором Петровским слушатели были привлечены к изучению античных языков латинского и греческого, причём внимание группы подготовленных обращалось главным образом на анализ фактов языка в их историческом освещении»⁵.

Очевидно, Петровскому удаётся заинтересовать своих студентов, о чём свидетельствует заявление, зарегистрированное

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 68. Л. 22.

² Там же. Л. 31–31 об.

³ Отчёт 1. С.10.

⁴ Отчёт 1. С. 11.

⁵ Отчёт 1. С. 14.

канцелярией 26 ноября 1919 г.: «Мы, нижеподписавшиеся слушатели Костромского университета, просим гуманитарный факультет о продолжении курса греческого языка, которым мы занимались в прошедшем академическом году под руководством профессора Ф. А. Петровского»¹.

В следующем учебном году Петровский читает ещё один курс «Введение в языкознание». Наряду с этим он подготовил к печати перевод «Краткой исторической грамматики латинского языка» Линдсея и «Истории римской литературы» Нордена². 21 марта 1920 г. на общем собрании КНО он выступает с докладом «Античные мотивы в комедии Островского “Не было ни гроша, да вдруг алтын”»³. Включившись в работу Научного общества, Петровский занимался «изучением памятников искусства и старины Костромского края, причём впервые было сделано описание необследованного древнего деревянного храма погоста “Замошье” в 15-ти верстах от г. Судиславля»⁴.

В ГАКО сохранился ещё один документ, касающийся занятий Ф. А. Петровского в эти годы.

28 мая 1921 № 1478

*В управление агрослужбы
Северных железных дорог*

*Костромской государственной университет настоящим удостоверяет, что для поступления профессора названного университета Фёдора Александровича ПЕТРОВСКОГО на службу в отдел по изучению северного края агрослужбы Северных железных дорог до 1 октября 1921 года в настоящее время препятствий не встречается*⁵.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 68. Л. 15.

² Отчёт 2. С. 28, 32.

³ Костромское научное общество по изучению местного края: отчёт о деятельности... за 1920 год. С. 4. Опубликовано в кн.: Культура античного мира: [сборник статей]: к сорокалетию научной деятельности В. Д. Блаватского / Акад. наук СССР, Ин-т археологии; [отв. ред. А. И. Болтунова]. М., 1966.

⁴ Отчёт 2. С. 28.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 57.

Очевидно, в летние, свободные от академических занятий месяцы Фёдор Александрович принимал участие в проводившейся сельскохозяйственной этнографической экспедиции проф. Н. А. Янчука. Основным заданием её было «выявить отражение в быте сельскохозяйственного населения производственной стороны его жизни и работы, проследить связь между эволюцией техники и организации труда и изменениями в тех или иных сторонах и явлениях бытового уклада»¹. К сожалению, познакомиться с изданными отчётами по обследованию придорожных районов Северных железных дорог под общей редакцией профессора А. А. Ярилова (Москва, 1922), чтобы увидеть там результаты участия в экспедиции Ф. А. Петровского, нам не удалось.

Очевидно, с Костромой Петровский распрощался после закрытия университета. Во всяком случае, 17 мая 1922 г. датирован такой вызов: «Настоящим Костромской педагогический институт вызывает Вас в г. Кострому для сдачи библиотеки семинария классической филологии»².

По возвращении в столицу жизнь младшего Петровского сложилась таким образом: преподавал греческий язык в Московском университете, в 1925 г. был арестован, затем освобождён. В 1929 г. последовал новый арест, был приговорён к пяти годам ссылки в Северный край и отправлен в Архангельск, но по ходатайству Помполита, во главе которого стояла Е. П. Пешкова, вскоре был досрочно освобождён, вернулся в столицу и продолжал научную и преподавательскую работу. Работая в Институте мировой литературы им. А. М. Горького со дня его основания, Ф. А. Петровский внёс немалый вклад в дело организации сектора античной литературы, которым руководил многие годы. Присуждение Ф. А. Петровскому в 1962 г. учёной степени доктора филологических наук *honoris causa* – за совокупность научных работ – было с радостью встречено всеми, кто был знаком с многолетней и плодотворной деятельностью исследователя, переводчика и педагога.

¹ Переславская краеведческая инициатива. URL: <http://pki.botik.ru/books/smi1922-tales.pdf> (дата обращения: 10. 08.2012).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 207.

«Постоянной болью Ф. А. была судьба его брата, Михаила Александровича, арестованного по делу редакции словарей, посланного в Томск, там вновь арестованного и вскоре расстрелянного, – пишет, вспоминая любимого учителя, С. Апт. – По этому же делу были арестованы известные учёные Г. Г. Шпет, тоже расстрелянный в Томске, и А. Г. Габричевский, к счастью, переживший и этот, и другие аресты... Второй, уже подготовленный к печати том (L-Z) так и не вышел, а тираж первого сразу изъяли и пустили под нож. Единственный сбережённый экземпляр первого тома (А-К) Ф. А. подарил мне, а я, когда уже ни Ф. А., ни кого-либо из той редколлегии давно не было в живых, передал эту поистине уникальную книгу племяннице Александра Георгиевича Габричевского О. Г. Северцевой. Внучек брата Ф. А., у которого детей не было, называл внучками и любил, как собственных внучек, словно бы вкладывая в эту любовь ещё и всю нежность, жалость и боль, которые слышались в каждом его упоминании о расстрелянном брате»¹.

Сочинения²

Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962.

Литература

Античность и современность : к 80-летию Фёдора Александровича Петровского. М., 1972.

Апт С. Классическая филология: Трибуна переводчика // Иностранная литература. 2005. № 1.

К 75-летию Фёдора Александровича Петровского // Вестник древней истории. 1965. № 3. С. 210.

К 80-летию Ф. А. Петровского // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 213–214.

¹ Апт С. Классическая филология // Иностранная литература. 2005. № 1. Сайт «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/1/apr8.html> (дата обращения: 21.01.2010).

² Список работ Ф. А. Петровского см. в сб.: Античность и современность: к 80-летию Фёдора Александровича Петровского. М., 1972. С. 28–32.

Николай Иванович
Р А Д Ц И Г
25.02.1881–29.01.1957

Братьев Радцигов недаром в шутку звали «Братцигами», настолько они были дружны. Даже их заявления о предоставлении кафедр в Костромском педагогическом институте датированы одним числом: 19 августа 1922 г.¹ Николай Иванович в течение года занимал в Костроме кафедру новой истории.

К этому времени Н. И. Радциг уже успел закончить в 1903 г. историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В Москве он работал на Высших женских историко-филологических курсах, на Педагогических курсах имени Д. И. Тихомирова и в Московском университете. Но дольше всего – 20 лет – он был связан педагогической деятельностью с Московской консерваторией (1919–1939).

Работу в столице Николай Иванович совмещал с работой в провинции, в разное время преподавал в Нижегородском университете (1919), в Ярославском (1921–1929) и в 1922–1948 гг., с перерывами, – в Тверском (позднее Калининском) педагогических институтах. В 1936 г. Н. И. Радциг был избран внештатным сотрудником Исторического института

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 69. Л. 18.

АН СССР по сектору истории средних веков. Здесь он написал, в частности, для V тома академической «Всемирной истории» главу «Реформационное движение в Швейцарии».

Как и большинству историков старой школы, Н. И. Радцигу пришлось непросто в 30-е годы. Вот, например, как обстояло дело в Ярославле: «В 1925 году ректорат института ходатайствовал о предоставлении Н. И. Радцигу двухмесячной командировки в Париж для работы в архивах и книгохранилищах. В начале 1929 года торжественно отмечался 25-летний юбилей преподавательской деятельности профессора

*Братья Радциги-гимназисты:
Николай (сидит) и Сергей
Фото 1890-х гг.*

Н. И. Радцига, планировался выпуск сборника его трудов. Однако в том же 1929 году он был уволен с работы как “буржуазный” профессор. Это было связано с общесоюзной дискуссией “Буржуазные историки в СССР”. <...> Но с увольнением Н. И. Радцига чистка рядов профессорско-преподавательского состава не прекратилась. В “Северном рабочем” 3 марта 1930 года была опубликована статья “О задачах общественных секций Ярославского пединститута”, которая призывала избавиться от “реакционных” преподавателей и повести борьбу со старыми буржуазно-либеральными традициями. Ряд преподавателей института были высланы из Ярославля после этого выступления газеты»¹.

Основным предметом исследовательского внимания профессора Н. И. Радцига были Франция XVI–XVIII вв. и эпоха Реформации в Швейцарии. В 1944 г. он защитил в Московском университете докторскую диссертацию на тему «Школа в Женеве при Кальвине» и вскоре был утверждён в учёной степени доктора исторических наук.

¹ «Педагогический вестник» ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Исторический факультет. URL: <http://vestnik.yspu.org/releases/90/part2/history.htm> (дата обращения: 4.09.2012).

Н. И. Радциг (в первом ряду в центре) среди студентов и преподавателей Калининского пединститута. Апрель 1947 г. Из фондов музея ТвГУ

«Н. И. Радциг знал несколько иностранных языков: французский, немецкий, итальянский, английский, латинский и древнегреческий. К числу важных научных работ профессора относятся его перевод V-го тома “Римской истории” Т. Моммзена, переводы с собственными примечаниями трактатов XVI века: “Рассуждение о добровольном рабстве” Лабозэи и “Трактата о реликвиях” Кальвина, а также переводы с древнегреческого девятнадцати речей Демосфена. Он написал книгу “Школа в Женеве в эпоху Кальвина”, собрал материалы для монографии “Экспедиция Бонапарта Наполеона в 1798 г.”, примерно наполовину подготовил большую работу “История прорытия Суэцкого канала”, имел ряд трудов по истории западноевропейской литературы и культуры. В победном 1945 году Радциг опубликовал в столичном “Историческом журнале” статью “О работе исторического факультета Калининского пединститута”, сделав результаты подвижнической деятельности своих коллег достоянием всей советской исторической науки. В связи с 30-летием Калининского пединститута Н. И. Радциг был награждён за высокое качество подготовки кадров народного образования знаком “Отличник народного просвещения”»¹.

¹ Воробьёва И. Г. Первый профессор-историк Тверского пединститута // Тверская жизнь. Тверской областной портал. URL: <http://www.tverlife.ru/news/40176.html> (дата обращения: 20.10.2012).

Сочинения

Начало римской летописи // Учёные записки Императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. М., 1904. Вып. 32. С. 1–53.

Декларация Прав 1789 года во Франции и её источники // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Т. 11. С. 40–90.

Дюпле в Индии 1722–1754. Страница из истории французского империализма XVIII века. Ярославль, 1929.

«Traité des reliques» Кальвина, его происхождение и значение // Средние века. 1942. № 1.

Этьен де Лабозси – предшественник монархомахов-тирано-борцов XVI в. // Средние века. 1946. № 2.

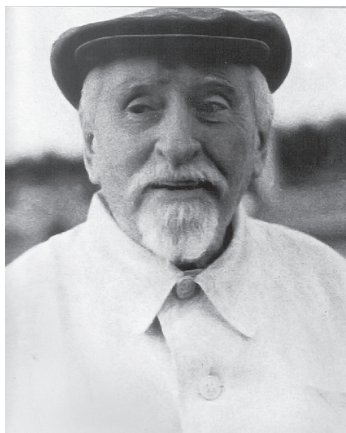
Литература

«Вглядись в минувшее бесстрашно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг. : документы и материалы / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 107.

Воробьева И. Г. Профессор Н. И. Радциг – ученик В. И. Герье // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. М., 2012. С. 3–5.

Воробьева И. Г. Профессор Н. И. Радциг в письмах к С. И. Архангельскому // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 40. М., 2012. С. 298–316.

Сергей Иванович
Р А Д Ц И Г
05(17).05.1882–04.10.1968

С. И. Радциг
Фото О. Меркулова. 1964 г.

О Радцигах сохранилось свидетельство Натальи Ильиной в её книге «Дороги и судьбы»: «Николай Иванович Радциг – история древнего мира. Не придирается, лишних вопросов не задаёт, но билет свой знать следует... А вот с братом его, Сергеем Ивановичем (античная литература), – не просто! Этот чудак настолько влюблён в свой предмет, что слабое с ним знакомство воспринимает как личное оскорбление, даже заплакать может, да, да, были такие случаи! Вопросы помимо билета задаёт исключительно из любви к своим Софоклам и Еврипидам, чтобы подольше о них побеседовать! Он, видимо, думает, что студент, бросив другие дела, должен посвятить всё своё время изучению греческой и римской литератур, а в часы отдыха, прикрыв от наслаждения глаза, декламировать произведения Горация и Цицерона...»¹

Вероятно, это почувствовали и костромские студенты, когда покинувших Кострому братьев Петровских сменили в 1922 г. братья Радциги.

«Прошу предоставить мне вакантную кафедру древней истории в Костромском педагогическом институте»², –

¹ Либрусек. URL: <http://lib.rus.ec/b/179802/read> (дата обращения: 3.05.2011).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 69. Л. 16.

с таким заявлением обратился 19 августа 1922 г. младший Радциг, Сергей Иванович.

Сергей Иванович, как и старший брат, окончил тот же историко-филологический факультет Московского университета, только на год позже, в 1904 г., и тоже был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Преподавал древние языки и греческую литературу на Московских высших женских курсах. Справка о нём в списке преподавателей педагогического факультета Ярославского университета за 1922–1924 гг. даёт представление

С. И. Радциг, студент

о той интенсивной работе, которую С. И. Радцигу приходилось вести в первые послереволюционные годы: «С 26 ноября 1918 г. состоял преподавателем ЯрГУ. В 1918–19 гг. во 2 Московском университете. В 1919–21 гг. в ИМГУ. В 1919–24 гг. в Московском институте слова и в 1922–23 гг. в Костромском ИНО»¹. После того, как в 1930 г. Сергей Иванович был вынужден оставить Ярославский пединститут, ему пришлось в 1931–1934 гг. работать экскурсоводом в Музее изобразительных искусств, так как для филологов-классиков работы по специальности не было.

С 1934 г. он начал преподавать в ИФЛИ, а затем, после включения этого института в МГУ, состоял профессором университета. С 1945 по осень 1949 г. был заведующим кафедрой классической филологии. Вот как вспоминал это время один из студентов: «Из “классиков” же популярнее остальных был, несомненно, Сергей Иванович Радциг. Неудивительно. Он читал лекции по античной литературе и для русского, и для западного, и для славянского, и для искусствоведческого отделений, читал ещё в довоенном

¹ «Вглядись в минувшее бесстрашно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: документы и материалы / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 108.

ИФЛИ, а может быть, и в эвакуации в Свёрдловске (так, с ударением на первом слоге, произносил он тогдашнее название Екатеринбурга). Но главная причина его популярности была не в беспримерном количестве слушателей, а в экстравагантности его манеры чтения. Цитируя Гомера, он пел на лекциях. Он не просто пел стихи, а приходил при этом в восторг. Его глаза не то чтобы вспыхивали, а начинали светиться матовым светом, как экран мобильного телефона, и делались похожи на невидящие глаза древних бюстов, а седая борода начинала дрожать. На первокурсников, для которых сама античная литература была открытием Америки, это производило неизгладимое впечатление.

Я думаю, что в сталинское время вообще и в годы постановлений ЦК о литературе, музыке, театральной критике в частности такой популяризаторский пыл Сергея Ивановича, который и думать не думал фрондировать, приобретал и более важный смысл, чем удивление и обеспеченное внимание аудитории. Студенты получали на его лекциях какую-то гуманистическую прививку. В его наивных распевах таилась какая-то вакцина сопротивления поветрию лжи. И одно это было очень большой заслугой Радцига. Но он не исчерпывался популяризаторским энтузиазмом. Радциг был настоящим знатоком греческого языка, терпеливым и опытным педагогом. И, заведя кафедрой классической филологии, исполнял эту роль с великим тактом. Он не пресмыкался перед начальством, не плёл интриг, не разводил склок, что стало особенно очевидно после того, как председательское место на заседаниях кафедры занял другой»¹.

В Московском университете С. И. Радциг работал долго, почти до самой смерти.

С о ч и н е н и я

Античная мифология : очерк античных мифов в освещении современной науки / Акад. наук СССР. М. ; Л., 1939.

¹ *Ант С.* Классическая филология // Иностранная литература. 2005. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/1/apt8.html> (дата обращения: 29.01.2010).

История древнегреческой литературы / утв. ВКВШ при СНК СССР в кач. учеб. для студ. гос. университетов и лит. фак. пед. ин-тов, АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М. ; Л., 1940.

История греческой литературы / под ред.: С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, Ф. А. Петровского, С. И. Радцига. М. ; Л., 1946. Т. 1–3.

Демосфен. Речи / пер. с греч., статья и примеч. проф. С. И. Радцига. М., 1954.

Аристофан и его время // Аристофан : сб. статей : к 2400-летию со дня рождения. М., 1956.

Введение в классическую филологию : учебник для ун-тов. М., 1965.

История древнегреческой литературы : учебник для филол. спец. ун-тов. 5-е изд. М., 1982.

Л и т е р а т у р а

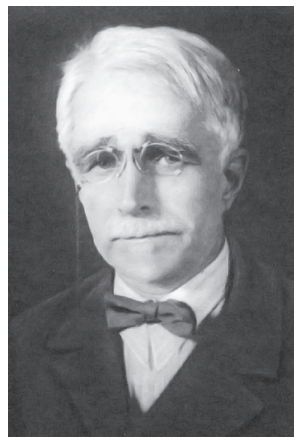
К 75-летию юбилею профессора Сергея Ивановича Радцига // Вестник древней истории. 1957. № 4. С. 202.

Лисовый И. А. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / И. А. Лисовый, К. А. Ревяко; науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск, 2001.

Нахов И. М. 85-летие Сергея Ивановича Радцига // Вестник Московского ун-та. Филология. 1967. № 6.

Сергей Иванович Радциг (1882–1968) // Вестник древней истории. 1969. № 2.

Борис Александрович
Р О М А Н О В
29.01(10.02).1889–18.07.1957

Имя этого историка, с удивительной глубиной погружавшегося и в совсем недавние по историческим меркам события русской истории, что совсем не поощрялось представителями петербургской исторической школы, приверженцем которой он был, и в эпоху Древней Руси, занимает особое место в русской исторической науке. Во многом трагическая судьба Б. А. Романова нашла отражение в книге его ученика¹. Обратимся лишь к материалам ГАКО.

Устраиваясь, очевидно, по предложению своего друга со студенческих лет В. Н. Куна в Костромской университет, Романов представил такое рекомендательное письмо, адресованное декану В. Ф. Шишмарёву:

Милостивый Государь Владимир Фёдорович!

До моего сведения дошло, что Вами возбуждён вопрос о приглашении в Ваш Университет Б. А. Романова и что Вы желали бы знать мой отзыв о Борисе Александровиче. По совести скажу, что могу дать отзыв только самый благоприятный. Считаю Б. А-ча человеком талантливым и умным. Он обладает большими специальными знаниями и острою

¹ Панях В. М. Творчество и судьба историка : Борис Александрович Романов / Ин-т Российской истории. С.-Петербургский филиал. СПб., 2000.

учёною наблюдательностью. Излагает он свои темы живо и связно, без длиннот в речи, но с внутреннюю обстоятельностью. Последние годы не могли способствовать развитию спокойной учёной деятельности, литературной производительности к публикации учёных работ. Поэтому Б. А-ч печатал мало. Но его работа «Смердий конь и смерд», напечатанная в «Изв[естиях] П[етербургского] Отд[еления] Ак[адемии] Наук», показывает, что от него можно ожидать остроумнейших изысканий. Нельзя пройти молчалием и того, что Б. А-ч способен в равной мере и к кропотливым библиографическим и архивным работам. В своих будущих семинариях он способен явиться разносторонним руководителем, живым и увлекательным.

Примите уверения в совершенном моём к Вам почтении и преданности.

18 февр./3 марта 1919

Платонов¹

Потом, в 1929–1931 гг. Б. А. Романов будет проходить по «делу академика С. Ф. Платонова» и будет осуждён, что серьёзно осложнит его дальнейшую жизнь.

Из книги В. М. Панеяха мы узнаём, что мечтавший о преподавательской работе Романов принимает приглашение Пермского университета, но от переезда в Пермь его удерживает архивная служба. По цитатам, которые приводятся В. М. Панеяхом из письма С. Ф. Платонова ректору Пермского университета Н. П. Оттокару от 17 декабря 1918 г., можно судить, что этот отзыв дословно был повторён позднее в письме В. Ф. Шишмарёву. А вот эпизод работы Б. А. Романова в Костроме не попал в поле зрения исследователя.

К сожалению, до нас не дошёл отзыв другого профессора Петроградского университета А. Е. Преснякова, а ведь именно Александра Евгеньевича Б. А. Романов считал своим наставником в исторической науке. О том, что отзыв А. Е. Преснякова был представлен, свидетельствует телеграмма на имя А. Л. Саккетти 3 марта 1919 г.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп.1. Д. 69. Л. 8–8 об.

*Благодарю отложите подъёмные болен отзывы Гревса
Цемшу Платонова Преснякова мне заказными.*

Романов¹

О работе Б. А. Романова в Костромском университете известно, что он сумел дать слушателям «разбор важнейших теорий общественного и государственного строя Киевского и Московского периода»², практические занятия были посвящены анализу Русской Правды³. Немало усилий прилагал Борис Александрович и для пополнения библиотеки, что особо отмечается в отчёте: «Обширные книжные приобретения, обнимающие несколько сот томов, сделаны для кабинета по русской истории заботами проф. Куна и пр. Романова, ныне выбывшего из университета, но продолжающего помогать ему в деле пополнения его библиотечного фонда»⁴.

Продолжая работу в петроградских архивах, Романов использует это ещё и как возможность позаботиться о книгах для Костромского университета. Об этом свидетельствует, например, такая приписка к одному из документов: «Прошу доложить факультету, что издания Исторического общества... государственной канцелярии архива Государственного совета отпущены университету безвозмездно, подобраны и подготовлены к перевозке при обязательном содействии Алексея Васильевича Шебалова. Ввиду этого прошу предложить факультету выразить его благодарность А. В. Ш-ву и сообщить ему о том по адресу...»⁵

Романов полон желания продолжить работу в Костроме и в следующем семестре. 13 июля он сообщает декану о своих планах: «В осеннем полугодии 1919 года мною предположены следующие занятия:

1) Курс: Московское государство XVI–XVII вв. 2 часа в неделю. Пособия: Ключевский “Курс русской ист.” тт. II и III, Платонов “Очерки по истории Смуты”, Покровский “История России”. III.

2) Семинарий: разбор главнейших памятников права до Петровского периода. Источники: Русская Правда, Судебник, Уложение

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 69. Л. 6.

² Отчёт 1. С. 10.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 69. Л. 11.

ц. Алексея. Пособия: курс по истории права Владимирского-Буданова, Дьяконова, Сергиевича. 4 часа в неделю.

3) Просеминарий: Разбор «Боярской Думы» Ключевского. 2 часа в неделю»¹.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. Об этом заявление:

Ввиду призыва по мобилизации я лишён возможности вернуться к преподаванию в Костромском университете и вынужден просить факультет об увольнении от должности преподавателя русской истории.

*16 сентября 1919 г.*²

Борис Романов

На самом же деле никакой мобилизации не было. Просто стараниями С. В. Рождественского, С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова Романов был предложен на должность ассистента при Историческом семинарии по русской истории на ФОНе, в который был преобразован историко-филологический факультет Петроградского университета в 1919 г.³

Очевидно, Кострома так и не попала в трудовой список Б. А. Романова, и этот эпизод его биографии оказался вытесненным другими перипетиями, коих в судьбе Романова было немало. И всё же, думается, всплывала и Кострома в беседах в Ташкенте с В. Н. Куном. Именно в ташкентской квартирке Кунов он долгое время находил приют после двухмесячных дорожных мытарств, вырвавшись из Ленинграда в ноябре 1941 г.

Сочинения⁴

Смердый конь и смерд: (В летописи и Русской Правде) // Известия ОРЯС. СПб., 1908. Т. 12. Кн. 3.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

² Там же. Л. 13.

³ *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / Ин-т Российской истории. С.-Петербургский филиал. СПб., 2000. С. 58.

⁴ См. подробно: *Панеях В. М.* Список трудов Б. А. Романова / В. М. Панеях, Р. Ш. Ганелин // Исторические записки. 1958. Вып. 62. С. 290–295.

Витте и концессия на р. Ялу : документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С. Ю. Витте // Сборник статей по русской истории, посвящённых С. Ф. Платонову. Пг., 1922.

Концессия на Ялу. К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое. Пг., 1923. Т. 1.

«Лихунчангский фонд»: Из истории русской империалистической политики на Дальнем Востоке // Борьба классов. 1924. № 1–2.

Россия и Маньчжурия (1892–1906) : очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

Люди и нравы древней Руси : историко-бытовые очерки XI–XIII вв. 3-е изд. М., 2002. (1-е изд. – 1947, 2-е – 1966).

Комментарии к «Русской Правде» // Правда Русская. Т. 2. М. ; Л., 1947.

Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907. 2-е изд. М. ; Л., 1955. (1-е изд. – 1947).

Л и т е р а т у р а

Валк С. Н. Творческий путь Б. А. Романова // Исторические записки. 1958. Вып. 62. С. 269–282.

Ананьич В. В. Заседание, посвящённое памяти Б. А. Романова / В. В. Ананьич, В. М. Панеях // Исторические записки. 1958. Вып. 62. С. 283–289.

Каган М. Д. Романов Борис Александрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб., 1995. С. 236–237.

Лихачёв Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1958. Т. 15. С. 486–495.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / Ин-т Российской истории. С.-Петербургский филиал. СПб., 2000.

Александр Ливериевич
САККЕТТИ
13(25).08.1881–15.02.1966

Александр Ливериевич Саккетти был одной из колоритнейших фигур Костромского рабоче-крестьянского университета. Приехавший в 1918 г. в Кострому и поселившийся в доме 19 по Русиной улице, этот потомок патрицианского римского рода настолько запомнился костромичам, что ещё в 1970-е годы от нескольких здешних старожилов мне приходилось слышать восторженные воспоминания о том, каким блестящим лектором он был, причём не только когда читал свои академические лекции, но и когда в зале бывшего Дворянского собрания выступал с рассказами о музыке. Правда, подробности о происхождении профессора эти костромичи узнали уже позднее, прочитав в одном из некрологов следующее: «Его прадед Либерио Саккетти принимал деятельное участие в освободительном движении “Молодая Италия”, создавал для народного вождя Джузеппе Гарибальди партизанские отряды, боровшиеся против австрийского владычества. В 1848 г. он вынужден был эмигрировать в Швейцарию. Но его старший сын, известный флейтист Антонио Саккетти (дед Александра Ливериевича), был в Риме арестован как гарибальдиец. Лишь по ходатайству покровительницы А. С. Пушкина графини Воронцовой,

под поручительство русского посольства А. Саккетти выпустили в Россию, где он занял должность первого солиста-флейтиста в одесской опере. Его сын Ливерий Антонович Саккетти, ученик Н. А. Римского-Корсакова, стал профессором Петербургской консерватории и оставил ряд научных трудов по эстетике и истории музыки, объявленных постановлением Советского правительства в 1918 г. государственной собственностью как имеющие особую ценность. Мать учёного (урождённая Каневская), дочь хуторянина, окончив Санкт-Петербургскую консерваторию, в 1880 г. стала певицей Мариинского оперного театра»¹.

О своей научной биографии Александр Ливериевич писал 27 января 1919 г.

Александр Ливериевич Саккетти, род[ился] 13 августа 1881 г., по окончании курса СПб 1-ой гимназии (весною 1901 г.) поступил в Петроградский университет, курс которого окончил (весною 1908 г.) по юридическому факультету с дипломом 1-ой степ[ени]. Осенью того же 1908 г. был оставлен при кафедре государственного права для приготовления к профессорской деятельности. В течение двух лет (1909/10 и 1910/11) пользовался стипендиями: 1 [год] – министерской и 1 [год] университетской. По окончании университета дважды посетил Германию с научной целью, причём слушал курсы по госуд[арственному] праву и философии Г. Еллинека, В. Виндельбанда, Э. Ласка, П. Наторпа, Г. Когена, Н. Гартмана и др. В 1912/13 гг. выдержал магистерские испытания (по государственному и международному праву). С 1914 г. состоял приват-доцентом Петроградского университета, причём непрерывно читал курсы и вёл практические занятия по различным вопросам государственного права и философии права².

15 ноября 1919 г. А. Л. Саккетти был утверждён профессором по кафедре социологии и философии права³, но круг дисциплин, которые он читал в Костромском университете, был очень широк.

¹ Ладыженский А. М. А. Л. Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 1966. № 2. С. 166.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 70. Л. 22–22 об.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 13. Л. 3а.

За первый год им прочитаны курсы по введению в философию, психологии, общему учению о праве, по социально-политическим идеям XIX в., по социологии и методологии общественных наук¹, во второй год к этому добавляется семинарий по Канту². Наряду с этим Саккетти сначала исполняет обязанности учёного секретаря, а на заседании Совета профессоров 6 января 1920 г. избирается проректором университета³. Возникают большие трудности в связи с уплотнением университета в 1919 г., и Саккетти избирается членом межфакультетской согласительной комиссии по распределению помещений для кабинетов и семинариев⁴. Естественно, ему поручается заведование кабинетом социологии и истории культуры, а в марте 1920 г. он становится и председателем библиотечной комиссии⁵.

Ещё до приезда в Кострому Саккетти вошёл в группу профессоров и приват-доцентов Петербургского университета, организовавших в 1918 г. на правах кооперации трудовую артель «Наука и школа». Её задачами являлись книготорговля, организованное снабжение книгами учебных заведений и книгоиздательство. Кстати, в редакционный совет издательства артели входил, наряду с Л. П. Карсавиным, Н. А. Котляревским, Н. О. Лосским, ещё один преподаватель Костромского университета Ю. П. Новицкий. Пользуясь налаженными связями в книжном мире, Сакетти с Новицким немало преуспели в комплектовании университетской библиотеки.

Работа А. Л. Сакетти в Костроме продолжалась и в педагогическом институте. В 1921 г. отсюда он ежемесячно на неделю уезжает в Иваново-Вознесенский политехнический институт читать лекции по международному праву⁶.

Переехав в 1923 г. в Москву, А. Л. Сакетти работает консультантом при СНК РСФСР и в Наркомате юстиции. В 1940–1943 гг. он старший научный сотрудник Всесоюзного института юридических

¹ Отчёт 1. С. 11.

² Отчёт 2. С. 32.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же.

⁶ Савенко Г. В. Александр Ливериевич Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 238–239.

наук, с 1942 г. преподаёт латинский язык на юридическом факультете МГУ и по совместительству заведует кафедрой иностранных языков во Всесоюзном юридическом заочном институте. Здесь выходят его переводы и комментарии источников периода Французской революции. «Научным подвигом, – отмечает Г. В. Савенко, – можно назвать перевод А. Л. Саккетти трёх трактатов Г. Гроция, которые выдержали два издания – 1956 и 1994 гг.»¹.

В одном из некрологов говорилось: «Это был глубокий эрудит и в то же время учёный с очень широкими интересами, – человек чрезвычайно своеобразный и хороший»². Только вот жить выпало тогда, когда его неокантианские взгляды были не ко времени – пришлось спрятать подальше написанные в молодости работы и повторно защищать кандидатскую диссертацию уже в 66 лет (в 1945 г.).

Сочинения³

Рец. на кн.: *Савальский В. А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлеридр. Т. 1. М., 1908 // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Ч. 21. Май. С. 179–185.

Государство и народность // Юридический вестник. 1915. Кн. 12 (4). С. 5–16.

Основные учения о территориальности государства // Известия Министерства иностранных дел. 1915. Кн. 1. С. 204–224.

Право и наука права // Юридический вестник. 1916. № 16. Кн. 16 (4). С. 5–37.

Основные понятия о праве и государстве. 1916–1917. Курс общедоступных лекций. [Б. м.], 1917.

Социализм и анархизм // Народоуправство. 1917. № 6. С. 7–8.

Учредительное собрание и основные законы государства. Пг., 1917.

«Кармен» Бизе // Еженедельник искусств (Кострома). 1921. № 2.

¹ Савенко Г. В. Александр Ливериевич Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 239.

² Ладыженский А. М. А. Л. Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 1966. № 2. С. 166.

³ Список трудов А. Л. Саккетти печатается по: Савенко Г. В. Александр Ливериевич Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 240–241.

Борьба за нефть в Передней Азии // Новый Восток. 1923. Кн. 3 (4).
Эстетика: Исторический обзор учений // Литературная энциклопедия. Т. 2. М. ; Л., 1925.

Блюм Г. Columnnae, или описание и применение пяти ордеров / пер. со старонем. А. Л. Саккетти. М., 1936.

Конституция 3 сентября 1791 г. // ВИЮН НКЮ СССР: Учёные труды. Вып. 2. Вопросы государства и права во Французской буржуазной революции XVIII в. М., 1940. С. 151–180.

Конституция 24 июня 1793 г. // Там же. С. 181–192.

Строительные сервитуты римского права / пер. с лат. А. Л. Саккетти. М. ; Л., 1940.

Политическая программа И. С. Пересветова // Вестник МГУ. 1951. Вып. 1. С. 107–117.

Гроций Г. О праве войны и мира / пер. с лат. А. Л. Саккетти. М., 1956.

Гуго Гроций и его трактат «О праве войны и мира» // Там же. С. 6–9.

О взглядах Н. С. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 117–119.

Гроций как учёный-гуманист, юрист и историк // Советский ежегодник международного права. 1959. М., 1960. С. 261–270.

Ф. Ф. Мартенс (1845–1909 гг.). К пятидесятилетию со дня смерти // Советский ежегодник международного права. 1960. М., 1961. С. 257–259.

Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1: Введение. Общая теория / пер. с 4-го итал. изд. А. Л. Саккетти и Э. М. Фабринова ; под ред. и с предисл. Д. Б. Левина. М., 1961.

Гроций о войне и мире // Советский ежегодник международного права. 1964–1965. М., 1966. С. 202–203.

Л и т е р а т у р а

Александр Ливериевич Саккетти : некролог // Советское государство и право. 1966. № 6. С. 136.

Ладыженский А. М. А. Л. Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 1966. № 2. С. 166–167.

Савенко Г. В. Александр Ливериевич Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 232–241.

Владимир Сергеевич
С Е Р Г Е Е В
16(28).06.1883–08.01.1941

В. С. Сергеев. 1930-е гг.

30 октября 1920 г. гуманитарный факультет рассматривает заявление:

*В Костромской государственной университет
преподавателя Московского государственн. университета
Владимира Сергеевича Сергеева
заявление.*

*Имею честь просить Совет Костромского университета
о предоставлении мне должности преподавателя на истори-
ческом отделении Вашего университета по кафедре всеобщей
истории. (Могу приезжать не менее чем на 1 неделю в месяц.)
В. Сергеев*

Curriculum vitae

*По окончании 1 Орловской гимназии 1904 г. поступил на
юридический факультет Петербургского университета, но в
1907 г. перевёлся в Москву на историко-филолог. факультет по
специальности всеобщей истории. По окончании Московского
универ. работал в Германии (в Мюнхене) специально по древ-
ней (классической) истории и экономике. В 1916–17 держал
магистерский экзамен в Петербурге по специальности древ-
ней истории, проработав предварительно программу экзаме-
на под руководством пр. М. И. Ростовцева. Дальнейшую на-
учно-педагогическую работу в Петербургском уни[версит]ете*

пришлось прекратить по не зависящим от меня обстоятельствам. С 1919 г. состою преподавателем Московского университета. В настоящий момент оканчиваю большую работу «Капитализм и сельское хозяйство в древнем Риме»; часть работы (около 1/2 готова, переписана на машинке и может быть представлена на рассмотрение факультета).

*Москва, Каретный р., д. 4, к. 3
26/X 1920¹*

В. Сергеев

Заявление это было удовлетворено, и в журнале гуманитарного факультета сделана такая запись: «Поручить препод. В. С. Сергееву чтение предложенных курсов 12 ч. и баллотировать на следующем заседании факультета на должность преподавателя по кафедре всеобщей истории»². Окончательно Сергеев был принят на работу в Костромской университет с 1 декабря 1920 г.³

К сожалению, не сохранилось свидетельств о том, как читал свой курс по истории античной демократии молодой В. С. Сергеев в Костроме, но вот один из поздних его студентов, впоследствии сам большой знаток античности и талантливый учёный и литератор А. И. Немировский, эти лекции запомнил на всю жизнь: «Нашему старосте Грише Ильину, в будущем известному индологу, не надо было составлять список прогульщиков. Напротив, Владимира Сергеевича приходили слушать с других факультетов. Когда он входил в Ленинскую аудиторию и становился за кафедрой, наступала тишина. Сжимая обеими руками указку, которой никогда не пользовался, и немного раскачиваясь, он переносил нас в древний Рим, на форум, в сенат, в амфитеатр и на поля сражений, делая нас свидетелями событий, из которых складывался исторический процесс. И в ту пору, в 1938 г., никто из нас, первокурсников, не знал, что Владимир Сергеевич – родной сын Константина Сергеевича Станиславского и что он обязан ему созданием исторических образов. Не понимали мы и того, что эта необычная манера изложения идеально соответствовала тому, что в древности

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 44.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

считалось задачей историка, и, более того, самому термину история, индоевропейский корень которого вошел в русские слова истина и истец. Лекции Владимира Сергеевича были рассчитаны на слух, а не на запись и поэтому не сохранились в студенческих конспектах, да и вряд ли у самого лектора был их текст»¹.

Об отце Станиславском совсем недавно стало известно, благодаря двухтомнику Г. Ю. Бродской и её многолетним архивным и музейным поискам. Под заявлением В. С. Сергеева значится адрес «Каретный р., д. 4, к. 3» того самого украшенного мезонином особняка XVIII в., на втором этаже которого с 1903 до марта 1921 г. занимал квартиру К. С. Станиславский.

Константин Сергеевич в молодости был чрезвычайно влюбчив. И нужно ли говорить, что с внешностью и фигурой, которыми его наградила природа, и с тем богатством и положением в обществе, которым наградил отец – купец и московский голова Алексеев, он пользовался успехом у женщин. Но вот имел он несчастье увлечься одной балериной, которая так и осталась равнодушной к Константину Сергеевичу. А Дуняша Копылова, девушка из Смоленской деревни, служившая горничной в усадьбе Алексеевых Любимовке, как могла утешала барина в трудную минуту жизни. Плодом этих «утешений» и стал мальчик, названный Володей. Его крестили Сергеевичем, как всех детей Сергея Владимировича и Елизаветы Васильевны Алексеевых и дали фамилию Сергеев созвучно отчеству. И рос он вместе с младшими детьми Алексеевых в барской детской, только назывался Дуняшиным Володей.

Когда Володе исполнилось 19 лет, в его жизни произошла встреча, оказавшая на него поразительное воздействие.

Чтобы усадить Чехова за давно обещанную для Художественного театра пьесу, Станиславский, уезжая с женой в Германию на курорт, поселил Антона Павловича и выздоравливавшую после тяжёлой болезни Ольгу Леонардовну в усадьбе своих родителей. Он очень надеялся, что сама обстановка усадьбы, типажи её обитателей подтолкнут Чехова к осуществлению давнего замысла.

¹ *Немировский А. И.* Владимир Сергеевич Сергеев. Из неопубликованной книги «Пройденное и забытое» // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов н/Д, 2006. С. 44–45.

Пьеса была написана, правда, не так скоро, но когда её, наконец, получил из Ялты Станиславский, он написал автору: «Я всё понял». Поняли всё, познакомившись с «Вишнёвым садом», и другие обитатели и гости Любимовки, узнавая знакомые черты в персонажах этой грустной чеховской комедии. В Пете Трофимове единодушно был признан Володя Сергеев. Правда, он был в ту пору не недоучившимся студентом, а всего-навсего исключённым за какие-то провинности из VI класса гимназистом, а в Любимовке выполнял обязанности конторщика. Какое-то внутреннее чутьё помогло Чехову разглядеть в этом мальчике что-то особенное. Впрочем, не только на Володю Чехов оказал большое влияние. И Станиславский об этом не однажды и говорил, и писал, рассказывая о постановке «Вишнёвого сада». Например, в интервью корреспонденту петербургской газеты «Речь» в 1914 г. он признавался, что «Чехов, отправлявший в 1902 году Дуняшу на вечерние курсы и Егора – учиться французскому языку, озаботил и Володю, недоучившегося гимназиста, необходимостью образования: “Сына горничной, служившего в конторе при имении, Антон Павлович убедил бросить контору, приготовиться к экзамену зрелости и поступить в университет, говоря, что из юноши непременно выйдет профессор”¹.

И Антон Павлович не ошибся. Володя Сергеев уже в августе 1903 г. экстерном выдержал экзамен за VI класс, доучиваться ещё два класса пришлось ехать в Орёл, потому что в прежней московской гимназии его не хотели принимать.

И в письмах, и в других публикациях о К. С. Станиславском Владимир Сергеев прежде фигурировал как старший друг и репетитор Игоря – законного сына Станиславского и его жены, актрисы Лилиной.

Первоначально предполагалось, что в Костромском университете наряду с историей античной демократии В. С. Сергеев будет вести ещё и общий курс средних веков², но в журнале заседаний гуманитарного факультета 15 марта 1921 г. появляется такая

¹ Бродская Г. Ю. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишнёво-садская эпопея: в 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 59.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

запись: «Ввиду позднего начала чтения курсов преп. В. С. Сергеева предложить В. С. Сергееву все часы, предназначенные для него, посвятить чтению “Истории античной демократии” и ведению соответствующих практических занятий»¹. И, видимо, ездил В. С. Сергеев в Кострому читать лекции по античности лишь до конца семестра, потому что в более поздних документах его фамилия уже не встречается. Впрочем, может быть, эти документы просто не сохранились.

А в Московском университете до сих пор Сергеева почитают основателем кафедры истории древнего мира, и с 1979 г. в МГУ раз в два года проводятся Сергеевские чтения. В. С. Сергеев стал крупным специалистом по античности, автором первых советских учебников по истории древней Греции и древнего Рима, профессором, как и напроорочил недоучившемуся гимназисту в своё время А. П. Чехов. Посмертно за участие в коллективном труде «История дипломатии» Сергеев был удостоен Сталинской премии. И в наши дни учебники В. С. Сергеева студенты до сих пор спрашивают в библиотеках.

Сочинения²

История древнего Рима. М., 1922.

Феодализм и торговый капитализм в античном мире. М., 1926.

Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1–2. М., 1938.

История древней Греции. М., 1939.

Принципат Тиберия // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 78–95.

Дипломатия древней Греции // История дипломатии / под ред. В. Потёмкина. Т. 1. М., 1941. С. 18–34.

Дипломатия древнего Рима // Там же. С. 35–88.

Литература

Бродская Г. Ю. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишнёвсадская эпопея : в 2 т. М., 2000.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 55 об.

² Список научных трудов В. С. Сергеева // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 177–178.

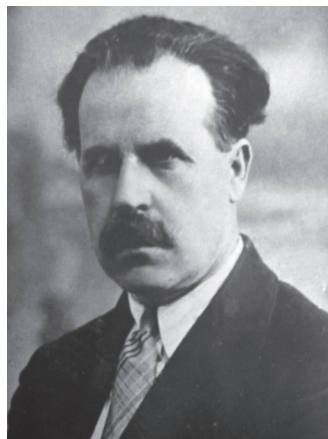
Лисовый И. А. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / И. А. Лисовый, К. А. Ревяко ; науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск, 2001.

Немировский А. И. Владимир Сергеевич Сергеев. Из неопубликованной книги «Пройденное и забытое» // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов н/Д, 2006. С. 44–45.

Профессор В. С. Сергеев : [некролог] // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 380.

Штаерман Е. М. Памяти профессора В. С. Сергеева / Е. М. Штаерман, Н. Н. Пикус // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 166–177.

Ефим Еремеевич
СИРОТИН
13(25).10.1888–22.07.1949

*Е. Е. Сиротин
С групповой фотографии 1939 г.
Из фондов музея ТвГУ*

Впервые имя Е. Е. Сиротина появляется в сохранившихся документах КГРКУ 26 октября 1918 г. Временная хозяйственно-административная коллегия принимает предложение декана Чепурковского и решает отправить телеграмму следующего содержания: «Москва, Садовническая набережная, д. 11, кв. 24. Ефиму Еремеевичу Сиротину. Утверждён преподавателем, условия приняты, желателен приезд. Получите разрешение приезд Комиссариате просвещения бывший Лицей у Покровского. Телеграфом отправлен аванс пятьсот (500) рублей. Чепурковский»¹.

Быстро прибывший в Кострому Сиротин 30 октября избирается по кафедре физики уже не преподавателем, а профессором². На это повышение в должности, очевидно, повлияло то, что к осени 1918 г. у Ефима Еремеевича уже был неплохой и научный, и педагогический опыт. Вот краткая характеристика, данная профессору в списках уже 1920 г.:

Сиротин Ефим Еремеевич, учёный секретарь совета университета, профессор по кафедре физики; окончил Московский университет. Самостоятельное исследование по физике начал в Лебедевской лаборатории и продолжил в Физическом

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.

² Отчёт 2. С. 60.

институте Московского научного института у акад. Лазарева. Работы в области электронной теории и молекулярной физики частью напечатаны, частью подготовлены к печати. Преподавательская деятельность протекала в Техническом учил[ище] и университете имени Шанявского с 1914 г. Проф[ессором] Костромского университета состоит с момента открытия Университета. В настоящее время Сиротиным организована лабор[атория] по исследов[анию] специальн[ых] вопросов физики¹.

За плечами у Е. Е. Сиротина была школа двух выдающихся русских физиков Петра Николаевича Лебедева и Петра Петровича Лазарева. И тот факт, что молодому физика было доверено преподавать в Московском высшем техническом училище, тоже о многом говорит. А вот название Московского научного института сегодня мало кому знакомо. Общество Московского научного института было основано учёными, которые в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо в 1911 г. покинули Московский университет. Основные задачи этого первого в России общественного начинания в целях раскрепощения науки от произвола властей были: способствовать разработке научных вопросов по всем отраслям знания; оказывать содействие лицам, желающим производить научные исследования в какой-либо области; устраивать для этой цели научные учреждения, в том числе лаборатории, кабинеты, музеи, библиотеки и т. п. Наряду с москвичами А. А. Бахрушиным, Н. Д. Зелинским, П. Н. Лебедевым, в числе учредителей были И. П. Павлов, И. И. Мечников и др. Стараниями Общества в 1916 г. основан Институт экспериментальной биологии во главе с Н. К. Кольцовым, в 1917 г. – Физиологический институт во главе с М. Н. Шатерниковым и открыт на Миусской площади, рядом с Народным университетом имени А. Л. Шанявского, Физический институт во главе с П. П. Лазаревым. Кстати, проект здания института был разработан ещё при участии П. Н. Лебедева, не дожившего до его осуществления (скончался в 1912 г.). Но после ухода из Московского университета Лебедев успел создать на частные средства физическую лабораторию в университете Шанявского. В ней-то и довелось работать Е. Е. Сиротину

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

до открытия 1 января 1917 г. Физического института уже в специально построенном здании (ныне здесь помещается Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша).

Ещё один штрих к портрету Е. Е. Сиротина – в автобиографии, написанной Е. А. Зверевой, студенткой КГРКУ, одновременно работавшей в университете препаратором в кабинете физики. Вспоминая годы учения в Московской женской гимназии М. А. Сомовой, она пишет: «Стоит также отметить тот факт, что преподавателем физики был ныне профессор Костромского университета Е. Е. Сиротин. Почти полное отсутствие приборов не давало ему возможности сопровождать демонстрацией свои уроки, но это не помешало ему вызвать очень серьёзное отношение, а в некоторых и интерес к своему предмету. По моему мнению, он очень часто подводил нас к физике как к науке, а не как только к учебному предмету, к чему в сущности сводилось преподавание очень многих предметов и, например, математики. Этот учебный год – самый светлый из всех моих ученических лет. Здесь впервые пробуждается влечение и интерес к науке. Этот год я впервые посещаю вечерние лекции в университете Шанявского»¹.

Начинать преподавание физики в Костроме Сиротину приходится в условиях, аналогичных тем, о которых написала его бывшая гимназистка, – при полном отсутствии приборов для демонстрации и оборудования для проведения хотя бы элементарных учебных экспериментов. Поэтому можно вообразить, сколько нужно было приложить сил, чтобы в 1920 г. писать уже о «лаборатории по исследованию специальных вопросов физики». Эти усилия подтверждаются документами: только приступив к работе, Сиротин ставит вопрос о ходатайстве перед Советом народного хозяйства «об отпуске инструментов, необходимых для физической лаборатории университета»²; естественно, входит в закупочную комиссию и активно в ней работает, чтобы выделенные средства были использованы и на его кабинет физики и лабораторию³; до Костромы доходит весть о том, что физик, профессор Московского университета

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 62. Л. 16–16 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

А. П. Соколов готов продать свою библиотеку – Сиротин с готовностью берётся «осмотреть библиотеку профессора А. П. Соколова и переговорить с последним об условиях продажи её»¹. В июне 1919 г. он отправляется в командировку «в следующие университетские города Поволжья: Нижний Новгород, Казань, Самару, Саратов и Астрахань на предмет приглашения новых профессоров и преподавателей для естественного и медицинского факультетов Костромского университета, а также для переговоров о согласовании научно-литературной деятельности Костромского университета с работой вышеозначенных университетов»². А в декабре этого же года командирован на месяц в Москву и Петроград «для закупки научного инвентаря»³.

Об умении профессора Е. Е. Сиротина оперативно и быстро организовать работу говорится в отчёте уже за первый год деятельности университета: «Наряду с педагогической работой в лаборатории положено начало специальным исследованиям. Двое слушателей под руководством профессора приступили к таким занятиям и в настоящее время заняты частью теоретической подготовкой по чтению журнальной литературы, частью начальными установками. Переведено несколько специальных работ.

Что касается оборудования самого кабинета и лаборатории, то ему посвящено было главное внимание. С этой целью предпринимались неоднократные командировки в Москву и Петроград для приобретения инвентаря, который приходилось с большим трудом разыскивать и буквально своими руками, за отсутствием университетских агентов, каждую вещь переносить и перевозить в Кострому. То же и с библиотекой лаборатории. Среди приобретённых изданий (количеством до 500 наименований) имеется и специальная литература на иностранных языках»⁴.

Не прекращает Е. Е. Сиротин и своей научной деятельности, что «выразилось главным образом в виде экспериментальной работы, произведённой во время летней научной командировки в Физическом институте Московского научного института.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 29 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 77.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 27 об.

⁴ Отчёт 2. С. 23.

Тема её: «Адсорбция ионизированного газа стенкой в быстропеременном электромагнитном поле». Доложена на коллоквиуме у акад. проф. Лазарева в Физическом институте. Автореферат о ней должен появиться в № 2 «Известий Физического института Московского научного института». Кроме того, выполняется по контракту с Комиссариатом просвещения перевод с английского одного из отделов руководства по физике для Высшей школы»¹.

Работа во второй год, как отмечает Сиротин, «протекала при исключительно неблагоприятных обстоятельствах внешнего характера»: перенос налаженных уже установок в новое, притом менее удобное помещение повлёк порчу некоторого оборудования; приобретение приборов происходило гораздо труднее «ввиду ещё большего оскудения рынка и чрезмерного повышения цен, растущих несоизмерно с отпущенными ассигновками». Тем не менее, из отчёта мы узнаём ещё о двух подготовленных к печати исследованиях заведующего кафедрой².

Очевидно, умение Е. Е. Сиротина в самых трудных условиях чётко организовать работу, свою и подчинённых, и стало причиной того, что он возглавил общее руководство Костромского педагогического и сельскохозяйственного институтов. Документа об этом избрании или назначении обнаружить не удалось, но на сохранившихся документах с мая 1922 г. стоит подпись ректора Сиротина. А на время своей командировки в Москву «исправление должности ректора педагогического и сельскохозяйственного институтов» он возлагает «на проректора Владимира Ивановича Лаврова»³.

О дальнейшей жизни Е. Е. Сиротина мало что известно: из Костромы Ефим Еремеевич уехал в Минск, где с 1922 по 1927 г. заведовал кафедрой физики Белорусского государственного университета, одновременно являлся там заведующим физическими лабораторией и кабинетом (1922–1923).

На сайте Белорусского государственного медицинского университета содержатся некоторые биографические сведения: «Родился Е. Е. Сиротин в с. Солёное Займище Черныярского уезда Астраханской

¹ Отчёт 2. С. 23.

² Отчёт 2. С. 17–18.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 209.

губ. в семье крестьянина. Окончил с золотой медалью Саратовскую гимназию (1907), физико-математический факультет Московского университета (1913)»¹. Также отмечается, что Сиротин является автором первой научной статьи по математике, опубликованной учёным БГУ, а в 1925 г. командировался в Кембриджский университет для научно-педагогического усовершенствования, где познакомился со специальными методами радиоактивных измерений в лаборатории Э. Резерфорда. Указывается, что первые научные исследования в области радиофизики и электроники в БГУ проводились на кафедре физики физико-математического отделения педагогического факультета, возглавляемой профессором Е. Е. Сиротиным. Однако на этом сайте допущены и некоторые ошибки (о присвоении в 1918 г. докторской степени).

Достоверно известно, что в 1945–1949 гг. Сиротин заведовал кафедрой теоретической физики и астрономии в Калининском государственном педагогическом институте. Но своё преподавание там начал ещё до войны. Любезно разыскавшая для нас фотографию Ефима Еремеевича сотрудница музея Тверского государственного университета Екатерина Селунская датирует портрет 1939 г.

О жизни Сиротина между Минском и Тверью обнаружено письмо Е. Е. Сиротина академику С. И. Вавилову, которого он знал ещё по Московскому университету и по лаборатории П. Н. Лебедева.

15/IV 34 Фергана, почт. ящ. 29

Дорогой Сергей Иванович!

Псылаю тебе, пользуясь твоим любезным разрешением писать, прилагаемую при сём статью нашего химика, инженера, солидного и вместе с тем скромного человека. Он получил образование в Москве, по возрасту старше нас с тобой, брат, не знаю, известного ли тебе И. И. Соколова, проф. быв[ших] Высш[их] женск[их] курсов в Москве.

Анализ фтористого кальция, к[оторо]го, кстати сказать, у нас здесь в горах целые залежи, вплоть до оптических образцов, в настоящее время не имеет удовлетворительной методики. Он же, насколько я могу судить, нашёл рациональный

¹ Белорусский государственный медицинский университет. URL: http://www.bsmu.by/index.php?option=com_content&task=view&id=1485&Itemid=87 (дата обращения: 21.09.2012).

способ такого анализа. Составь, брат, протекцию: передай статью кому-либо из своих академиков, и если, конечно, она заслуживает того, напечатай её в «Докладах». Для него это был бы большой капитал. Это вторая его исследовательская работа и 4-ая печатная. Только вот французское резюме, печатанное на узбекской машинке и узбечкой-машинисткой, требует тщательной корректуры. Прошу прощения за беспочвенность, но, как видишь, ведь я не о себе прошу.

Как ты живёшь? Судя по всему, заматался ты изрядно. Где только теперь не увидишь твоего имени? Остаётся ли время на науку-то? Получаешь ли удовлетворение?

Что касается меня, то я загружен и перегружен самой дикой и неблагоприятной работой. Наукой иногда целыми неделями не приходится заниматься, а когда и приходится, то урывками, и при том, при полном отсутствии оборудования, литературы и товарищей, с к[оторы]ми можно было бы посоветоваться. Чтобы выработать по 120–130 руб. на члена семьи (а у меня их 10 чел., из них 6 стариков, к[отор]ым в сумме полтысячи лет), приходится лишать себя того, к чему больше всего лежит душа. Ну, да не беда! Всё-таки стараюсь не опуститься, продвигаюсь кое-как вперёд. То, что удастся сделать, надеюсь, будет значительным. Ну, а если не удастся, что делать? Доделает кто-нибудь другой.

Ну, пока прощай. Крепко жму твою руку. Приветствую от всего сердца Ольгу Михайловну и твоего отрока Виктора.

Николаю Ивановичу можешь передать, что, мол, здесь в далёкой Фергане некий физик угрожает потрясти основы генетики и как раз в области того самого хлопка «Маарат», тринадцать зёрен к[оторо]го он (академик Вавилов) когда-то украл у гостеприимных иностранцев. Теперь его у нас здесь целые сотни гектаров. Действительно, волей судеб я сейчас причастен к работе над этим хлопком.

Если тебе удастся как-ниб[удь] порадовать меня одной-двумя строчками, буду благодарен по гроб жизни, как говорится.

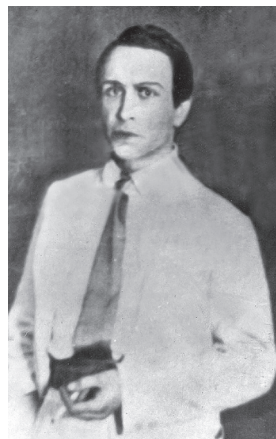
Твой Е. Сиротин¹

Привожу это письмо полностью, потому что в нём есть отпечаток не только жизни, но и души, а главное – намёк на какие-то явно непростые обстоятельства жизни Ефима Еремеевича Сиротина.

¹ Архив РАН. Ф. 596. Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 1–1 об.

Борис Марианович СЛАВОЧИНСКИЙ

1888 – не ранее 1951

Борис Седой (Славочинский) в спектакле «Потоп». Костромская драматическая студия. Постановка А. Д. Попова. 1919 г. (ГАКО. Б-171)

Фамилию Славочинский я впервые услышал от драматурга Виктора Розова, когда в июне 1989 г. наша беседа в его московском кабинете с воспоминаний о жизни драматурга плавно перешла к воспоминаниям вообще о театральной Костроме. И тогда я узнал, что костромской врач Славочинский с приездом в Кострому труппы А. Д. Попова постепенно начал забрасывать медицину и, в конце концов, стал профессиональным актёром и режиссёром. Розов встречался с ним позднее в Москве в театре Революции и в ГИТИСе, где им обоим довелось преподавать. Подтверждение этому нашлось в вышедшей в 1997 г. книге В. Н. Бочкова «Старая Кострома». Но там о Славочинском в связи с его проживанием в доме 8 по улице Долматова было сказано осторожно: «Позднее, уехав в Москву, он, по некоторым сведениям, был артистом Театра революции, профессором ГИТИСа»¹.

Начиная с 1918 г. в документах Костромского университета эта фамилия встречается часто: с 4 ноября Борис Марианович Славочинский – преподаватель естественно-го факультета по кафедре анатомии человека².

¹ Бочков В. Н. Старая Кострома: Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 196.

² Отчёт 1. С. 51.

Его личное дело уместилось на трёх страницах. Сначала заявление о работе уже в педагогическом институте:

*В Совет Костромского педагогического института.
преподавателя Славочинского Бориса Мариановича
заявление.*

Прошу считать меня кандидатом на должность преподавателя анатомии и физиологии с заведованием соответствующим кабинетом. Могу взять на себя и [специ]альный курс по анатомии и физиологии ребёнка.

20/VIII 1922

Славочинский¹

Затем традиционное curriculum vitae: «Окончил Московский ун-тет по медицинскому факультету в 1914 г. Диплом лекаря с отличием. По окончании университета проходил военную службу, работая преимущественно в хирургических отделениях госпиталей военных и Красного Креста и читая курсы анатомии, физиологии и хирургии в фельдшерских школах.

В 1917 г. был в временной научной командировке для усовершенствования в хирургии, работая под руководством проф. Н. Н. Петрова и д-ра мед. Н. И. Гуревича. В 1918 году окончил военную службу и поступил (по избранию санитарным бюро врачей) ординатором-хирургом в 1-ую Городскую больницу. В ноябре того же года был избран преподавателем нормальной анатомии человека во втором естеств. ф-те КГУ, где и состоял до июля 1922 г. (почти 4 года).

В 1920 году был в 4-месячной научной командировке в Москве для изучения специально детской хирургии. По возвращении из командировки заявил <обгор.> избранию конференцией врачей на должность заведующего хирургическим отделением детской больницы.

Научная работа выражалась в следующем...»² Затем следует перечисление девяти работ, начиная со студенческой, правда, без ссылок на публикации, затем подпись и адрес. Дату рождения Бориса Мариановича мы смогли установить по обгоревшему клочку анкеты в другом деле.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 70. Л. 23.

² Там же. Л. 23–24.

Славочинский Борис Марианович, 1888, женат.

Какую занимает должность

а) основную: заведующий Анатомическим институтом Костромского университета. Обязательный курс нормальной анатомии на естественном факультете и младшем отделении медицинского факультета при естественном.

в) по совместительству: заведующий хирургическим отделением I городской больницы¹.

Из различных упоминаний о Б. М. Славочинском, из опубликованных отчётов видно, какой наполненной была в эти годы его преподавательская деятельность. Уже из отчёта за первый год узнаём, какие серьёзные курсы прочитаны студентам-естественникам. Кафедра состояла из одного лишь преподавателя и двух препараторов, и вот усилиями этих трёх человек (правда, на кафедре ещё числился художник А. А. Любимов, которому, однако, приходилось обслуживать и все другие кабинеты естфака и частью гуманитарного) «было положено начало организации студенческого учебного музея по образцу такового же в Московском университете»; был создан, хотя и во временном помещении – постоянное под него ещё только приспособлялось, анатомический театр. То есть дело ведётся явно с размахом, для того чтобы в университете открыть медицинский факультет. «По окончании ремонтных работ и переделок, – читаем в отчёте, – здание будет заключать:

1) Большой секционный зал для занятий студентов;

2) Малый секционный зал для работ преподавательского персонала и препараторов с лабораторией, соответственно оборудованной;

3) Изолированно от этих комнат расположится прозекторская с библиотекой, гистологический кабинет, студенческий учебный музей, аудитория и квартира служителя.

В непосредственной близости от секционного зала уже выстроен бетонный морг с 10-ю бетонными ваннами для заготовок трупного материала.

В настоящее время работы по перестройке всё ещё, к сожалению, не окончены вследствие отсутствия достаточного числа рабочих рук и задержек с получением необходимых строительных

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

материалов, и начать новый учебный год придётся в прежнем временном помещении¹.

Эпидемия сыпного тифа 1919 г. также подтолкнула к открытию медицинского факультета: Совет университета 5 ноября 1919 г. постановляет открыть младшее отделение медицинского факультета в составе 3-х младших курсов. Для этого, оказывается, уже немало сделано, и не только по подготовке материальной базы. Совет так обосновывает своё постановление: «Идя навстречу настойчивым желаниям общественных организаций, а также не менее, если не более, – настойчивыми пожеланиями слушателей университета, среди которых в минувшем учебном году образовалась специальная группа человек 70–80, специально работающих по циклу медицинских наук...»² Разве за этим не стоит педагогический талант Б. М. Славочинского? И это наряду с даром врачевным, организаторским, да ещё и актёрско-режиссёрским.

Театр, оказывается, увлекал Бориса Мариановича с гимназических лет. Подтверждение тому – в мемуарах Л. А. Колгушкина, писавшего о Костромской мужской гимназии: «В гимназии была своя самодеятельность... На школьные вечера приглашались родители и гимназистки. Выступали хор, оркестр и солисты. Хорошими вокальными данными владели Николай Сологуб и Иван Виноградов, руководил танцами восьмиклассник Треберт, соло на скрипке исполнял Антон Цимблер, а драмкружок был в руках Бориса Славочинского»³.

И как только Бориса Мариановича хватало на всё в эти трудные годы! Ведь уже весной 1919 г. костромские зрители увидели первые спектакли театральной студии А. Д. Попова «Потоп» и «Сверчок»⁴, и в них уже играл Славочинский, правда, в театральных афишах он значится под псевдонимом Б. Седой. В воспоминаниях Попова мы читаем: «Вернувшись в Кострому, я немедленно приступил к набору молодёжи в студию... В городе оказался театральный кружок студентов и курсисток костромичей, отсюда я привлёк Н. А. Шипова,

¹ Отчёт 1. С. 28–29.

² Отчёт 2. С. 6.

³ *Колгушкин Л. А.* Воспоминания // Костромская земля. Вып. 5. Кострома, 2005. С. 85–86.

⁴ В Губ. Драматич. Студии // Красный мир. 1919. 12 нояб.

А. А. Кроткову, Л. Н. Ларину и Б. М. Седого... В основном это была молодёжь, мечтавшая о театре и готовая работать день и ночь»¹.

С открытием нового факультета нагрузка в университете увеличивается, Славочинский преподаёт свой предмет и на рабфаке. А ещё частые командировки в Москву за оборудованием, инструментарием, пособиями. Не всегда удаётся уложиться в отведённое время. В одном из архивных дел находим такой документ.

Прошу правление университета считать мою последнюю командировку в Москву от 31 мая длившейся 24 дня согласно действительности. Выполнить возложенное на меня поручение в течение двух недель не представлялось возможным вследствие того, что фирмы, выполнявшие заказ, медлили с отборкой и упаковкой заказа. Расплачиваться же по счетам было возможно только после отборки и упаковки закупленных вещей.

*Б. Славочинский*²

Остаётся ещё ответственная и трудная работа хирурга. Но что особенно поражает: в списке слушателей гуманитарного факультета под номером 829 встретилась знакомая фамилия: Славочинский Борис Марианович³.

Что ещё удалось узнать об этом человеке? Впоследствии он действительно оставил медицину и стал театральным режиссёром. Когда он оставил Кострому? По крайней мере, в наших библиографических записях есть такая: «Режиссёр Б. Седой. “Сенсация”: К постановке в театре им. Островского. Северная правда. 1931, 20 марта». Но к 1935 г. Б. М. Седой уже явно

*Б. Седой (Славочинский)
в роли Ивана Грозного.
Костромской драмтеатр.
1930-е гг. ГАКО. Б-175*

¹ *Попов А. Д.* Творческое наследие: Воспоминания и размышления о театре. Художественная целостность спектакля. М., 1979. С. 150.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об.

в столице: в репертуаре Театра революции 11 мая премьера – “Ромео и Джульетта” Шекспира. Постановка А. Д. Попова, сопостановщик и художник И. Ю. Шлепянов, режиссёры Б. М. Седой, Д. В. Тункель, С. В. Шервинский, музыка В. Н. Крюкова, балет-мейстер И. А. Моисеев»¹. На сайте «Театры Москвы» на странице нынешнего Театра им. Маяковского в разделе «Актёры» под фамилией «Борис Седой» стоит дата: 1931–1941². Личное дело Славочинского-Седова в фонде этого театра имеет даты: 9 декабря 1938 – 5 апреля 1941³. Дело преподавателя режиссуры музыкального театра, доцента Славочинского-Седова в фонде ГИТИСа датируется так: 29 июня 1947 – 3 июля 1951 г.⁴ В том же архиве в фонде Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тоже есть его личное дело⁵.

¹ Московский академический орден Трудового Красного Знамени театр имени Вл. Маяковского, 1922–1982 / авт.-сост. В. Я. Дубровский. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.

² <http://www.kino-teatr.ru/teatr/37/> (дата обращения: 21.03.2011).

³ РГАЛИ. Ф. 655. Оп. 3. Ед. хр. 316.

⁴ РГАЛИ. Ф. 650. Оп. 6. Ед. хр. 438.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 12. Ед. хр. 915.

Борис Матвеевич
СОКОЛОВ
07(19).04.1889 – 30.07.1930

*Братья Борис Матвеевич (справа)
и Юрий Матвеевич Соколовы. 1919 г.*

Братья-близнецы Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич Соколовы родились в Нежине. Но скоро их отец был избран профессором Московского университета, и семья переехала в Москву. Когда Матвей Иванович Соколов скончался, опекуном братьев был назначен известный филолог Вс. Ф. Миллер. Влияние сначала отца-слависта, затем Миллера рано пробудило в братьях интерес к народному творчеству. И после второго курса университета они совершили экспедицию в Новгородскую губернию, результатом которой стал сборник «Сказки и песни Белозерского края» (1915), и по сей день остающийся классическим изданием русского фольклора. После окончания университета братья были оставлены для подготовки к профессорскому званию. Но при всей внешней схожести и духовной близости, Борис Матвеевич, очевидно, был более собранным и организованным, он быстро подготовился и сдал магистерский экзамен, а Юрия Матвеевича несданный экзамен ещё довольно долго тяготил и являлся для него камнем преткновения на пути к получению профессорского звания.

Борис Матвеевич Соколов был назван в числе профессоров Костромского университета ещё в телеграмме

Н. Г. Городенского из Москвы, в которой был представлен состав гуманитарного факультета. Этот состав временная коллегия утверждает 4 ноября 1918 г.¹ То, что в списке преподавателей университета у Соколова записан не московский, а костромской адрес: «Богоявленская ул., д. 13, кв. 2»², а фамилия его постоянно присутствует в числе принимающих участие в факультетских заседаниях, свидетельствует, что, по крайней мере, в ноябре – декабре Б. М. Соколов живёт в Костроме постоянно. Он преподаёт курс русской народной словесности и ведёт соответствующий семинарий, а ещё читает введение в науку о русском языке³. Затем в занятиях Б. М. Соколова в Костроме наступает вынужденный перерыв, который он сам объясняет 20 января 1919 г. в заявлении на имя ректора так: «Имею честь уведомить Вас, что в силу современных условий железнодорожного сообщения с Костромой и по состоянию своего здоровья (недавно перенесённая операция и болезнь почек) я, к сожалению, лишён возможности совершать поездки в Кострому для чтения лекций и ведения семинарских занятий впредь до восстановления тех условий сообщения с Костромой, при которых состоялось приглашение меня на должность профессора, или до облегчения поездок в Кострому каким-либо другим путём»⁴.

Но Кострому Б. М. Соколов не забывает. Об этом говорится в письме Н. Г. Городенскому 14 февраля 1919 г.

*Многоуважаемый Николай Гаврилович,
посылаю с Алексеем Ивановичем Некрасовым счета на высланные в университет с г. ассистентом по кафедре географии Вишневым книги, подобранные мной для университетской библиотеки. Книг этих оказалось на сумму 19.377 р. 97 к. Аванс был выслан О-ву народ. просвещения в размере 15.000 р. Я прошу оплатить посланные счета полностью, а 15.000 оставить О-ву для производства дальнейших закупок. Дальнейший подбор книг продолжаю непрерывно. Очень бы хотел знать пожелания коллег по у-ту, издания*

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

³ Отчёт 1. С. 10.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

каких учёных обществ и учреждений считают они нужным приобрести для университета.

Надо ловить время: книги с быстротой молнии исчезают из Москвы.

Страшно недоволен, что из-за ужасных условий сообщения с Костромой до сих пор по состоянию здоровья не могу рискнуть приехать туда. Но думаю собраться с духом приехать. Надеюсь наверстать пропущенное в более тёплую погоду.

Кстати, и в Москве занятия в университете почти не идут, т. к. в аудиториях 2–3 градуса мороза.

Мой привет товарищам.

Преданный Вам Борис Соколов¹

3 марта он уже сам присутствует на заседании факультета, где слушается «сообщение о получении телеграмм Шишмарёва, Некрасова, Соколова, Ковалевского о приезде их для назначения лекций»².

В. И. Смирнов, обрадованный возвращению Б. М. Соколова (уж он-то как этнограф и фольклорист знает цену этому специалисту), тут же «докладывает о предложении проф. Б. М. Соколова организовать и использовать научно-этнографический отдел общества для целей университетского преподавания». Предложение это принимается, и даже назначается оплата Соколову за эту работу. Мы должны лишь пожалеть, что скоро Кострома потеряла этого специалиста. 10 мая 1919 г. датировано такое заявление.

Вследствие последовавшего избрания меня на должность профессора по кафедре русской словесности в Саратовском государственном университете и моего отъезда на место службы в Саратов я принужден отказаться от должности профессора Костромского государственного университета.

Профессор Борис Соколов³

В Саратове с мая 1919 до конца 1923 г. Соколов успел действительно очень многое. Борис Матвеевич не ограничился прямыми

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–19 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 4.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

обязанностями университетского профессора: он организывает фольклорные и этнографические экспедиции, устраивает в Саратове образцовый этнографический музей, участвует в борьбе с голодом и организует Музей голода.

На следующий год своё желание преподавать в Костроме изъявлял Юрий Матвеевич Соколов, но почему-то он не был утверждён. Так что в переписке братьев Соколовых 1919–1923 гг., когда они были разлучены (Юрий в Москве, Борис в Саратове), опубликованной в 2010 г.¹, часто фигурируют и Костромской университет, и его профессора. Правда, в этих откровеннейших высказываниях братьев дают о себе знать и обида, и субъективность восприятия.

Хотя из братьев только один дожил до создания в 1938 г. в МГУ кафедры фольклора, братьев Соколовых считают там основоположниками кафедры: «С именами двух учеников Миллера – братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых непосредственно связана история организации кафедры русского устного народного творчества на филологическом факультете университета... Все послереволюционные годы Ю. М. и Б. М. Соколовы вели интенсивную лекционно-педагогическую и научную работу, были организаторами научных краеведческих экспедиций, консультантами. По их инициативе стала выходить непериодическая серия книг “Художественный фольклор” (вып. 1–5, 1926–1929). Свой педагогический опыт Соколовы обобщили в четырёх выпусках учебной книги “Русский фольклор” (1929 – 1931): два первых издал Б. М. Соколов, а после его кончины 30 июля 1930 г. третий и четвёртый – Ю. М. Соколов. В сущности, это была единая учебная книга, изданная Бюро заочного обучения 1-го МГУ. Из выпусков возник первый полный вузовский учебник “Русский фольклор” (1938; 2-е изд.: 1941; позднее переведён на английский язык)... Именно Ю. М. Соколову современная наука о фольклоре обязана тем, что учебный и исследовательский опыт всей русской науки оказался осмыслен и сделался составной частью современной фольклористики, а сама книга до сего дня остаётся лучшим пособием по фольклору»².

¹ Из далёких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых). М., 2010.

² Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.philol.msu.ru/~folk/old/hist&sotr/fl.htm> (дата обращения: 8.09.2012).

Сочинения

Остатки былин и исторических песен в Новгородской губернии. СПб., 1910.

История старины о сорока каликах со Калкою. Варшава, 1913. Отд. оттиск из «Русского филол. вестника» (1913. № 3).

О житейских и апокрифических мотивах в былинах. М., 1916. Отд. оттиск из «Русского филол. вестника».

Былины: исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918.

Былины об Идолище Поганом. [Б. м., б. г.].

М. Н. Раевская-Волконская в жизни и поэзии А. С. Пушкина. М., 1922.

Собиратели народных песен. П. В. Киреевский, П. И. Якушкин, П. В. Шейн. М., 1923.

Очерки развития новейшей русской поэзии. Саратов, 1923.

Поэзия деревни : руководство для собрания произведений устной словесности. М., 1926.

Русский фольклор. Вып. 1. М., 1929.

Русский фольклор. Вып. 2. М., 1930.

Русский фольклор. Вып. 1. Былины. М., 1931.

Сказители. М., [б. г.].

Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых : в 2 кн. СПб., 1999.

Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых, 1926–1928 : по следам Рыбникова и Гильфердинга : в 2 т. / ИМЛИ РАН. М., 2007–2011.

Литература

Иванова Т. Г. Братья Соколовы и их сборник «Сказки и песни Белозерского края», или Зачем человеку конца XX века нужен традиционный фольклор // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых : в 2 кн. СПб., 1999. Кн. 1.

Из далёких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых) / подготовка текстов, вступ. ст., коммент. и указ. В. А. Бахтиной. М., 2010.

Михаил Иванович
СОКОЛОВ
30.08(11.09).1892–02/03.01.1984

М. И. Соколов
в последней экспедиции. 1962 г.

Всего два документа, касающиеся препаратора по кафедре геологии и палеонтологии М. И. Соколова, находятся в фонде КГРКУ.

2 апреля 1921 г.

В инженерную дистанцию.

Костромской государственной рабоче-крестьянской университет настоящим просит откомандировать конторщика Михаила Ивановича СОКОЛОВА с занимаемой им должности в распоряжение университета, так как он является специалистом по палеонтологии и необходим университету как незаменимый работник по кабинету геологии университета¹.

26 мая 1921 г. № 1418

Удостоверение

Костромской государственной рабоче-крестьянской университет настоящим удостоверяет, что Михаил Иванович Соколов действительно состоит старшим препаратором по кафедре палеонтологии в означенном университете².

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 38.

² Там же. Л. 53.

Но то, что позднее стало известно об этом человеке, лишний раз подтверждает, что даже на вспомогательных должностях в университете не было случайных людей.

Была сделана очередная попытка – и удача! Один из интернет-поисковиков вывел на публикацию А. Г. Соколова о своём деде. Связавшись с автором, я получил не только номер «Московского журнала», но и подробную семейную хронику рода Ивана Васильевича Соколова, купца второй гильдии, жившего в селе Иконниково под Костромой, поставщика двора Его Величества. Толокно, произведённое на заводе Соколова, славилось не только в России, но и во многих странах Европы. Оно неоднократно завоёвывало медали международных и российских выставок. Прислал Александр Георгиевич и полный текст своего очерка (до его правки и сокращения в редакции), который мы приводим с некоторыми купюрами.

*М. И. Соколов с женой
Людмилой Александровной
Фото 1917 г.*

Михаил Иванович был первенцем Ивана Васильевича Соколова.

Гимназию он окончил хорошо и в 1912 году поступил в Императорский Московский университет на физико-математический факультет, на отделение естественных наук. Юный студент учился у выдающихся учёных с мировым именем – В. Вернадского и А. Ферсмана.

Проучился студент благополучно до осени 1917 года. А после Октябрьской революции, когда большевики взяли власть в стране и в университете начались беспорядки и раскол, учёба практически прекратилась. Последняя лекция, прослушанная студентом Соколовым, – лекция Павлова по истории геологии осенью 1917-го.

С августа 1918 по август 1919 Михаил преподавал естественную историю в Костромском коммерческом училище. Осенью 1919 был призван в Красную Армию и откомандирован

в Костромскую губернскую военно-инженерную дивизию, где прослужил до мая 1921 г., потом был демобилизован и зачислен на кафедру палеонтологии при Костромском университете.

А когда русская смута утихла, в 1922 году отправился в свою первую научную поездку – в Азовско-Черноморскую научно-промысловую экспедицию на Азовское море.

С 1923 по 1928 г. Михаил Иванович работал научным сотрудником геологической лаборатории Костромского научно-общества¹ и параллельно принимал участие (вместе с геологическим институтом при Московском университете) в изучении морских террас Чёрного моря, а также палеогеографии и тектоники края в экспедиции знаменитого академика А. Д. Архангельского. Результатом этих исследований были статьи в научных журналах по геологической истории Земли. Они имели не только чисто научный характер, но и практический. На их основе определялось наличие природных ископаемых. Одним из важнейших совместных исследований группы учёных, куда входил и М. И. Соколов, стал «Краткий очерк геологического строения и нефтеносных месторождений Керченского полуострова», выпущенный в 1930 г.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война.

Михаил Иванович направляется на строительство стратегически важной железной дороги Киров – Котельнич, по которой шли с востока на фронт эшелоны с оружием, продовольствием, знаменитые сибирские дивизии. Работать

¹ Результаты этой работы отчасти опубликованы: Геологические исследования рек Покши, Сендеги, Стёжеры и левобережья Волги в пределах Костромского уезда // Труды КНО. Вып. XXXVI. Кострома, 1925. С. 16–30; Геологические исследования по р. Унже в 1925 г. // Изв. Ассоциации науч.-исслед. ин-та при физ.-мат. ф-те МГУ. 1929. Т. II, № 1. Известно также о его работах в Солигаличском уезде (В письме от 1.10.1924 солигаличский краевед Л. М. Белоруссов сообщает В. И. Смирнову: «Мих. Ив. Соколов при-был сюда 27-го сентября... Штаб-квартиру он имеет у меня. В. Г. Розепин два раза ему сопутствовал в подгородных экспедициях. Один раз и я был. Работает он азартно»). О работе М. И. Соколова см. также Отчёты о деятельности КНО за 1923–1927 гг. В отчёте за 1927 г. записано: «В августе месяце М. И. Соколов подал в отставку, т. к. был избран аспирантом Геологич. ин-та 1-го Моск. ун-та и был командирован Центральным геолог. комитетом в Крым на нефтяные изыскания» (с. 13).

приходилось практически круглосуточно, на пределе сил, едва урывая время на сон. Но и в этих условиях чувство прекрасно-го не оставляло учёного. Он вёл дневники, где записывал свои впечатления:

«...27 мая [1942 г.] Ранним утром слышал пение овсянки... видел цветущий раkitник... Всюду обилие дикой, начинающей зацветать жимолости. Вечером переезжали р. Каму, река ещё в разливе, пойма в значительной части затоплена. На левом берегу, по береговой террасе дюны, заросшие сосняком».

Дорога была построена в намеченные сроки. И так всю войну. М. И. Соколов был награждён медалью «За трудовую доблесть».

С 1946 г. М. И. Соколов работает геологом и палеонтологом во Всесоюзном аэрогеологическом тресте. Экспедиции на Алтай, в Туркмению, низовье Амударьи, Малый Балхан, Мангышлак, в Саратовскую область, Эмбенский район дали богатый материал для научных трудов. Помимо повседневной работы, связанной с поисками полезных ископаемых, Михаил Иванович серьёзно исследует геологические пласты, интересуясь вопросами истории Земли.

За долгие годы работы Михаил Иванович собрал уникальную коллекцию зубов ископаемых акул. Акулы, как известно, древнейшие обитатели Земли, которые жили в Мировом океане более 300 млн лет, и по их останкам палеонтологи определяют древность геологических пластов, возраст нашей планеты и много других параметров. Об этой коллекции прознали в Великобритании и хотели за большие деньги купить у него, но он отказал, желая оставить всё в России.

В течение нескольких десятилетий учёный собирает окаменелые зубы акул, описывает их и в 1978 г. выпускает научное исследование «Зубы акул как руководящие ископаемые при зональном расчленении меловых отложений Туранской плиты». По мнению специалистов, это исследование не потеряло актуальности и в настоящее время.

Он собрал также обширную коллекцию минералов, которая хранится ныне в Институте геологии, ею до сих пор пользуются исследователи.

Михаил Иванович знал семь иностранных языков, общался с учёными многих стран, пользовался среди них серьёзным авторитетом, и один британский учёный назвал открытый им минерал «соколовий», в честь дедушки.

Михаил Иванович любил Шекспира и читал его в подлиннике. Однажды, возвращаясь с дачи в Немчиновке, обронил из сумки книжку британского классика. Он заметил это лишь в Москве, подъезжая к дому. Семидесятипятилетний старик, как его ни уговаривали, возвращается в Подмоскowie, полдня ходит по железнодорожным путям и всем знакомым тропкам и, наконец, книгу находит.

Как-то один из внуков расшалился, схватил дедушкин хрупкий минерал, побежал с ним, споткнулся и упал, встал с разбитым носом и заплакал, кровь хлещет. А дедушка ползает по полу в поисках своей драгоценности.

Вбегает встревоженная мать:

– Как там нос?

– Да Бог с ним, с носом! Минерал-то цел? – восклицает дедушка.

Незадолго до смерти Михаил Иванович попросил Лену, дочь от второго брака, сходить с ним в «Академкнигу» на Тверской. Он вошёл в давно знакомый зал, постоял, окинул грустным взглядом книжные полки и молча вышел...

Сочинения

Геологические исследования по р. Унже в 1925 г. // Изв. Ассоциации науч.-исслед. ин-та при физ.-мат. ф-те МГУ. 1929. Т. II, № 1.

Фации альбских отложений Западной Туркмении, Южного Устюрта и Мангышлака // Материалы по региональной геологии. Геология и геоморфология складчатых областей Сибири и Средней Азии. Тр. Всесоюз. аэрогеол. треста. Вып. 4. 1958. С. 3–16.

Зональное расчленение и фации альбских и верхнемеловых отложений Закаспия // Бюл. МОИП. Отд. геол. 1966. Т. 16. № 4. С. 56–72.

Karamaiceras gen. nov. из враконских отложений Восточного Мангышлака // Палеонт. журн. 1967. № 2. С. 138–139.

Зубы акул как руководящие ископаемые при зональном расчленении меловых отложений Туранской плиты. М., 1978.

Литература

Соколов А. Г. Учёный-бессребреник: Семейный архив // Московский журнал. 2011. № 11(244). С. 16–22.

Сергей Иванович
Т Р У Х И Н
12(24).06.1882–26.02.1938

Историк, профессор А. С. Нифонтов, который во время учёбы в Костроме служил и в университетской библиотеке, набросал план-конспект своих воспоминаний, к сожалению, так и оставшихся ненаписанными¹. Есть там такая запись: «Б[иблиоте]ка “прибежище”: Князев, Трухин, Эрдели, прокурор (Вяжлинский)». Вот как сложилась судьба одного из упомянутых обитателей этого «прибежища».

С. И. Трухин обращается в конце 1920 г. с таким заявлением:

Ректору Костромского университета

Окончившего курс Московского университета в 1906 г. по историческому отделению историко-филологического факультета, имеющего звание и педагогическую практику учителя средних учебных заведений, преподавателя Костромских пехотных инструкторских курсов командного состава Сергея Ивановича Трухина

прошение.

Обращаюсь с просьбой о предоставлении мне той или иной административно-педагогической работы в Костромском университете, которая могла бы быть мне поручена по моей специальности, сообразно с моим педагогическим стажем: в библиотеке, в кабинетах, в научно-вспомогательных учреждениях и т. п. Прилагаю своё краткое Curriculum vitae².

¹ Копия двух страниц этого конспекта, где речь идёт о костромском периоде, имеется в фондах музея истории КГУ. Подлинник хранится в личном архиве проф. В. Е. Хализева, племянника А. С. Нифонтова.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

«Краткое» жизнеописание оказывается таким подробным, что занимает три страницы большого формата, исписанные красивым и чётким, убористым почерком¹. Приведём здесь лишь главные вехи жизни Сергея Ивановича.

«По окончании курсов I Костромской гимназии с золотой медалью в 1901 г. и Московского университета по историческому отделению историко-филологического факультета с дипломом I степени в 1906 г. был преподавателем...» – пишет Сергей Иванович. И далее следует такое внушительное перечисление гимназий, где он успел поработать до 1914 г., что диву даёшься, что за странная охота к перемене мест: тут и Вологда, и Пермь, и Уфа, и Кунгур, и Оренбург. А с ноября 1913 г. по ноябрь 1915 г. Трухин уже в Москве начальником образовательного отдела и ревизором образовательных учреждений Северных железных дорог.

Вообще-то путешествия он и в самом деле любил: ещё студентом впервые побывал от историко-филологического общества при Московском университете в заграничном путешествии в Константинополь, Смирну и Грецию, а экскурсии по стране он организовывал для учащихся всюду, где бы ни работал (в автобиографии он их тоже тщательно перечисляет), и всюду Трухин заявлял о себе как об активисте во всевозможных общественных делах.

«Призванный на военную службу и как нестроевой», он проходил службу в основном по линии Красного Креста, занимая при этом заметные должности, а в годы Гражданской войны службу закончил «старшим инспектором рабоче-крестьянской инспекции Юго-Западного, а затем Южного фронта в Харькове»². В Костроме в конце 1920 г. состоит преподавателем русского языка на Костромских 40-х пехотных инструкторских курсах командного состава и имеет всего 7 уроков в неделю. В верхнем левом углу прошения – резолюция Ф. А. Менькова: «Допустить к исполнению обязанностей пом. завед. библ»³.

Так Сергей Иванович с 16 января 1921 г. начинает свою службу в университетской библиотеке. И вскоре, когда с закрытием

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1 Д. 22. Л. 4–5.

² Там же. Л. 4 об.–5.

³ Там же. Л. 4.

университета штат библиотеки сокращается¹, Трухин уже преподаёт русский язык на рабфаке и здесь вскоре становится популярным преподавателем. Об этом свидетельствует документ, датированный январём 1922 г.

*В президиум Костромского рабочего факультета
Правление Костромского высшего педагогического института доводит до сведения президиума рабфака, что со стороны правления выдвинуты кандидатами:*

- 1) на должность заведывающего рабфаком Владимир Иванович Лавров,*
- 2) на должность членов президиума:
преподаватель Сергей Иванович Трухин и студент Василий Николаевич Соколов².*

О заинтересованной и творческой работе С. И. Трухина на рабочем факультете говорят и его публикации в журнале «Книгарь»³, и его заметка в «Красном мире»⁴. Но очевидно, что с приходом на рабфак нового заведующего В. П. Овсейчика отношение руководства к Трухину становится совсем иным. И на страницах «Юбилейного сборника Костромского государственного рабочего факультета. 1919–1924» (Кострома, 1924) уже никак не отмечено присутствие Трухина на факультете. А 7 января 1925 г. появляется документ:

*В Костромской ГубОНО.
Секретно*

Рабфак сообщает, что С. И. Трухин совершенно не удовлетворяет современным требованиям, ограничиваясь формальным выполнением своих обязанностей.

Зав. ГубОНО Овсейчик⁵

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 71. Л. 6

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 150.

³ Трухин С. Мысли и настроения костромских рабфаковцев (По анкете окончивших курс рабфака в 1923 г.). // Книгарь. 1923. № 2–3 (14–15). С. 20–24; Студенческий журнал как источник литературно-этнографического материала («Рабфаковец за работой», орган студенчества Костромского рабочего факультета, № 5. Май 1923 года) // Книгарь. 1923. № 11–12. С. 11–13; Экскурсия в Костромскую центральную библиотеку-коллектор студентов II курса Костр. рабочего факультета // Книгарь. 1923. № 10. С. 21–23.

⁴ Трухин С. 2 годовщина рабфака // Красный мир. 1921. 9 дек. С. 4.

⁵ Волков В. Костромские белогвардейцы. Кострома, 2009. С. 26.

Что значило подобное заявление, не трудно понять.

Заметим, кстати, что быстро делавший карьеру выдвиженец нового времени В. П. Овсейчик в 1935 г. уже с поста директора Ульяновского пединститута был назначен заведующим Красноярским краевым отделом народного образования. Многочисленные чистки среди учительства принесли свои плоды: «по самым скромным подсчётам в 1936/37 учебном году за парты не сели 6 тыс. детей... Половина из 8291 учителя края не имели среднего образования». И, конечно же, виновник такого положения с кадрами вскоре был найден: недавно назначенный зав. край-оно и, казалось бы, ещё не успевший «навредить» Овсейчик в июле 1937 г. был арестован, а через год расстрелян¹.

В тот же год, только на несколько месяцев раньше, в Москве был расстрелян и С. И. Трухин.

«Виной» стало, очевидно, его происхождение. Дело в том, что С. И. Трухин – один из обитателей усадьбы Паникарпово (возле нынешнего села Шахово Судиславского района), о которых в своё время писала Т. Войтюк-Йенсен². По-разному сложились судьбы сыновей дворянина, действительного статского советника Ивана Алексеевича Трухина. Старший Алексей погиб в 1914 г. в Восточной Пруссии. Иван сразу не принял революции и в 1918 г. стал организатором крестьянского восстания, охватившего несколько волостей Костромского уезда. Судьба младшего, Фёдора, который был участником тайного революционного кружка костромских гимназистов (об этом в романе «На Нижней Дебре» рассказал Вс. Н. Иванов), а впоследствии стал правой рукой А. А. Власова и фактически начальником штаба РОА, теперь тоже широко известна. А вот о Трухине Сергее сообщалось, что он, будучи студентом, в 1905 г. был привлечён к «формальному дознанию» Костромским губернским жандармским управлением

¹ Ильин А. Красноярские учителя во времена «Великой чистки» // Красноярское общество «Мемориал». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2007Ilin1.htm> (дата обращения: 10.02. 2011).

² Войтюк Т. Трухины из усадьбы Паникарпово // Губернский дом. 1997. № 5. С. 51–56; Йенсен Т. В. Костромская усадьба / Т. В. Йенсен, И. Ю. Кондратьева, Д. Б. Ойнас, А. И. Сорокин. Кострома, 2005. С. 340–343.

за антиправительственную деятельность и лишь через восемь лет ему было объявлено, что особый надзор за ним прекращён. «Дальнейшая судьба его неизвестна», – писала о нём Т. Войтюк.

Неизвестно, когда и какие обстоятельства вынудили Сергея Ивановича покинуть Кострому. Об этом мы можем лишь догадываться. По крайней мере, в 1930-х гг. Трухин жил в Москве, занимал незаметную должность экономиста в НИИ водоснабжения, канализации и гидротехники. Арестован 27 января 1938 г., тройкой при УНКВД по Московской области 21 февраля 1938 г. обвинён в антисоветской агитации и через шесть дней расстрелян на Бутовском полигоне¹.

Сочинения

Трухин С. Краткая историческая справка о театре и музыке в гор. Костроме. Рукопись 02.11.1923 // ГАКО. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 219.

¹ Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d33/f41.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

Борис Алексеевич
ФЛОРИНСКИЙ
Октябрь 1882–16.01.1953¹

Б. А. Флоринский. Из архива ТвГУ

Борис Алексеевич Флоринский родился в Костроме. Его отец, Алексей Степанович, был служащим земства, уездным землемером-топографом Межевого управления. В 1911 г. Борис Алексеевич с медалью окончил Костромскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Здесь под руководством молодого Н. Н. Андреева (впоследствии академика, основателя научной школы акустики) выполнил первую научную работу на тему «Поглощение коротких электромагнитных волн в бензоле».

11 октября 1917 г. Б. А. Флоринский сдаёт «установленные испытания» по специальности «Физика». После окончания университета поступает слушателем в Педагогический институт им. Шелапутина и преподаёт в московских гимназиях.

В Костроме ещё живы люди, которые помнят Бориса Алексеевича по «чижовскому» техникуму, где он начал работать, возвратившись в трудные послереволюционные

¹ Портрет Б. А. Флоринского любезно предоставлен О. Н. Бруновой, заведующей архивом Тверского государственного университета. Написано по материалам сайта математического факультета ТвГУ, на основании документов архива университета (URL: <http://math.tversu.ru/history/florinskyi/> (дата обращения: 5.10.2011)).

годы в родной город. 14 сентября 1919 г. Флоринский избран ассистентом кафедры физики¹. Он становится главным помощником профессора Сиротина в многотрудной работе по созданию кабинета и лаборатории, в проведении практических занятий по физике.

В 1921 г. Б. А. Флоринский читает репетиторный курс физики на медицинском факультете. После преобразования университета принимает в 1922 г. должность преподавателя физики и заведующего физической лабораторией педагогического института. Здесь им выполнено исследование на тему «Коагуляция под действием смеси дву- и одновалентных ионов», удостоившееся лестного отзыва акад. Лазарева. Оригинальной явилась точность методики в обнаружении следов коагуляции, значительно превосходящая точность результатов других авторов. Результаты исследования нашли отражение в публикации «Коагуляция гидрозоля сернистого мышьяка под влиянием смесей ионов калия и стронция» (Журнал прикладной физики. 1925. Т. 2, вып. 3–4). Работая в дальнейшем в индустриальном техникуме, Б. А. Флоринский никогда не оставлял научной работы.

26 марта 1922 г. Советом Костромского практического института (индустриального техникума) по электромеханической и химической специальностям Флоринский избирается на должность декана электромеханического факультета. Здесь он был организатором и руководителем электротехнической лаборатории, являвшейся одной из лучших. Заведовал учебной частью техникума, электротехническим отделением.

В сентябре 1930 г. Б. А. Флоринский приглашён Белорусским государственным химико-технологическим институтом на должность доцента кафедры физики. В Минске, в лаборатории Физического института Белорусского государственного университета в 1930/31 учебном году им проведено экспериментальное исследование по термодиффузии на тему «Эффект Людвина – Сорэ». Как и в предшествующих работах, Б. А. Флоринский проявил свойственное ему мастерство в проведении физического эксперимента. Целью работы было подвести экспериментальную базу для создания теории температурного чувства. Результаты работы отражены в публикации «Методы

¹ Отчёт 1. С. 51.

экспериментального исследования термодиффузии», напечатанной в «Известиях» Калининского педагогического института.

В Калининне Флоринский с 1931 г., он приглашён в пединститут на должность заведующего кафедрой физики, одной из крупнейших кафедр института. Работая в этом качестве, Борис Алексеевич добился заметного роста кафедры как в отношении материальной базы (помещение, средства, оборудование), так и в отношении подбора новых кадров. Особенно следует отметить большую работу по конструированию новых приборов, которая велась кафедрой в эти годы и имела значение, выходящее далеко за пределы института и даже г. Калинин. Умело руководил Флоринский и методико-педагогической и организационной работой, вовлекал студентов в работу кафедры, в кружки по специальности.

С 1934 г. Флоринский – декан физико-математического факультета. Будучи хорошим организатором и администратором, он являлся в то же время и отличным преподавателем.

Б. А. Флоринский вёл большую научно-исследовательскую работу в области молекулярной физики. Он автор ряда статей, имеющих промышленное значение. Часть исследований была связана с планом работы Московского института минералогии. Кроме работы над частной методикой читаемых им курсов экспериментальной и теоретической физики (об этом опубликовано несколько статей в методических журналах), Флоринским разработан и предложен «Демонстрационный фотоэлемент» (Математика и физика в средней школе. 1934. № 3), написана заметка «Динамопривод как источник постоянного тока для классного эксперимента» (Математика и физика в средней школе. 1935. № 6) и методическая статья «О внешнем трении» (Математика и физика в средней школе. 1936. № 3). Совместно с профессором Сиротиним велась работа на тему «Изменение вещества в электроразряде при большой плотности тока» и было закончено теоретико-экспериментальное исследование над текстильными тканями, оформленное в виде извлечения «О скорости прохождения воздушного потока через ткани» (Журнал технической физики. 1936. Т. VI. Вып. 5), а в полном виде – «Воздухопроницаемость тканей» в текстильном журнале (Лёгкая промышленность. 1937. № 5). Это исследование было оформлено в виде диссертации.

7 декабря 1934 г. постановлением Квалификационной комиссии Управления подготовки учителей Наркомпроса Б. А. Флоринский утверждён в звании доцента по физике. В 1935 г., согласно предложению начальника Управления подготовки учителей и Сектора пединститутов Наркомпроса от 28 сентября 1935 г., Калининский государственный педагогический институт представляет доцента физики Б. А. Флоринского к утверждению в учёной степени кандидата наук, как лицо, имеющее научные труды, по своему содержанию и значению отвечающие требованиям оформления в учёной степени без защиты диссертации. Однако это ходатайство пединститута Народным комиссариатом просвещения РСФСР было отклонено.

В октябре 1941 г. Б. А. Флоринский эвакуировался в г. Кострому, где заведовал лабораторией машиностроительного завода, имея поручение реорганизовать лабораторию для оборонных работ.

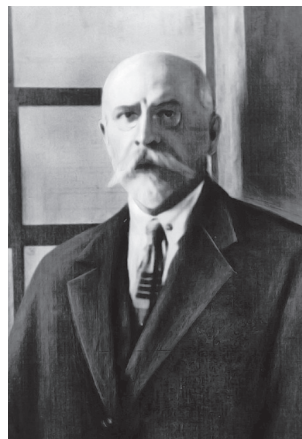
После возвращения из эвакуации в марте 1942 г. в Калинин Б. А. Флоринский с 1 апреля 1942 г. восстанавливается в должности доцента кафедры физики и декана и одновременно ему поручается временное заведование кафедрой физики. В это трудное время он принимает участие в оборонных, хозяйственных работах, в работах по восстановлению института. Являясь отличным лектором, он ведёт большую общественную работу среди населения, популяризируя достижения науки и техники. Возобновляет научную работу по вопросам методики физики и по исследованиям текстильных изделий.

В 1945 г. при разделении кафедры физики на две (кафедру общей физики и кафедру теоретической физики) Б. А. Флоринский остаётся заведующим кафедрой общей физики. Заведование кафедрой теоретической физики поручено профессору Е. Е. Сиротину.

6 мая 1946 г. Б. А. Флоринскому присуждена учёная степень кандидата физико-математических наук (на основании защищённой им 20 февраля 1946 г. в Совете физического факультета МГУ диссертации на тему «Течение воздуха через ткани»).

В 1947 г. за высокое качество подготовки кадров народного образования и в связи с 30-летием Калининского педагогического института Б. А. Флоринский награждён значком «Отличник народного просвещения».

Александр Александрович
Ф О М И Н
24.07(05.08)1868–11.12.1929

А. А. Фомин. Из архива РГБИ

К имени А. А. Фомина, к его «следам» в русской культуре и сегодня обращаются литературоведы, музейные работники, библиотекари, этнографы, фольклористы. Это свидетельство удивительно разнообразной и многосторонней деятельности Александра Александровича Фомина. Во время работы над книгой мне посчастливилось узнать, что в РГБИ судьбой и наследием одного из создателей библиотеки и её первого директора уже два года основательно занимается сотрудник Комплексного отдела иконографических материалов Т. А. Мордкович, и её находки в фондах РГБИ и московских архивов, которыми Татьяна Аркадьевна охотно с нами поделилась, помогли восстановить вехи жизни учёного.

Родился А. А. Фомин в Витебске в семье чиновника почтового ведомства. Отцу в связи с перемещением по службе пришлось вскоре переехать в Орёл. Известно, что его средний сын Иван Александрович, будущий академик архитектуры, родился в 1872 г. уже в этом городе. Позднее, когда подходило время обучения старшего сына, «отец воспользовался открывшейся вакансией в Ригу и для образования моего, моих братьев и сестёр просил перевода в Ригу, – пишет Фомин в автобиографии 1892 г.: – Вскоре

по приезде в этот тогда ещё полунемецкий город, отец поместил меня в немецкую школу, в которой я пробыл более года. Я скоро научился говорить по-немецки, но в то же время стал забывать русский язык, так что отец поторопился перевести меня в русскую классическую гимназию, в которой я кончил курс»¹.

Ещё студентом словесного отделения историко-филологического факультета Московского университета, Фомин начал работу в Строгановском училище, а также написал исследование о русской комедии конца XVIII в. на основании произведений малоизвестных и забытых писателей, удостоенное факультетом золотой медали. (Часть работы была напечатана в 1893 г. в журнале «Русская мысль».) В университете он начал заниматься составлением словаря и указателей для второго издания «Онежских былин, собранных А. Ф. Гильфердингом», этой работе Фомин посвятил восемь лет. На рубеже веков, в 1899 и 1901 гг., им были опубликованы две статьи, посвящённые А. Н. Островскому.

В 1903 г. А. А. Фомин получает приглашение возглавить частное женское коммерческое училище в Варшаве.

Нужно отметить, что педагогическая и исследовательская деятельность Фомина всегда сочеталась с собирательской работой и введением в оборот новых источников. Будучи окружным инспектором школьных заведений Рижского округа и председателем экскурсионного бюро Рижского педагогического общества, в 1908 г. Фомин, заинтересовавшись своеобразием исчезающей культуры жителей острова Рухну, организовал на острове летнюю экскурсию, в ходе которой была собрана этнографическая коллекция. «Коллекцией А. А. Фомина было положено начало музейному собранию по основным занятиям (земледелию, рыболовству, охоте на морского зверя) народов и этнических групп Эстонии в целом»². Части этого собрания сегодня хранятся в двух этнографических музеях Петербурга, Российском этнографическом музее и Кунсткамере, а в архиве Российского географического общества находится фотоколлекция с о. Рухну «из архива А. А. Фомина».

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Д. 229. Л. 3.

² Этнография народов России. URL: <http://www.ethnology.ru/biobib/Result.php?fnc=20> (дата обращения: 25.02.2012).

Вот что пишет современная исследовательница С. Мрочковская-Балашова о вкладе А. А. Фомина в пушкиноведение: «Более ста лет назад Российская академия наук получила из Парижа – в дар от сына Н. И. Тургенева – огромный архив братьев Тургеневых: письма, дневники, документы. А. А. Фомин, историк литературы, содействовавший возвращению этого сокровища на родину, на многие годы погрузился в него – читал, изучал, понемногу начал публиковать. Пушкинисты возрадовались – наконец-то, в руках у них документы пушкинской эпохи. Зачался рассвет пушкиноведения – легенды, *устные новеллы*, предания *замутнённой памяти доживающих свой век*, – на чём до сих пор оно в основном и зиждилось – теперь можно подтвердить или опровергнуть их личными бумагами. Ушли из жизни последние свидетели пушкинской эпохи – не возропщут, не опровергнут, не возмутятся нарушением этики»¹.

Последние ящики с архивом Тургеневых пришли из Парижа только осенью 1912 г., уже после смерти их жертвователя П. Н. Тургенева. Общее количество названий рукописей составило от трёх до четырёх тысяч, а общее количество листов – до 50 тысяч. Кроме того, доставлено было огромное количество книг, переданных Фоминым, как сообщает Т. А. Мордкович, в библиотеки московских музеев – Публичного, Румянцевского и Императорского Российского исторического, Императорской публичной библиотеки, Московского, Киевского и Варшавского университетов.

Занятый в эти годы самой разнообразной деятельностью, Фомин только в 1915 г. сдаёт магистерские экзамены и по прочтении пробных лекций читает некоторое время в качестве приват-доцента лекции в Петроградском университете.

В Костромском университете А. А. Фомин был избран профессором истории русской литературы 1 ноября 1918 г.² Поселился он по адресу «Жоховский п., д. 6, кв. 1»³, в доме известного костром-

¹ Светлана Мрочковская-Балашова. Дипломат Рафаэль Геррейро – воскрешение памяти. URL: <http://www.pushkin-book.ru/?id=421> (дата обращения: 23.02.2013).

² Отчёт 1. С. 50.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

ского книжника Н. Ф. Жохова, сын которого, Дмитрий Николаевич, в тот период некоторое время служил в университетской библиотеке. В течение первого учебного года в университете Фомин прочитал курс русской литературы начала XIX в. и спецкурс «Художественное творчество А. Н. Островского», провёл семинарий «Кольцов как поэт и мыслитель». На следующий год был заявлен семинарий по Лермонтову, сохранился составленный Фоминым список литературы к нему¹. Составил Александр Александрович и «План преподавания истории русской литературы и примерное количество лекций общего четырёхлетнего цикла предметов по этой кафедре и смежным с ней в Костромском государственном университете»².

Но из отчёта узнаём, что «к сожалению, ввиду болезни проф. Фомина занятия в осеннем семестре наступившего года не могли состояться»³. Впрочем, обстоятельства прощания А. А. Фомина с Костромой до конца прояснить не удаётся. Сохранившиеся в Костромском архиве документы свидетельствуют о том, что Фомин активно участвует в пополнении университетской библиотеки. Несколько документов об этом хранятся и в его фонде в РГАЛИ. Он бесконечно в разъездах, причём книги и другие пособия он собирает для университета не только в Москве.

В протоколе правления университета от 15 мая 1919 г. читаем: «Заслушаны два отношения профессора А. А. Фомина от 12-го мая: первое за № 31 с предложением приобрести для ун-та собрание книг С. Н. Грачева, около 3000 названий, и просьбою для сего выслать 25–30 тысяч рублей, и второе – за № 32 с предложением приобрести коллекции картин для проекционного фонаря в количестве около 1000 экземпляров, за 3000 рублей». В ответ на эти предложения правление вынуждено уведомить, «что в настоящее время университет не имеет возможности выслать требуемых сумм, по случаю временного закрытия кредита на учебную часть»⁴. Впоследствии финансовое положение, очевидно, поправляется, и А. А. Фомин

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 73. Л. 4–4 об.

² Там же. Л. 6–7 об.

³ Отчёт 1. С. 14.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 64.

4 августа командирован университетом «в г. г. Нижний Новгород, Симбирск и Москву сроком на шесть недель для обозрения библиотек и для приобретения и доставки в университет книг, карт и друг. учебных пособий»¹. Поездка оказалась не напрасной, но затянувшейся дольше положенного срока. Известно, что 30 сентября правление разрешает «отпустить аванс профессору А. А. Фомину в сумме до 15 000 руб. на перевозку книг из библиотек бывш. помещиков Княгининского уезда, Нижегородской губернии»². А перед этим было написанное Фоминым, видимо, из Москвы тревожное письмо В. Ф. Шишмарёву: «Получил Вашу телеграмму только 15-го сент. И на этих же днях, как только оформлю бумаги и пропуски, приеду в Кострому... Ни здесь, ни там <обгор.> не получил ответа на свои запросы ректору по поводу дел, связанных с приобретением тех ценных собраний, которые там почивают и которые легко можно было бы приобрести для нашей библиотеки. <...> Остаётся переговорить лично, а всеразрушающее время не ждёт»³.

Возможно, этот разговор с руководством, а возможно, действительно болезнь (поездки того времени были небезопасны, а в 1919 г., когда свирепствовал сыпной тиф, в особенности) были причиной того, что в Костроме долго и тщетно ждут Фомина. И наконец, 27 ноября декан Шишмарёв ставит вопрос «о положении кафедры русской литературы в связи с затянувшимся отсутствием проф. Фомина», и факультет постановляет: «в случае дальнейшей столь же неуважительной неявки А. А. Фомина в течение настоящего полугодия к исполнению проф. обязанностей считать кафедру им занимаемую свободной»⁴. И через некоторое время было получено заявление Фомина об отказе от профессуры в Костроме⁵.

Фомин тем временем уже профессор Московского университета, а с сентября 1920 г. – преподаватель, а позднее и декан историко-литературного отделения Высших драматических курсов при академическом Малом театре. «Может быть, самым интересным

¹ РГАЛИ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 74. Л. 10–10 об.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 27.

и самым важным делом моей жизни являлась возможность, начиная с 1921 года, осуществить на практике проверенную личным... 35-летним опытом такую систему организации специальной научно-исследовательской библиотеки... которая, порвав с рутинной тысячелетних традиций, вопреки всем бюрократическим формальным требованиям и трафаретам современного библиотековедения, вызывает удивление иностранцев»¹, – так оценивал впоследствии сам Александр Александрович свою работу по созданию театральной библиотеки при Малом театре.

Эта библиотека впоследствии несколько раз меняла своё название. В 2012 г., когда РГБИ отмечала своё 90-летие, была организована выставка, посвящённая не только создателю библиотеки А. А. Фомину, до конца жизни остававшегося её директором, но и всему талантливому семейству Фоминых, давшему России немало архитекторов и художников.

Сочинения

Старое в новом: (Отголоски комедии XVIII в. в комедиях нашего времени) // Русская мысль. 1893. Кн. 2. С. 23–36.

Положение русской женщины в семье и обществе по произведениям А. Н. Островского : литературные материалы для истории русского общественного развития в XIX веке // Русская мысль. 1899. Кн. 1. С. 120–134; Кн. 2. С. 72–92; Кн. 4. С. 27–57.

Новый историко-литературный клад : [архив братьев Тургеневых]. М., 1906.

Новые материалы для биографии Пушкина: (Из Тургеневского архива) / публ. и предисл. А. Фомина // Пушкин и его современники : материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1908. Вып. 6. С. 46–97.

Пётр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. 1853–1912. Материалы для биографии // Отчёт о деятельности Отделения рус-

¹ Цит. по: Шматкова М. С. Александр Александрович Фомин – основатель Театральной библиотеки // История театральных библиотек и коллекций: докл. и сообщ. Пятых науч. чтений «Театральная книга между прошлым и будущим» (Москва, РГБИ, дек. 2002 г.) / сост. и науч. ред. А. А. Колганова; лит. ред. Н. И. Быкова. М., 2003. (К 80-летию РГБИ). С. 40.

ского языка и словесности Императорской академии наук за 1912 год», составленный академиком Н. А. Котляревским. СПб., 1912.

Андрей Сергеевич Кайсаров, 1782–1813 : новые материалы для биографии и для характеристики его литературной деятельности из архива П. Н. Тургенева. СПб., 1912.

Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров : [материалы о А. И. Тургеневе] : новые данные о них по документам архива П. Н. Тургенева. СПб., [1912].

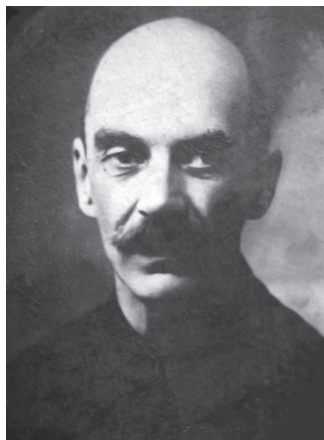
Поэт и король, или История одной дружбы : переписка В. А. Жуковского с королём прусским Фридрихом IV. СПб., 1913.

Пётр Николаевич Тургенев и его дар русской науке : [арх. братьев Тургеневых]. СПб., 1913.

К вопросу об авторах неподписанных статей в «Литературной газете» 1830 г. и статья Ал. С. Пушкина об Ив. В. Киреевском по поводу его обзора русской литературы // Фомин А. Памяти А. С. Пушкина. СПб., 1914.

К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX в. Пг., [1915].

Сергей Васильевич
Ф Р Я З И Н О В
25.09(07.10).1891–1971

*С. В. Фрязинов
С групповой фотографии 1930-х гг.*

Исследователи из Твери и Нижнего Новгорода, доктора исторических наук И. Г. Воробьёва и А. А. Кузнецов, обобщив свои многолетние и тщательные изыскания, к 120-летию со дня рождения С. В. Фрязинова представили первый научный портрет историка: «Объёмное личное дело С. В. Фрязинова в составе фонда Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина, документы нижегородских архивов, устные сообщения лично знавших его людей, а главное, его труды дали нам возможность составить биографию историка, что дополняет представления о науке и обществе советской эпохи»¹. Подробно в этих публикациях отражён и костромской период жизни Фрязинова, поэтому с согласия авторов, любезно откликнувшихся на мои поиски и предоставивших тексты и материалы тогда ещё не опубликованных статей, я ограничусь фрагментом одной из их работ.

Сергей Васильевич Фрязинов, заполняя Личный листок по учёту кадров 14 февраля 1933 г., записал о себе: «Родился в Костроме 25 сентября по старому стилю 1891 г.;

¹ Воробьёва И. Г. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) / И. Г. Воробьёва, А. А. Кузнецов // Диалоги с историей. М., 2011. С. 377.

народность – великорус; социальное происхождение [следовало указывать бывшее сословие или звание] – сын статского советника; основное занятие родителей: отец преподаватель (умер), мать – домашняя хозяйка (на моём иждивении), социальное происхождение – служащий; беспартийный»¹.

Более ранние документы свидетельствуют, что его отец, Василий Гаврилович Фрязинов (18.06.1859–29.04.1922), служил в духовной семинарии Костромы как помощник инспектора и преподаватель богословия². Мать – Мария Петровна, урожденная Попова – дочь инспектора Костромской семинарии, в доме которого на улице Пятницкой и жила семья Фрязиновых, имевшая несколько детей.

Сергей учился в мужской гимназии³ и прославился в городе тем, что не получал иных оценок, кроме отличных. Гимназист Фрязинов обладал уникальной памятью, чем восхищались впоследствии его коллеги-педагоги. Так, в рекомендательном письме профессора Е. М. Чепурковского, заведующего учебной частью Костромского пединститута, от 17 августа 1923 г. сказано: «Считаю долгом засвидетельствовать, что Сергей Васильевич Фрязинов весьма талантливый преподаватель, обладающий громадной памятью, что позволяло ему с выдающимся успехом нести обязанности секретаря правления и факультета; ему всегда были вполне известны дела всех студентов, все законы и циркуляры по учебной части, и на нём лежала вся тяжесть канцелярской работы правления, что я как член его и свидетельствую».

Окончив гимназию с золотой медалью, С. В. Фрязинов в 1909–1913 гг. продолжил учёбу в Московском университете на историко-филологическом факультете. В копии диплома⁴ указано, что все испытания он выдержал весьма

¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 17. Указанная дата рождения (1893 г.) в некрологе и в ряде нижегородских статей, упоминавших С. В. Фрязинова, ошибочна.

² Биографические сведения о семье Фрязиновых нам сообщил костромской библиограф П. П. Резепин, за что авторы статьи выражают ему искреннюю благодарность.

³ Резепин. 2006.

⁴ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 19.

удовлетворительно, т. е. по нынешней шкале оценок диплом можно назвать «красным».

С. В. Фрязинов получил в университете хорошую подготовку. В 1909/10 акад. году он прослушал читавшийся А. Н. Савиным курс, посвящённый историографии Великой французской революции. Эти лекции произвели на него сильное впечатление, их конспекты он хранил до конца жизни, и сейчас с ними можно ознакомиться в архиве Музея Нижегородского государственного университета.

В 1911 г. профессор А. Н. Савин предложил студентам на соискание медалей тему «Тэн как историк и социолог», тесно связанную с происходившей незадолго до того полемикой между французским историком Альфонсом Оларом и его школой, с одной стороны, и защитниками Ипполита Тэна, с другой. Фрязинов принял участие в конкурсе, и его работа на основании отзыва А. Н. Савина была удостоена факультетом золотой медали¹.

Тему Французской революции Фрязинов не забросил и после окончания университета. Многие годы он изучал мировоззрение талантливейшего и плодовитого философа и литературоведа И. Тэна, писал о нём книгу, мечтал защитить диссертацию, о чем мы обстоятельнее расскажем далее.

Почему студента Фрязинова заинтересовала всеобщая история, нам неизвестно. Возможно, по причине хороших знаний иностранных языков он включился в разбор оживлённой полемики во французской литературе начала XX в. В многочисленных анкетах он сообщал, что свободно владеет французским языком, с итальянского и английского переводит без словаря, читает и может объясняться по-немецки. В 1940-е гг. Фрязинов изучил испанский язык.

Выпускная работа студента Фрязинова, как было сказано, выполнялась под руководством Александра Николаевича Савина – профессора с мировым именем. Он и рекомендовал Фрязинова для подготовки к профессорскому званию. В советское время поствузовское образование стали называть

¹ Самооценка студенческой работы имеется в машинописной копии варианта диссертации «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (118 листов), хранящейся в не разобранном пока личном фонде историка в Музее Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

аспирантурой, поэтому Фрязинов постоянно сообщал в своих документах: «...представлен был профессором А. Н. Савиным к аспирантуре по истории Запада, оставленным при университете состоял в течение трёх лет в 1914–1917 гг.»¹ Как видим, он не отказывался от принадлежности к старой университетской корпорации. <...>

Педагогический стаж Фрязинова начался ещё до революции, с 1914 г. он преподавал в московских гимназиях². В Костроме на волне революционно-преобразовательного энтузиазма открылся Рабоче-крестьянский университет. С декабря 1919 г. Фрязинов читал в нём лекции по средневековой и новой истории Запада. Любопытно, что и его отец, бывший преподаватель семинарии, состоял в этом университете научным сотрудником кафедры обществоведения³. Одновременно С. В. Фрязинов преподавал историю на рабочем факультете и в средней школе. Отвечая на вопрос анкеты об участии в выборных (партийных, советских и профсоюзных органах), Фрязинов написал: «Советская школа 2 ст. в Костроме. Член исполнительный коллегии школы, секретарь, библиотекарь 1918–1919. Костромской университет и пединститут. Зам. секретаря ф-та, секретарь ф-та, секретарь объединённой части, член библиотечной комиссии, зав. историческим кабинетом 1920–1923»⁴.

Конфликтов с новой властью Фрязинов, видимо, не имел, но сохранил на случай предъявления своей лояльности власти важное удостоверение, представленное позднее в Калининский пединститут. Заведующая клубным кабинетом Пролеткульта М. Растопчина, член РКП(б), 1 октября 1925 г. свидетельствовала: «Как бывший член Костромского педагогического института и зав. клубной секцией Губполитпросвета, настоящим удостоверяю, что Сергей Васильевич Фрязинов,

¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 21.

² См. копию Трудового списка Фрязинова: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 30 (Непонятно, с какой целью С. В. ввёл в заблуждение нынешних биографов. На самом деле он с 1914 г. преподавал в Костромской мужской гимназии (ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 434. Л. 7 об. – справка П. П. Резепина; Справочная книжка по Костромской губ. на 1915 год. Кострома, 1915. С. 57: То же на 1916 год. С. 29). (В. С.).

³ Сведения представлены П. П. Резепиным.

⁴ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 17.

состоя преподавателем ряда костромских учебных заведений, читал многочисленные лекции в рабочих и красноармейских аудиториях»¹.

В Костроме Фрязинов увлёкся изучением местной истории, что оказалось актуальным почти для всех губернских городов, где ещё сохранялись учёные архивные комиссии и рождались новые научные институты. Так, Костромское научное общество активизировало свою деятельность, приняв новых членов. Фрязинову доверили публикацию архива дворян Волженских, приобретённого Обществом ещё в 1914 г.² <...>

Первая научная публикация историка состоит из двух частей. Обширная вступительная статья на основе семейного архива представляла дворянский род Волженских, состав семьи в течение нескольких поколений, способы приобретения земельных владений. Историк обращал внимание читателей на то, как отстаивали и преумножали дворяне своё достояние, как несли государственную службу, платили налоги, как жили в семейном кругу, вели хозяйство и боролись за рабочие руки в тяжёлые годы хозяйственного кризиса, повлиявшего на культурный уровень помещиков и их крестьян. Локальное исследование Фрязинова, находящееся в дореволюционной традиции российской генеалогической науки с её вниманием к семейным архивам русской аристократии, дополняло и корректировало общие работы, в частности «Замосковный край XVII века» Ю. В. Готье.

Вторая часть книги Фрязинова – публикация документов (чуть больше сотни), распределённых по разделам: материальное положение Волженских, пожалования Волженских, о службе, данные о движении населения, сведения о сельском хозяйстве, культурный уровень помещиков, духовенства, крестьянства. По словам рецензента А. Андреева, С. В. Фрязинов не оставил без пояснений ни одного документа, охарактеризовав хозяйство московских служилых людей с XVII в.

¹ Оригинал был приложен к документам при устройстве на службу в Калининский пединститут в январе 1933 г. См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 6.

² Здесь следует добавить, что С. В. Фрязинов входит в правление Костромского научного общества, принимает участие в редактировании исторических и этнографических сборников КНО, входит как представитель Общества в состав совета при Губархиве. (Отчёт о деятельности КНО за 1920 год. Кострома, 1921. С. 8, 16).

Выполненной работой С. В. Фрязинов гордился не без основания. «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде» – замечательный образец кропотливого источниковедческого анализа, освоенного в школе Московского университета¹.

Дальнейшую судьбу историка-костромича можно проследить по его собственному изложению в письме С. И. Архангельскому 17 августа 1949 г. при устройстве на работу в Нижегородский университет.

С «упразднением» истории М. Н. Покровским и ликвидацией института в Костроме осенью 1923 г. переехал в Москву. В 1923–31 гг. преподавал в разл[ичных] московских учебных заведениях, некоторое время вёл методическую работу с учительством и жил наполовину литературной работой (в сов[етских] энциклопедиях, педагогических журналах и др.). В 1931 г. зачислен был рецензентом исторической литературы в существовавшем при Госуд[арственном] издательстве критико-библиографическом институте; с февраля 1933 г. по осень 1938 г. – доцент Калининского пед[агогического] института (читал гл[авным] обр[азом] средневековую историю, но иногда – и древнюю, кроме истории первобытной культуры, и первый период новой истории; в Калинин ездил из Москвы). Осенью 1938 г. перешёл в Московский областной пед[агогический] инст[итут] доцентом истории средних веков, работал одновременно по тому же предмету в заочном секторе Моск[овского] пед[агогического] инст[итута] им. Ленина (с заочниками обл[астного] пед[агогического] инст[итута] и инст[итута] им. Ленина, сильно поредевшими, работал ещё некоторое время на почасовой оплате в период войны). С начала 1942 г. по сей день – доцент Моск[овского] пед[агогического] инст[итута] иностранных языков, в 1943/4 акад[емическом] году читал историю Раннего Средневековья и первого периода новой истории в эвакуированном тогда на год под Москву Белорусском гос[ударственном]

¹ Воробьёва И. Г. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) / И. Г. Воробьёва, А. А. Кузнецов // Вестник ТвГУ. 2011. № 6. Серия: История. Вып. 1. С. 62–87.

университете. Утверждён в доцентуре 27/III 1934 г., кандидат истор[ических] наук с 19/VI 1938 г. <...>

Общая тематика моих работ, как видите, пестра, – но так уж складывалась жизнь, особенно в связи с работой в провинциальных институтах, где в порядке «педагогической нагрузки» превращают преподавателя, за недостатком людей, в своеобразного «универсала». Ещё не так давно, года 4 назад, пришлось, в связи с перспективой преподавания истории Испании в инст[итуте] иностр[анных] яз[ыков], приняться за изучение испанского яз[ыка], овладевая им настолько, чтобы быть в состоянии читать историческую книгу на этом языке¹.

В Горьковском университете С. В. Фрязинов преподавал с 1950 г. до начала 1959 г. Как вспоминает ученик С. В. Фрязинова в Горьковском университете, руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН академик Г. А. Куманев, «режим работы Фрязинова был напряжённым: он приезжал на поезде в Горький, отчитывал массив лекций по новой истории Западной Европы или принимал зачёты и экзамены. Мог останавливаться у знакомых, а мог непринхотливо устроиться ночевать на диване в деканате. Фрязинов остался в студенческой памяти своеобразным чудачком-учёным типа жюльерновского исследователя, увлечённого своим делом»².

Несмотря на такой «приездной» характер работы, в памяти студентов тех лет Сергей Васильевич оставил глубокий след³, а в библиотеку университета после смерти была передана его

¹ Центр. архив Нижегородской обл. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8–9. (Текст письма любезно сообщён А. А. Кузнецовым).

² Цит. по: Воробьёва И. Г. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) / И. Г. Воробьёва, А. А. Кузнецов // Диалоги с истории. М., 2011. С. 398.

³ См.: Колобов О. А. Я люблю мой истфак // Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского. Исторический факультет. URL: <http://www.unn.ru/rus/f3/hist1.htm> (дата обращения: 5.03.2011); Кузнецов Е. В. Одна жизнь менялась на другую. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008; Левин А. Я. ...лишь благодарность // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Вып. 3. Н. Новгород, 2006.

библиотека – около 7000 томов книг по истории Западной Европы и России и архив учёного. Ещё 10 000 томов трофейных изданий стараниями Фрязинова было получено университетской библиотекой из резервных фондов московских библиотек¹.

Сочинения

Великая французская революция : научно-популярный очерк. М., 1927.

Из области методики исторической экскурсии (в соавторстве с Павловым Л.) // История в средней школе. 1934. № 4. С. 100–106.

О преподавании истории на исторических факультетах педвузов // Борьба классов. 1935. № 6. С. 125–127.

Переиздание «Истории XIX века» // Книга и пролетарская революция. 1938. № 1. С. 95–100.

Новая книга о жерминальском и прериальском восстаниях // Книга и пролетарская революция. 1938. № 5– 6. С. 149–157.

Новое учебное пособие по истории древнего Рима // Книга и пролетарская революция. 1938. № 10–11. С. 158–162.

Новый учебник по истории средних веков // Книга и пролетарская революция. 1939. № 1. С. 78–84.

Новый учебник по истории XVI–XVIII вв. // Книга и пролетарская революция. 1939. № 7–8. С. 74–76.

Новое издание «Истории Древней Греции» // Книга и пролетарская революция. 1939. № 11. С. 83–86.

Принцепс, аристократия и сенат в Риме времён Нерона // Учёные записки исторического факультета Московского областного педагогического института. М., 1940. Т. 2. С. 187–245.

Из истории крестьянских движений в Кастилии времени становления абсолютизма // Учёные записки Горьковского государственного университета. Вып. 26. Горький, 1954. С. 75–91.

Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV века (германдиносы и крестьянские гермаданцы; движение

¹ Молев Е. А. Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2006. С. 17.

в армии при Саморе и Торе // Учёные записки Горьковского государственного университета. Вып. 43. Горький, 1957. С. 109–122.

Из истории развития феодального землевладения в Астурии и Леоне IX–X вв. // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. 1958. № 2.

Материалы для изучения фуэрос и поселенных хартий Испании. (По “Coleccion de fueros y cartas-pueblas de Espana por Real Academia de la Historia. Catalogo. Madrid, 1852”) // Средние века. 1962. Вып. 22. С. 159–179.

Феодальная борьба за земли во владениях монастыря в Онье (середина XII – начало XIV вв.). // Средние века. 1968. Вып. 88. Ч. 2. С. 5–36.

Феодальное землевладение и хозяйство монастыря в Онье в XI–XIII вв. // Средние века. 1970. Вып. 109. С. 72–110.

Л и т е р а т у р а

Воробьева И. Г. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) / И. Г. Воробьева, А. А. Кузнецов // Вестник ТвГУ. 2011. № 6. Серия: История. Вып. 1. С. 62–87.

Воробьева И. Г. Как преподавали Средние века в провинциальном вузе в 1930-е годы // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / отв. ред. П. Ю. Уваров ; сост. С. К. Цатурова. М., 2011. Вып. 72 (1/2). С. 372–381.

Воробьева И. Г. Новые данные к биографии С. В. Фрязинова (по тверским и нижегородским материалам) / И. Г. Воробьева, А. А. Кузнецов // Материалы VI Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Человек и документ». Н. Новгород, 2011. С. 210–218.

Воробьева И. Г. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) / И. Г. Воробьева, А. А. Кузнецов // Диалоги с историей. Альманах интеллектуальной истории. 36 Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и учёные сообщества Европы в Новое время. М., С. 377–402.

Пичугина И. С. С. В. Фрязинов – видный советский исследователь средневековой Испании (1893–1971). // Проблемы испанской истории. М., 1975. С. 250–251.

Николай Сергеевич

Ц Е М Ш

15(27).04.1887–06.12.1936

Кандидатуру Н. С. Цемша на собрании факультета 25 февраля 1919 г. предложил В. Н. Кун, но так как фамилия эта мало о чём говорила другим преподавателям гуманитарного факультета, в отличие от Б. А. Романова, который был единогласно избран на должность преподавателя русской истории, «...обсуждение кандидатуры Н. С. Цемша постановлено отложить впредь до получения, почтой или телеграфом, отзыва профессора специалиста и дополнительно – присылки его научных трудов, если таковые имеются»¹.

И скоро такой отзыв, датированный 1 марта 1919 г., был получен; под ним стояла подпись: «Профессор I-го и II-го Петроградских университетов Ив. Гревс»².

Учитывая, что в Костромской университет ставится кандидатура Николая Сергеевича Цемша в преподаватели по кафедре всеобщей истории, считаю своим долгом поддержать эту кандидатуру своею рекомендациею.

Н. С. Цемш ещё не приступал к испытаниям на степень магистра и не успел ещё напечатать ни одной из начатых им работ, но он уже несколько лет по окончании курса в Петроградском университете (в 1912 г.) занят серьёзно подготовкою к ним, которая задерживается лишь вследствие необходимости для него давать много уроков в средних школах. Впрочем, и эта последняя деятельность не прошла для него даром, ибо

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 3 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–5.

выработала в нём солидный преподавательский опыт и дала ему приобрести серьёзные знания, которыми он воспользуется и в своей дальнейшей преподавательской деятельности.

Мне известен Н. С. Цемш от ранних его студенческих лет, он слушал мои лекции, участвовал последовательно в нескольких руководимых мною семинариях по Средним векам, всегда обнаруживая интерес, рвение и способность штудировать памятники и разбираться в сложных вопросах.

Сферой его главных влечений является история социальных и экономических отношений в Раннем Средневековье и преимущественно аграрное развитие в франкском государстве <меровингской> и каролингской эпохи. В этой области им уже проведены предварительные исследования, из которых, можно твёрдо надеяться, вырастет полезный научный труд.

Кроме указанной специальной области Н. С. Цемш, естественно, обращался и к другим, двигаясь вперёд в поздне Средневековье...

Вообще Иван Михайлович не поскупился, написав очень развёрнутый отзыв о своём ученике, подробно охарактеризовал круг его научных интересов и наработок. Сам Цемш в своём *curriculum vitae* был предельно краток:

Родился в Москве 15 апреля 1887 г. Образование получил в [Воло]годской классической гимназии. По окончании её в 1905 г. поступил в Петроградский университет на историко-филологический факультет, где занимался преимущественно историей З[ападной] Европы под руководством проф. И. М. Гревса и Э. Д. Гримма. По окончании в 1911 г. университета был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к научной деятельности. С осени 1911 г. был преподавателем истории в Петроградской Окружной гимназии, позднее переименованной в XIII-ую гимназию. При реформе её в 1917 г. был избран товарищем председателя. 11 марта 1919 г. избран преподавателем по кафедре всеобщей истории в Костромском государственном университете.

*Преподаватель Костромского госуд. унив.
Н. Цемш*

З/III–1920 г.¹

¹ ГАКО. Ф. Р.-33. Оп. 1. Д. 72.

К этому следует добавить, что его отец, потомственный дворянин, служил в окружных судах и закончил службу в 1913 г. в должности обер-прокурора Сената с чином действительного статского советника, а затем до 1917 г. являлся консультантом при Министерстве юстиции. Частые перемещения отца и послужили причиной того, что Цемши жили по нескольку лет в Москве, Саратове, Киеве и, наконец, в Вологде, где Николай и окончил гимназию с серебряной медалью.

О семинарах И. М. Гревса в Петербургском университете с большой любовью вспоминали многие его студенты. Вот как атмосферу этого общения передавал один из них: «Ещё на 1-м курсе Иван Михайлович говорил нам, что кафедра часто отгораживает профессора стеной от его слушателей. Он пригласил интересующихся его курсом прийти вечером побеседовать с ним на заинтересовавшие нас темы. В философской аудитории, где висел портрет Вл. Соловьёва, собралось человек 8–10 студентов. Иван Михайлович пришёл как всегда точно в назначенные 7 часов вечера. К сожалению, все мы робели, и нашему профессору не удалось расшевелить нас, как он ни старался, сам ставя перед нами вопросы.

Такие беседы, но уже при активном нашем участии, возобновились через несколько лет.

Темы семинариев Ивана Михайловича отличались той особенностью, что над ними работали по нескольку лет. Так, мы изучали трактат Данте “De Monarchia”, направленный против светской власти пап, привлекая все сочинения Данте, и комментарий к трактату превращался в большие самостоятельные исследования. Так, например, была исследована тема “Идея вечного мира”. Сближению с Иваном Михайловичем содействовало и то, что мы занимались у него на дому, и, свободные от звонков, возвещавших о конце занятий, засиживались порой до позднего часа»¹.

Недаром медиевистика стала специализацией Цемша. Гревс, представляя его кандидатуру совету историко-филологического факультета, когда решался вопрос об оставлении Цемша в университете для приготовления к профессорской должности,

¹ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имён А. И. Добкина. М., 1992. С. 171.

писал: «Ведёт он работу с большим одушевлением, энергиею и живым талантом, углубляется в документальные штудии свободно и легко, исследует памятник серьёзно и оригинально»¹. А чтобы материально поддержать своего ученика, Гревс привлекает его к сотрудничеству с издательством Брокгауза – Ефрона, и для Нового энциклопедического словаря Цемшем написан целый ряд статей. Однако много времени отнимает основная служба в гимназии (здесь, наряду с преподаванием истории и латыни, он ещё заведовал фундаментальной и ученической библиотеками).

Весной 1919 г. Цемш энергично включается в работу Костромского университета. С 11 марта он ещё и заведует кабинетом всеобщей истории, а 22 июня 1919 г. «для оборудования университета и его учебно-вспомогательных учреждений» решено создать закупочную комиссию, в неё избирается и Николай Сергеевич². 22 марта 1920 г. он избран членом библиотечной комиссии³.

С марта 1919 г. до осени 1920 г. Цемшем были прочитаны в Костроме курсы по истории Западной Европы эпохи Раннего Средневековья и по истории Франции в XVI веке⁴. Задачей практических занятий в первый год работы в Костроме Н. С. Цемш поставил ознакомление слушателей с приёмами исторического исследования и выбрал для этого второй том труда Фюстеля де Куланжа «История общественного строя древней Франции»: студенты анализировали отдельные главы этой работы и выступали с рефератами. В следующем году просеминарий преподавателя Цемша был посвящён теме «Римская империя и германцы», и опять же результатом занятий стали студенческие работы.

Руководство университета так характеризует его: «Цемш Николай Сергеевич, преподаватель по каф[едре] всеобщей

¹ Цит. по: *Вольфиун Л. Б.* Забытое имя. Николай Сергеевич Цемш // Русская наука в биографических очерках / отв. ред.: Э. И. Колчинский, И. П. Медведев; сост.: Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович; РАН Ин-т естествознания и техники им. С. И. Вавилова. С.-Петербург. филиал; С.-Петербург. ин-т истории. СПб., 2003. С. 273.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

⁴ Отчёт 2. С. 30.

истории, 33 лет; окончил Петроградский университет и был оставлен при нём. Преподавательскую деятельность свою в Высших школах начал в 1918–19 г. Организовал в Костромск[ом] университете кабинет по западноевропейск[ой] истории и является одним из наиболее энергичных и ценных руководителей практическ[ими] занятиями в нём по проблемам социально-экономич[еской] истории Средневековья. Принимал живое участие в создании университетской библиотеки. Один из деятельных лекторов в аудиториях для широких (преимущественно красноармейских) масс»¹.

Осенью 1920 г. Николай Сергеевич возвращается в Петербург, где его избирают на кафедру II Педагогического института им. Некрасова. Вскоре он сдал магистерские экзамены и был назначен ассистентом по кафедре всеобщей истории исторического отделения ФОН Петроградского университета, весной 1924 г. утверждён в должности доцента с поручением вести курс истории Средних веков. Такое вроде бы удачное начало карьеры медиевиста. Но реформы, нацеленные на изгнание историков старой школы и внедрение выпускников Института красной профессуры, сокращение как преподавания истории, так и научных исследований в этой области знания, постепенно приводят к тому, что Цемш, как и многие другие медиевисты петербургской исторической школы, находит прибежище в Публичной библиотеке с её огромным собранием средневековых рукописей. Нужно сказать, что и имя забытого учёного было возвращено из небытия во многом стараниями петербургской исследовательницы из РНБ Л. Б. Вольфцун. Цемшу посвящена отдельная глава диссертации², а затем появилась и довольно подробная её статья о судьбе Николая Сергеевича.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, Николай Сергеевич не прекращает научной работы. И об этом его письма О. А. Добиаш-Рождественской в последние месяцы жизни, даже из больницы г. Чкалова (Оренбурга), где он и скончался.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 8 об.

² *Вольфцун Л. Б.* Медиевисты публичной библиотеки (1920–1940-е гг.): Историко-биографические исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. СПб., 2003.

Арестован Н. С. Цемш был 27 февраля 1935 г., очевидно, в связи с «зачисткой» Ленинграда от «бывших» после убийства Кирова. Л. Б. Вольфцун пишет об этом так: «При обыске у него были изъяты родовая сургучная печать, фотографии, бумаги на иностранных языках и личные документы. Как дворянин и сын прокурора, имеющий родственников за границей (брата Сергея, ушедшего с Белой армией через Крым, и двух дядей по матери Фаддея и Роберта Лютеров, живущих в Германии), поддерживающий связи с эмигрантами (С. И. Штейном, Н. П. Оттокаром¹) Цемш был признан социально опасным элементом и приговорён к трём годам концлагеря»². Из другого источника явствует, что «следователь требовал от него назвать имена дворян, знакомых его отца, назвать их не мог, так как большинство знакомых уже скончались, что было расценено следствием как нежелание сотрудничать со следствием»³.

Из Карагандинского лагеря он был переведён в ссылку. В ссылке побывала и его жена Валерия Станиславовна, которая позднее, в 1937-м, как «польская шпионка», была расстреляна.

Сочинения

Аграрная проблема Раннего Средневековья в новой научной литературе // *Анналы*. 1922. № 1. С. 53–61.

Проблема происхождения французского города в научной литературе // *Россия и Запад*. Пг., 1923. Вып. 1. С. 168–183.

Рец. на кн.: Inglot S. *Essai sur la vie rural et les oranges d'Alsace (XI–XIII siecle)*. Strasbourg, 1932 // *Исторический сборник*. 1934. № 1. С. 327–330.

¹ Друзья Цемша по Санкт-Петербургскому университету.

² *Вольфцун Л. Б.* Забытое имя. Николай Сергеевич Цемш // *Русская наука в биографических очерках* / отв. ред.: Э. И. Колчинский, И. П. Медведев; сост.: Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович; РАН Ин-т естествознания и техники им. С. И. Вавилова. С.-Петербург. филиал; С.-Петерб. ин-т истории. СПб., 2003. С. 278.

³ Заклеймённые властью: по документам фондов ГАРФ: Московский Политический Красный Крест (1918–1922); Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключённым (1922–1938). URL: http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ts_kn.html#ts.18 (дата обращения: 18.11.2012).

По немецким историческим журналам // Исторический сборник. 1934. № 3. С. 312–330.

Века VIII–IX. Сельскохозяйственная техника в каролингских текстах // Агрикультура в памятниках западного Средневековья. М.; Л., 1936. С. 41–124.

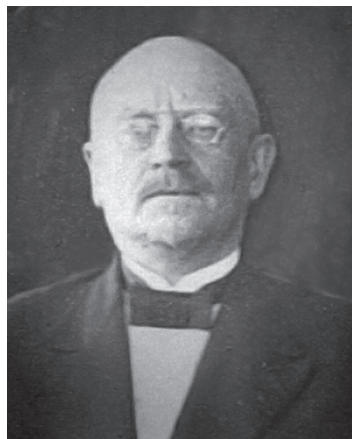
Л и т е р а т у р а

Вольфцун Л. Б. Забытое имя. Николай Сергеевич Цемш // Русская наука в биографических очерках / отв. ред.: Э. И. Колчинский, И. П. Медведев ; сост.: Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович ; Ин-т естествознания и техники им. С. И. Вавилова. С.-Петербург. филиал, С.-Петербург. ин-т истории. СПб., 2003. С. 272–288.

Вольфцун Л. Б. Цемш Николай Сергеевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры : биографический словарь : в 3 т. Т. 2. СПб., 1995–2003. С. 623–626.

Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / предисл., послесл. и публ. Б. В. Ананьича ; примеч. Е. А. Правиловой // In memoriam. М. ; СПб., 1995. С. 19–86.

Ефим Михайлович
ЧЕПУРКОВСКИЙ
20.01(01.02)1871–1950

*Е. М. Чепурковский
С групповой фотографии 1922 г.*

К трудам Е. М. Чепурковского в области антропологии и сегодня очень часто обращаются специалисты. В. В. Бунак и через полвека после их опубликования отмечал: «Большое влияние на развитие антропологии, особенно антропологии русской, оказали труды Е. М. Чепурковского. Ему принадлежит заслуга новой разработки некоторых вопросов антропологического анализа. Из многих признаков, включаемых в программу исследования, для выделения типов, как отметил Е. М. Чепурковский, пригодны лишь те, которые дают ясные различия при сравнении территориальных групп»¹.

Биографические сведения об этом учёном, к сожалению, обрывочны, а иногда противоречивы. Известно, что родился Чепурковский в Киеве, в 1896 г. окончил Харьковский университет, в котором специализировался по географии. Преподавал географию в средних учебных заведениях, одновременно занимался исследованиями в области антропологии. С 1899 по 1902 г. Чепурковский

¹ Бунак В. В. Очерк исследований по этнической антропологии русского населения, выполненных до 1950 г. // Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным / отв. ред. В. В. Бунак. М., 1965.

занимал должность секретаря Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете¹. Затем, переехав в Москву, стал работать под научным руководством Д. Н. Анучина. 16 декабря 1913 г. в Московском университете защитил магистерскую диссертацию, посвящённую географическому распределению некоторых антропологических признаков среди русского населения. В 1914 г. в качестве приват-доцента Ефим Михайлович пришёл на кафедру географии Московского университета, где Анучиным ему был поручен курс антропологии и явлений наследственности. Кроме того, он является заведующим учебной частью Николаевского института, как обозначено в документах о приглашении Чепурковского в Костромской университет².

В должности декана естественного факультета с предоставлением ему кафедры географии и антропологии Е. М. Чепурковский утверждается с 10 октября 1918 г. В Костроме он работает до 1923 г., заканчивает деятельность уже в педагогическом институте и институте народного образования, где преподаёт космографию и земледелие, физическую географию, антропологию и методику географии, а также состоит членом правления и заведует учебной частью³.

Костромские годы были очень насыщены не только административными заботами: Чепурковский активно сотрудничает с Костромским научным обществом, в частности, с организованной в 1922 г. антрополого-этнографической станцией. Кстати, спустя год после отъезда Чепурковского она сменит своё название и станет этнологической. В отчёте станции за 1922 г. читаем: «Изучение физических особенностей населения состояло в антропологических измерениях, производимых при помощи инструментария антропологического кабинета бывш. Госуд. универс. и в собирании образцов волос. Всего было произведено за год 500 измерений (вместе с предыдущими по губернии имеется 5500 изм.). Была составлена карта распределения типов Костромской

¹ Залкин Д. Г. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М., 1974. С. 67.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

³ ГАКО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

губернии по уездам и продолжаются работы по составлению карты по волостям. Обнаружен центр сохранения в трёх уездах – Кологривском, Ветлужском и Варнавинском – того загадочного широкоголового блондина, который распространился в Великороссии после курганного периода из области кривичей и который, по мнению западноевроп. учёных, был некогда распространён по всей Северной Европе. Продолжение начатых в Костромской губернии работ в этом направлении представляет интерес, выходящий далеко за её пределы. Полученные, в связи с прежними исследованиями, выводы посланы (Е. М. Чепурковским) в Краковскую академию наук и в Нью-Йоркский университет¹.

Из университетских отчётов следует, что Чепурковский в Костроме как географ трудится над «руководством по общему и частному землеведению»², а как антрополог завершает работу «Опыт выделения главных типов русского народа по географическому методу» – вторую часть своих «Материалов для антропологии России»³.

Из Костромы Ефим Михайлович отправился на Дальний Восток. Он активно участвует в организации Дальневосточного университета, становится его профессором, одним из учредителей Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, в 1924–1926 гг. – директор Владивостокского областного музея. С 1926 г. жил в Харбине, работал в библиотеке КВЖД, издавал с 1927 по 1930 г. «Библиографические бюллетени», преподавал на юридическом факультете. Известно также, что во второй половине 1930-х гг. совместно с профессором Валентином Александровичем Рязановским (кстати, уроженцем Костромской губернии) готовил выпуск экономического журнала на английском языке в Тяньцзине⁴.

Когда в 1935 г. СССР продал долю собственности КВЖД Японии и русские стали покидать Харбин, оставил его и Чепурковский, но

¹ Отчёт КНО за 1922 год. Кострома, 1923. С. 13.

² Отчёт 2. С. 19.

³ Отчёт 1. С. 26.

⁴ Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1945). Хабаровск, 2003. С. 235.

в Россию не вернулся. Он закончил свою жизнь в США. Годы, прожитые им на Востоке, и работы, выполненные в эти годы, позволяют причислить Е. М. Чепурковского к востоковедам.

Сочинения

Прибор для измерения углов на черепе и видоизменения в гониометре Ранке // Русский антропологический журнал. 1901. № 12.

К антропологии русских женщин // Русский антропологический журнал. 1903. № 2. С. 13–23.

К вопросу о наследовании и вариации у различных антропологических типов // Ежегодник Русского антропологического общества. 1905. Т. 1.

О заключительном курсе земледедения // Земледедение. 1905. Кн. 1–2.

Элементы общего земледедения : краткий курс общей географии для самообразования и ст. классов сред. учеб. заведений / сост. Е. М. Чепуровский, зав. учеб. частью Московского сиротского ин-та имп. Николая I. М., 1908.

Новый курс земледедения проф. Мартонна // Земледедение. 1910. Кн. 4.

О классификациях человеческих рас и некоторых задачах антропологии в России: По поводу работ А. А. Ивановского. М., 1912.

Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией её славянами : материалы для антропологии России // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 124. Вып. 2. М., 1913.

Обзор литературы по вопросу о распределении суши и моря и его причинах // Земледедение. 1913. Кн. 3–4.

Статистический и биологический методы в изучении наследственности у человека // Русский антропологический журнал. 1916. № 1–2.

Область древнего населения Великороссии // Русский антропологический журнал. 1916. № 1–2.

Антропология белорусов // Курс белоруссоведения : лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М., 1918–1920. С 145–151.

Работы, производившиеся при кафедре географии бывшего естественного факультета Костромского университета // Труды КНО. Вып. 27. Кострома, 1922. С. 94–95.

Материалы для антропологии населения Костромской губернии // Там же. С. 89–93.

Об антропологическом изучении Вологодской губ. // Север. Кн. 3–4. Вологда, 1923. С. 194–195.

Вопрос антрополога историкам // Русский антропологический журнал. Т. 13. Вып. 3–4, 1924.

Очерки по общей антропологии // Труды Гос. Дальневосточного ун-та. Т. 1. Кн. 3. Владивосток, 1924.

Распределение головного указателя русских крестьян по уездам // Русский антропологический журнал. 1925. № 14. С. 46–53.

О роли краевого исследовательского института в изучении населения Дальнего Востока // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. Владивосток, 1927. С. 163–166.

Третий Всетихоокеанский научный конгресс в Токио и его значение для Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1927. № 2. С. 8–16.

Общий очерк географии и этнографии Восточной Азии // Вестник Маньчжурии. 1928. № 9. С. 25–39.

Соперник Конфуция (библиографическая заметка о философе Мо-цзы и об объективном изучении народных воззрений Китая). Харбин, 1928.

Общий очерк географии и этнографии Китая. 1929.

Географические условия натурального хозяйства Китая как факторы его истории // Вестник Маньчжурии. 1931. № 6. С. 55–65.

Л и т е р а т у р а

Залкинд Н. Г. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М., 1974.

Кузнецова Т. В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. : биограф. словарь. Хабаровск, 1998.

Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1945). Хабаровск, 2003.

Левин М. Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.

Сергей Константинович
Ш А М Б И Н А Г О
06(18).08.1871–20.11.1948

Сергей Константинович Шамбинаго был приглашён читать лекции в Костромском университете летом 1921 г. В черновом журнале заседаний уже не гуманитарного, а факультета общественных наук от 12 июля 1921 г. встречаем такую запись: «Поручить проф. Г. И. Челпанову чтение на факультете специального курса по психологии, проф. С. К. Шамбинаго – чтение курсов по русской народной словесности и проф. Д. С. Недовичу – чтение курсов по истории искусств, возбудив о допущении всех означенных лиц к таковому чтению надлежащее ходатайство пред Государственным учёным советом»¹.

Из всей этой почтенной компании профессоров Московского университета никаких свидетельств участия в работе Костромского университета Челпанова и Недовича обнаружить не удалось (сохранилось только заявление и автобиография Д. С. Недовича²), а вот Шамбинаго в Костроме поработал. Его лекции вспоминали и А. С. Нифонтов, и Л. С. Китицына. И ещё одно свидетельство: этнограф, профессор В. Н. Харузина пишет 2 декабря 1921 г. одному из слушателей Костромского

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 58–58 об.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

университета, краеведу, собирателю-этнографу М. М. Зимину: «Как хорошо, что Вы слушали Шамбинаго и познакомились с ним – он может дать ценные указания»¹.

К этому времени имя Шамбинаго уже было широко известно в кругах историков литературы. Он рано, ещё со студенческой скамьи, заявил о себе своими работами по русскому народному эпосу, а затем обратился к письменному средневековому русскому эпосу (Сергей Константинович предпочитал именно эту терминологию, сближая таким образом древнерусскую литературу с литературами других народов). В 1911 г. вышла его книга «Трилогия романтизма». Эта книга о Гоголе «произвела впечатление не только оригинальными суждениями исследователя, но и художественным изложением, свидетельствовавшим о крупном литературном даровании автора»². А первое издание книги «Слово о полку Игореве, текст, переложение, примечания» вызвало такой интерес, что вслед за первым изданием в 1912 г. к 1918 г. потребовались ещё четыре переиздания.

В Московском университете С. К. Шамбинаго начал читать курсы древней русской литературы и народной словесности с 1900 г. в качестве приват-доцента, а в 1914 г., успешно защитив докторскую диссертацию «Песни времени царя Ивана Грозного», стал профессором.

Его лекции, сочетая глубокое содержание, оригинальный взгляд и увлекательную форму изложения, пользовались неизменным успехом слушателей, в каких бы аудиториях ни проходили. Используя свой талант популяризатора, в первые послереволюционные годы Шамбинаго выпустил несколько научно-популярных работ, обращённых к широкому многомиллионному, тянущемуся к знаниям читателю. В это время у учёного возникает глубокий интерес и к творчеству драматурга А. Н. Островского.

Самое живое, активное участие принял профессор в подготовке к празднованию 750-летия «Слова о полку Игореве». В 1934 г., совместно с проф. В. Ф. Ржигой, С. К. Шамбинаго подготавливает

¹ ГАКО. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 210-а. Л. 39.

² *Водовозов Н. В.* С. К. Шамбинаго (1871–1948) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 483.

научное издание «Слова»: текст, переложение, сопроводительные статьи и комментарии. Тогда же выходит, под наблюдением его и В. Ф. Ржиги, издание «Слова», текст которого был написан от руки палехским художником Иваном Голиковым и сопровождался его же прекрасными иллюстрациями. С. К. Шамбинаго участвовал и в подготовке юбилейной выставки, открытой в Государственном Литературном музее в Москве в 1938 г. «Во время самой выставки, – писал Н. В. Водовозов, – С. К. Шамбинаго, которому тогда было уже 67 лет, неутомимо руководил экскурсиями по выставке и делал множество выступлений в связи со “Словом о полку Игореве” перед разнообразными и всегда многочисленными аудиториями»¹.

Судя по тому, что в электронном виде сегодня выложены едва ли не все основные книги Шамбинаго, труды его и сегодня востребованы читателями, хотя давно и не переиздавались.

Сочинения

Старая Москва. М., 1903.

Трилогия романтизма (Н. В. Гоголь). М., 1911.

Театр и народные развлечения в Москве в XVIII в. // Москва в её прошлом и настоящем. Т. 7. М., [1911].

История русской народной словесности : [литогр. курс лекций]. [М.], 1914.

Театр времени Петра II и Анны Иоанновны // История русского театра. Т. 1. М., 1914.

Повести о начале Москвы // Труды Отдела древнерусской литературы. 1936. Т. 3.

А. Н. Островский. М., 1937. (Жизнь замечательных людей).

Повести о Мамаевом побоище // СОРЯС. 1906. Т. 81, № 7. С. 88–134.

«Слово о полку Игореве» / ред., пер. и объяснения приват-доцента С. К. Шамбинаго. М., 1912 (5 переизд., последнее – 1917).

«Слово о полку Игореве» // История рус. лит-ры. М., 1916. Т. 1. С. 170–187.

¹ Водовозов Н. В. С. К. Шамбинаго (1871–1948) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 485.

Л и т е р а т у р а

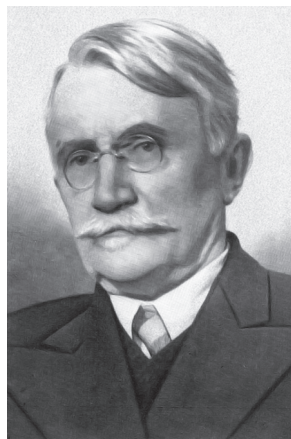
Водовозов Н. В. С. К. Шамбинаго (1871–1948) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1949. Т. 7. С. 481–486.

Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете (Дооктябрьский период). М., 1958. С. 59–61.

Творогов О. В. Шамбинаго Сергей Константинович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. Т. 5. СПб., 1995. С. 214–216.

Чертков Л. Н. Шамбинаго Сергей Константинович // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 8. М., 1975. С. 583.

Владимир Фёдорович
Ш И Ш М А Р Ё В
13(25).03.1875¹–21.11.1957

В. Ф. Шишмарёв. 1946 г.

Кандидатуру В. Ф. Шишмарёва в состав преподавателей КГРКУ В. И. Смирнов предложил одной из первых на заседании временной хозяйственно-административной коллегии². Приват-доцента Петербургского университета, а с 1918 г. профессора уже Петроградского университета хорошо знали в Костроме. С момента создания КНО (с 1912 г.) Владимир Фёдорович состоял членом научного общества. Дело в том, что в 1897 г. он женился на Анне Михайловне Усовой, дочери зоолога, профессора Михаила Михайловича Усова (1845–1902). Жена профессора, Александра Семёновна Усова, была

¹ В дате имеются разночтения, возникшие в связи с тем, что в одних автобиографиях В. Ф. Шишмарёв указывал 1874, в других – 1875 г. Мы приводим дату, которая даётся в кн.: Рукописное наследие В. Ф. Шишмарёва в Архиве АН СССР / сост. М. А. Бородина, Б. А. Малькевич. М.; Л., 1965. С. 5.

² 17 октября В. И. Смирнов докладывает, что для организации канцелярии университета он пригласил «профессора Вл. Ф. Шишмарёва в качестве консультанта с 5 сего октября» (ГАКО. Оп 1. Д. 3. Л. 1 об.). Буквально на следующий день, 18 октября, коллегия постановляет: «Профессора Вл. Ф. Шишмарёва пригласить на кафедру западной литературы при рабоче-крестьянском университете и предоставить ему должность секретаря гуманитарного факультета с 1 ноября, о чём и уведомить его телеграммой». (Там же. Л. 2 об.).

владелицей земли в Костромском уезде и усадьбы Караваево и вела здесь, судя по всему, неплохо своё хозяйство, потому что именно на его базе 21 мая 1918 г. был учреждён госрассадник племенного скота. Семейство Шишмарёвых часто проводило в Караваево летние месяцы. И в послереволюционные годы профессор вынужден был отправить в Караваево свою семью¹. 21 октября 1918 г. по адресу «Петроград, Васильевский остров, 2 линия, 31» была послана телеграмма: «Комиссариатом просвещения Костроме утверждён Государственный университет Коллегия приглашает Вас профессором по кафедре иностранной литературы и секретарём гуманитарного факультета»². Ответ был получен незамедлительно: «Секретарства отказываюсь читать согласен договоримся условиях конце недели когда буду Костроме. Шишмарёв»³.

Шишмарёв относился к тем преподавателям первого Костромского университета, которые уже имели солидные научные труды и опыт преподавательской работы. Родился Владимир Фёдорович в Петербурге в семье чиновника. Интерес к языкам сформировался с ранних лет, поэтому учиться он был определён в гимназию при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и дальнейшее образование получил на этом же факультете на романо-германском отделении. Романскими языками в университете В. Ф. Шишмарёв занимался под руководством А. Н. Веселовского. Именно по рекомендации академика в 1897 г. он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Первые статьи были написаны ещё в студенческие годы для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, а с 1898 г. публикации В. Ф. Шишмарёва появляются в российских и международных филологических

¹ В автобиографии Шишмарёв пишет: «В первые революционные годы я совмещал работу в Ленинграде с работой в провинции, куда мне пришлось на время отправить свою семью». (АРАН СПб. Ф. 896. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.). А. С. Усова скончалась 14 декабря 1915 г. (Отчёт о деятельности КНО за 1915 год. С. 3), таким образом, к этому времени уже непосредственно Шишмарёвы являлись владельцами усадьбы.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.

³ Там же. Л. 9.

изданиях. С 1899 г. он стал читать лекции на Петербургских педагогических курсах, а в следующем году – в университете. После сдачи магистерского экзамена последовала стажировка во Францию и Италию: занятия у ведущих лингвистов, специалистов по романской филологии, сбор в библиотеках и научных учреждениях материалов для будущей диссертации. С 1907 г., после возвращения из-за границы, Шишмарёв преподавал на Высших (Бестужевских) женских курсах, где в 1913 г. избран профессором. В 1909 г. в Париже был опубликован двухтомник французского поэта и музыканта XIV в. Гийома де Машо с большим исследованием о нём В. Ф. Шишмарёва. Французская академия наук удостоила эту работу премии Сентура. В 1915 г. в Петроградском университете В. Ф. Шишмарёв защищает докторскую диссертацию о творчестве выдающегося поэта эпохи Возрождения Клемана Маро. Профессором Петроградского университета он стал в 1918 г., уже будучи филологом с европейским именем. В 1924 г. его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Между двумя последними датами – 1918 и 1924 – годы, прожитые в основном в Костроме. До полной национализации усадьбы, которая произошла в 1919–1920 гг., Владимир Фёдорович живёт с семьёй в Караваеве. Доказательство тому – запись в протоколе правления 7 февраля 1919 г.: «В. И. Смирновым было внесено предложение об оплате профессору В. Ф. Шишмарёву за время исполнения им обязанностей ректора университета извозчиков из Караваева и обратно с расчётом по 20 руб. поездка»¹. Когда уже усадьбу пришлось покинуть окончательно, Шишмарёвы поселяются в двухэтажном красного кирпича доме на ул. Советской, 55².

У Владимира Фёдоровича, когда ему вскоре, 25 февраля 1919 г., пришлось принять на себя обязанности декана, «ввиду

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 14. Л. 35.

² *Магницкий М. П.* Дом, в котором жил филолог В. Ф. Шишмарёв // *Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры).* Костромская область. Труды 34. М., 1976. С. 85–86. В более поздних списках, однако, указывается ещё один адрес, по которому в Костроме жил с семьёй будущий академик, – ул. Покровская (ныне Энгельса), 19, кв. 2. (ГАКО Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 114).

переобременения занятиями в качестве профессора и ректора университета» Городенского¹, самой большой заботой было укомплектование кафедр преподавателями. Читая протоколы факультетских заседаний, каких только фамилий мы не встречаем! Но многие до Костромы так и не доезжают: либо сами официально отказываются от должностей, на которые они уже прошли баллотировку, либо по московским (реже – петроградским адресам) тщетно рассылаются телеграммы примерно такого содержания: «Костромской государственный рабоче-крестьянский университет сим предлагает Вам незамедлительно прибыть к месту своей службы».

Шишмарёв читает курсы западноевропейской литературы, введение в романское языкознание и итальянский язык. В Костроме он продолжает свою работу над вторым томом монографии о Клемане Маро, над книгой «Введение в изучение романских языков» и исторической хрестоматией итальянского языка; готовит к печати статью о западном влиянии на старорусскую повесть и переводит «Эстетику» итальянского философа Б. Кроче². Какое-то время В. Ф. Шишмарёв преподавал и в Ярославском государственном университете, но, как пишет он в автобиографии, «сыпной тиф прервал эту работу и совмещение, после чего я ограничился одним Ленинградом, т. е. старой своей работой в университете».

В автобиографии В. Ф. Шишмарёв отмечает и такой факт своей деятельности в Костроме: «...принимал близкое участие в местной музыкальной и музыкально-театральной жизни, используя для этого свои музыкальные познания»³. От природы Владимир Фёдорович был наделён незаурядными музыкальными способностями: играл на альте, участвовал в квартете. Способствовали интересу к музыке и его занятия французской поэзией: ведь Гийом де Машо и многие другие средневековые поэты были одновременно и музыкантами. И, наконец, его жена Анна Михайловна Шишмарёва (1877–1956)

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 33.

² Отчёт 1. С. 11–12.

³ АРАН СПб. Ф. 896. Оп. 1. Д. 120. Л. 14–15.

училась в Петербургской консерватории, была камерной и оперной певицей. В 1899–1903 гг. она брала в Париже уроки у Полины Виардо. Принимала участие в концертах во Франции и Италии, выступала в оперных театрах Харькова, Петербурга, Гельсингфорса, исполняла ведущие партии в спектаклях костромской оперы 1920–1923 гг. По возвращении уже в Ленинград Анна Михайловна выступала преимущественно как камерная певица, её талант высоко ценил А. К. Глазунов. Она занималась преподавательской деятельностью в Ленинградском музыкальном техникуме и вела кружок сольного пения юридическом институте¹.

*А. М. Шишмарёва в роли Оксаны в опере Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством»
Постановка Ю. М. Бонди
Кострома. 1921 г.*

Сам академик говорил: «Если бы я не был филологом, я хотел бы быть только дирижёром», и, как след его музыкально-просветительской деятельности в Костроме, в фонде В. Ф. Шишмарёва хранятся тезисы «вступительных слов» на концертах и музыкальных вечерах, организованных Обществом «Студенческое издательство» при Костромском университете: «L. van Bethoven» («Л. ван Бетховен»), «Гайдн (1732–1809) и В. А. Моцарт (1756–1791)», «Н. А. Римский-Корсаков», «П. И. Чайковский», «М. И. Глинка», «А. Н. Серов» и печатные программы этих концертов². А в музее КГУ хранится программа оперы Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством», поставленной режиссёром Ю. М. Бонди в 1921 г. Пояснительный

¹ Пружанский А. М. Отечественные певцы. 1750–1917 : словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 07.02.2012).

² Рукописное наследие В. Ф. Шишмарёва в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации / сост.: М. А. Бородина, Б. А. Малькевич ; отв. ред. Б. В. Левшин. М.; Л., 1965. С. 57.

текст к ней составлен Шишмарёвым, о чём свидетельствует его автограф под ним.

Нужно сказать, что с университетом была связана и сестра профессора, Лидия Фёдоровна, преподававшая немецкий язык¹.

Вернувшись в Ленинград, В. Ф. Шишмарёв снова преподаёт в университете, состоит научным сотрудником ряда учреждений Академии наук, но главным местом своей работы он считал Публичную библиотеку, где в Отделении рукописей он обнаружил следы распавшихся библиотек Западной Европы, а также произведений средневековой литературы, ранее неизвестных или считавшихся утраченными. Им установлено наличие в Публичной библиотеке рукописей, принадлежавших библиотеке Рене Анжуйского. В 1933 г. Шишмарёв становится заведующим кафедрой романо-германской филологии и первым деканом филологического факультета ЛГУ.

В годы Великой Отечественной войны он являлся уполномоченным Президиума АН СССР по Узбекистану, в 1944 г. переехав в Москву, стал директором Института мировой литературы, в 1946 г. избран действительным членом Академии наук СССР.

Говоря об академике В. Ф. Шишмарёве, нельзя не отметить высокой научной и человеческой добропорядочности и принципиальности, которые отличали его дела и поступки. Стало общим местом приводить в пересказе И. Гликмана такую сентиментальную историю: «Жданову, который был в то время хозяином города Ленинграда, донесли, что учеником зловерного Веселовского был Шишмарёв. И мне чуть ли не со слезами на глазах Владимир Фёдорович рассказывал, как его вызвал Жданов и велел написать ругательную статью о Веселовском. Он пришёл в ужас от этого предложения, но собрал всё своё мужество и отказался выполнить предложение Жданова со словами: “Делайте со мной, что хотите, но я против своего учителя писать не стану”»².

¹ Отчёт 2. С. 164.

² Гликман И. Д. Монологи на Большой Пушкинской, 44 // Лебедь. Независимый альманах. 2002. 9 июня, № 275. URL: <http://www.lebed.com/2002/art2960.htm> (дата обращения: 19.02.2010).

Но это лишь часть правды. Ещё раньше, после выступления А. Фадеева на пленуме Союза писателей, материалы которого были опубликованы «Литературной газетой» 29 июня и 4 июля, Шишмарёв 5 июля 1947 г. отправляет письмо в защиту своего учителя самому Сталину: «В своём выступлении на XI-м пленуме правления Союза советских писателей тов. Фадеев коснулся, между прочим, низкопоклонства перед Западом в нашем литературоведении. Виновник его, наконец, найден. Это А. Н. Веселовский, порвавший с благородными традициями наших революционных демократов и насадивший у нас целую школу таких же, как он, низкопоклонников. Конечно, всякий, кто знал или читал В., воспримет это “открытие” т. Ф. как нелепость. Но беда в том, что благодаря широкой огласке выступления его в прессе идеи т. Ф. могут дезориентировать неосведомлённого читателя и одно из крупнейших имён русской науки окажется запятанным из-за невежества и недобросовестности человека, положение которого должно было обязывать его к большей ответственности в суждениях. – И вот почему я не могу молчать»¹.

Неоднократно Шишмарёв напоминает о необходимости публичного ответа на выпады против Веселовского и президенту АН СССР С. И. Вавилову, извиняясь при этом: «Простите, что надоедаю Вам. Вы легко поймёте меня, если вспомните, что я старый университетский преподаватель». И всё-таки добивается права выступить на страницах журнала «Октябрь» со статьёй «Александр Веселовский и его критики»².

Но силы были неравны, и Владимир Фёдорович оставляет директорство в Институте мировой литературы имени М. Горького и вообще столицу и возвращается в Ленинград. С 1950 г. и до самой смерти В. Ф. Шишмарёв работал в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. В эти годы выходят его основные труды в области романской филологии, за которые в 1957 г. В. Ф. Шишмарёв первым из советских филологов был удостоен Ленинской премии.

¹ АРАН. Ф. 596. Оп. 4. Ед. хр. 64. Л. 1.

² Октябрь. 1947. № 12. С. 158–164.

Сочинения¹

Лирика и лирики Позднего Средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса. М., 1911.

Клеман Маро. Пг., 1915.

Очерки по истории языков Испании. М. ; Л., 1941.

Историческая морфология французского языка. М. ; Л., 1952.

Книга для чтения по истории французского языка IX–XV вв. М. ; Л., 1955.

Избранные статьи. М. ; Л., 1965 (Т. 1: Французская литература); 1972 (Т. 2: История итальянской литературы и итальянского языка).

Романские поселения на юге России. Л., 1975.

Литература

Академик Шишмарёв Владимир Фёдорович // Вест. АН СССР. 1947. № 1. С. 96.

Академику Шишмарёву Владимиру Фёдоровичу присвоено звание доктора *honoris causa* университета в Монпелье (Франция) // Вест. АН СССР. 1947. № 1. С. 166.

Будагов Р. А. Крупный учёный / Р. А. Будагов, О. Васильева // Ленингр. ун-т. 1940. № 17.

В. Ф. Шишмарёв (Некролог) // Правда. 1957. 23 нояб.

Жирмунский В. М. Академик В. Ф. Шишмарёв (1874–1957) // Шишмарёв В. Ф. Избр. ст. Французская литература. М. ; Л., 1965.

Жирмунский В. М. Академик В. Ф. Шишмарёв / В. М. Жирмунский, Р. А. Будагов // Вест. ЛГУ. 1946. № 4/5. С. 206.

К выборам новых академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР // Вест. ЛГУ. 1946. № 4/5. С. 200.

Ленинградские учёные, избранные членами Академии наук СССР. Академик В. Ф. Шишмарёв // Вечерний Ленинград. 1946. 2 дек.

Михальчи Д. Е. О трудах академика В. Ф. Шишмарёва // Вопр. языкознания. 1957. № 5. С. 122–127.

¹ Подробно библиографию см.: Владимир Фёдорович Шишмарёв / вступ. ст. Е. А. Реферовской; Г. В. Степанова ; сост. Е. В. Заикиной. М., 1957. (Материалы к библиографии учёных СССР).

Рукописное наследие В. Ф. Шишмарёва в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации / сост.: М. А. Бородина, Б. А. Малькевич ; отв. ред. Б. В. Левшин. М.; Л., 1965. (Труды Архива АН СССР; Вып. 21).

Степанов Г. В. Учёный-патриот: (80 лет со дня рождения академика Шишмарёва) // Вестник ЛГУ. 1954. № 3. Сер. обществ. наук. Вып. 1. С. 218–219.

Учёный-патриот // Ленингр. ун-т. 1946. 24 дек.

Член-корреспондент Академии наук СССР В. Ф. Шишмарёв: (К 40-летию науч. деятельности) // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1940. № 1. С. 114–115.

Шишмарёв, Владимир Фёдорович // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 8. М., 1975. С. 736–737.

Николай Капитонович
Д Р У Ж И Н И Н
07.07.1897–05.08.1984

Имя Николая Капитоновича Дружинина в списках студентов гуманитарного факультета встречается дважды. Первая краткая запись, датированная 1918 г. свидетельствует о том, что Н. К. Дружинину была выдана регистрационная карточка за № 11¹. Из второй за 11 января 1921 г. следует, что Дружинину в это время 23 года, что служит он инструктором военного дела, имеет среднее образование и «числится студентом с 1918 г. 2 ноября»².

Можно только догадываться, что в Кострому уроженца г. Пошехонье Ярославской губернии забросила военная служба и он решил не терять времени и совмещать её с продолжением образования (таких слушателей в те годы в университете было немало). Потом какие-то обстоятельства вынудили учёбу прервать, так что в 1921 г. Дружинин обратился с повторным заявлением.

Хотя учился Дружинин на гуманитарном факультете, в дальнейшем вся его жизнь была связана с математикой и статистикой, объяснением этому, вероятно, может послужить то влияние, которое оказали на слушателя преподававшие в то время на экономической кафедре яркие,

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 12.

² Там же. Л. 7 об. – 8.

увлечённые своим делом костромские статистики Е. Ф. Дюбюк и Н. И. Воробьёв.

Из справки, выданной кафедрой статистики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, той самой кафедры, которую Н. К. Дружинин возглавил в 1940 г. и которой руководил до 1974 г.¹, следует, что в какое-то время Дружинин учился на физико-математическом отделении Московского университета, возможно ещё до службы в Костроме. А окончил он уже в 1924 г. торговое отделение экономического факультета Московского коммерческого института. Работал в плановых и статистических учреждениях, НИИ. В 1934–1940 гг. преподавал статистику в Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. В 1937 г. ему была без защиты по совокупности научных работ присвоена степень кандидата экономических наук, а в 1940 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Приложение статистических методов в полевом опыте», отразившую результаты его исследований в области применения статистических методов в агротехнике.

Дальше – многолетняя и плодотворная работа в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, в течении ряда лет Н. К. Дружинин по совместительству заведовал кафедрами статистики в других московских вузах.

Научное наследие Дружинина многогранно. Он автор научных трудов, учебников, учебных пособий, многочисленных статей. Интересовала Дружинина и история русской статистики, в особенности статистическая теория А. А. Чупрова. Недаром современные исследователи отмечают: «Продолжателем А. А. Чупрова стал Н. К. Дружинин – один из ведущих специалистов по математической статистике двадцатого столетия и истории статистической науки»².

В 1963 г. Николай Капитонович был удостоен звания «заслуженный деятель науки РСФСР», в 1974 г. избран действительным членом Международного статистического института.

¹ Правда, был перерыв на годы Великой Отечественной войны, в которой Н. К. Дружинину, как и в Первой мировой, довелось участвовать.

² *Ануварова Л. Р.* История развития и возникновения статистики как науки / Л. Р. Ануварова, З. А. Залилова. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/323/3257> (дата обращения: 12.12.2012).

Сочинения

Теория статистики. М., 1948 (2-е изд. М., 1954).

О содержании статистики как науки // Вопросы экономики. 1952. № 6. С. 42–52.

Подушные переписи в русской статистике // Вестник статистики». 1955. № 5.

Хрестоматия по истории русской статистики: история теоретических взглядов. М., 1963. 295 с.

Некоторые вопросы теории статистики. М., 1964.

Основные направления в русской теоретико-статистической мысли последней трети XIX и в начале XX столетия // Вестник статистики. 1965. № 12.

Основные математико-статистические методы в экономических исследованиях. М., 1968. 248 с.

Выборочный метод и его применение в социально-экономических исследованиях. М., 1970. 103 с. (Математическая статистика для экономистов).

Математическая статистика в экономике. М., 1971.

Логика оценки статистических гипотез. М., 1973.

Выборочное наблюдение и эксперимент. М., 1977.

Развитие основных идей статистической науки. М., 1979.

Что же такое корреляция // Вестник статистики. 1983. № 11.

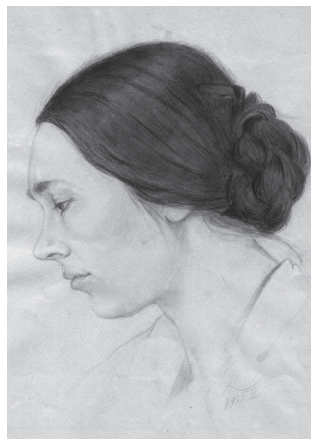
Что такое статистика? (Взгляд на науку в историческом контексте) // Вестник статистики. 1991. № 11,12; 1992. № 1–3.

Литература

Волков А. Г. Памяти Николая Капитоновича Дружинина (1897–1984) // Статистика эффективности производства и производительности труда: учён. зап. по статистике. М., 1985. Т. 48. С. 340–350¹.

¹ Здесь же на с. 351–355 библиогр. основных опубликованных работ Н. К. Дружинина.

Лидия Сергеевна
К И Т И Ц Ы Н А
06(18).03.1903–25.09.1990

*Л. С. Китицына. Графический портрет
скульптора А. С. Комеловой
Архангельск. 1935 г. Из собрания музея
Московского общества «Мемориал»*

Лидия Сергеевна Китицына родилась в семье адвоката Сергея Александровича Китицына и Елизаветы Михайловны, урождённой Борщовой. Её детские годы прошли в усадьбе Малышково под Костромой. Закончила Смольяниновскую гимназию. 2 сентября 1920 г. подала заявление в Костромской университет на словесное отделение гуманитарного факультета. В списках студентов после фамилии стоит запись: «Член сельскохозяйств[енной] артели»¹. Что стоит за этими словами? Дочь Лидии Сергеевны, научный сотрудник Сергиево-Посадского краеведческого музея Татьяна Васильевна Смирнова разъяснила моё недоумение: «Сельхозартель была организована после революции моим дедом Китицыным Сергеем Александровичем. В неё входили ещё дворянские семьи Григоровых и Хомутовых. Направление было молочное. Бабушка доила коров, молоко пастеризовали и отправляли в Кострому. Ведь у Китицыных была усадьба Малышково, где был скот. Случай не единичный. В Сергиевом посаде, например, первую сельхозартель организовал граф Ю. А. Олсуфьев с двумя дворянскими семьями»².

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп.1. Д. 127. Л. 4 об.

² Письмо Т. В. Смирновой от 31.12.2011.

Позднее в своих «Материалах к биографии В. И. Смирнова» Лидия Сергеевна напишет об участии мужа в создании и работе Костромского университета; и не удержалась, чтобы не вспомнить и о своей первой встрече с С. М. Бонди.

Учёба в Костроме, к сожалению, продолжалась недолго, и доучиваться пришлось в Ярославском университете, который к моменту окончания её обучения, в 1924 г., был преобразован в педагогический институт.

В 1925 г. Лидия Сергеевна поступила на этнологическую станцию Костромского научного общества, и четыре года, проработавшие в Костроме, она назовёт затем «самыми интересными и плодотворными». Работать приходилось в трудных условиях. Рассказывая об экспедициях, во время которых изучались самые различные стороны материальной и духовной культуры народной жизни (а происходило это в тот исторический момент, когда традиционная культура подвергалась безжалостной ломке и разрушению), Л. С. Кितिцына позднее напишет: «Экспедиции снаряжались на самые незначительные средства и совершались нередко пешком. Не задумываясь, мы делали пешие переходы иногда в несколько десятков километров. В 1925 году, путешествуя по Костромскому уезду, мы с Беляевой питались одним толокном: подойдя к колодцу, стоящему посреди деревни, зачерпывали воды, разбалтывали в кружках толокно и тут же его съедали. Большого мы не могли себе позволить, так как обе нуждались»¹. К сожалению, опубликована в те годы была лишь одна этнографическая работа Л. С. Кितिцыной о хлебе (1927), но к ней и сегодня часто обращаются и диалектологи, и этнографы. Позднее, в 1964 г., Лидия Сергеевна напечатала ещё одну статью, в которой нашли отражения как наблюдения, сделанные во время археологических раскопок в костромском крае, так и во время её этнографических экспедиции по теме «Гончарный промысел в деревнях Костромской губернии» (ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 123)².

¹ Кितिцына Л. С. Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / сост. Т. В. Смирнова. Сергиев Посад, 2011. С. 128.

² Прimitивные формы гончарного промысла Костромской области // Советская археология. 1964. № 3. С. 149–164.

Разносторонняя собирательско-исследовательская деятельность станции рассматривалась 22 декабря 1928 г. на открытом расширенном заседании Ленинградской части президиума Центрального бюро краеведения. В постановлении было записано: «...считать необходимым отметить исключительный интерес исследовательских методов работы этнологической станции Костромского научного общества, а также ценность добытых ею материалов... для чего необходимо увеличение средств станции и её штат»¹.

Лидия Сергеевна вспоминала, как в 1928 г., путешествуя по пушкинским местам, она пришла в Псковский музей: «Я представилась директору музея, по фамилии, кажется, Янсон. Это был весьма почтенный старик профессорского вида. Принял он меня любезно. К краеведению относился снисходительно. Василия Ивановича [Смирнова] знал и, видимо, уважал. Просил рассказать о его работе. Я с наивным воодушевлением начала говорить об этнографических работах Василия Ивановича, об археологических раскопках. Вдруг Янсон прервал меня совершенно неожиданным вопросом:

– Скажите, Василий Иванович женат?

– Его жена, Александра Серапионовна, умерла несколько лет назад, – ответила я в недоумении.

– Передайте от меня Василию Ивановичу, что если он на вас не женится, то будет дурак.

Я не передала это Василию Ивановичу, но он на мне женился»².

Союз их выдержал все испытания: и глумление над их любимым краеведением, и изгнание из Костромы, и арест в 1930 г., и ссылку в Архангельск. После смерти мужа в 1941 г. Лидия Сергеевна не переставала заботиться о судьбе его творческого наследия. Уезжая из Архангельска, она, тщательно разобрав эпистолярный архив В. И. Смирнова и упаковав в ящики, оставила их на хранение на чердаке дома их бывшей квартирной хозяйки. В конце 1950-х, получив из Архангельска весть, что флигель будут сносить, Лидия Сергеевна поехала туда, чтобы спасти архив. Когда

¹ ГАКО. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 99. Л. 2-а об.

² Архив Т. В. Смирновой.

с большими трудностями эти шесть больших ящиков были доставлены в Хотьково, она наняла машинистку, чтобы перепечатать письма Василия Ивановича из тюрьмы и ссылки. Сама стала работать над рукописью «Материалы к биографии В. И. Смирнова». Дочь вспоминает: «Жили мы в то время на квартире в деревянном домишке на берегу Пажи, в Хотькове. Мебели не было никакой. Спали на раскладушках. Столом и стульями служили ящики... Я не могла колоть дрова – на это не было сил. Колола мама. Она же в основном ходила за водой на колонку. А главное – её не прописывали, и милиционер приходил и требовал убираться в 24 часа... С огромным трудом через газету “Известия” ей удалось получить такое разрешение.

И всё это время она ещё добивалась реабилитации отца. Ей откликались под тем предлогом, что он попал под амнистию, которая была, кажется, в 1953 г. Но она знала, что без справки о реабилитации невозможны, например, ссылки на его работы»¹.

В 1968 г. в соавторстве с П. Н. Третьяковым, который ещё школьником участвовал в археологических раскопках КНО, впоследствии известным археологом, членом-корреспондентом АН СССР, ею была опубликована статья «Памяти Василия Ивановича Смирнова»². Проработав много лет учителем, выйдя в 1958 г. на пенсию, она разыскала археолога О. Н. Бадера, с которым участвовала в раскопках ещё в 1920-е гг., он предложил ей работу в археологической

*Л. С. Китицына на раскопках
Фото 1960-х гг.*

¹ Китицына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 219.

² Советская археология. 1968. № 4. С. 239–243.

экспедиции. «Лидия Сергеевна принимала участие в работах в зоне затопления Воткинской ГЭС, на палеолитической стоянке Сунгирь, с Н. Н. Ворониным на окраине Смоленска, в Верхневолжской экспедиции Д. А. Крайнова.

Оформляли её старшим лаборантом на два месяца в году. В то время пенсионера не могли взять на больший срок по закону. Остальную часть времени она работала бесплатно: зимой дома делала описи находок»¹.

Сочинения

Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды КНО. Вып. 41. Кострома, 1927. С. 92–102.

Примитивные формы гончарного промысла Костромской области // Советская археология. 1964. № 3. С. 149–164.

Памяти Василия Ивановича Смирнова (в соавт. с П. Н. Третьяковым) // Советская археология. 1968. № 4. С. 239–243.

Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 88–89.

Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941) // Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / сост. Т. В. Смирнова. Сергиев Посад, 2011. С. 100–178.

Литература

Смирнова Т. В. Л. С. Кितिцына: биографическая справка // Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / сост. Т. В. Смирнова. Сергиев посад, 2011. С. 189–195.

Малышково // Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 1. Ч. 3. Кострома, 1998. С. 99.

¹ Смирнова Т. В. Л. С. Кितिцына: биографическая справка // Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930–1931) / сост. Т. В. Смирнова. Сергиев посад, 2011. С. 194–195.

Мария Ивановна
КОМИССАРОВА
17(29).07.1900–28.07.1994

Вынуждены сразу оговориться, что дату рождения мы указываем так, как она обозначена на памятнике на могиле М. И. Комиссаровой в Комарово. Поэтесса, очевидно, чтобы скрыть свое родство с Осипом Комиссаровым, «спасителем царя» от выстрела Д. Каракозова, заполняя разного рода документы, называла несколько дат своего рождения. Подавая, например, в 1931 г. заявление о приёме на работу в Публичную библиотеку, она даже местом рождения указала Великолукский уезд Псковской губернии¹. Основанием для того, чтобы считать датой рождения Комиссаровой 1900 г. (а не 1903 или 1904), служит и то обстоятельство, что, проходя 25 августа 1920 г. перерегистрацию студентов гуманитарного факультета Костромского университета, она называет свой возраст – 20 лет². А впервые её фамилия в числе слушателей университета значится под № 292 в списках за 1918–1919 учебный год³.

В 1920 г., согласно спискам, она – «секретарь отд. нар. образования Андреевской волости», имеет образование

¹ Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: биографический словарь: в 4 т. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=949 (дата обращения: 1.04.2011).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.

³ Там же. Л. 13 об.

«8 кл. гимназии» и проживает в селе Андреевское на Андобе. Здесь же пометка: «Переведена на Педагогический ф-т 9 окт. 1920 г.»¹.

В других документах ею уже указывается, что училась она в трудовой школе в Любиме Ярославской губернии, затем преподавала в селе Богородское и была направлена для продолжения образования в Костромской университет.

В свои студенческие годы она уже заявила о себе как о начинающей поэтессе, об этом свидетельствует публикация её стихов в костромском литературном альманахе «Девятнадцать новых»². Экземпляр такого альманаха, хранящийся в музее истории КГУ, интересен тем, что на титульном листе дарственная надпись: «Двадцатому на память. Вас. Смирнов. 28/IV 23 г.». Альманах был подарен В. И. Смирновым солигаличскому краеведу И. В. Шумскому, который тоже писал стихи и издал два поэтических сборника.

Завершила своё образование М. И. Комиссарова уже в Ленинграде в Педагогическом институте им. А. И. Герцена (1922–1929), здесь она входила в литературное объединение «Мастерская слова». В 1925 стала женой поэта Николая Брауна.

Первая книга стихов «Первопуток» (название было подсказано Николаем Клюевым) вышла в 1928 г. и вызвала одобрительное письмо Б. Пастернака. «Уже тогда обозначился главный образ Комиссаровой: “малая родина” Кострома как олицетворение великой России. В следующей книге – “Переправа” (1932) стиль Комиссаровой обрёл социально-публицистическую направленность, но народно-поэтическое начало осталось определяющим», – отмечает Г. Филиппов³.

Годы войны она с малолетним сыном провела в эвакуации в д. Чёрная под Пермью. Сотрудничала на радио и в газетах. Пермский краевед Е. Страшилова вспоминала: «Когда в 1946 г.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.

² См. об этом сборнике и его авторах статью: Пашин В. «Девятнадцать новых»: История становления костромской литературы // Северная правда. 2003. 24 янв.

³ Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: биобиблиогр. сл.: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. – Т. 2. С. 242.

вышло ждановское постановление ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”, оно в нашей семье вызывало бурю возмущения. Брауну и Комиссаровой там вменялось в вину устроенная ими во время войны переключка по радио: он с южного фронта, она – из Перми читали свои стихи о любви. Все, кто слышал тогда эту переключку, были восхищены этим диалогом фронта и тыла»¹.

В Перми на слова Комиссаровой были созданы песни, вошедшие в репертуар ряда ансамблей («Урал-богатырь», «Уральская партизанская» и др.).

В 1946 после постановления ЦК ВКП(б), где Комиссаровой в вину вменялись «произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни», набор подготовленной книги её стихов был рассыпан, а имя поэтессы долгие годы замалчивалось. Её спасением в это время была переводческая деятельность. Надо сказать, что к переводам она обращалась и раньше, ещё с 1930 г. состояла в студии переводчиков Федерации объединений советских переводчиков. Переводила М. И. Комиссарова белорусских и украинских поэтов (прежде всего лирику Леси Украинки). За эту работу в 1982 г. она была удостоена премии им. М. Рылского.

Большую популярность получила поэма Марии Комиссаровой «Лиза Чайкина». О рождении поэмы сын поэтессы Н. Н. Браун рассказывал: «Имя героини подсказала случайная встреча с рядовыми жителями Тверской области: “Вот у нас была такая партизанка...”. И Комиссарова поехала на место подвига партизанки, познакомилась с её родителями, расспросила всех, кто был очевидцем событий. И тогда сюжет поэмы был готов, он не был основан на вымысле»².

В книгах послевоенных лет Мария Комиссарова по-прежнему особое место уделяет теме «малой родины». По мнению Г. Филиппова, «обрисовался сквозной сюжет лирики Комиссаровой: “потёмки деревни” и чувство дочерней благодарности

¹ Страшилова Е. Жил-был дом // Личное дело (Пермь). 2005. № 10(91).

² Николай Николаевич Браун: «Я не инакомыслящий, я – мыслящий, это опаснее...» // Слово и мысль. URL: <http://slovo-misl.ru/index.php/interview/149-n-brown-interview-1> (дата обращения: 20.01.2013).

тебя породившим (“Детство”, 1934, написанные позднее “Бабка”, “Матери”); женская лирика разлук и встреч (“Снегурочка, где ты?”), затем материнское, монументальное годов войны (“Зароют в землю голос мой...”), а после – и трагическое, вдовье (цикл, посвященный памяти Н. Брауна: “Ты здесь, со мною рядом”)).

Написанное Марией Комиссаровой вроде бы не шло вразрез официальной идеологии. Но Комиссарова отличалась гражданской стойкостью. В 1930-е она выступила в защиту Б. Пастернака, в 1960-е – открыто поддерживала Солженицына. Состояла в активной переписке с политзаключёнными и собирала присылаемые ей литературные произведения, оказывала материальную помощь политическим репрессированным.

Похоронили её на Комаровском кладбище рядом с мужем Н. Брауном.

Сочинения¹

Первопукот: стихотворения. [Л.], 1928. 56 с.

Переправа: стихи. Л. ; М., 1932. 80 с.

Встреча: стихи. Л., 1936. 78 с.

Лиза Чайкина: поэма. Л., 1955. 76 с.

Стихи. Л., 1967. 35 с.

Ожидание встречи: стихи. Л., 1973. 88 с.

Всем расстояньям вопреки: стихотворения разных лет. Л., 1979.

Ещё не вечер: стихотворения и поэма. М., 1981.

Избранное. Л., 1984.

Письма к Б. Белоцерковскому (1967–1969 гг.) // Костромская старина. 1999. № 13. С. 36–37.

Литература

Азаров В. Дело жизни: Перечитывая стихи Марии Комиссаровой // Нева. 1966. № 7. С. 182–184.

¹ Библиография в кн: Абрамкин В. Писатели Ленинграда: библиогр. указатель / В. Абрамкин, А. Лурье. Л., 1964. С. 147–148; Писатели Костромы (1918–1975 гг.): библиогр. указатель / Костр. обл. науч. б-ка им. Н. К. Крупской; Костр. писат. орг-ия СП РСФСР. Кострома, 1981. С. 39–40.

Кучин Н. Старейшая поэтесса в гостях у земляков // Северная правда. 1959. 4 окт.

Поясов С. О тех, кто начинал // Северная правда. 1959. 28 фев.

Пьяных М. Верхневолжье – источник вдохновения: Литературный портрет М. Комиссаровой // Твоя земля рассказывает. Кострома, 1960. С. 92–93.

Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: биобиблиогр. Словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. – Т. 2. С. 241–242.

Филиппов Г. Срываю дни с календаря... // Звезда. 1984. № 8. С. 167–171.

Вячеслав Алексеевич
Л Е Б Е Д Е В
1900–1979

Имя В. А. Лебедева значится под номером 19 в списке студентов гуманитарного факультета за 1918–1919 учебный год¹. Костромич, из семьи служащих, как раз закончивший среднюю школу и мечтавший о дальнейшем образовании, не мог не воспользоваться таким шансом, какой давало открытие в Костроме университета.

Свою литературную карьеру он начал, работая корректором. В 1923 г. в костромском альманахе «Девятнадцать новых» он опубликовал «Поэму о пламени», а через два года московское издательство «Труд и книга» выпустило пьесу Вячеслава Лебедева «Холщовые штаны», которая прошла на сценах Москвы, Ленинграда, Костромы и других театров страны. В 1926–1927 г. Лебедев работал в газете «Советская Киргизия», а в конце 1927 г. в качестве собственного корреспондента «Правды» поехал на Дальний Восток. Там он пробыл до осени 1929 г. Написал цикл очерков «По Советской Корее» и роман «Дары Тинтинхо». Этот роман был высоко оценен М. Горьким, по рекомендации которого Вячеслав Лебедев и был принят в Союз советских писателей.

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 12.

Работа в газете, с которой начинался Вячеслав Лебедев как литератор, во многом определила выбор жанра большинства его произведений. Это жанр научно-популярной биографии. В 1936 г. вышла его книга о И. В. Мичурине «Обновитель садов», к которой писатель обращался несколько раз, перерабатывая её и меняя название: «Обновитель природы» (1940), «Преобразователь природы» (1948), затем два издания «Иван Владимирович Мичурин», опубликованные в серии «Жизнь замечательных людей» (1950, 1956).

В альманахе «Киргизстан» в 1939 г. Лебедев напечатал повесть о М. Фрунзе «Юность полководца», продолжение которой – повесть «Командарм» – вышло в издательстве «Советский писатель» в 1940 г. К этой теме В. А. Лебедев возвращался и в послевоенные годы. В 1960 г. написанная совместно с К. В. Ананьевым книга о Фрунзе вышла в серии «Жизнь замечательных людей».

В конце войны В. А. Лебедев обращается к опыту работы пленного совхоза «Караваяево» – в местном и центральных издательствах выходят его книги о С. И. Штеймане, очерки о людях совхоза, а в 1945 г. «Советский писатель» издаёт роман Вячеслава Лебедева «Млечный берег», который получил у критиков неоднозначную оценку.

В 1951 г. Костромской драмтеатр поставил написанную В. А. Лебедевым пьесу «Островский», она была опубликована в литературном сборнике «Кострома» (№ 4)¹, где жанр был определён как «драматическая поэма».

В 1963 г. В. А. Лебедев закончил свой многолетний труд над трилогией об А. М. Горьком «Крылья Буревестника».

Последней его работой была документальная книга «Верди. Маэстро борьбы», увидевшая свет в 1977 г. в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Пионер – значит первый».

«Моё поколение помнит старейшего писателя Вячеслава Алексеевича Лебедева, родившегося в Костроме и не потерявшего с ней связи до конца своей жизни. Человек этот многознающий, завидной образованности, – вспоминал костромской писатель К. А. Абатуров. – В. А. Лебедев помогал начинающим авторам,

¹ Кострома: лит. сб. № 4. Кострома, 1952. С. 107–169.

по его инициативе было создано областное литобъединение, на основе которого позже и была создана писательская организация»¹. К этому стоит добавить, что в Костромском книжном издательстве не раз выходили книги В. Лебедева, многочисленные его публикации появлялись и на страницах газеты «Северная правда».

В недавнее время вроде бы забытое имя писателя Вячеслава Лебедева вновь зазвучало в книжном мире. В 1990 г. журнал «Слово» опубликовал неизвестный ранее шедевр Дюма «Последний платёж», который вскоре вышел отдельной книгой и был многократно переиздан во всех концах нашей страны. Издатели объясняли читателям многолетнее забвение романа тем, что рукопись якобы много лет пролежала в архивах КГБ, а единственный перевод был сделан «для служебного пользования» Вячеславом Лебедевым.

Сведущим читателям бросилось в глаза, что французские реалии в романе были выписаны дилетантски, а русские, наоборот, с невероятным для Дюма знанием, а главное – с надрывным пietetом, которого совсем лишён его настоящий роман о России – «Учитель фехтования». Это было крайне патриотическое продолжение «Графа Монте-Кристо», герой которого мстил убийцам «великого русского поэта Пушкина».

Созданное в 1992 г. русское общество друзей Дюма сделало запрос в аналогичную французскую организацию, где удостоверили: о «Последнем платеже» в документах писателя нет никаких упоминаний. «Стремление друзей Дюма оградить почитаемого писателя от навязываемого ему авторства понятно: во-первых, истина всего дороже, а во-вторых, “Последний платёж” – просто плохо написанная книга»², – пишет Алла Головачёва. Но, очевидно, автор подделки Дюма и сам это понимал, поэтому и было вытащено

¹ *Абатуров К. И.* Светить всегда // Электронная библиотека современной костромской литературы. URL: http://elib-kostroma.ru/data/documents/Abaturov_svetitVsegda.html (дата обращения: 15.12.2012).

² Пушкин, Чехов и другие. «Два Дантеса». Главы из книги Аллы Головачёвой // Большая Ялта: портал нового ялтинского мира. URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/1677> (дата обращения: 15.12.2012).

это «произведение» на свет божий лишь спустя десяток лет после смерти Вячеслава Лебедева, когда наступило безрассудно падкое на сенсации время. А может писатель именно так и хотел подшутить над этим временем и над потомками?

Сочинения¹

Обновитель садов : повесть о Мичурине. М. ; Л., 1936.

Командарм. Л., 1940.

Млечный берег : роман. М., 1945.

Крылья Буревестника : трилогия о М. Горьком. М., 1971.

Литература

Лебедев Вячеслав Алексеевич: биограф. справка // Лебедев В. Когда заговорили камни. Кострома, 1959. С. 166.

Филиппов А. Добрая жизнь: (К 60-летию В. А. Лебедева) // Литература и жизнь. 1960. 25 сент.

Часовников А. Ровесник бурного века // Северная правда. 1970. 3 дек.

¹ Подробная библиография в кн.: Писатели Костромы (1918–1975 гг.): библиогр. указатель / Костр. обл. научн. б-ка им. Н. К. Крупской; Костр. писат. орг-ия СП РСФСР. Кострома, 1981. С. 35–38.

Иван Васильевич
М Е Ш А Л И Н
06(19).10.1901–10.01.1942¹

Иван Васильевич Мешалин – уроженец города Нерехты Костромской области, он рано лишился родителей, поэтому больше жил в Костроме, где его воспитывала бабушка. Здесь закончил гимназию. Согласно списку слушателей гуманитарного факультета КГРКУ И. В. Мешалин подал заявление о зачислении 20 августа 1920 г., работал он в это время статистиком в губернском бюро, образование имел среднее, от военной службы был освобождён по болезни и проживал по адресу: Троицкий переулок, дом 3, квартира 3² (позднее этот квартал вошёл в улицу, названную Комсомольской, а дом получил номер 71³).

На студента Мешалина большее влияние в Костромском университете оказал профессор В. Ф. Шишмарёв. Это он предложил рекомендовать Мешалина в числе пятерых лучших студентов для продолжения образования в Петрограде. Наверняка сделало своё дело и общение с плеядой замечательных статистиков-исследователей, с которыми молодой Мешалин работал в губбюро и многие из которых преподавали на вечернем отделении, где он учился в то время. Это Е. Ф. Дюбюк, ставший впоследствии

¹ Эту дату указывала в своей автобиографии его вдова Е. П. Слободская (Архив ФГБОУ «КГТУ». Ф. Р-1289. Оп. 4. Д. 22. Листы не нумерованы). В некоторых источниках называется 12 января 1942 г.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.

³ *Магницкий М. П.* Дом, в котором жил историк И. В. Мешалин // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Костромская область. Тр. 34. М., 1976. С. 58–59.

редактором первого печатного труда молодого исследователя-краеведа, Н. И. Воробьев, И. М. Богданов.

Включившись в работу созданного в 1923 г. Нерехтского отделения КНО¹, он представит некоторые результаты в 1924 г. в виде краткого реферата по курсу экономической географии. Принимавший эту работу профессор политической экономии Ленинградского университета А. И. Буковецкий предложил И. В. Мешалину сделать более обширное экономическое описание Нерехтского уезда и подсказал ему для образца аналогичный труд своего бывшего студента и земляка Мешалина – Николая Кондратьева².

И в 1927 г. солидный труд И. В. Мешалина «Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии» увидит свет в качестве первого выпуска Трудов Нерехтского отделения КНО. А в своём предисловии А. И. Буковецкий напишет: «И. В. Мешалину удалось дать полную картину экономической жизни одного из типичных уездов нашей необъятной страны. Теперь, когда наш Союз ведёт тяжёлую работу по восстановлению разрушенного и надорванного народного хозяйства и когда началась труднейшая работа, требующая напряжения всех сил страны, крайне необходимо иметь работы типа работы И. В. Мешалина. Такие работы могут нам показать ход восстановительного процесса на местах. Они наметят нам новые задачи. Они подскажут ту дорогу, по которой необходимо идти для более быстрого достижения поставленных задач»³. Вместе с тем, отдав дань новой фразеологии, профессор старой школы не может удержаться, чтобы не провести такую параллель: «...некоторые слабые места данной работы являются результатом слабости нынешнего нашего статистического материала. И. В. Мешалин в этом отношении был в худшем положении, чем Н. Д. Кондратьев. В распоряжении Н. Д. Кондратьева ведь были богатейшие данные старой земской

¹ *Невский Л.* Из истории Нерехтского краеведения // Волжская новь. 1964. 15 авг.

² *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского Земства Костромской губ. / под ред. А. И. Буковецкого. Кинешма, 1915.

³ *Мешалин И. В.* Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии // Труды Нерехт. отделения КНО. Вып. 1. Нерехта, 1927. С. 5.

статистики. В распоряжении И. В. Мешалина были громадные, но не столь систематические данные современной статистики. Также в распоряжении Н. Д. Кондратьева были очень подробные данные о финансовом хозяйстве уезда. И. В. Мешалин почти не имел этих данных»¹.

И позже Иван Васильевич не прекращал заниматься краеведением. В его архиве сохранились биографический очерк о М. Я. Диеве², а также работа «История торговли и промышленности Нерехты»³.

С 1931 г. Мешалин – научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории. Он исследует историю российской промышленности. В 1930-е гг., как отмечал Н. М. Дружинин, происходит сближение бывшего костромского студента со своим преподавателем по Костромскому университету. Об этом свидетельствуют и записи в дневниках Дружинина 1930-х гг.⁴, и высокая оценка, которую даёт академик трудам Мешалина в «Воспоминаниях о Костромском университете». Приведём такое его письмо А. С. Нифонтову:

Ленинград, 25 августа 1940 г.

Здравствуйте, Александр Сергеевич! Простите, что и я отвечаю Вам с запозданием. Всё это время днём проводил в архивах, а вечером сидел за просмотром большой диссертации своего ленинградского «ученика». Вы его, вероятно, знаете: он – костромич, когда-то учился в Костромском университете, женился на костромичке – студентке Е. П. Слободской и уже ряд лет состоит младшим научным сотрудником в Ленингр. институте истории. Его фамилия – Мешалин, а тема его диссертации – «Крестьянская текстильная промышленность Московской губ. в XVIII и первой пол. XIX века». Я руководил им заочно и теперь мы должны подвести итоги длительной работы – в чайнии предстоящего диспута»⁵.

¹ Мешалин И. В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии // Труды Нерехт. отделения КНО. Вып. 1. Нерехта, 1927. С. 6.

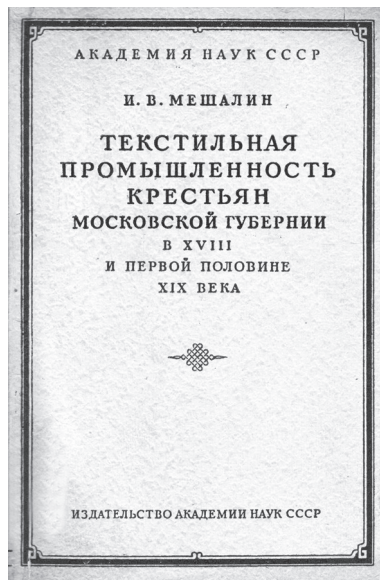
² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 264. Ед. хр. 11. (Сообщено Л. И. Сизинцевой.)

³ Там же. Ед. хр. 10.

⁴ Например, будучи в Ленинграде, 28 января 1937 г. Н. М. Дружинин записывает: «Вечер провёл у Мешалиных – милые простые люди, чувствую в них своих друзей. Убеждал Е. П. Слободскую завоевать себе аспирантуру» (Дневник Н. М. Дружинина // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 89).

⁵ Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М.: Наука, 1990. С. 433.

Диссертацию Иван Васильевич успел защитить в самом начале Отечественной войны. Он отказался от эвакуации, участвовал в строительстве оборонительных сооружений, дежурил во время бомбёжки на крыше института. И хотя ему уже не хватало сил ходить домой в нетопленную квартиру, а жечь книги, собранные за долгие годы, он не решался, Иван Васильевич смог перенести в институт собранный в различных архивах материал и закончить работу над главной своей книгой. В институте за письменным столом он и умер. Спустя годы, Н. М. Дружинин в одном из писем, адресованных его вдове, Е. П. Слободской, писал: «Вспомним дорогого Ивана Васильевича, так много обещавшего и так рано ушедшего из жизни! Но его книгу по-прежнему читают, помнят, цитируют. Имя И. В. Мешалина хорошо известно историкам, изучающим экономику XVIII–XIX веков»¹. Нужно отметить, что учитель и постарался, чтобы уже после войны, в 1950 г. труд И. В. Мешалина увидел свет. На титульном листе значится: «Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР Н. М. Дружинин».

Обложка монографии
И. В. Мешалина

Сочинения

Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии // Труды Нерехт. отделения КНО. Вып. 1. Нерехта, 1927. С. 1–290.

Промышленность Новгорода в XVIII в. // Новгородский ист. сб. Вып. 7. Новгород, 1940.

Промышленность России в первой четверти XVIII века и её территориальное распределение // Изв. ВГО. № 72. Вып. 3. М.; Л., 1940.

¹ Цит. по: *Магнитский М.* Подвиг учёного // Северная правда. 1971. 8 дек.

Промышленность России во второй пол. XVIII в. и её территориальное размещение // Там же. № 73. Вып. 2. М. ; Л., 1941.

Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М. ; Л., 1950. 250 с.

Л и т е р а т у р а

Алпатова В. Д. Обзор фондов учёных-историков, погибших во время блокады Ленинграда // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 242–254.

Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. (См. по именному указателю.)

Ляшенко П. И. И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века // Советская книга. 1950. № 8. С. 84.

Магнитский М. Подвиг учёного // Северная правда. 1971. 8 дек.

Магницкий М. Историк И. В. Мешалин // Нерехтская правда. 1971. 24 апр.

Мешалин И. В. // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 415.

Александр Сергеевич
НИФОНТОВ
08(21).08.1899–09.03.1987

*А. С. Нифонтов. 1920-е гг.
Из архива В. Е. Хализева*

Кажется, сам А. С. Нифонтов позаботился, чтобы память о нём была сохранена в Костроме, в том учебном заведении, где он начинал своё высшее образование. По его завещанию более пятисот книг из библиотеки профессора было передано Костромскому педагогическому институту 14 ноября 1987 г.¹ К Костроме у Александра Сергеевича было особое отношение. Этот город для него был тоже родным: здесь служили два его деда-священника. И сюда вынуждена была бежать семья Нифонтовых в 1918 г., опасаясь жутких расстрелов, которые творились в Рыбинске не только без суда и следствия, просто без разбора². А отец будущего историка, Сергей Александрович, был в Рыбинске человеком известным – не только как врач, но и как общественный деятель. Закончив Казанский университет, он начал своё служение земским врачом

¹ К сожалению, записей об этом в вузовской библиотеке обнаружить не удалось, поэтому пользуемся информацией, которую сообщил выполнявший последнюю волю А. С. Нифонтова его племянник, профессор кафедры теории литературы МГУ В. Е. Хализев. Пользуясь случаем, благодарим Валентина Евгеньевича за высланные материалы об А. С. Нифонтове, которые использованы в этом очерке.

² «Правьте на звёзды...» Рыбинский край в отечественной науке XIX–XX веков / сост. Ю. И. Чубукова. Рыбинск, 1999. С. 48.

на западе России (поэтому и у его сына Александра в документах местом рождения значиться город Вильно), затем служил в Галиче и Серее, а с 1910 г. – в Рыбинске. После Февральской революции он возглавлял Комитет общественных организаций Рыбинска. В Костроме Сергей Александрович от своего больного заразился сыпным тифом и, уже выздоравливая, в 1919 г. умер от сердечного приступа. «Что-то чеховско-астровское, но совсем без скепсиса, было в моём деде, – пишет его внук В. Е. Хализев. – И внешне чем-то был похож на Астрова, каким его играл Станиславский. Вера в разум и волю человека, неистощимая и ровная энергия врача-практика, просветителя, общественного деятеля...»¹.

И хотя Александр, не согласившись с доводами отца в пользу технического образования, выбрал гуманитарное, личность отца наложила на сына сильный отпечаток.

Подавая 5 августа 1920 г.² заявление в университет, Александр Нифонтов ещё числится военным служащим и в списках значится: «заведующий музыкальной секцией, Губвоенкомат»³. В октябре следующего года его демобилизуют, и он работает в Губполитпросвете⁴, служит администратором оперного театра, а немного позднее получает такой документ: «По распоряжению ректора канцелярия университета уведомляет, что Вы с 1-го июня определены на должность библиотекаря библиотек при Кабинетах факультетов Костромского государственного университета»⁵.

Очевидно, развитый, очень начитанный и серьёзный студент, хороший музыкант обратил на себя внимание не только Н. М. Дружинина, преподававшего историю освободительного движения. Как следует из конспекта ненаписанных воспоминаний Нифонтова, он – свой человек в доме Шишмарёвых, и можно понять, что Владимир Фёдорович Шишмарёв не прочь был видеть его своим зятем. Но позднее, когда делается выбор: где продолжать

¹ «Правьте на звёзды...» Рыбинский край в отечественной науке XIX–XX веков / сост. Ю. И. Чубукова. Рыбинск, 1999. С. 49.

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 182. Л. 82.

³ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.

⁴ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 40. Л. 52 и 59.

⁵ Там же. Л. 62.

образование – в Петрограде, куда рекомендует его Шишмарёв, или в Московском университете, одним из доводов в пользу Москвы становится «м[ожет] б[ыть] нежелание зависимости от В[ладимира] Ф[ёдоровича]»¹.

В протоколе заседания совета Костромского педагогического института 19 декабря 1921 г. содержится такая характеристика:

«А. С. Нифонтов, студент II курса педагогического института. В 1917 г. состоял председателем объединения учащихся средних учебных заведений гор. Рыбинска. С 1918 г. работал в политотделе Губвоенкомата. За время с октября 1921 г. работал сначала во временном, а потом в постоянном студенческом комитете в качестве его члена, проявил способности организатора и приобрёл в среде студентов к себе уважение. А. С. Нифонтов намечен кандидатом на должность члена правления института общим собранием студентов и собранием преподавателей и научных сотрудников института»².

О том, как дальше сложилась судьба историка, отчасти сам он рассказал в своей статье «Из опыта научной работы историка». Но насколько откровенно можно было говорить об этом в специальном журнале в 1963 г.³ Здесь же приведём почти полностью статью профессора В. Е. Хализева, написанную для «Московской энциклопедии», только расшифровав принятые в справочнике сокращения:

«Осенью 1922 перевёлся на педагогическое отделение факультета общественных наук Московского университета (с этого момента постоянно жил в Москве), в 1925 поступил в аспирантуру. Научный руководитель – Д. М. Петрушевский; консультанты – С. Б. Веселовский и В. И. Невский. В начале 1926 зачислен в Институт истории РАНИОН. Занимался ранним французским средневековьем, историей русского города в XVII веке, историческими взглядами Н. Г. Чернышевского (этой теме посвящена первая статья Нифонтова в журнале “Под знаменем марксизма” (1928). Обратившись к текущей периодике 1840-х, Нифонтов

¹ Нифонтов А. С. Прошлое нашей семьи (конспект ненаписанного текста). С. 42. (Хранится у В. Е. Хализева).

² ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 13 об.

³ История СССР. 1963. № 2. С. 118–140. (Фрагмент, касающийся учёбы в Костромском университете, см. в прил. 6.)

начал в эту пору изучать связи революционного движения той поры в России и на Западе, в итоге были написаны две монографии: 1931 и 1949 (вторая защищена как докторская диссертация). Нифонтов – автор двух глав школьного учебника “История СССР” под редакцией А. В. Шестакова (1937 и ряд последующих изданий, вплоть до 1955). Позднее участвовал в создании ряда учебных пособий.

С 1932 по 1954 Нифонтов – вузовский педагог, по преимуществу в МГПИ им. В. И. Ленина. С весны 1945 до выхода на пенсию в 1965 – старший научный сотрудник Института истории АН СССР, где, в частности, активно участвовал в многотомной “Истории Москвы”. В 1960-е исследовал сельское хозяйство в России второй половины XIX в., позже опубликовал четыре статьи о мануфактурах и фабриках в России XIX в., три из них – в журнале “История СССР”.

На протяжении ряда лет Нифонтов изучал архивные материалы о жизни и деятельности правящей верхушки России 1850–60-х. Его весьма многочисленные выписки из эпистолярных, мемуарных и иных текстов хранятся в архиве РАН. Посмертно опубликована статья Нифонтова, проливающая свет на либеральную программу Н. А. Орлова, заявленную в его письмах наследнику престола (1859–65). В ряду публикаций Нифонтова – множество рецензий, юбилейные заметки.

Нифонтов неизменно придерживался марксистской методологии и при этом решительно выступал против всякого рода конъюнктурных искажений прошлого, говорил о безусловной объективности как императиве деятельности учёного, о необходимости в научной работе учитывать всю полноту сведений, которую дают источники: историк обязан знать всю сумму по крайней мере важнейших документов по теме своей работы...

В круг доверительного общения Нифонтова входили С. С. Дмитриев и М. К. Рожкова. Он обладал широким художественным кругозором: хорошо знал и любил музыку, музицировал сам (рояль). Говорил о своем круге чтения в молодости: Достоевский, Л. Андреев, Ибсен, Гамсун, Куприн, из числа философов – Шопенгауэр и Ницше; был замечательным фотографом (в архиве РАН, в числе многого другого, хранится фотоальбом Нифонтова, посвящённый историкам и иным деятелям русской культуры).

Похоронен на Даниловском кладбище»¹.

К этому необходимо добавить, что книги из библиотеки профессора Нифонтова, завещанные библиотеке нашего вуза, хранятся в Отделе редкой книги, а в музее истории университета – свыше сотни отдельных оттисков статей как самого Александра Сергеевича, так и работ советских историков, с которыми он общался и дружил, многие – с дарственными надписями.

С о ч и н е н и я

О методологии Д. М. Петрушевского // Историк-марксист. Т. 21. М., 1931.

1848 год в России. М., 1931.

Москва во второй половине XIX столетия : стенограмма публичной лекции, прочитанной 26 марта 1947 года в Лекционном зале в Москве. М., 1947. 32 с.

Россия в 1848 году. М., 1949. (Б-ка учителя).

Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. М., 1955.

Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. 432 с.

Новые материалы о промышленном производстве в дореформенной России // История СССР. 1979. № 5.

Фабрично-заводская промышленность в предреформенной России // История СССР. 1983. № 1.

Письма Н. А. Орлова о России в 1859–1865 годах // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 136–148.

Л и т е р а т у р а

Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М–Р. М., 2010. С. 212–213.

«Правьте на звёзды...» Рыбинский край в отечественной науке XIX–XX веков / сост. Ю. И. Чубукова. Рыбинск, 1999. 528 с. С. 45–49; 305–308.

¹ Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М–Р. М., 2010. С. 212–213.

Елена Михайловна
ПОЛЯНСКАЯ
01(14).04.1902–1971

*Е. М. Полянская. 1951 г.
Из семейного архива Т. В. Смирновой*

Заявление о приёме на гуманитарный факультет Еленой Михайловной Полянской было подано, как свидетельствует список слушателей, 21 августа 1919 г.¹ Для изучения она выбрала словесный цикл наук. А до этого было шесть классов частной Смольяниновской гимназии, завершать же среднее образование ей пришлось уже в советской школе. После окончания школы Елена Михайловна устроилась библиотекарем, она была одной из тех, кто создавал Областную научную библиотеку. Одновременно, как свидетельствует старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея Р. Ф. Павловская, которой довелось обрабатывать фонд Полянской, занималась ещё и на курсах иностранных языков – изучала французский и английский². Закончила высшее образование в Ярославле на словесно-историческом отделении педагогического факультета.

Студенткой Е. М. Полянская включилась в работу КНО, известно, что 11 января 1925 г. на общем собрании научного общества она выступает с докладом «Изучение

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.

² Павловская Р. От отца не отказалась // Северная правда. 2002. 27 апр. С. 7.

живого народного говора»¹. Поэтому, когда уезжает из Костромы этнограф Н. П. Беляева, Полянскую В. И. Смирнов приглашает научным сотрудником на этнологическую станцию. О своих первых шагах на поприще этнографа Полянская увлечённо рассказывает на страницах газеты². Когда всё труднее становится со средствами на поездки по губернии, а у исследователей настойчивое желание охватить наблюдениями как можно более широкий район, этнографы придумали оригинальный выход: они отправляются на костромской базар – и там наблюдают, расспрашивают крестьян, делают зарисовки. «На основании материала, собранного на костромском базаре, были опубликованы две работы: Н. Калиткин “Орнамент шитья костромского полушубка”, 1926, и Е. Полянская “Костромской хомут”, 1927»³, – вспоминала Л. С. Кितिцына.

А. А. Спицын – профессор, археолог, член-корреспондент Академии наук СССР, так отозвался о работе Полянской: «Монография мне нравится. обстоятельно, ясно, коротко, много рисунков. Первая хорошая работа на эту тему. Сейчас в этнографии нужна именно в таких работах»⁴. «Серьёзнейшим и способнейшим этнографом» называла Е. М. Полянскую и Л. С. Кितिцына и очень сожалела, что этнография потеряла такого специалиста.

Елена Михайловна была в числе восьми костромских краеведов, осуждённых 28 февраля 1931 г. по статье 58, п. 10 Уголовного кодекса. Приговор ей был: лишение права проживания в ряде областей и округов страны с прикреплением к определённом месту жительства сроком на три года. А перед этим был осуждён, как бывший офицер, её отец, Михаил Сергеевич Полянский, и отправлен в Сибирский исправительный трудовой лагерь (Сиблаг), расположенный в г. Кузнецке. Дочь последовала за ним в Кузнецк. Оттуда в письме к матери в Кострому она сообщала: «Сняла угол в землянке, как раз у окошка, которое выходит в лагерь, где си-

¹ Отчет о деятельности КНО за 1925 год. С. 2.

² Полянская Е. По деревням: Этнографические сборы // Северная правда. 1926. 11 июля.

³ Кितिцына Л. С. Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). С. 128.

⁴ Павловская Р. От отца не отказалась // Северная правда. 2002. 27 апр. С. 7.

дит папочка, и каждый день вижу его, когда арестантов выводят на прогулку». О дальнейшей жизни Е. М. Полянской Павловская рассказывает так: «У Елены Михайловны был бойцовский характер. Спецпоселенка, она смогла в Кузнецке устроиться в экономический отдел труда при горсовете (в мае 1931 г.). И здесь продолжает научно-исследовательскую работу.

По воспоминаниям современников, ещё на стадии возведения основных производств на КМК И. П. Бардин, главный инженер Кузнецкстроя, вынашивал идею создания музея по истории строительства крупнейшей металлургической базы на востоке страны. Елена Михайловна, как единственный специалист с высшим образованием по музейному делу в Кузнецке, была приглашена и включена в состав штата музея, а позднее назначена его директором.

Едва ли не со дня открытия он был признан лучшим из музеев металлургической промышленности страны. <...> Как специалист технического музееведения, она приглашалась на различные конференции. Заложенные ею основы экспозиционной и пропагандистской деятельности музея нашли отражение в дальнейшей работе учреждения. Снятие с должности директора, конечно, больно ударило по самолюбию, но Полянская не дала возобладать обиде, не оставила музей – своё детище, продолжала работать в нём научным сотрудником. Собранный ею материал по истории КМК вылился в диссертацию на звание кандидата исторических наук (1953 г.), а позднее в книгу «Из истории борьбы за создание металлургии Кузбасса», которая в 1957 г. вышла в Кемеровском книжном издательстве».

Сочинения

Костромской хомут // Труды КНО. Вып. 41. Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927. С. 140–154.

Из истории борьбы за создание металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957.

Литература

Павловская Р. От отца не отказалась // Северная правда. 2002. 27 апр. С. 7.

Елизавета Павловна
СЛОБОДСКАЯ
09(22).08.1900–23.10.1984¹

В своей автобиографии 1954 г. Е. П. Слободская писала: «Отец работал письмоноском, рабочим водного транспорта (водоливом, матросом). Умер в 1919 г. Мать домашняя хозяйка, шила и стирала чужое бельё. Пенсионерка, 76 лет»². В то же время известно, что М. А. Вейденбаум, свидетельствовавший против В. И. Смирнова, говоря об его окружении, называл и Слободскую, работавшую одно время учёным секретарём научного общества, и так характеризовал её: «...дочь пристава, ставленница В. И. Смирнова. Принимала очень активное участие в жизни месткома, пока не было обнаружено её происхождение, после чего она вычищена со службы»³.

Уже по этим штрихам можно судить о трудном положении, в котором оказалась семья Слободских в после-революционное время. И Елизавете Павловне пришлось

¹ Справка отдела учёта, обработки и хранения документов управления ЗАГС Костромской области.

² Архив ФГБОУ «КГТУ». Ф. Р-1289. Оп. 4. Д. 22. (Далее ссылки на него обозначаются «Личное дело Е. П. Слободской».) Листы не нумерованы.

³ Сизинцева Л. И. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930–1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 125.

рано учиться принимать ответственность на себя. Поступив в 1918 г. в университет, она была вынуждена искать себе приработок. Вначале она – временный сотрудник, помогающий разбирать и описывать свозимые в университетскую библиотеку книги, а с 1 июня 1919 г. зачислена «в число служащих библиотеки в должности штатного сотрудника»¹.

Её интерес и способности к лингвистике и языкам отмечает профессор Шишмарёв, любимой ученицей которого она была позднее и в Ленинградском университете. На студентку, «в которой – жажда знания, серьёзно-сосредоточенное отношение к науке и сознание невозможности отдаться ей до конца»², обращает внимание и историк Н. М. Дружинин. Если проследить судьбу Елизаветы Павловны, то убеждаешься, как точно определил Дружинин суть предначертанного ей в жизни.

Насколько усердно работала студентка Е. П. Слободская во время учёбы в Костроме, говорит множество зачётов, сданных ею здесь, которые были позднее засчитаны и перечислены в свидетельстве при окончании Слободской в 1925 г. этнологического отделения факультета общественных наук Ленинградского государственного университета по славяно-русской и романо-германской секциям³. Учёбу в Ленинграде она тоже совмещала с работой «в различных научно-библиотечных учреждениях».

В 1925 г. по семейным обстоятельствам Елизавета Павловна вернулась в Кострому, работала в городской библиотеке им. А. С. Пушкина, в Научном обществе. После ареста В. И. Смирнова вынуждена была снова уехать в Ленинград. И здесь с 23 января 1930 г. по 1 ноября 1928 г. она состояла в должности заведующей библиотекой и учёного библиотекаря в Ленинградском институте охраны труда. «Работа в системе столь интересного по тематике института, – отмечала она позднее в автобиографии, – дала возможность дальнейшего углубления знаний иностранных языков, а также расширила кругозор в области вопросов, связанных с различными отраслями промышленности. Одновременно в эти годы мною

¹ ГАКО. Ф. Р-33. Д. 19. Л. 3.

² Запись в дневнике Н. М. Дружинина 10 мая 1921 г.

³ Копия свидетельства в «Личном деле Е. П. Слободской».

были закончены Высшие библиотечные курсы при Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, заочные курсы ин. яз. и 3-хгодичный Институт ин. яз. (франц. язык)»¹.

С октября 1930 г. Елизавета Павловна перешла на преподавательскую работу в одну из ленинградских школ. «За год работы тов. Слободская добилась больших результатов в своей работе. Учащиеся полюбили предмет, хорошо усвоили материал благодаря тому, что т. Слободская тщательно готовится к урокам, максимально использует наглядные пособия, методически правильно строит урок», – пишет директор школы Л. Галахова в характеристике, которая, видимо, как и соседствующая с ней характеристика Института охраны труда, предназначена для поступления в аспирантуру при Государственной публичной библиотеке. Дело в том, что Н. М. Дружинин, восстановивший дружеские отношения со своими костромскими студентами, супругами И. В. Мешалиным (который стал его аспирантом) и Е. П. Слободской, настойчиво советует Елизавете Павловне поступать в аспирантуру.

Но, вероятно, учёбе этой не суждено было состояться, потому что «завтра была война». В автобиографии об этом сказано так: «В июне 1941 приехала в отпуск в Кострому (за неделю до войны), где и провела годы Великой Отечественной войны, т. к. вернуться обратно в Ленинград не представилось возможным. Мой муж, Иван Васильевич Мешалин, 1901 г. р., научный сотрудник Института Истории Академии Наук СССР погиб 10 янв. 1942 в дни блокады Ленинграда. В квартиру попал снаряд, погибло всё, что имела. На фронтах Великой Отечеств. войны погибли три брата»².

С осени 1941 г. она работает в Костромской библиотеке им. Н. К. Крупской, заведующий кафедрой русского языка и литературы учительского института А. В. Чичерин отмечал: «Много сделала для активизации иностранной книги в библиотеке Е. П. Слободская, отзывчивый библиотекарь и работник с большой культурой»³. А с 1942 г. двадцать лет её жизни связаны

¹ Автобиография в «Личном деле Е. П. Слободской».

² «Личное дело Е. П. Слободской».

³ Чичерин А. Наша библиотека: 25 лет библиотеке им. Крупской // Северная правда. 1943. 18 апр.

с Костромским текстильным институтом, куда Елизавета Павловна пришла вначале лаборантом на кафедру иностранных языков, а ушла на пенсию в 1962 г. с должности заведующей кафедрой, которой руководила с 1949 г., когда прежняя заведующая М. Н. Боржек была переведена в Костромской педагогический институт.

«Тов. Слободская опытный педагог, требовательна к себе и членам своей кафедры, а также к студентам. Принципиальность и беспристрастность тов. Слободской снискали ей уважение и высокий моральный авторитет среди коллектива института», – читаем в официальной характеристике руководства института. Ветераны кафедры Т. А. Попова и Л. А. Фридрих и сегодня вспоминают её как человека интеллигентного, образованного, умеющего незаметно и деликатно направлять работу коллег.

Заполняя личный листок по учёту кадров в 1954 г., Елизавета Павловна указывала, что хорошо знает английский, немецкий, французский и латинский, а слабо – итальянский, испанский, древнегреческий. Кроме того, на отделении, которое она заканчивала в ЛГУ, просто подразумевалось и знание нескольких славянских языков. Между тем одна из её подруг ещё по студенческим костромским годам Л. С. Кितिцына писала, что и на пенсии Елизавета Павловна «не угомонилась и до сих пор всё изучает новые языки».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Резолюция VI губернского съезда Советов «Об открытии университета в Костроме»¹

VI губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 20 сентября 1918 г., заслушав доклад тов. Бидерман об открытии в Костроме университета и придавая громадное значение делу просвещения трудящихся как сильнейшему оружию в борьбе с капиталом, с одной стороны, и учитывая великую жажду к просвещению пролетарско-крестьянских масс, с другой стороны, признаёт следующее:

1. Постановление губисполкома от 3 сентября с. г. об открытии университета в Костроме приветствуется и утверждается.

2. Предложенное в докладе наименование университета «Костромской пролетарско-крестьянский университет в память Октябрьской революции 1917 года» съездом принимается.

3. Учитывая нужду губернии в научно образованных специалистах соответственно основным статьям народного хозяйства губернии (лесному, сельскохозяйственному, текстильному, дорожностроительному и пр.) и принимая во внимание необходимость скорейшего создания кадра ответственных специалистов из рядов пролетарско-крестьянских масс, съезд считает необходимым наряду с основными факультетами открытие соответствующих специальных факультетов университета.

4. Принимая во внимание необходимость для университета прежде всего обширной научной библиотеки, одним из главнейших отделов которой для нас является отдел социологии и политической экономии, съезд постановляет ассигновать 100 000 р. на организацию этого отдела библиотеки университета, назвав его отделом имени вождя пролетариата Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

5. Ассигнуемые съездом 100 000 р. распределяются следующим образом: 20 000 р. на Кострому, а остальные – по соглашению представителей уездов между собою, руководствуясь развёрсткой, произведённой отделом управления при ассигновании на милицию, причём деньги должны быть внесены в депозит губернского казначейства на имя университета ко дню годовщины Октябрьской революции 25 октября с. г.

¹ ГАНИКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–26. Черновик.

Приложение 2

**Декрет
Совета народных комиссаров об учреждении
государственных университетов в гг. Костроме,
Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании
в государственные университеты бывших
Демидовского юридического лицея в Ярославле
и педагогического института в Самаре¹**

Совет народных комиссаров постановляет:

1. В ознаменование Октябрьской революции 1917 года, раскрепостившей трудящиеся массы [от] политического, экономического и духовного гнёта со стороны имущих классов и открывшей им широкие пути к источникам знания и культуры, учредить государственные университеты в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и преобразовать в государственные университеты бывшие Демидовский юридический лицей в Ярославле и педагогический институт в Самаре.

2. Сроком открытия Костромского, Смоленского, Астраханского, Тамбовского, Ярославского и Самарского государственных университетов считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 года.

3. Кредиты на содержание указанных в пп. 1 и 2 сего декрета высших учебных заведений отпускать по сметам Народного комиссариата по просвещению.

Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совета народных комиссаров

В. Бонч-Бруевич

Секретарь Л. Фотиева

Москва Кремль.

[21 января 1919 г.]

¹ Декреты советской власти. Т. 4. 10 нояб. 1918 г. – 31 марта 1919 г. М.: Политиздат, 1968. С. 311–312.

Приложение 3

Письмо С. В. Фрязинова А. Н. Савину

Письмо С. В. Фрязинова своему научному руководителю в Московском университете Н. А. Савину¹ в отделе рукописей РГБ (Ф. 263. А. Н. Савин. Папка 30. № 136) обнаружила профессор ТвГУ И. Г. Воробьева и любезно предложила нам опубликовать в Костроме. Отдельные выдержки из этого письма вошли в её совместную с доктором исторических наук А. А. Кузнецовым из Нижегородского госуниверситета статью «Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971)» (Диалоги с историей: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 377–402). Полностью письмо публикуется впервые.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Должен ещё раз Вас поблагодарить за любезное содействие составлением отзыва о моих занятиях². Дело мое решено: 1 декабря прошлого года избран преподавателем всеобщей истории гуманитарным факультетом, 6 января с. г. избран советом университета, а после 20-го думаю приступить к занятиям. Для начала беру новую историю – подготовку Великой французской революции и самую революцию, до которой, впрочем, едва ли доберусь в этом семестре. Затруднение довольно существенное ощущается однако с пособиями к занятиям:

¹ Савин Александр Николаевич (1873–1923) – с 1908 г. профессор всеобщей истории Московского университета, один из наиболее видных представителей либерально-буржуазной школы русских историков начала XX в. Был разносторонним и глубоким знатоком истории Западной Европы в Средние века и Новое время. После революции работал в Институте красной профессуры, участвовал в деятельности института истории РАНИОН.

² 25 февраля 1919 г. гуманитарный факультет КГРКУ единогласно принимает предложение Н. Г. Городенского: «В тех случаях, когда кандидат на вакантную преподавательскую должность не состоит преподавателем в других учебных заведениях и не имеет определённой репутации в качестве учёного и преподавателя, в видах получения необходимых оснований для суждения факультетом о предлагаемом кандидате требовать от кандидата прочтения пробной лекции или представления официального отзыва профессора-специалиста в письменной форме». (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 3–3 об.). Такой отзыв-рекомендацию С. В. Фрязинову и дал А. Н. Савин.

общие работы многие имеются, но по отдельным вопросам дело обстоит весьма скудно. Во всяком случае постараюсь сделать, что смогу. Ещё сильнее смущает меня отсутствие профессора – главного представителя кафедры и руководителя начинающих преподавателей. Профессура по всеобщей истории у нас до сих пор не замещена, так как нет кандидатов. Коллега мой по кафедре – Н. С. Цемш, молодой человек из оставленных при Петроградском университете, ученик проф. Гревса¹ и специалист по раннему Средневековью, тоже преподаватель, не державший магистерского экзамена; он старше меня года на 4; читает раннее Средневековье и историю Франции в XVI веке. В довольно безнадежном положении у нас дело с преподаванием древней истории; если бы нашёлся в Москве кто-либо из бывших приват-доцентов, хотя бы начинающих, кто взял бы на себя чтение курсов по древней истории! Он, конечно, был бы без всяких затруднений избран у нас профессором всеобщей истории. По новой истории намечается у нас такая схема преподавания на 3 года с повторением, буде уцелеет университет, по истечении этого промежутка времени: 1) общий курс, сосредоточенный вокруг реформационного движения и его последствий – примерно до середины 17 века; 2) общий курс по старому порядку и Великой французской революции и 3) общий курс по истории 19 века. Для меня, по свойству моей подготовки, первый курс представляет наибольшие затруднения: я работал над вопросом о деятельности банкирского дома Фугеров в 16 в., а вопрос этот, по своей специальности, мало подходит для построения общего курса. Я лично думаю начать со второго курса: пригодятся занятия по Монтеスキё, Руссо, наказам 1789 г., Тэню и слушанный мною у Вас курс по историографии Великой французской революции. В будущем году, если приведёт судьба, займусь 19 веком, с которым сталкивался когда-то, работая у С. Ф. Фортунатова, изучая несколько конституций Северо-Германского союза и читая в прошлом году у нас в культурно-просветительской ассоциации университета курс по истории 19 века – правда, далеко не законченный. На практических занятиях в этом семестре думаю заняться

¹ Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – русский историк, специалист по Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель. Потеряв работу в университете (1923), занимался литературным трудом, с 1925 г. постоянно сотрудничал с Центральным бюро краеведения. О знакомстве И. М. Гревса с Костромой и работой КНО см: Отчёт о поездке Ивана Михайловича Гревса в Поволжье в 1925 г. / публ. О. Б. Вахромеевой // Мир экскурсий. 2010. № 12. С. 25–29.

разбором «Старого порядка» Тэна. О будущем, впрочем, едва ли приходится теперь говорить; события совершаются крупные, нельзя поручиться не только за будущую осень, но и за ближайшее время. Недаром же моё личное дело в университете, начатое осенью, так долго тянулось: гуманитарный факультет в октябре (если не ошибаюсь во времени) едва не закрыли, переведя профессиу коллективно в Ярославль; в связи с этим дела о приглашении новых профессоров и преподавателей были приостановлены до времени, когда устранена была непосредственная опасность для факультета. Вообще говорить об устойчивости университета не приходится. Что касается состава учащихся, то он конечно, несравненно слабее московского; очень слабо распространено и знание иностранных языков, что для изучения всеобщей истории – конечно, большая помеха; дело приходится иметь, кроме того, со слушателями, непостоянными по составу из-за частых мобилизаций. Преобладают, впрочем, слушательницы из окончивших женскую гимназию. Если неустойчиво вообще положение университета, то не вполне, мне кажется, устойчиво теперь и моё собственное положение в Костроме: идёт экзекуция над преподавателями, которых уволено уже человек 50, и в ближайшем будущем будет уволено ещё столько же. «Разносят» учительский союз, в котором видят кадетское контрреволюционное гнездо, выделяющееся из общей массы верноподданных профессиональных союзов¹. В один из только что появившихся проскрипционных списков попал и я – и с 15 января

¹ См. об этой «чистке» в отчёте «Деятельность Костромского городского совета рабочих депутатов. 1918–1919 гг.» (Кострома, 1919): «Ознакомившись с педагогическим персоналом городских школ, отдел народного образования поставил на очередь увольнение тех педагогов, которые мало подходили для реформированной школы. В этих целях прежде всего всем педагогам было предложено заполнить анкету, обрисовывающую их общественно-педагогический лик; затем было сделано обращение ко всему населению, к учащимся и их родителям с просьбой подавать в отдел свои мотивированные заявления относительно пригодности тех или иных педагогов для работы в реформированной школе.

Особая комиссия, образованная при горискоме из представителей учащихся, их родителей и рабочих организаций, работала над этим делом более месяца, и в результате её работ как в начальных, так и в бывших средних школах города было уволено около 20 человек педагогов, которые не подходили к обновлённой школе как по своим взглядам и деятельности, так и по возрасту и образованию. На место их были приглашены новые лица, молодые, свежие силы, способные и готовые к работе в духе социалистической преобразованной школы, руководствуясь новейшими педагогическими принципами» (С. 16).

я уже «бывший» педагог городской школы, остаюсь, правда, в другой, не подведомственной городскому отделу образования, и надеюсь получить 3 урока в неделю ещё в одной школе, так что буду иметь, кроме лекций, ещё 5 уроков в неделю. Практических последствий для меня внесение в проскрипционный список не имеет никаких, так как с 6 января я уже не педагог городской школы вследствие избрания в университет, а в список попал лишь к 15; но очевидно, что благосклонное внимание надлежащих «сфер» на меня уже обратилось. Во всяком случае будущее покажет, последует ли для меня за этим ещё что-либо, а пока перебираюсь в университет. Кстати, многоуважаемый Александр Николаевич, в академических кругах здешних имеются частные сведения о согласии Вашего приехать в Кострому для чтения лекций в университет на время закрытия Московского ун[иверсите]та до мая. Очень бы хотелось видеть Вас в Костроме; наша профессура – в большинстве из магистрантов, лица с высшей учёной степенью на гуманитарном факультет нет ни одного¹, и приезд его был бы для нас своего рода событием. Если можете – поддержите наш нарождающийся университет; может быть, косвенно Вы поспособствуете упрочению самого его существования, организовав в нём строго научные занятия по всеобщей истории. Некоторым лицам и организациям, содействовавшим устройству у нас университета, очень хотелось бы сделать из Костромы маленький и тихий университетский городок. Конечно, в условиях нашей современной действительности это, может быть, неосуществимая мечта; но, думается, каждый шаг, принятый для поддержания культурного начинания, особенно такого, как университет, будет дорог и ценен. Итак, если можете, поддержите нас; читать будете, разумеется, какой угодно курс, общий или специальный; продовольственный и топливный вопросы, разумеется, здесь не так остры, как в Москве. Некоторую опасность представляет разве только эпидемия сыпного тифа; при 70 тыс. населения заболевает теперь ежедневно человек 12; в связи с этим лазаретом занято и одно из университетских зданий. Но сыпной тиф – явление теперь, кажется, повсеместное; примите только соответствующие меры в дороге. Кстати, известен ли Вам недавний трагический случай с проф. М. И. Ковалевским, бывшим московским приват-доцентом по чистой математике? Отца его,

¹ С. В. Фрязинов не совсем точен. Филолог В. Ф. Шишмарёв ещё в 1915 г. защитил докторскую диссертацию в Петроградском университете и в 1918 г. стал его профессором.

московского протоиерея, по вздорному доносу присудили к заключению в концентрационный лагерь¹; М. И. поехал его выручать, выручил, но на обратном пути в вагоне заразился сыпным тифом, осложнившимся параличом кишок; сердце, расширением которого он страдал в связи с занятиями авиацией в молодости, не выдержало, и М. И. скончался всего 32 лет, в самом расцвете сил, едва успев написать диссертацию по философии, которую очень интересовался; диссертацию принял к рассмотрению проф. Л. М. Лопатин; перед самой предсмертной болезнью М. И. успел закончить и 2 часть работы, но жизнь внезапно оборвалась, и в нашем университете, и без того очень скудных научными силами, стало ещё одной силой меньше. Но довольно: ещё раз благодарю Вас за содействие в моём деле и кончаю.

14 января 1920 г.

Остаюсь уважающий Вас С. Фрязинов

¹ Отец Иоанн Ковалевский служил протоиереем Покровского собора (собор Василия Блаженного) в Москве. Подробнее об этом см. в очерке о М. И. Ковалевском.

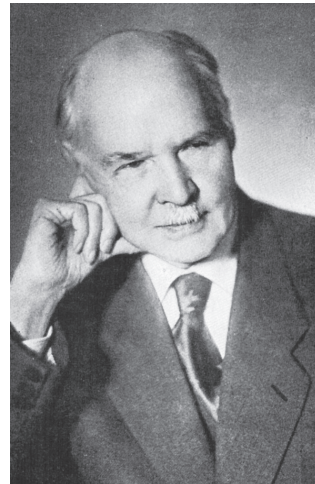
Приложение 4

Н. М. Дружинин

Воспоминания о Костромском университете (1920–1922 гг.)

Воспоминания были впервые опубликованы в кн.: Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М.: Наука, 1990. С. 207–213. Публикация сопровождалась такими примечаниями: «Воспоминания о Костромском университете (1920–1922 гг.)» – публикуются впервые по машинописному оригиналу (12 с.), хранящемуся в фонде Н. М. Дружинина в Архиве Академии наук. Воспоминания написаны по просьбе костромских историков. Рукопись датирована 8 января 1972 г., на первой странице имеется карандашная пометка референта Н. М. Дружинина Б. Е. Корфини: “14.01.1972 г. 1-й и 3-й экз-ры отправлены Слободской с письмом”».

Экземпляр, переданный Е. П. Слободской в ГАКО, погиб в огне пожара.

Н. М. Дружинин

Стояла жестокая зима 1920 г. Гражданская война ещё не была закончена. После профсоюзной мобилизации 1919 г. числясь красноармейцем, я работал в военном комиссариате Москвы и Московской губернии, руководя лекционной работой в частях столичного гарнизона. Ежедневно с 9 часов утра до 5 часов вечера я проводил время на службе в здании комиссариата на Варварке, консультировал лекторов, составлял расписания лекций, подбирал дополнительные кадры, сносился с военными клубами и госпиталями. Вечера уходили на проверку лекторов, на мои собственные выступления, на подготовку к новым лекциям. Времени на научные занятия почти не оставалось. Мы работали в возбуждённой деловой обстановке, в тесном единении, не обращая большого внимания на бытовые лишения – последствия хозяйственной разрухи.

Однажды в агитационное отделение явился профессор по истории искусства Алексей Иванович Некрасов, мой бывший одноклассник по Московской 5-й гимназии. Он сказал мне, что пришёл по поручению гуманитарного факультета молодого Костромского университета: от имени декана, профессора-филолога В. Ф. Шишмарёва (впоследствии академика), по рекомендации академика М. М. Богословского¹ он предложил мне читать лекции по русской истории вместо уехавшего в Ташкент профессора Куна. Предложение было очень заманчивым, но казалось мне совершенно невыполнимым в создавшихся условиях. На всякий случай я отправился к начальнику политпросветотдела тов. Филимонову и рассказал ему о полученном предложении. Исход беседы оказался для меня неожиданным: тов. Филимонов, с которым у нас были хорошие деловые отношения, согласился, чтобы я ежемесячно на одну неделю ездил в Кострому, читал там лекции и вёл практические занятия, а затем вовремя возвращался к исполнению своих служебных обязанностей. Таким образом, впервые я получил возможность вести педагогическую работу в высшем учебном заведении, – правда, находившемся в провинции и не имевшем сложившихся научных традиций. Мы быстро договорились с А. И. Некрасовым о технической стороне поездок и о предоставлении планов лекционного курса и семинария.

В то время переезды по железной дороге были крайне затруднены вследствие недостатка подвижных составов и наплыва пассажиров, особенно «мешочников». Однако Костромскому университету удалось выхлопотать право перевозить до Костромы с пересадкой в Ярославле московских и петербургских учёных в особом «профессорском» вагоне, т. е. в максимально удобных условиях того времени. Вскоре я отправился в свою первую командировку, имея на руках специальное удостоверение. Тогда железнодорожного моста около Костромы ещё не было и для того, чтобы добраться до города, нужно было пересечь Волгу зимою на санях, а летом на лодках. Труднее всего были переезды весной, когда начинался ледоход и нужно было искусно лавировать между плывущими льдинами. Фактически поездки были коллективными: в профессорском вагоне встречались и обменивались впечатлениями учёные обеих столиц и разных специальностей. Именно тут я и познакомился с известным

¹ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – историк. В 1898–1925 гг. преподавал в Московском университете. В 1920 г. избран членом-корреспондентом, а в 1921 г. – академиком Российской академии наук.

кардиологом профессором Плетнёвым¹, с которым поддерживал связи позднее и в Москве.

Кострома в начале 1920-х гг. произвела на меня впечатление тихой заводи среди бушующего моря. Старинный русский город с сохранившимися памятниками XVII–XIX вв., на широкой многоводной реке, окружённый густыми хвойными лесами и заполненный садами, – таков был этот губернский центр в годы Гражданской войны.

Преподаватели университета во время своих поездок останавливались в квартире бывшего председателя судебной палаты, где получали тёплые комнаты и достаточное питание². Университет был размещён в здании бывшего Дворянского собрания, красивом доме ампирического стиля – с большим колонным залом, имевшим хоры и украшенным росписью. Для аудиторий были отведены просторные высокие комнаты, в которых свободно располагались немногочисленные факультеты. Улица им. Луначарского, на которой находился университет, была спокойной и тихой, так же, как и другие, веерообразно расходившиеся от прибрежной площади с памятником Ивану Сусанину.

*Кострома. Общий вид
С открытки начала XX в.*

¹ Плетнёв Дмитрий Дмитриевич (1871–1941) – в то время профессор терапевтической факультетской клиники медицинского факультета Московского университета, очевидно, тоже принимал участие в работе медфака в Костроме.

² Как следует из дальнейших дневниковых записей Н. М. Дружинина, останавливались приезжающие преподаватели в Костроме в квартире Александра Константиновича Вяжлинского, служившего в эту пору заведующим университетской библиотекой, на улице Чрезвычайки (Никольская, ныне Свердлова), д. 29. Здесь было устроено «общезитие для приезжающих профессоров и преподавателей» (Отчёт 2. С. 10).

Несмотря на напряжённую работу (готовиться к лекциям и семинариям приходилось не в Москве, а уже здесь, на месте), командировки в Кострому казались мне приятным отдыхом после усиленного труда. Такое впечатление было особенно ярким поздней весной и ранней осенью, когда удавалось проводить время в саду, купаться в Волге, дышать чистым воздухом, не загрязнённым обилием фабричных предприятий.

В университете царил спокойная атмосфера ритмичной учебной работы, не нарушаемая никакими конфликтами. Ректором был профессор Ф. А. Меньков, который, насколько помню, обладал организационными способностями и тактом. На гуманитарном факультете преподавались философия, история, литература, искусство и языкознание. Декан факультета, петроградский профессор В. Ф. Шишмарёв, был человеком высокой культуры, умевшим не только увлекать студентов своими лекциями и практическими занятиями, но и спокойно, деловито направлять работу преподавателей без всякого назойливого вмешательства. Заведующий кафедрой А. И. Некрасов был знатоком древнерусского искусства и достаточно образованным историком; правда, его лекции были суховаты и построены на основе старой дореволюционной методологии, но он тоже не мешал самостоятельной работе профессоров и доцентов. Из среды литературоведов выделялся известный пушкинист С. М. Бонди и молодой классик Ф. Н. Петровский¹, хороший специалист по античной филологии. Молодым был также преподаватель философии А. С. Ахманов. Гуманитарии, преимущественно петроградцы, или систематически приезжали в Кострому, или успели прочно осесть в городе на всё время хозяйственной разрухи (питаться в Костромском крае, удалённом от центра, было гораздо легче). В числе преподавателей истории был мой старый знакомый Е. Ф. Дюбюк, который в 1905 году возглавлял агитационную коллегию Саратовского комитета РСДРП; ко времени моих костромских поездок он успел выпустить несколько ценных историко-экономических исследований о Костромском крае.

Студенческая молодёжь гуманитарного факультета производила на меня очень сильное впечатление: это была внимательная аудитория, охваченная жаждой знания, стремившаяся к самостоятельной работе над источниками и уважавшая научный авторитет преподавателей. Здесь не было зазнайства и позёрства, которые я наблюдал впоследствии на историческом факультете Московского университета; не было ни

¹ Ошибка в инициалах: Ф. А. Петровский.

вмешательства студентов в организацию учебного процесса, ни придирчивой критики методов преподавания со стороны администрации. Я не скажу, что марксистская методология имела прочные корни в молодом Костромском университете. Время Гражданской войны было переходным периодом в культурном развитии советского общества. Собрания сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина ещё не вышли в свет; научное и политическое наследие классиков марксизма ещё не было изучено и освоено. В качестве марксистских пособий фигурировали преимущественно работы М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова, которые позднее подверглись суровой критике. По многим вопросам исторического процесса приходилось опираться на фактический материал буржуазной литературы. Очень сильным было влияние экономического материализма и трудов дореволюционных учёных, особенно В. О. Ключевского. Некоторые консервативно настроенные преподаватели очень скептически относились к попыткам своих коллег построить преподавание истории на основе марксистского учения.

Темой своего первого лекционного курса я избрал период со второй половины XVIII до середины XIX в., т. е., по современной терминологии, эпоху разложения крепостного строя. Я старался последовательно ознакомить студентов с экономическими предпосылками каждого крупного этапа этого периода, с положением и борьбой общественных классов, с политикой государственной власти и с историей идеологических течений. Я считал необходимым давать конкретное фактическое изложение каждой подтемы и пропускать курс обобщающими выводами, придавая ему в то же время эмоциональную окраску. Так же, как впоследствии в московских вузах, в своей практике преподавателя я держался мнения, что университетская лекция, как всякая наука, должна быть не засушенной, а живой, в известной степени образной и дающей определённую оценку описываемым событиям и лицам. В меру своих сил я старался исходить из принципов марксистской методологии, не впадая в вульгарный материализм, но избегая и голого описательства. С самого начала у меня создался внутренний контакт с моей аудиторией: она тоже предпочитала не только живое, но и новое слово.

Практические занятия, которые я вёл в 1920/21 уч. г., были посвящены истории русской общественной мысли, начиная с Радищева и кончая народничеством. Объявив темы будущих студенческих

рефератов, я предложил участникам семинария выбрать для своих работ те, которые представляются им интересными. Среди учащихся оказались подготовленные и самостоятельно мыслящие студенты, которые представили на обсуждение хорошие работы. Особенно выделялись своими докладами А. С. Нифонтов (тема «Петрашевы»), А. П. Птицына (темы «Сперанский» и «Западники») и Е. П. Слободская (тема «Исторические письма П. Л. Лаврова»). Как правило, каждый реферат коллективно обсуждался и завершался заключительным резюме руководителя.

Иногда общение преподавателей со студентами выходило за рамки учебных занятий: в университете время от времени устраивались товарищеские вечеринки, на которых преподаватели вели непринуждённые беседы с учащимися; завязывались личные знакомства, происходил обмен мнениями по вопросам, не затронутым в учебных программах. Помню одну из таких вечеринок (кажется, посвящённую годовщине основания университета), где на основе самостоятельности студенты и преподаватели декламировали стихотворения; я сам прочёл известное стихотворение А. Н. Плещеева «Вперёд без страха и сомненья». К концу первого года обучения у меня установились прочные связи с университетом и его коллективами – педагогическим и студенческим.

К началу 1921 г. положение в стране коренным образом изменилось. Разгромом Врангеля Гражданская война в основном была закончена. Началось восстановление хозяйства и расширялось социалистическое строительство, в частности на культурном фронте. Весь состав политпросветотдела военного комиссариата Москвы и Московской губернии весной 1921 г. был демобилизован и целиком вошёл в Московский губполитпросвет. Центр тяжести лекционной работы был перенесён на рабочие массы. Хотя я оставался штатным лектором и председателем методической секции, у меня освободилось время для собственных научных занятий.

По постановлению правительства была создана целая сеть научно-исследовательских институтов, в том числе Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (сокращённо её называли РАНИОН). Осенью 1921 г. я был избран младшим научным сотрудником Института истории, одного из шести учреждений ассоциации. В мою задачу входила подготовка к преподаванию в вузах, т. е. продолжение работы, начатой в 1918 г., когда я был оставлен при

университете для подготовки к профессорскому званию. Нужно было сосредоточиться на этой основной, наиболее важной задаче, ликвидировав или сократив остальные задания.

Я не решил оставить Костромской университет и по-прежнему продолжал ездить в ежемесячные командировки, но я ограничил себя ведением практических занятий, объявив новую тему исторического семинария «Отмена крепостного права» (эта тема входила в программу и моей подготовки). Только в конце 1921/22 уч. г. по просьбе гуманитарного факультета я прочёл всем студентам университета краткий курс по истории революционного движения в России. Семинарий по отмене крепостного права собрал много участников; как и раньше, я наметил темы рефератов, которые были распределены между студентами, и пока они готовили свои выступления, прочёл серию вводных лекций по более сложным вопросам падения крепостного права. В течение 1921/22 уч. г. состоялось обсуждение ряда рефератов о предпосылках и содержании реформы 1861 г. В моих конспектах сохранились записи о докладах А. С. Оханова («Крепостное право в законодательстве XVIII и первой половины XIX века»), О. Т. Арсеньевой («Общественные проекты освобождения крестьян»), А. П. Птицыной («Участие журналистики в разработке реформы»), Куликовой («А. М. Унковский»), А. А. Ивановой («Аграрная сторона реформы»), А. А. Касторской («Выкупная операция»). Все доклады были основаны на первоисточниках и подверглись коллективному обсуждению. Особенно интересным было сообщение А. П. Птицыной, которая остановилась преимущественно на характеристике «Колокола» Герцена и «Современника» Чернышевского.

Нетрудно заметить, что в своей методике преподавания я следовал традициям Московского университета, который в семинариях П. Г. Виноградова, М. М. Богословского, А. Н. Савина и других учёных делал главную ставку на анализ первоисточников и развитие навыков самостоятельной исследовательской работы. Я считал этот метод наилучшим и впоследствии на истфаках Московского университета и городского педагогического института защищал его от примитивных школярских приёмов вместе с С. В. Бахрушиным, К. В. Базилевичем и М. В. Нечкиной. Семинарий 1921/22 года вполне оправдал себя; по видимому, были удовлетворены и студенты, так как после их перевода в Москву они выражали желание иметь меня своим преподавателем во 2-м Московском государственном университете.

В конце 1921 г. произошло преобразование Костромского университета в местный педагогический институт. Некоторые профессора вернулись в Петроград и Москву, часть студентов перевелась в столичные вузы. В. Ф. Шишмарёв убеждал меня продолжать поездки в Кострому, но такое совместительство при создавшихся условиях было мне не по силам. По тем же мотивам я отказался от профессуры во 2-м Московском университете, предложенной мне деканатом. Я считал, что необходимо максимально освободить себя от параллельных заданий, чтобы справиться с аспирантской подготовкой в РАНИОНе. Тогда задания аспирантам были сложнее: программа состояла из десяти крупных вопросов по специальности, из двух докладов по смежным дисциплинам и особого экзамена по марксистскому минимуму.

Тем не менее, я придавал большое значение проведённой мною работе в Костромском университете: это был мой первый опыт преподавания в вузах, который многому научил меня, заложил основы моих последующих курсов по истории XIX в. и дал почувствовать запросы и особенности студенческой аудитории. У меня сохранились личные связи с бывшими слушателями, особенно с А. С. Нифонтовым, который, закончив Московский университет, стал разносторонним учёным и впоследствии – моим товарищем по Институту истории. В 30-е гг. я сблизился с И. В. Мешалиным, с которым нас связывали общие научные интересы, и с его женой Е. П. Слободской, специализировавшейся под руководством В. Ф. Шишмарёва по изучению иностранных языков. Имя Е. П. Слободской хорошо известно нескольким поколениям бывших костромских студентов: овладев многими европейскими языками, она с успехом преподавала их учащимся разных учебных заведений. Получив прекрасную школу у В. Ф. Шишмарёва, она вводила в своё преподавание языков ценный филологический материал.

Выдающиеся способности обнаружил Иван Васильевич Мешалин. Он очень рано, ещё студентом, выступил как самостоятельный исследователь. Начав свою деятельность краеведческими работами по его родному городу Нерехте Костромской губернии, он постепенно расширял темы своих историко-экономических исследований. И. В. Мешалину была хорошо знакома вся дореволюционная и советская литература по экономике России XVIII–XIX вв. Очень рано он начал свои изыскания в ленинградских, московских и других архивах. Следя за усложняющейся проблематикой историко-экономических работ, он учился обобщать

собранные факты, опираясь на труды классиков марксизма. Приглашённый в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, он работал в нём как младший научный сотрудник, чутко прислушиваясь к советам старших товарищей, особенно В. Н. Кашина и К. Н. Сербиной. Мне было предложено Ленинградским отделением руководить подготовкой его кандидатской диссертации. Очень быстро я убедился, что передо мною сложившийся исследователь, необычайно работоспособный и целеустремлённый. Его особенно интересовал процесс развития крестьянских промыслов, из которых органически, «снизу», вырастали крупные капиталистические предприятия.

Именно этой теме он посвятил своё ценное исследование о крестьянской текстильной промышленности Московской губернии. Исходя из ленинской концепции о стихийном перерастании натуральной домашней промышленности в ремесло, а затем в мелкое товарное производство, постепенно подчинявшееся торговому капиталу, И. В. Мешалин показал, как со второй половины XVIII в. происходило возникновение и развитие крупной капиталистической промышленности России. Из богатого конкретного материала по Московской губернии, собранного И. В. Мешалиным, возник II том документального издания на эту тему, начатого В. Н. Кашиным. Эти архивные материалы легли в основу монографического исследования И. В. Мешалина, которое он защитил в качестве диссертации в Ленинградском университете в самом начале Великой Отечественной войны. Последние месяцы его жизни были для него очень тяжёлыми, но он отличался упорством и твёрдостью в завершении задуманной работы. Рукопись этого труда так же, как собрание документов, были напечатаны после окончания войны, когда Ивана Васильевича Мешалина уже не было в живых. В условиях блокады Ленинграда, под влиянием пережитых испытаний и страшного напряжения сил, он ушёл из жизни, сидя за письменным столом в кабинете Ленинградского отделения Института истории. Авторитетная критика правильно оценила его труд как крупное явление нашей историко-экономической мысли.

Сейчас, когда не затихают споры о генезисе капитализма в России, монография И. В. Мешалина приобретает особое значение: она напоминает односторонне мыслящим учёным, какую важную роль играли стихийно развивающиеся крестьянские промыслы и как неверен тезис о сплошном насаждении капиталистической промышленности «сверху»,

по инициативе и под давлением самодержавия. И факты, собранные И. В. Мешалиным, и его научные выводы будут долго обогащать историков правильным представлением о сложном процессе возникновения и роста российского капитализма.

Если из Костромского университета вышли такие выдающиеся исследователи, как А. С. Нифонтов и И. В. Мешалин, и одновременно такой крупный специалист по языковедению, как Е. П. Слободская, – это значит, что недолгая жизнь Костромского университета имела большое культурное влияние и даёт ему право на почётное место в истории советского высшего образования.

8 января 1972 г.

Приложение 5

Костромские страницы из дневника Н. М. Дружинина

Дневник Н. М. Дружинина был подготовлен к печати его женой Е. И. Дружининой и публиковался полностью в журнале «Вопросы истории» начиная с 1995 г. Выбранные мной страницы печатались в 1996 г. (№ 7. С. 99–100, 102–103, 104–105; № 9. С. 114, 117, 122–126, 128; № 10. С. 110). Были исправлены некоторые ошибки в связанных с Костромой фамилиях, допущенные при прочтении дневников из-за неразборчивости почерка.

20.IX.1920

В газетах опубликовано заявление ВЦИК о новых условиях Польше. Сделаны громадные уступки, и перспективы мира рисуются отчётливее, чем когда-нибудь. Правда, французским президентом избран Мильеран, а английское министерство заняло позицию, враждебную советской власти. Но влияние европейского пролетарского движения даёт себя чувствовать, а состояние Польши вовсе не так прекрасно. Надежда на мир растёт и крепнет, а это – такая радость! С этим связаны мои личные планы: я получил на днях лестное предложение – занять кафедру новой русской истории в Костромском университете (предложение сделал мой гимназический коллега, теперь профессор университета Алексей Иванович Некрасов, по указанию М. М. Богословского). Нужно взять на себя два исторических курса и два исторических семинария. Ездить на 10 дней каждый месяц. Филимонов выразил согласие на мои отъезды.

Конечно, я понимаю все отрицательные стороны этой комбинации: весь мой досуг поглощается усиленной подготовкой, и занятия магистрантскими темами приостанавливаются окончательно; моя работа в К[омиссариа]те расстраивается, и я неизбежно теряю прежнюю непосредственную связь с лекторами и заведующими лекциями; я подвергаюсь риску заболевания во время постоянных железнодорожных переездов; я рискую не выполнить поставленной задачи, не успеть подготовиться и – провалиться. Но, с другой стороны, это – «освобождение из плена» чуждых административных занятий, возвращение к науке, подъём наверх; это поднимает и ободряет меня, я чувствую в себе смелость, готовность энергично и бодро приняться за новое дело.

18.X.1920

Сегодня А. И. Некрасов принёс официальное сообщение Костромского университета об избрании меня преподавателем по кафедре русской истории¹. Мы стоворились о времени и порядке моего отъезда и приезда. Я начинаю работу с 6 ноября. Нужно готовиться!.. Передо мной открываются новые перспективы и возможности.

Одновременно мне предложили читать курс по истории револю[ционн]ого движения на общеобразовательных курсах, предусмотрительно заготовив мне удостоверение для регистрации в МОНО. Я начинаю курс с субботы.

2.XI.1920

Всё реже и реже становятся записи моего дневника. Сливаясь с людьми, расширяя поле своей работы, я ухожу от самого себя, от уединённого самосозерцания. Хотя самоанализ, наблюдение над своими мыслями и поступками ни на минуту не прекращается во мне.

Сейчас я переживаю состояние подъёма, душевной окрылённости. Я чувствую в себе юные бодрые силы, живу идейной жизнью и почти забываю о современном кризисе. Душа полна новых озаряющих впечатлений, кругом – радостно и светло... Почему?

Тут много значит успех моей административной и лекционной работы. Особенно – начало занятий в Костромском университете. Я разработал самостоятельную программу лекций и семинария, стараюсь проявить свою точку зрения, не повторяя шаблонной схемы обычных профессорских курсов. В основу моего плана легла материалистическая точка зрения: экономика – социальные отношения – политика – духовная жизнь. Первая попытка приложения моих марксистских воззрений. Вечером добросовестно готовился к предстоящему дебюту. Поездка оживила меня. Условия переезда были удовлетворительными (если не считать ночёвки на полу в станционной комнате), условия жизни в Костроме – даже хорошими (чистая, тёплая, светлая комната, старый добрый хозяин, прислуга, сносное питание). Город – Волга, старинные храмы, фасады екатерининских зданий, общий уклад провинциального быта (правда, я наблюдал его мельком) – произвёл на меня прекрасное впечатление.

Я выступил перед своей аудиторией уверенно и, кажется, имел успех: число моих слушателей увеличивалось, аудитория слушала с напряжённым

¹ Избрание на факультете состоялось 8 октября 1920 г. (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 127. Л. 41).

вниманием и проявляла несомненный интерес, доходивший до трогательности. Весь день до вечера я проводил за подготовкой, на лекциях и на семинарии переживал счастливые часы научного подъёма и духовного слияния с настрожённой взволнованной аудиторией. Состав моих слушателей был разнородным – от молодых девушек, представлявших мне рефераты о Радищеве, до пожилых учителей, солидно задававших вопросы. Значительно хуже были мои впечатления от профессуры: часть (молодых!) живо и добросовестно отдаётся работе, но более почтенные члены коллегии смотрят на эту массу, жаждущую знания, с высокомерным презрением сомнительных «аристократов духа».

Особенно не нравится мне реакционный тон моего старого коллеги¹ и его приятеля – отставного итальянского маркиза². И я им не понравился за свою «левизну». На этой почве у нас произошло объяснение в вагоне на обратном пути в Москву. Первое впечатление от этой неожиданной беседы было для меня впечатлением охлаждающего душа, который ставил на карту все мои планы. Но после некоторых размышлений и беседы с С. Александровичем³, который засвидетельствовал безусловную научность моих конспектов, я решил, что я прав и буду вести ту же линию. Университетская лекция должна быть глубоко научной по содержанию, но в то же время она должна возбуждать научные эмоции, захватывать и пробуждать к самостоятельной работе. Университетская работа увлекла меня, и я отдаюсь ей всей душой.

24.XII.1920

Впечатления моей второй костромской поездки были менее радостными. Уезжая, я чувствовал себя неподготовленным, несмотря на усиленное чтение, успел охватить только небольшую часть материала; конспекты к лекциям составлял наскоро, над формой изложения совсем не работал; в результате – менее уверенные и яркие выступления. Семинарии прошли лучше. Проект Сперанского был обстоятельно освещён лучшим из участников занятий Нифонтовым, но остальные были пассивными слушателями – вследствие неподготовленности. Хуже прошли лекции – особенно последние – о пугачёвщине и внешней политике (особенно форма изложения!). Но в общем было сносно; при данных, неблагоприятных, условиях я дал максимум того, что мог дать; правда,

¹ А. И. Некрасов.

² А. Л. Саккетти.

³ С. А. Голубцов – друг Н. М. Дружинина со студенческих лет.

этот максимум далёк от идеала!.. Мои слушатели остались довольны, я даже сделался «известным» и «популярным». Меня радовали хорошие, близкие отношения, сложившиеся со слушателями. Трогательно внимательное отношение студентов педагогического факультета, безыскусственно мила их вечеринка, на которую я был приглашён в числе немногих «избранных». Хуже, серее впечатление от факультетского заседания; ни одной яркой, выпуклой фигуры. В квартире Вяжлинского я чувствовал себя уютно и хорошо; мои отношения с костромичами – самые добрые.

В поездке я встретился с А. А. Мануйловым¹, который усиленно приглашал меня в Ярославский университет. Среди впечатлений поездки несколько интересных образов: бывшей аристократки Сер. Никол. Эрдели², которая гостеприимно принимала меня в своей квартире, ещё сохранившей отпечаток прошлого; бывшего генерал-губернатора Князева, изысканного и томного аристократа, который спустился до скромной должности помощника библиотекаря; студентки Птицыной, серьёзно-вдумчивой и чуткой, декламировавшей тургеневское стихотворение о розах в обстановке тёмного зала; ярославской учительницы Шевыриной, с которой мы сразу заговорили так просто и по-дружески – об её работе, склонностях и надеждах. Люди интересны и хороши, когда к ним подойдёшь поближе и отнёсёшься просто и чутко...

1.1.1921

В первый день Нового года хочется не только подвести итоги, но и наметить задачи будущего. Пока я связан с военкоматом и 7 час. в сутки посвящаю административной работе, моя научная работа

¹ Мануйлов Александр Александрович – экономист, в феврале 1920 г. был избран на должность преподавателя в Ярославский университет, где читал лекции по экономической географии, истории экономических учений, истории хозяйственного быта и др. Был председателем комиссии по созданию агрономического факультета университета и деканом этого факультета.

² Эрдели Серафима Николаевна – внештатный, а с 7 июня 1920 г. штатный сотрудник библиотеки университета (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 25. Л. 5; Там же. Д. 20. Л. 61). Жена юриста Петра Александровича Эрдели (1876–1937), служившего в Костроме товарищем прокурора, брата профессора Московской консерватории, народной артистки СССР Ксении Эрдели. Любопытно, что фамилия П. А. Эрдели значится в списке слушателей гуманитарного факультета (ГАКО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.).

должна ограничиться подготовкой к лекциям в Костромском университете. Параллельно идут занятия иностранными языками, усложнение курса по истории революционного движения, составление курса по истории социализма, и, наконец, занятия современностью.

20.II.1921

Моя последняя поездка в Кострому была удачнее предыдущей: несмотря на проблемы в моей подготовке, лекции и семинарии прошли хорошо – содержательно и с подъёмом. Образовался кружок студентов и студенток, которых интересует моё изложение и наши совместные практические занятия. Главное – они работают: изучают первоисточники, представляют письменные рефераты; образуется живая внутренняя связь, которая даёт глубокое нравственное удовлетворение. Идеология декабристов оживила мои студенческие занятия, которые я «округлил» изучением пестелевской конституции. Правда, моя подготовка была торопливой и недостаточной, но всё же мне удалось внести творческую струю в свои объяснения, раздвинуть научный горизонт моих слушателей. Они отзывались живо и самодеятельно, завязывая оживлённый обмен взглядами, углублялось понимание сухих юридических формул. В частной беседе после одной из лекций – в уютном кабинете педагогического факультета – невольно перешли на современность. Моя утешительная бодрость встречала возражения, одна из студенток уличила меня в «коммунизме», но остальные – живая молодёжь – слушали сочувственно, и мы расстались добрыми друзьями.

В квартире Вяжлинского я чувствовал себя спокойно и уютно, защищённый от бедствий нашего времени: было тепло (даже жарко), питали меня более чем достаточно, «по-буржуйски». А кругом – тихая провинциальная жизнь на фоне красивой зимней природы – синее небо, яркое солнце, белый ослепительный снег... Особенно красивы были утренние и вечерние зори, с переливами голубого и розового снега. Хотелось оставить книги, идти на Волгу, бродить по улицам, любоваться старинными особняками и чудными храмами города. Но книги держали меня прикованным к моей маленькой комнате, и только урывками, ходя в университет, я ловил освежающие впечатления бодрящего зимнего дня. Уехал из Костромы нагруженным, и только с помощью нанятых санок доставил на квартиру свой объёмистый багаж.

Зато Москва встретила меня угрюмо и неприветливо – холодной квартирой, известием о болезни Лёли (он слёг в больницу от воспаления

лёгких) и общим пониженным настроением. Все – под впечатлением нового неожиданного кризиса, который перепутал все расчёты и резко изменил мирную ситуацию налаживающейся жизни. Острый недостаток топлива, приостановка и перерывы железнодорожного движения, сокращение подвоза, отмена пайков всем служащим военных и гражданских учреждений... Рухнули недавние утешающие перспективы, и обнаружился полный крах «планомерного хозяйства». Эта крутая перемена совпала с усилением морозов, с развитием болезней и с окончательным закрытием свободного рынка. Чувствуется острый, ещё небывалый ранее недостаток во всем необходимом, цены взвинтились страшно, всюду – глухая или явная оппозиция, обывательские толки «о близком перевороте», слухи о южных восстаниях, об усиливающемся брожении в деревне. Даже в советской прессе говорят о наблюдающемся утомлении и апатии. Рабочие волнуются, вспыхивают стачки, и будущее окутывается мрачною тенью.

8.V.1921

Я – в Костроме. Выехал в пятницу, полный тяжёлых душевных предчувствий. И всю дорогу не мог освободиться от гнетущего настроения; мысли об О. Н., о её болезни и наших неясно-надломленных отношениях преследовали меня всё время. Но весна – весна врывается в душу своими освежающими впечатлениями. Мы проезжали мимо распустившихся лесов, их зелень была так нежна, их аромат так благоуханен!.. В Ярославле я любовался чудесным липовым бульваром, зеленеющей набережной и Волгой-красавицей, которая капризно вздымала белые гребешки, рассерженная порывами ветра. Зато ночью, когда я переезжал её в Костроме, она лежала передо мной успокоенная, только слегка подёрнутая набегавшей рябью, таинственно-синяя, сливаясь с тёмными грядками облаков на далёком западном горизонте. Весна во всём – в живом потоке волнующейся толпы, переполнившей пароход, в молодой беседе девушек-экскурсанток, засыпанных цветами; в воздухе, напоённом ароматом черёмухи и сирени... Кострома преобразилась, стала красивее, лучше, наряднее. Хорошо было и в Ярославле, который весь звенел весёлым пасхальным перезвоном; самые разрушения эпохи «мятежа» казались случайными пятнами на общем весеннем молодом фоне. Ах, время излечивает всякие раны! И рана моей души постепенно закроется и перестанет болеть. Останется только горечь неутоленного чувства и сладостно-тяжёлое воспоминание о ней – прелестной, страдающей...

Вид с Волги. С открытки начала XX в.

10. V.1921

Устроил себе занятия в саду, в беседке. Здесь очень хорошо, совсем по-деревенски. Действительно, чувствуется природа, и в душу нисходит мир и спокойствие. Сейчас – чудесное весеннее утро. Кругом меня – яркая свежая зелень, цветущие яблони, вишни, сирень. Щебечут птицы, жужжат шмели, со дворов доносятся деревенские звуки – крик петухов, кудахтанье кур, и только изредка врываются отдалённые отголоски городской жизни – то лошадиный топот, то свисток отходящего парохода. Небо безоблачно, и солнце ярко сияет. В прозрачно-ароматном воздухе носятся лёгкие пушинки, протягиваются паутинные нити. Ещё блестит росой невысохшая трава и верхние листья деревьев... Весна, весна!.. А как здесь хороша Волга – её спокойная широкая гладь, по которой скользят медлительно-плавно буксирные пароходы! Как ароматно пахло тополями на городских улицах после пронёсшейся грозы! Как хорош был вчерашний вечер, его прохладная свежесть и сине-розовые тона на погасающем небе!

И всё-таки я чувствую себя каким-то надломленным... нет прежней бодрости и подъёма. Вчерашняя лекция о декабристах вышла тягуче-мёртвой и отвлечённо-неясной. Меня стесняло моё собственное смущение, и не было живой одухотворённой связи с моей небольшой аудиторией. Некоторые из моих слушательниц были весенне-взволнованны. Из них симпатичнее всех – Елиз. Павл. Слободская, в которой – жажда

знания, серьёзно-сосредоточенное отношение к науке и сознание невозможности отдалиться ей до конца.

13. V.1921

Совершенное лето!.. Температура на солнце достигает 30°. В суконном костюме невозможно ходить по улицам – жарко, обливаешься потом!.. Всё зелено и в цвету! Но уже осыпаются лепестки фруктовых деревьев, уже нет кистей лиловой сирени – всё оборвано! Всюду – весенние настроения. Весна – в костюмах, позах, на лицах молодых девушек. Чем-то весенне-затуманенным веет от моих слушательниц, они так мило застенчивы в своих беседах... Кругом разлиты тишина и спокойствие. «Огородная кампания» и бедствия нашего времени не мешают Костроме оставаться укромным городом «доброе старое времени». До сих пор здесь чувствуется патриархальная старая вотчина с её исконным бытом, которого не сокрушат никакие революционные бури. Коммунистические течения скользят на поверхности привычных вековых отношений; весь общественный и семейный уклад остаётся почти не тронутым. Это особенно чувствуется среди «стариков» – в застольных беседах с Александром Константиновичем¹, на ветхой террасе барского дома Сераф. Николаевны².

Кострома успокаивает и примиряет. Все дни я провожу за подготовкой к лекциям за книгами и тетрадями, среди цветов и деревьев «нашего» сада. Но лекциями своими недоволен. Правда, обзор внутренней политики Николая I, особенно крестьянский вопрос, прошли хорошо – одушевлённо и ярко. Но вчерашние (последние!) лекции о внешней политике и духовной жизни – самые неудачные из всех моих костромских лекций: нудно, мертво и дробно, а последняя – даже малосодержательна. И это чувствовалось – по отношению моих слушателей. Вся беда в том, что не успел подготовиться, как следует, материал не был «пережит», и недостаточно составления одного конспекта! Сегодня и завтра – последние семинарии.

16. V.1921

Опять в Москве... После успокаивающих впечатлений Костромы, её весенней природы и тихой жизни – утомительный переезд в душном вагоне, пыльная духота столицы, назойливая пестрота беспокойно шумных городских впечатлений. Тяжёлый и резкий контраст, которого не могут уничтожить любовная забота Е. П-ны и приветливая встреча в губполитпросвете.

¹ А. К. Вяжлинский.

² С. Н. Эрдели.

Волжская беседка в разливе. С открытки начала XX в.

Последние дни в Костроме оставили во мне два ярких впечатления: интимно-дружеские, обвеянные научным идеализмом собрания нашего университетского семинария (о Чернышевском и Лаврове) и неожиданная встреча с А. Д., так много пережившим, душевно опустошённым и озлобленным на всю жизнь. Я понимаю его ненависть, но чувствую, что в этом отречении и холоде «реального политика» умерла его душевная юность и его любовь к людям; осталось самоуверенное любование своим «я» и желание во что бы то ни стало отомстить и взять реванш за понесённое поражение.

1.VI.1921

Сегодня первый день моего освобождения от двухлетнего «административного плена». <...> С сегодняшнего дня я – только лектор, могу посвятить дневные часы научным занятиям, неторопливой подготовке к лекциям, личной работе; освобождаются психические силы, которые на три четверти поглощались напряжённой и трудной организационно-технической работой. Остаюсь дома и намечаю план ближайших занятий и дел: на очереди – урегулирование моего отношения к университету, подготовка к костромским лекциям, составление методического доклада об ист[орико]-революц[ионном] курсе, выполнение целого ряда мелких дел. А там – последняя поездка в Кострому, маленькое «tournee» в Петербург и возобновление

прерванной работы по подготовке к экзаменам и по иностранным языкам. Отдаться любимой работе, погрузиться в мир мыслей и отражённых чувств...

12.VI.1921

Со вчерашнего вечера я снова в Костроме. Снова ощущаю спокойствие и мир, которые бодрящей струёй вливаются в душу. Воздух – «зелёный», дачный – от массы деревьев, напоминающих большие сады. Сегодня чуть-чуть припахивает гарью – точь-в-точь как в Богородском памятным летом 1914 года. Сад при квартире А[лександр] К[онстантиновича] выглядит по-летнему: плодовые деревья обвешаны фруктами, малинник разросся и унизан крупными, ещё зелёными ягодами, кусты акации гнутся под тяжестью густых свисающих стручков. На огородных грядках поднимается молодой картофель и свёкла. Травую заросли боковые дорожки. Но уже нет той ранней весенней свежести, которая так трогала меня месяц назад, И птицы уже не поют так звонко, как раньше. Зато Волга так же прекрасна, так же привольно широка и в сочетании с развёрнутой панорамой города, его чудесными белыми храмами, озарёнными вечерним солнцем, – так же приковывала вчера мой восхищённый взор.

На этот раз я приехал неудачно: ядро моих слушателей уехало в экскурсию в Петроград, с ними – мой «пестун» Алек[сандр] Констант[инович], квартира – пуста, осталась одна старуха Арина Родионовна, которая прислуживает мне. Сегодня утром уезжает наше университетское начальство и ректор, и декан, и его заместитель – хлопотать о сохранении университета. Чувствуется наступление мёртвого летнего сезона. Не знаю, будут ли у меня слушатели?..

14.VI.1921

В связи в продовольственными затруднениями в Костроме стало как-то тоскливее... Все стонут и жалуются. Лесные пожары, которые застилают дымною мглою синие небеса, усиливают это впечатление. Университет висит на волоске, и это чувствуется в беседах с местными профессорами и служащими. Огородная кампания снова отвлекает студенческую молодёжь от посещения лекций. Мой курс, предназначенный для студентов всех факультетов, афиширован плохо. Тем не менее, на первую лекцию собралось 15–20 слушателей, которые внимательно следили за моим изложением. Я не составлял новых конспектов и читал по старым, московским. Напрасно волновался и торопился. В общем, впечатление «так себе».

Снова обложил себя книгами – по истории революционного движения, читал Кульчицкого, Лядова, Бурцева. Но даю себе больше свободы в пользовании своим временем: сегодня иду в театр, собираюсь «экскурсировать» в окрестностях Костромы. У меня – хорошие отношения с окружающими, и это мне приятно.

16.VI.1921

Никогда мои лекции не возбуждали во мне такого внутреннего волнения и такой душевной реакции. В этом курсе наслоилося много продуманного, прочувствованного, пережитого; с ним связана моя юность, её первые и чистые порывы, первые шаги самостоятельной жизни, личное участие в революционной борьбе, вдохновения и страдания великих дней. Кроме того, я технически овладел материалом, и моя речь льётся свободно, живо и увлекательно. Правда, я слишком тороплюсь, и это нехорошо. Аудитория полна студентами, это волнует и возбуждает меня. Много медиков, которые слушают «по обязанности». Есть зевающие фигуры. Но большинство, особенно девушки, слушают с затаённым вниманием и, кажется, довольны.

После лекций я чувствую себя страшно утомлённым, сон беспокоен и нервы возбуждены. <...>

Вместо прогулок я по-прежнему сижу за книгами и охотно не отрывался бы от них: так увлекают меня перипетии революц[ионного] движения. Отсюда я черпаю яркость красок и оживлённость тона. Что сказал бы Ал[ексей] Ив[анович] Некрасов, услышав мои «агитационные» выступления?.. Впрочем, такой тон «ко времени»: университету нужно быть революционно-благонадёжным, чтобы зарекомендовать себя в «сферах». А это определяет их отношение к работе. Стало свежее, но дымная мгла по-прежнему застилает небо: горят леса, торфяники; сейчас этот «сухой туман» не навеивает тоску, как раньше, жаль только ясности воздуха.

10.VII.1921

Мои занятия идут непрерывно и планомерно. Несмотря на отвлекающие дела, я обгоняю свою намеченную программу. Вчера составлял перечень пособий для подготовки к костромским лекциям и семинарию. Новая история тянет и увлекает меня. Как раз эпоха Александра II – самое яркое место в истории револ[юционнoго] движения со всей народнической и «нигилистической» литературой. Все остальные занятия я сведу к *minimum*'у. Необходимо концентрировать силы на главном – на магистрантских экзаменах и Костромском университете.

Романовский музей. С открытки начала XX в.

17.VII.1925¹

... Кострому проезжали утром. Но я успел сойти с парохода, подняться по бульвару и пересечь б. Сусанинскую площадь. Вспоминал свою костромскую «профессуру» и свои хорошие впечатления костромских приездов...

¹ Запись сделана спустя четыре года, во время поездки по Волге и Каме.

Приложение 6

А. С. Нифонтов

<Университет в Костроме>

Эти воспоминания являются фрагментом статьи А. С. Нифонтова «Из опыта научной работы историка», опубликованной в журнале «История СССР» (1963. № 2. С. 119 –121).

*А. С. Нифонтов
Из архива В. Е. Хализева*

Склонность к истории наметилась у меня ещё в старших классах рыбинской гимназии, которую я окончил в 1918 г. Этому отчасти способствовал преподаватель её Г. П. Никольский. На уроках он не выходил за рамки официальной программы преподавания истории России по казённому учебнику И. В. Скворцова. Но типичная для него манера несколько иронического изложения фактов настораживала внимание и будила критическую мысль учеников. Он жёстко требовал усвоения фактической основы русской истории. И в то же время явно снижал тенденциозность её реакционно-монархической концепции в этом учебнике. Среди учителей рыбинской гимназии имелась тогда группа несомненно способных и передовых педагогов. К их числу принадлежали увлечённый своим предметом естественник Н. Н. Розов, прекрасный учитель математики А. А. Даниловский, разносторонне образованный преподаватель литературы, психологии и логики А. А. Зеленцов, учительница французского языка Н. В. Баранова. Но особенно запомнился облик внешне даже чудаковатого Г. П. Никольского – его суховатое саркастическое лицо, скупая и образная речь, острота кратких реплик и характерная размашистая походка.

Решающее влияние на окончательный выбор мною специальности историка оказали бурные политические события 1917–1918 гг. По времени они совпали с формированием моего общего мировоззрения и на первый план выдвинули неотложную внутреннюю потребность уяснить причины происходившей на глазах революционной ломки всего общественно-политического строя царской России. Именно в эти годы я решительно воспротивился давнему намерению своего отца, земского врача, дать мне техническое образование. К тому же времени относится повышенный интерес с моей стороны к исторической литературе, широко издававшейся сразу же после установления советской власти. Тогда я стал знакомиться с работами Маркса, Энгельса, Плеханова, с историческими курсами М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, В. О. Ключевского и др.

Получив возможность начать в 1920 г. обучение в высшем учебном заведении, я без колебания стал студентом-историком. Это было в Костроме, где, как и во многих тогда губернских центрах, существовал университет. Костромской университет в то время имел в своём составе естественный, медицинский и гуманитарный факультеты. Учебный план последнего предусматривал специализацию в области истории, экономики, языка и литературы.

Среди преподавателей Костромского университета насчитывалось несколько известных учёных. Часть их переселилась в Кострому в годы Гражданской войны, в основном из Петрограда. Другие регулярно наезжали для чтения лекций из соседних университетских городов, преимущественно из Москвы. В частности, на гуманитарном факультете работали тогда историки: Г. К. Вебер, Н. М. Дружинин, М. К. Любавский, А. И. Некрасов, Н. И. Радциг, А. Л. Саккетти, С. В. Фрязинов; лингвисты и литературоведы: С. М. Бонди, Ф. А. Петровский, М. А. Петровский, С. К. Шамбинаго, В. Ф. Шишмарёв; экономисты: В. И. Лавров, Ф. А. Меньков и др.

Состав студентов этого факультета был довольно пёстрый. В основном его пополняли окончившие курс средней школы, нередко ещё и дореволюционной гимназии. Из их среды вышли историк И. В. Мешалин, экономист-статистик Н. К. Дружинин, писатель В. А. Лебедев, поэтесса Мария Комиссарова, художник Н. А. Калитин, музейный работник Н. Трошин.

В то переходное для нашей высшей школы время в университетском преподавании гуманитарных дисциплин преобладающее влияние принадлежало дореволюционной профессуре. Представители её, используя тогда своё почти монопольное положение, продолжали вести старые

дореволюционные курсы в духе буржуазной историографии. В этом отношении особенно колоритна была грузная фигура М. К. Любавского. Он появлялся на кафедре в старомодном сюртуке с толстой общей тетрадью в клеёночато́й обложке, где были записи его лекций по истории России X–XVI вв. Слушатели их легко убеждались в дословном совпадении содержания этой тетради с печатным текстом того же курса Любавского, изданного ещё в дореволюционные годы. Подобные лекции не могли вызвать у студентов интереса, и аудитория этого лектора не отличалась многолюдством. Столь же формально проводил Любавский практические занятия со студентами. Они писали компилятивные рефераты и замечания руководителя о выполненной работе выслушивали на индивидуальных консультациях. Обсуждение рефератов в присутствии всех участников занятий не практиковалось.

Но и в провинциальных университетах появились уже тогда преподаватели нового поколения – советские учёные, которые разрабатывали первые марксистские курсы истории России и особое внимание уделяли революционной проблематике. Примером того в Костромском университете мог служить Н. М. Дружинин, начавший как раз в эти годы свою педагогическую работу со студентами. Он прочитал там два лекционных курса – по русской истории XIX в. и по истории революционного движения в России. Помимо того, он проводил практические занятия по двум специальным темам – по истории общественных идей в России и по истории отмены крепостного права.

Лекционные курсы Н. М. Дружинина и его групповые занятия вызвали у студентов повышенный интерес. Их привлекала новизна тематики этих курсов и марксистское освещение узловых проблем истории России прошлого столетия. В своих лекциях Н. М. Дружинин последовательно проводил мысль о ведущем значении экономических процессов в развитии страны. Большое внимание он уделял также вопросам классовой борьбы, подчёркивая решающую роль крестьянского освободительного движения в период перехода России от феодального строя к капиталистическому. Содержательные лекции Н. М. Дружинина отличались также яркостью изложения – живой речью лектора, конкретностью его аргументов, богатством и образностью языка.

Не меньшей популярностью пользовались и семинарские занятия Н. М. Дружинина со студентами. Студенты разрабатывали темы докладов, основываясь не только на литературе, но и на тексте источников.

Доклады эти зачитывались в присутствии всей группы и подвергались коллективному обсуждению. После заключительного слова докладчика следовало выступление руководителя, который подводил итоги занятиям. Эта привычная для нас форма вузовских семинариев в то время, в 20-х гг., применялась лишь отдельными преподавателями. Она сразу ставила перед студентами повышенные требования, приучая их к самостоятельной работе. Участники этих занятий должны были критически оценивать литературу вопроса, изучать тексты источников и исходя из этого делать собственные обоснованные выводы.

С самого начала своей педагогической деятельности Н. М. Дружинин проводил её на университетском уровне. Он исходил из того, что студенты не только интересуются историей, но серьёзно и систематически изучают как литературу, так и источники. Доверие, оказываемое им аудитории, в свою очередь повышало чувство ответственности со стороны студентов, развивало взаимную требовательность в студенческой среде и создавало на занятиях необходимую творческую атмосферу. И для меня эти занятия явились первой школой ознакомления с элементами исследовательской работы.

В те годы мною были разработаны темы учебных рефератов: 1) Концепция «русского феодализма» в работах Н. П. Павлова-Сильванского, 2) «План государственных преобразований» М. Н. Сперанского (1809 г.), 3) Луи Блан и революция 1848 г. во Франции.

Работа в семинарии по истории русской общественной мысли XIX в. заинтересовала меня особенно сильно. Помню, с каким увлечением я вчитывался в текст «Плана государственных преобразований», анализировал его структуру, пытался определить общий замысел реформатора, источники его идей и сущность его практических рекомендаций. Подробный план составленного мной реферата, по которому я сделал на семинарии устный доклад, хранится мною до сих пор. (Краткая протокольная запись этого заседания семинария имеется и у Н. М. Дружинина.) Конечно, это была ученическая работа. Текст источника в ней анализировался формально. Наблюдения и выводы формулировались неточно, подчас отличались прямолинейностью. Однако при разработке именно этой темы я впервые осознал, какое глубокое удовлетворение даёт творческий процесс собственного углублённого понимания изучаемых явлений. Это было началом сознательного решения посвятить себя научным исследованиям в области истории.

К тому времени в работе провинциальных вузов наметился перелом. Оживление после 1921 г. хозяйственной и культурной жизни в Петрограде и в Москве вызвало обратный приток живших там ранее учёных. Прекратились регулярные выезды столичной профессуры в местные вузы. Как раз в это время большая часть университетов в губернских городах была реорганизована в специализированные учебные заведения. В Костроме на базе университета возникли медицинский¹ и педагогический институты. Начался отлив в столицы студентов, стремившихся получить университетское образование. Осенью 1922 г. я переехал в Московский государственный университет.

Выбор мною Московского университета был неслучаен. Историки из Москвы часто говорили костромским студентам об углублённых занятиях, которые там из года в год вели крупные учёные Д. М. Петрушевский и А. Н. Савин. Стремление пройти систематический курс подготовки к исследовательской работе под их руководством и привело меня в Москву.

¹ Ошибка, следовало сказать: сельскохозяйственный.

Приложение 7

Из воспоминаний Л. С. Кितिцыной

Наброски воспоминаний Л. С. Кितिцыной хранятся в семейном архиве её дочери Т. В. Смирновой. Благодарны Татьяне Васильевне за предоставленную возможность их опубликовать, а также за целый ряд фотографий, предоставленных для этой книги.

Кружок

Нас было семеро – семь студенток словесного отделения Костромского университета. Тесный маленький кружок: Верочка Румянцева, Лёля Полянская, Лида Кितिцына, Лиза Слободская, Катя Борениус, Маня Иконникова и Надя Касаткина. Мы собирались у каждой по очереди. Кружок имел литературное направление. Двое из нас писали стихи: Маня Иконникова и Верочка Румянцева. Верочка несерьёзно относилась к своему поэтическому дарованию и писала стихи только «на случай».

Почему-то я не помню, какие доклады или сообщения мы делали в кружке, что обсуждали. Помню, что после летних каникул мы собрались у Нади Касаткиной. Надо было сказать, чем каждый из нас сейчас интересуется. Я ответила: «Немецким романтизмом». Я имела в виду Тика, Новалиса и особенно Гофмана. Даже имя Гофмана – Эрнст Теодор Амадей – пленяло.

Хорошо помню, как развлекались шарадами и увлекались коллективным сочинением стихов, когда листок бумаги передавался по кругу, и каждая писала строчку.

Удивительно, что, несмотря на близость, мы никогда не касались вопросов так называемой личной жизни, не говорили о семейных и домашних делах. Все мы были романтически настроены, витали в облаках. Вопросы материальные были нам чужды тогда, как, впрочем, и после. Как-то к Полянским приехал в гости двоюродный брат Лёли, студент пищевого института. Мы бегали посмотреть на молодого человека, который посвятил свою жизнь пище. Мы пришли в ужас, когда узнали, что одна наша студентка собирается поступить в сельскохозяйственный институт. «Посвятить жизнь разведению свиней», – говорили мы с недоумением.

*Встреча подруг по Костромскому университету в Костроме в 1961 г.
Сидят: Л. Китицына, Е. Слободская, М. Иконникова
Стоят: Е. Полянская и дочь Китицыной Татьяна Смирнова*

Дружба наша сохранилась на всю жизнь. Трое из нас ещё живы: Лиза, Маня и я. Дальнейшая судьба членов кружка. Верочка Румянцева всю жизнь работала в библиотеке Третьяковской галереи библиографом, умерла в 1970 г. Лёля Полянская защитила кандидатскую диссертацию и стала историком. Возглавила составление книги «История Кузнецкого металлургического комбината». Считала эту работу подвигом своей жизни и умерла от непосильных трудов в 1971 г. Книга вышла в 1973-м. Лиза Слободская изучила множество иностранных языков и заведовала кафедрой в Костромском политехническом¹ институте. Не утомилась и до сих пор всё изучает новые языки. Катя Борениус работала библиотекарем в Костроме. Умерла в 1920-х гг. Маня Иконникова бросила писать стихи и стала врачом. Надя Касаткина окончила Ленинградский институт дошкольного образования, погибла во время блокады Ленинграда. Я волею судеб около 20 лет преподавала русский язык и литературу в школе, а теперь вернулась к археологии, выполняю подсобную работу.

Двое из нас – Лиза и я – были замужем. Потомство имею только я.

¹ Точнее – текстильном.

С. М. Бонди (второй справа во втором ряду) среди педагогов и воспитанников школы-коммуны в Костроме. 1920 г. КГОИАХМЗ. КОК 21134

Школа-коммуна

В самом начале 1920-х гг. в Кострому из Петрограда приехала семья Бонди: мать и дети – Юрий Михайлович, театральный художник; Сергей Михайлович, литературовед и пушкинист; Алексей Михайлович, музыкант¹, и Наталья Михайловна. Поселились они на Мшанской улице² в школе-коммуне, куда их мать поступила воспитательницей.

Школа-коммуна – это школа-интернат, где были собраны дети из «Сборной». Сборная – общежитие для рабочих Кашинской фабрики – большое мрачное кирпичное здание, о котором шла худая слава. Чего только там не бывало, чего не случалось. В школе-коммуне оказались дети безнадзорные, дети из неблагополучных семей, некоторые из них не знали, что такое умытья. Говорили даже, что была девочка, к которой мать приглашала клиентов.

Мы, студентки, ученицы С. М. Бонди, нередко бывали в этой школе. Из воспитательниц помню очаровательную девушку Настеньку Снедкову и Полканову, сестру нашего школьного учителя истории В. А. Полканова.

¹ А. М. Бонди был не только актёром, писателем-юмористом, но и прекрасным виолончелистом.

² Ныне ул. Островского.

Огромную роль в воспитании, вернее в перерождении, детей играла семья Бонди. Заброшенные дети на глазах превращались в поэтов, художников, актёров и даже драматургов. Мы смотрели их рисунки, читали стихи, присутствовали на спектаклях. Я запомнила одну строчку из стихотворения девочки, которую отпустили на побывку домой: «В дверь постучала ногой».

Летом школа выезжала на дачу. Там мы смотрели спектакль. Пьеса была написана самими детьми. Как-то раз мы попали в школу в тот момент, когда мать Бонди была больна. В школе стояла тишина – дети оберегали покой больной воспитательницы.

Что стало потом со школой-коммуной, долго ли она просуществовала, не знаю.

«Роза и крест»

Незабываемое событие костромской жизни – впервые драма Блока «Роза и крест» увидела свет на сцене Костромского городского театра в сезоне 1920–1921 гг. Постановка, декорации и костюмы Юрия Михайловича Бонди. Спектакль был поставлен местными силами: музыка Фёдорова, балет Чумакова. Роль Изоры играла актриса Маркова, пажа Алискана – Наталья Михайловна Бонди. Сергей Михайлович написал для программы пояснения о содержании и смысле драмы и о характере её постановки. Костромичи были очарованы. Пьеса шла пятнадцать раз.

«Розу и крест» Блок закончил в 1913 г. и читал у себя гостям, среди которых были Ю. М. и С. М. Бонди. Многие театры столиц и провинции собирались ставить пьесу. Блок отдал её Художественному театру. С 1915 по 1918 г. Художественный театр репетировал пьесу. Состоялось около 200 репетиций. Привлечены были лучшие силы, в том числе художник Добужинский. Но постановка так и не состоялась. Видимо, она не подошла для Художественного театра, не нравилась Станиславскому.

То, что не удалось Художественному театру, осуществил Юрий Михайлович Бонди. О костромском спектакле «Роза и крест» опубликованы воспоминания Мих. Сокольников в альманахе «Земные ласки» (Кинешма, 1922) и В. Старикова в журнале «Театральная жизнь» (1961. № 15. С. 31). Очень жаль, что мне не удалось прочитать этих воспоминаний.

У меня от спектакля осталось восторженное чувство, и до сих пор звучит лейтмотив драмы «Сердца закон непреложный – Радость-Страданье одно».

Афиша спектакля
«Роза и крест»
в Костромском гортеатре
Из фондов Музея истории
КГУ им. Н. А. Некрасова

Афиша выдана под номером 216 14 ноября 1920 г.
Политпросвет Костромского Губнаробраза. Театральная секция.

Городской театр
Показательная группа Губнаробраза
Сезон 1920—1921 г. г.
ОТКРЫТИЕ ЗИМНЕГО СЕЗОНА
14 Декабря 1920 года

РОЗА И КРЕСТ

(Драма в 4-х действиях А. Блока).

ГЛАВНЫЕ РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Граф Арчимбаут	Л. Б. Тамаров.	Гезтан	Ю. Н. Левинский
Ивора	З. В. Маркова.	Алиса	В. В. Ренков и А. И. Яковлева (в черед)
Бертран	И. А. Востров.	Капеллан	В. А. Колесов.
Алискан	Н. М. Назарова	Доктор	В. А. Колесов.

Постановка Ю. М. Бонди. Младший режиссер В. А. Колесов.
Декорации и костюмы по эскизам Ю. М. Бонди исполнены театр. мастерскими Губнаробраза.

Музыка С. Я. Федорова; „Лесной Алискана“, „Лесной Лазтана“ и хор „Ветер от Май“ М. Ф. Ткачина.

Танцы поставлены М. М. ЧУМЛКОВЫМ.

ГОТОВЯТСЯ К ПОСТАНОВКЕ. „Зачем пойдушь—то и найдешь“ (Женитьба Бальзаминоva) А. Н. Островского и Пушкинский спектакль „Пир во время чумы“ и „Каменный гость“

Продажа билетов будет производиться: В кассе Городского театра II, 12, 13, и 14 декабря от 4 до 9 ч.
В кассе Народного Дома II, 12, и 13 декабря от 4 до 9 ч.

1-й Государственный (Колумбийский) типограф. № 2 в хол. 150-изд. Губнаробразия Кострома. Р. В. II.

Более чем через тридцать лет я встретила Наталью Михайловну Бонди в Москве у Верочки Румянцевой, которая отмечала день своего рождения. Мы, костромские подружки Верочки, рады были приветствовать нашего Алискана.

Первая любовь

Моей первой любовью был Пушкин. Конечно, не без влияния С. М. Бонди. Я перечитала о Пушкине всё, что могла найти в Костромской научной библиотеке. Моей мечтой было посетить пушкинские места и могилу поэта. В 1928 г. я совершила первое в жизни путешествие. На свои весьма скудные средства (немного денег дал мне взаймы мой начальник Василий Иванович Смирнов) я поехала в Псков и дальше. Побывала на могиле Пушкина, в Михайловском, Тригорском, на городище Воронич. Вступила в Общество друзей Пушкинского заповедника.

О питании я не думала. На питание у меня не было денег. В Пскове на базаре я купила чёрствую лепёшку из какой-то суррогатной муки. «Ничего, размочит в водичке и съест», – сказал продавец лепёшки стоявшему рядом мужику, с сомнением смотревшему на мою покупку. <...>

Друзья моей юности помнят о моей первой любви и иногда присылают открытки с портретом Пушкина или с изображением заповедных пушкинских мест.

Приложение 8

И. Г. Баженова¹

Библиотека Николая Фёдоровича Жохова

В библиотеке Костромского государственного университета есть фонд, в котором хранятся книги, положившие начало библиотеке первого Костромского рабоче-крестьянского университета в 1918 г. Книги собирались отовсюду: из бывших дворянских усадеб, закрывшихся учебных заведений, общественных организаций (губернская земская управа, Общественное собрание, Благородный клуб...) и частных собраний. Есть у нас книги, которые были переданы в дар смотрителем Костромского духовного училища Петром Тихоновичем Виноградовым и председателем Костромского окружного суда Николаем Фёдоровичем Жоховым.

Мне хотелось бы рассказать о книгах из библиотеки Н. Ф. Жохова, а вернее, о том, что мне удалось узнать о семье Жоховых, листая их.

Уже сам подбор книг говорит о разносторонних интересах хозяев. Это и журнал «Вестник естественных наук», и многотомные издания: «Вселенная и человечество», «Иллюстрированная жизнь животных» Брэма, «История человечества», «История XIX века», собрания сочинений Чарльза Дарвина, английского историка и публициста Маколея, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, художественная литература, литература по искусству и философии, справочная литература.

Интересен подбор книг по истории: А. Арну «Народная история Парижской Коммуны», В. Блос «Революция в Германии: История германского

*Н. Ф. Жохов. Фото начала XX в.
Из семейного архива А. Д. Жохова*

¹ Баженова И. Г. – ведущий библиотекарь фонда «Редкая книга» КГУ им. Н. А. Некрасова.

движения в 1848 и 1849 гг.», И. И. Горбачевский «Записки декабриста», Ж. Жорес «Политические и социальные идеи Европы и Великая революция», И. И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», Г. Йекк «Интернационал», М. О. Коялович «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям».

Есть в библиотеке Н. Ф. Жохова несколько томов «Полярной звезды», издававшейся Искандером (Герценом) в Лондоне, прижизненное лондонское издание «Былого и дум» и женеvское издание сочинений Герцена 1878 г.

Но книги не просто собирались, они внимательно прочитывались, о чём свидетельствуют многочисленные карандашные записи на полях, выражающие одобрение или несогласие с автором, а иногда и резкие возражения по поводу прочитанного. Так в 1-м томе сочинений Маколея есть запись на полях: «Эка злость-то какая!», а во 2-м – комментарий по поводу перехода Римской империи от язычества к христианству: «т. е. от одного язычества к другому». Или возьмём 5-й том сочинений А. И. Герцена, где на странице 36, в тексте, карандашом поставлена галочка, а в подстрочнике также карандашом от руки очень мелко написано: «рыцари, попы, буржуазия и граждане всякого Рима, считающие только себя человеками, развившиеся односторонне и не разделяющие игры природы, но столь сильные, чтобы заставить других также не участвовать в этой игре; воля этих полоумных таким образом и делалась на время как бы волею природы...»

А вот так называемое «ефремовское» издание сочинений А. Н. Радищева 1872 г., которое было почти полностью уничтожено по цензурным соображениям практически сразу же после выхода в свет. Как оно оказалось в библиотеке Н. Ф. Жохова, неизвестно, но его читали и читали внимательно, более того, в оде «Вольность» кто-то из семьи Жоховых бисерным почерком карандашом вписал все пропущенные по цензурным соображениям строчки. Кто это сделал, мы не можем сказать: возможно, это был сам Николай Фёдорович, а возможно кто-то из его сыновей, но факт остаётся фактом, из которого можно сделать вывод: семья была думающая, настроенная весьма критически по отношению к существующим порядкам. И неудивительно, ведь один из братьев Николая Фёдоровича, Александр Фёдорович, был довольно известным публицистом, работавшим в прогрессивных периодических изданиях: «Санкт-Петербургские ведомости», «Вестник Европы». Он был убит на

дуэли в 1872 г., защищая свою честь и честь небезразличной его сердцу женщины. Можно с уверенностью сказать, что это его книги встречаются в библиотеке Н. Ф. Жохова, на их корешках вытиснены, по обычаю того времени, буквы: «А. Ж.».

Был и ещё один брат, оставивший свой след в истории, – Михаил. 14-летним гимназистом он написал «Воззвание к любителям вольности и равенства», в котором с мальчишеским пылом призывал «свергнуть иго» царя, Сената и начальства. Николай I, бывший в то время на престоле, узнав, сколько лет «революционеру», разрешил оставить его в гимназии «под сильным присмотром за его поведением и образом мыслей». Не доглядели... Впоследствии Михаил Жохов был исключён из Московского университета за участие в студенческих беспорядках. Это именно о нём упоминает Герцен в своей статье «Синхедрион Московских университетских фарисеев», которая была напечатана в «Колоколе» 1 ноября 1859 г., спустя год после так называемой «Варнековской истории». Михаил Фёдорович возвращается в Кострому. В Костромском архиве, в списках Костромского губернского дворянского депутатского собрания, есть запись об определении дворянина М. Ф. Жохова в должность письмоводителя при канцелярии костромского губернского предводителя дворянства от 5 марта 1860 г. Осенью этого же года Михаил Фёдорович предпринимает ещё одну попытку получить образование и поступает в Киевский университет, но и здесь он принимает участие в деятельности революционного кружка Н. П. Баллина, действовавшего под видом литературного общества «пиквикистов». Видимо, и эта попытка закончить университет не увенчалась успехом, и он снова возвращается на родину, где сотрудничает с «Костромскими ведомостями», так же, как когда-то и его отец, Фёдор Яковлевич Жохов.

Сам Николай Фёдорович Жохов в 70-х гг. XIX в. служил стряпчим в Санкт-Петербурге. Каков был круг его знакомых? Конечно же, это был его брат Александр и люди, его окружавшие. Мы знаем, что Н. Ф. Жохов был одним из авторов либретто к опере А. Н. Серова «Вражья сила», в основу которой легла пьеса А. Н. Островского «Не так живи, как хочется». По воспоминаниям художника Репина, хорошо знавшего А. Н. Серова, на обедах у композитора собиралась очень интересная публика: здесь можно было встретить маститых литераторов, композиторов, критиков, студентов, настроенных весьма радикально, нигилистов и нигилисток. Среди этой разношёрстной публики были и братья Александр и Николай

Жоховы. Возможно, именно здесь встретил Николай Фёдорович свою первую жену, Надежду Ивановну Корнилову. Надежда Ивановна была дочерью богатого фабриканта Ивана Савича Корнилова, одного из владельцев фарфорового завода братьев Корниловых. В семье было пятеро детей: брат Александр и сёстры Вера, Надежда, Любовь, Александра, которая и написала впоследствии свою автобиографию. Все сёстры и брат принимали очень деятельное участие в революционно-демократическом движении тех лет, были дружны с Софьей Перовской, которая продолжала поддерживать дружеские отношения с семьёй Жоховых уже после ранней смерти первой жены Николая Фёдоровича и женитьбы его на своей кузине, Анне Михайловне. В библиотеке Николая Фёдоровича есть книга Байрона «Невеста Абидосская. Турецкая повесть», в которой на 69-й странице карандашом от руки написано: «София Перовская», причём почерком, непохожим на «жоховский». Может быть, сама Перовская сделала эту запись? Пока на этот вопрос ответа нет.

Из воспоминаний Александры Ивановны Корниловой-Мороз мы узнаём о деятельности «кружка чайковцев», которые занимались просветительской деятельностью среди рабочих. После арестов в 1874–1875 гг. деятельность кружка прекратилась, но отдельные члены кружка ещё продолжали активную работу. Так, в Петербурге Любовь Ивановна Сердюкова (Корнилова) и Лариса Васильевна Синегуб организовали помощь заключённым, впоследствии получившую название политического Красного Креста. Кроме белья и продуктов, заключённым передавались книги. Передача книг была организована через особый стол окружного суда. Вот что пишет в своих воспоминаниях Александра Ивановна: «В нашем распоряжении была прекрасно составленная библиотека Ник. Фёд. Жохова (мужа покойной сестры), он был секретарём в Сенате и с замечательным искусством копировал подписи на нелегальных паспортах». О том, что книги из библиотеки Н. Ф. Жохова передавались заключённым, свидетельствуют многочисленные карандашные записи (многие из которых потом были стёрты) на форзацах книг. Так, в томиках Маколея можно прочитать такие записи: Ареопагитскому от Синегуб, Серебровскому от Аксёновой. Все эти фамилии встречаются в материалах «Процесса 193-х». А на форзаце сочинений Н. А. Добролюбова (1871) есть карандашная запись: Алексею Петерсону... В Александро-Невскую часть». Можно предположить, что книги передавались от одного заключённого к другому.

И ещё один момент... В библиотеке Н. Ф. Жохова очень много произведений Салтыкова-Щедрина, вышедших ещё при жизни писателя. В одной из таких книг бисерным «жоховским» почерком карандашом написано: «исправлено и дополнено по рукописи», и дальше идут сами исправления. На некоторых из этих книг, на корешках переплётов, стоят буквы: «Д. Ж.». Значит, кто-то из братьев имел возможность ознакомиться с рукописью. Не исключено, что это мог быть племянник Николая Фёдоровича, Дмитрий Павлович, который, видимо, занимался литературоведением, о чём свидетельствует, подаренная дяде книга «Очерки по истории русской литературы: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Кольцов, Белинский», которая есть в нашем фонде.

Есть и другие книги с инициалами «Д. Ж.» Вот только кому из «Д. Ж.» они принадлежали? Скорее всего, это были книги ещё одного брата Николая Фёдоровича, Дмитрия, статского советника, правителя канцелярии Казанского учебного округа, который был холост и умер в 1910 г. А вот сын Николая Фёдоровича, Дмитрий – был первым библиотекарем университетской библиотеки. На форзаце одного из томиков сочинений Маколея (т. 6, ч. 1) есть карандашная запись: «прочитано 28.04.24 / Костромская тюрьма № 6» и подпись: «Д. Жохов». Дело в том, что в первые годы советской власти существовал такой порядок: перед революционными праздниками служащих «из дворян» брали в заложники для того, чтобы в случае контрреволюционных выступлений расстрелять их в назидание остальным. В 1924 г. ничего не случилось, заложники были отпущены.

О втором сыне Н. Ф. Жохова, Алексее – полярнике, уже много писали, не будем повторяться, но мне кажется, что влияние семьи на формирование личности этого замечательного человека переоценить невозможно. Хочется упомянуть тот факт, что Дмитрий Николаевич считал своего отца «шестидесятником», а брата – революционером, который всегда уважал человеческое достоинство матросов. Возможно, младший брат, который всю свою жизнь занимался восстановлением обстоятельств жизни и гибели Алексея Николаевича, немного преувеличил «революционность» своего старшего брата, но доля истины в этом, конечно же, есть.

Хочется упомянуть ещё об одном Алексее из семьи Жоховых, Алексее Дмитриевиче, внуке Николая Фёдоровича. Он был назван в честь своего дяди, которого никогда не видел (дяди уже 14 лет

не было на свете), но который всегда был для него «путеводной звездой». Так же, как и дядя, Алексей Дмитриевич связал свою жизнь с морской службой, а сейчас занимается организацией в Костроме Музея морской славы. В мае 2010 г. Алексей Дмитриевич впервые побывал у нас в гостях и был приятно удивлён, увидев книги своего деда. На память о своём посещении он подарил нам фотоальбом об Арктике, подписав его всё тем же «жоховским» почерком, свойственным трём поколениям этой замечательной семьи.

Приложение 9

О судьбе Костромского университета

Эта статья, опубликованная в газете «Красный мир» 7 сентября 1921 г., – рассказ о собрании, состоявшемся в университете 3 сентября 1921 г., и о попытках отстоять Костромской университет.

На днях было получено распоряжение коллегии Наркомпроса о преобразовании Костромского университета в Высший Педагогический институт академического толка с оставлением при нём рабочего факультета с полными правами рабочих факультетов при университетах и с предложением ввиду этого раскассировать по университетам других городов тех студентов-медиков, у которых сданы зачёты.

Таким образом медицинский факультет упраздняется совершенно, а факультеты естественный и общественных наук с соответствующим преобразованием в постановке дела вливаются в педагогический факультет, который, реорганизуясь в самостоятельный педагогический институт, и будет представлять собой высшее академическое учебное заведение, предназначенное для создания высококвалифицированных работников педагогического труда.

В целях приближения к требованиям текущей жизни в числе циклов 2–3 годов обучения, наряду с существовавшими и в ходе университетской работы: физико-математическим, биолого-географическим, социально-историческим, художественно-литературным, должен быть создан новый цикл – технологический.

Получение такого распоряжения в самый разгар приёма слушателей в университет на существующие факультеты и перед самым началом занятий, когда съехались почти все профессора, преподаватели, студенты и студентки для научной работы в предстоящий академический сезон, поставило в недоумение всю ту массу лиц, сплотившихся на общей дружной научно-практической работе в Костромском университете, обещавшей с наступающего сезона стать уже сознательной и значительной государственной работой.

Инициативной группой во главе с ректором университета профессором Ф. А. Меньковым 3 сентября было устроено совещание студентов-медиков и естественников для оповещения их о полученном

распоряжении и для обсуждения создавшегося положения. В совещании приняли участие председатель губисполкома А. И. Муравьев, член ВЦИК Н. П. Растопчин, представители профессиональных союзов Всеработкомлес Н. Н. Богданов и Всемедиксантруд Гурылёв и Борисов, заведующий рабочим факультетом В. И. Лавров, комиссар медицинского факультета т. Топчан, профессора, преподаватели и студенчество, заполнившее весь «белый зал» университета.

Речь Ф. А. Менькова

Открыв собрание, председатель его, ректор Ф. А. Меньков в кратких чертах осветил положение дела, коснувшись прошлого, настоящего и перспектив на будущее.

Университет, учреждённый в ноябре 1918 г. в память Октябрьской революции 1917 г., пережил 3 этапа: в первый академический год в студенты записалась вся Кострома, все ходили слушать, но никто не занимался; во второй год волна схлынула – слушателей было мало, и они также мало занимались; в минувший третий учебный сезон слушателей стало больше, составился постоянный кадр профессорских и преподавательских сил, возникло давно жданное Костромой младшее отделение медицинского факультета и сильно продвинулось вперёд дело обеспечения университетского образования соответствующим материальным оборудованием.

Как раз теперь наступил момент, когда можно сказать, что Костромской государственный рабоче-крестьянский университет стал вполне на ноги и мог заслуженно носить имя государственного учреждения. Число студентов дошло до 1 800. Работоспособность студенчества уже к концу прошлого семестра дала значительный коэффициент, который теперь обещал повыситься.

Преобразование университета в педагогический институт, по мнению ректора, должно значительно понизить работу его как высшего учебного заведения.

Должны будут уйти все медики за упразднением медицинского факультета, а также больше $\frac{3}{4}$ естественников из числа тех, которые не склонны посвятить себя в будущем педагогической деятельности и подготовлявших себя к агрономической, сельскохозяйственной, химикотехнической и тому подобной работе.

Убыль $\frac{3}{4}$ студенчества в высшей степени ощутительна для молодого учебного заведения и знаменует собой понижение общегосударственной культурной работы.

Чем вызвано такое распоряжение?

По мнению ректора причинами не могут быть ни недостаток государственных средств, потому что содержание педагогического института такого типа, который намечен, потребует не меньше средств, ни признание неудовлетворительности работы университета, потому что никаких обследований, ни ревизий, ни замечаний из центра не было, ни недостаточная защита интересов костромичей, так как, когда возникли ещё весной слухи о возможном закрытии университета, из Костромы ездили представители университета и сам ректор с докладами и цифровыми данными о работе университета, которая была признана удовлетворительной, и было дано обещание не преобразовывать университета без предварительного обследования его работы на месте.

Очевидно, причиной распоряжения послужило то, что Кострома, по своему географическому положению находящаяся между двумя более крупными губернскими городами Ярославлем и Нижним Новгородом, по общему государственному плану о расположении на территории РСФСР высших учебных заведений попала в число городов, где должен быть не университет, а академический педагогический институт.

Эта теоретическая предпосылка и недостаточная информация о громадном поступлении прошений о приёме в университет, дошедшее до 1 200, а также и о тесной связи поступающих в университет с Костромой, вызвали распоряжение коллегии Наркомпроса.

Ректор напоминает, однако, что в память Октябрьской революции 1917 г. декретом Совнаркома в Костроме был учреждён рабоче-крестьянский университет, а не какое-либо другое учебное заведение и декретом же только он может быть и упразднён, а пока этого декрета нет, есть путь ходатайств перед высшими учреждениями республики, перед Наркомпросом, Совнаркомом и ВЦИК о пересмотре решения, проистекшего из теоретической схемы – географической сетки распределения по городам республики высших учебных заведений.

Прения

В развернувшихся затем прениях вопрос о создавшемся для слушателей Костромского университета положении и путях выхода из него подвергся подробному и всестороннему обсуждению, приведшему к единодушному решению всеми мерами отстаивать существование в Костроме именно университета и, в особенности, медицинского факультета.

Председатель губисполкома А. И. Муравьев высказался в том смысле, что в настоящее время когда значительная часть интеллигентных сил уехала за границу и республика испытывает острый недостаток в высококвалифицированных работниках, всеми мерами необходимо поддержание тех учреждений, которые призваны дать государству таких работников, которые бы вполне заменили происшедшую убыль.

Губернские съезды Советов просили об учреждении в Костроме университета, предварительно всесторонне изучив местные условия, учтя местные потребности, и университет был создан.

Наиболее острой за последние годы была потребность во врачах; она и остаётся. Медицинский факультет оборудован, по общему признанию, удовлетворительно, и с точки зрения губисполкома крайне желательно его сохранение, о чём необходимо возбуждение ходатайства, которое и будет сделано губисполкомом.

Член ВЦИК Н. П. Раstopчин высказывается также за сохранение в Костроме университета, но рекомендует при ходатайстве не только выдвигать местные потребности, но стать на точку зрения государственных ресурсов для достижения цели государственного значения.

Ведь университет в Костроме не упраздняется, а преобразуется в высшее учебное заведение другого типа. Но оно будет стоить государству не дешевле, а, наоборот, сразу вызовет новые расходы на приспособление его к новым задачам и на дооборудование. Это невыгодно и неэкономично, так как число учащихся в то же время уменьшится. Рациональнее дать возможность получить образование наибольшему числу лиц без дополнительной затраты государственных ресурсов, что будет достигнуто сохранением университета в его настоящей структуре.

Представитель профсоюза Всемедикосантруд т. Борисов горячо высказывается за возбуждение ходатайства о сохранении медицинского факультета, в хлопотах об открытии которого в Костроме так много усилий было положено союзом, ближе всего чувствующим недостаточность медперсонала и призванного заботиться в качестве производственного союза о росте медицинского образования. Он сообщает справку, что только на днях произведено распределение по медицинским факультетам других городов на предоставленные десятки мест тех студентов, которые пожелали туда перевестись, и неудовлетворенных ходатайств студентов осталось около 250. Московские и петроградские медицинские факультеты переполнены. Вряд ли все те студенты, которые должны быть при

закрытии медфакультета в Костроме раскомандированы по другим городам, смогут в этом же учебном году попасть куда-либо, и если попадут, то куда-нибудь очень далеко, например, в Томск, куда многие и не смогут поехать.

Борисов предлагает ходатайствовать о сохранении медфакультета в Костроме перед наркомом здравоохранения Н. А. Семашко.

Несколько студентов и студенток указывают, что мечтой их было получить высшее образование, что из-за материальной необеспеченности раньше они не могли его получить, так как за ним надо было ехать в столицы и что теперь они в полном недоумении оттого, что советская рабоче-крестьянская власть, давшая им возможность начать высшее образование, не даёт его окончить, так как поехать куда бы то ни было из Костромы громадное большинство студенчества теперь не может и будет обречено на полное крушение своих планов.

Комиссар медфакультета т. Топчан высказывается за избрание делегации для немедленной поездки в Москву для хлопот об отмене решения коллегии Наркомпроса и об оставлении в Костроме университета.

Затем принимается единодушно всем собранием

резюция:

«Общее собрание студентов медиков и естественников Костромского государственного рабоче-крестьянского университета при 500 присутствовавших, заслушав сообщение ректора университета профессора Менькова о том, что постановлением коллегии Наркомпроса Костромской государственный университет решено реорганизовать в педагогический институт, что же касается студентов-медиков и естественников, которые не пожелают поступить в педагогический институт, то они могут быть развёрстаны в соответствующие факультеты других городов, – констатирует, что решение Наркомпроса ввиду резкого продовольственного и топливного кризиса в крупных городах ставит в весьма тяжёлое положение около 1000 студентов Костромского университета, констатируя также, что Костромским университетом преподавание на первых двух курсах медфакультета и первых трёх курсах естественного факультета обеспечено удовлетворительно, – постановляет принять все меры к тому, чтобы дать возможность студентам – медикам и естественникам – продолжать образование в своём городе. В этих целях собрание находит необходимым:

1. Отправить телеграммы: председателю Совнаркома т. Ленину, председателю Малого Совнаркома т. Киселеву, наркому просвещения

т. Луначарскому, наркому здравоохранения т. Семашко и заведующему Главпрофобром т. Преображенскому с просьбой оставить университет в Костроме и тем дать возможность продолжать образование.

2. Послать делегацию от собрания, чтобы лично поддержать ходатайство об оставлении в Костроме университета.

3. Просить Костромской губисполком и губпартком согласно постановлениям двух последних губернских съездов принять меры к отстаиванию университета в Костроме посылкой делегации и телеграмм в центр.

4. Послать телеграммы т.т. Бидерман и Языкову, принимавшим деятельное участие в организации университета, с просьбой оказать дальнейшее содействие в деле сохранения университета в Костроме.

5. Обратиться к присутствующему в собрании члену ВЦИК Николаю Петровичу Растопчину оказать всяческое содействие в деле разрешения в положительном смысле вопроса об оставлении в Костроме университета».

Собранием избирается группа уполномоченных из 6 лиц с участием в ней комиссара медфакультета т. Топчана для ведения дела отстаивания существования Костромского университета. Ей поручается наметить двух лиц в состав губернской делегации.

Н. П. Растопчин в заключение подтвердил свою готовность помочь в Москве делегации в её хлопотах и поддержать её ходатайство.

С. Т.

Приложение 10

Доклад делегации о Костромском университете

Заметка из газеты «Красный мир» (7 октября 1921 г.) – продолжение рассказа о попытках костромичей в Москве отстаивать свой университет.

На днях в университете состоялось собрание студентов, профессоров и преподавателей, на котором делегацией от губисполкома, губкома и университета были сделаны доклады о результатах поездки в Москву для хлопот о сохранении в Костроме университета и, в частности, медицинского факультета.

Делегация в Москве посетила ряд учреждений и лиц, от которых мог зависеть пересмотр вопроса. В результате этих посещений выяснилось, что Костромской университет решено было преобразовать как не входящий в общегосударственную сетку университетов, как возникший самостийно, по решению местных властей и ввиду того, что в настоящее время возникло очень много высших учебных заведений, в частности медицинских факультетов, на содержание которых не хватает государственных средств. Ходатайство делегации о медфакультете перед Наркомздравом было поддержано представителем союза «Всемирный медицинский труд» и т. Бидерман.

Наркомздрав Н. А. Семашко, ознакомившись с работой медфакультета, дал свое согласие на сохранение в Костроме младшего отделения медицинского факультета в составе двух курсов. Вопрос об этом поступил на рассмотрение Малого Совнаркома к его председателю т. Киселеву. Вопрос о сохранении естественного факультета стоит ещё более благополучно. За его сохранение с приданием ему практического характера высказывается даже т. Преображенский, и хотя в этом смысле нет ещё постановления Главпрофобра, но за учреждение в Костроме сельскохозяйственного факультета или института высказался его председатель. Собранием была выражена благодарность делегации за её поездку и хлопоты с просьбой продолжать отстаивать для Костромы её хотя и небольшой, но дружно работающий университет.

С. Т.

Приложение 11

Письмо ректора Костромского пединститута В. И. Лаврова профессору В. Ф. Шишмарёву в связи с закрытием института

Это письмо хранится в фонде академика В. Ф. Шишмарёва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 896. Оп. 1. Д. 117. Л. 1). За предоставленную возможность его опубликовать мы приносим благодарность Л. И. Сизинцевой.

Многоуважаемый Владимир Фёдорович,
мой долг уведомить Вас о гибели Костромского педагогического института. Институт, считая годы и университета, из которого он был образован, просуществовал 5 лет. Можно с уверенностью сказать, что институт ликвидирован в связи с сокращением сети высших учебных заведений в России, в тот момент, когда после многих лет большой работы по созданию в Костроме высшего учебного заведения, строго определены его тип и задачи, когда работа в нём шла полным ходом и когда стояли совершенно ясные перспективы его дальнейшего развития.

Я считаю совершенно необходимым отметить, что институт погиб сильным. Это свидетельствуется Главпрофобром и Наркомпросом, давшим о нём исключительно благоприятный отзыв, а также тем отношением, которое встретили наши студенты в высших учебных заведениях Москвы и Петрограда, куда их принимали с зачётом всех предметов и переводом на следующие курсы.

Такому положению институт обязан той исключительно плодотворной и подчас самоотверженной работе педагогического состава Костромского университета и педагогического института, в которой Вы принимали столь деятельное и ценное участие.

С большим удовлетворением сообщаю Вам, что состоявшееся 29 июля 1923 года прощальное общее собрание студентов и служащих института постановило принести Вам глубокую благодарность за всё Вами сделанное по созданию и укреплению в Костроме высшего учебного заведения и за ту научно-педагогическую работу в институте, которая несла с собой свет культуры в пасмурный Костромской край.

15/IX. 1923 г.

Ректор Костромского педагогического института
Лавров

Список сокращений

АРАН СПб. – Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал

БГУ – Белорусский государственный университет

ВГО – Всесоюзное географическое общество

ВГЛК – Высшие государственные литературные курсы

ВИЮН НКЮ – Всесоюзный институт юридических наук наркомата юстиции СССР

ВКВШ – Всесоюзный комитет высшей школы

ВМН – высшая мера наказания

ВНИИОРХ – Всесоюзный научно-исследовательский институт озёрного и речного рыбного хозяйства

ВРИД – временно исполняющий должность

ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ГАКО – Государственный архив Костромской области

ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Тверской области

ГАХН – Государственная академия художественных наук

ГИМ – Государственный исторический музей

ГИТИС – Государственный институт театрального искусства

Главархив – Главное архивное управление

Главпрофобр – Главное управление профессионального образования в составе Наркомпроса РСФСР

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР

Губисполком – губернский исполнительный комитет

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности (структурное подразделение НКВД СССР)

Губполитпросвет – губернский отдел политического просвещения

Запсибкрай – Западно-Сибирский край

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук

ИМЛИ – Институт мировой литературы имени М. Горького

ИНО – Институт народного образования

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога

КГОИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

КГОНУ – Костромское губернское общество народных университетов

КГПИ – Костромской государственный педагогический институт имени Н. А. Некрасова

КГПУ – Костромской государственный педагогический университет имени Н. А. Некрасова

КГРКУ – Костромской государственный рабоче-крестьянский университет

КГТУ – Костромской государственный технологический университет

КНКВД – Коллегия Народного комиссариата внутренних дел

КНО – Костромское научное общество по изучению местного края

КОИПКРО – Костромской областной институт повышения квалификации работников образования

КОУНБ – Костромская областная универсальная научная библиотека

КПИ – Костромской педагогический институт

ССП – Союз советских писателей

Крайунху – краевое управление народно-хозяйственного учёта

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МАРХИ – Московский архитектурный институт

МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

МИФЛИ (ИФЛИ) – Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского

МОИП – Московское общество испытателей природы

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКЗдрав – Народный комиссариат здравоохранения

ОНО – отдел народного образования

ОПИ – отдел письменных источников

ОСО – Особое совещание

Помполит – Комитет помощи политическим заключённым

РАХН – Российская академия художественных наук

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГБ – Российская государственная библиотека

РГБИ – Российская государственная библиотека искусств

РГО – Российское географическое общество

РНБ – Российская национальная библиотека

СОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук

СНК РСФСР – Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Совдеп – совет депутатов

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ТьГУ – Тверской государственный университет

ФОН – факультет общественных наук

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЯГПИ – Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского

ЯГПУ – Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского

ЯрГУ – Ярославский государственный университет

Содержание

От автора	5
-----------------	---

РОЖДЁННЫЙ НА ВОЛНЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭНТУЗИАЗМА

С 300-летия дома Романовых до годовщины Октябрьской революции	9
От народного университета – к государственному	16
Полтора месяца напряжённой подготовки	26
Пассажиры «профессорского» вагона.....	34
«В студенты записалась вся Кострома...».....	40
Университет начинается с библиотеки.....	51
Новые факультеты и новые трудности.....	58
Университет и новая власть	66
Жизнь студенческая.....	70
«Несогласие с общей финансовой политикой».....	78
Свой след в костромской жизни.....	84
Примечания	87
Литература	97

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Профессора, преподаватели, сотрудники	101
Александр Иванович АНИСИМОВ	101
Константин Петрович АРЖЕНИКОВ.....	105

Александр Сергеевич АХМАНОВ	113
Иван Михайлович БОГДАНОВ	118
Алексей Александрович БОЛОТНИКОВ.....	123
Сергей Михайлович БОНДИ.....	131
Георгий Карлович ВЕБЕР.....	146
Борис Николаевич ВИШНЕВСКИЙ.....	150
Николай Иванович ВОРОБЬЁВ	155
Александр Константинович ВЯЖЛИНСКИЙ.....	160
Александр Георгиевич ГАБРИЧЕВСКИЙ	165
Николай Гаврилович ГОРОДЕНСКИЙ	171
Александр Иосифович ГОРСКИЙ	179
Борис Самуилович ГРЕЗЕ.....	183
Павел Никодимович ГРУЗДЕВ.....	189
Николай Михайлович ДРУЖИНИН	195
Александр Сергеевич ДУРНОВО	200
Евгений Фёдорович ДЮБЮК	202
Геннадий Геннадьевич ЕРЁМИН	207
Анатолий Эсперович ЖАДОВСКИЙ.....	213
Александр Васильевич ЗНАМЕНСКИЙ.....	219
Александр Филаретович ИЗЮМОВ	224
Евгений Александрович КАТЕНИН.....	232
Михаил Иванович КОВАЛЕВСКИЙ	235
Владимир Николаевич КУН.....	242
Владимир Иванович ЛАВРОВ	248
Матвей Кузьмич ЛЮБАВСКИЙ	252
Фёдор Алексеевич МЕНЬКОВ	256
Александр Васильевич МИХАЙЛОВ.....	260
Владимир Карлович МЮЛЛЕР.....	263

Алексей Иванович НЕКРАСОВ.....	269
Юрий Петрович НОВИЦКИЙ	279
Александр Сергеевич ОРЛОВ.....	288
Пётр Петрович ПЕРЦОВ.....	292
Михаил Александрович ПЕТРОВСКИЙ	297
Фёдор Александрович ПЕТРОВСКИЙ	301
Николай Иванович РАДЦИГ	306
Сергей Иванович РАДЦИГ	310
Борис Александрович РОМАНОВ.....	314
Александр Ливериевич САККЕТТИ.....	319
Владимир Сергеевич СЕРГЕЕВ	324
Ефим Еремеевич СИРОТИН.....	330
Борис Марианович СЛАВОЧИНСКИЙ	337
Борис Матвеевич СОКОЛОВ.....	343
Михаил Иванович СОКОЛОВ	348
Сергей Иванович ТРУХИН.....	353
Борис Алексеевич ФЛОРИНСКИЙ.....	358
Александр Александрович ФОМИН	362
Сергей Васильевич ФРЯЗИНОВ.....	369
Николай Сергеевич ЦЕМШ	378
Ефим Михайлович ЧЕПУРКОВСКИЙ.....	385
Сергей Константинович ШАМБИНАГО	390
Владимир Фёдорович ШИШМАРЁВ	394
Студенты.....	403
Николай Капитонович ДРУЖИНИН	403
Лидия Сергеевна КИТИЦЫНА.....	406
Мария Ивановна КОМИССАРОВА	411

Вячеслав Алексеевич ЛЕБЕДЕВ.....	416
Иван Васильевич МЕШАЛИН.....	420
Александр Сергеевич НИФОНТОВ.....	425
Елена Михайловна ПОЛЯНСКАЯ.....	430
Елизавета Павловна СЛОБОДСКАЯ.....	433

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Резолюция VI губернского съезда Советов «Об открытии университета в Костроме».....	439
2. Декрет Совета народных комиссаров об учреждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты бывших Демидовского юридического лицея в Ярославле и педагогического института в Самаре.....	440
3. Письмо С. В. Фрязинова А. Н. Савину.....	441
4. Н. М. Дружинин. Воспоминания о Костромском университете (1920–1922 гг.).....	446
5. Костромские страницы из дневника Н. М. Дружинина.....	456
6. А. С. Нифонтов. <Университет в Костроме>.....	468
7. Из воспоминаний Л. С. Кितिцыной.....	473
8. И. Г. Баженова. Библиотека Николая Фёдоровича Жохова.....	479
9. О судьбе Костромского университета.....	485
10. Доклад делегации о Костромском университете.....	491
11. Письмо ректора Костромского пединститута В. И. Лаврова профессору В. Ф. Шишмарёву в связи с закрытием института....	492
С п и с о к с о к р а щ е н и й.....	493

Научно-популярное издание

Сморчков Владимир Константинович

**ПЕРВЫЙ КОСТРОМСКОЙ ВУЗ:
ВРЕМЯ, ЛЮДИ, СУДЬБЫ**

Редакторы:

Н. А. Невская, Г. Д. Неганова,
Т. В. Горлова, И. П. Верба

Компьютерная верстка
И. М. Ивановой

Подписано в печать 22.10.2013

Формат 60x90/16

Тираж 300 экз.

Уч.-изд. л. 28,0

Изд. № 90

Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14